

СИЁСАТИ ҚИНОЯТӢ ДАР ҶОДАИ ТАМОҶУЛҲОИ МУОСИРИ ҶАҲОНИ

*Маводи конференсия байналмилалӣ илмӣ-амалӣ
бахшида ба 20-солагии Кодекси қиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон
(ш. Душанбе, 25 майи соли 2018)*

«УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ»

*Материалы международной научно-практической конференции
в честь 20-летия Уголовного кодекса
Республики Таджикистан
(г. Душанбе, 25 мая 2018 года)*

**ВАЗОРАТИ КОРҲОИ ДОХИЛИИ
ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН
АКАДЕМИЯ**

**МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
АКАДЕМИЯ**

**ТАФТИШОТИ ПЕШАКӢ
ВА ДУРНАМОИ ИНКИШОФИ ОН**

**Маводи конференсияи байналмилалии илмӣ-амалӣ
(ш. Душанбе, 07 апрели соли 2018)**

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ**

**Материалы международной научно-практической конференции
(г. Душанбе, 07 апреля 2018 года)**

Душанбе
«ЭР-граф»
2018

УЗВИ ҲАЙАТИ ТАҲРИРИЯ:
ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

ЮЛДОШЕВ Р.Р. – сардори шуъбаи адъюнктураи Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсент, подполковники милитсия (начальник отдела адъюнктуры Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции);

ТОШЕВ А.М. – сардори шуъбаи ташкилӣ-илмӣ ва таъбу нашри Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқ, подполковники милитсия (начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, подполковник милиции);

АРИПОВ А.Л. – сардори кафедраи мурофиаи ҷиноятӣ факултети № 2 Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, н.и.х., подполковники милитсия (начальник кафедры уголовного процесса факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, к.ю.н., подполковник милиции);

КАРИМОВА Л.М. – сарнозир оид ба робитаҳои байналмилалӣ Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, подполковники милитсия (главный инспектор по международным связям Академии МВД Республики Таджикистан, подполковник милиции).

Тафтишоти пешакӣ ва дурнамои инкишофи он : маводи конференсияи байналмилалӣ илмӣ-амалӣ // зери назари умумии н.и.х., дотсент Ф.Р. Шарифзода. – Душанбе : «ЭР-граф», 2018. – 248 с.

Предварительное расследование и перспективы его развития : материалы международной научно-практической конференции // под общей редакцией к.ю.н., доцента Ф.Р. Шарифзода. – Душанбе : «ЭР-граф», 2018. – 248 с.

Дар маводи конференсияи байналмилалӣ илмӣ-амалӣ суҳанҳои ифтиҳоҳӣ, маърузаҳо ва мақолаҳои илмӣ олимони варзидаи ҷумҳурӣ ва дигар давлатҳои аъзои ИДМ оид ба проблемаҳои актуалии илм ва амалияи мурофиаи судӣ ҷиноятӣ ҷамъоварӣ гардидаанд.

Ақидаи ҳайати таҳририя метавонад ба нуқтаи назари муаллифони мақолаҳо мувофиқ наояд. Барои мазмуни мақолаҳо ва маълумотҳои саҳеҳ муаллифонашон масъул мебошанд. Мақолаҳо дар таҳрири муаллифон наир карда мешавад. Ҳангоми пурра ё қисман чоп ё бо ҳар тарз истифода бурдани мавод, истинод ба сарчашма, муаллиф ва шумора ҳатмист.

В данном сборнике материалов международной научно-практической конференции представлены приветственные слова, выступления, научные статьи и доклады ведущих отечественных и других ученых государств-участников СНГ по актуальным проблемам науки и практики уголовного судопроизводства.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. Статьи публикуются в авторской редакции. При полной или частичной перепечатке или воспроизведении любым способом ссылка на источник обязательна.

ISBN 978-99975-69-26-4

ББК 67.99 (2) 93

© Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, 2018.
© Академияи МВД Республики Таджикистан, 2018.

МУНДАРИЧА СОДЕРЖАНИЕ

<i>Программа конференции</i>	6
<i>Раҳимзода Р.Ҳ.</i> Сухани ифтитоҳӣ	11
<i>Салимзода Ш.О.</i> Сухани ифтитоҳӣ	14
<i>Шарифзода Ф.Р.</i> Сухани ифтитоҳӣ	18
<i>Маҳмадализода А.М.</i> Сухани ифтитоҳӣ	20
<i>Абдуллина С.Х.</i> Проблемы преодоления противодействия в ходе досудебного расследования	26
<i>Алескеров В.И., Колокольчикова О.Н.</i> Актуальные вопросы, возникающие в ходе раскрытия преступлений экстремистской и террористической направленности, совершаемых с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации	33
<i>Алехин Д.В.</i> Использование информации абонентских устройств сотовой связи при расследовании преступлений, связанных с безвестным исчезновением людей	40
<i>Бобоҷонов Н.М., Алиева П.Ҳ.</i> Истифодаи донишҳои махсус дар пешбурди парвандаҳои ҷиноятӣ. Муаммо ва дурнамои он	43
<i>Бисембиев Т.Ш., Киюбек А.Ж.</i> Законодательные аспекты исполнительного производства в Республике Казахстан	45
<i>Брянская Е.В.</i> Особенности предварительного расследования и собирания доказательств по уголовным делам в отношении несовершеннолетних	49
<i>Булай Ю.Г., Попушой Д.П.</i> Сравнительный анализ актуальных аспектов предварительного расследования в Российской Федерации и уголовного преследования в Республике Молдова	53
<i>Гаврилов Б.Я.</i> Сокращенное дознание в российском уголовном судопроизводстве	59
<i>Гизатов С.Б.</i> Проблемы, связанные с осуществлением деятельности правоохранительных и специальных органов в условиях применения новых УК и УПК	64
<i>Гладышева О.В.</i> Проблемы реализации идеи справедливости в деятельности органов предварительного расследования	69
<i>Гришин А.В.</i> Реализация уголовно-процессуальной политики в сфере экономической деятельности в Российской Федерации	75
<i>Гусева И.И., Зубков В.Н.</i> Мировое соглашение в уголовном судопроизводстве	83
<i>Диденко В.И., Шарипов М.Н.</i> Процессуальные предпосылки повышения эффективности предварительного следствия	87
<i>Диденко В.И., Эшонов Д.А.</i> Сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан в сфере дознания как формы предварительного расследования	93
<i>Добровлянина О.</i> О целесообразности предварительного судебного контроля над производством следственных действий	96

Долгинов С.Д. Информационное обеспечение следственной деятельности: возможности и реальность	100
Иброхимзода И.С. Теоретико-правовые основы функции прокурора в уголовном процессе	108
Кабирзода Г.К. Вопросы уголовного судопроизводства домашнего насилия и защита прав потерпевших	112
Казарина М.И. К вопросу об отграничении независимости судей и их самостоятельности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации	117
Канищева О.И. К вопросу о субъекте выдвижения криминалистических версий при расследовании экономических преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства России	121
Кардашевская М.В. Эмпирический метод познания предварительного расследования как основа для его дальнейшего развития	125
Kiyubek A.Z. To save minors from destructive religious influences	132
Кожевников О.А. Об организации предварительного следствия в Российской Федерации	134
Маматкулов А.А. Проблемы совершенствования процессуального положения потерпевшего в сфере уголовного судопроизводства	142
Муллобоев М.Р., Юнусова М.Т. Мавқеи ҳуқуқии шахси холис дар Кодекси муҳофизати ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон	145
Мухитдинов А.А. Становление и развитие института следователя в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан	148
Низаева С.Р. О некоторых видах судебных экспертиз, назначаемых при расследовании мошенничества в сфере жилищно-правовых отношений	155
Нуркаева М.К. Пути развития российского института возвращения судом уголовного дела прокурору	158
Парфенов А.А. К вопросу о сущности и задачах технико-криминалистического обеспечения поисково-исследовательской деятельности на месте происшествия в Республике Таджикистан	163
Парфенов А.А. Особенности выявления и изъятия средов рук на липких, клеящихся и влажных поверхностях при производстве осмотра места происшествия	174
Пасовец Е.Ю. Правовые проблемы международного взаимодействия при расследовании преступлений, связанных с пожарами	178
Патрелюк Д.А. Определение момента возникновения противодействия уголовному преследованию	180
Раджабов А.С. К вопросу о формировании единого следственного органа на примере Российской Федерации	183
Репин М.Е., Кошелева Е.Е. Тактические и методические особенности проведения предварительной проверки по сообщению о даче взятки	188
Садонишов Д. Принцип презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве	191

Саидзода З.С. Мушкилоти мустақилияти муҳофизати муфаттиш аз рӯи амалҳои тафтишотие, ки бо иҷозати суд иҷро мегарданд	194
Самиев Н.М. Некоторые проблемы расследования нераскрытых преступлений прошлых лет в Таджикистане	197
Свидерский О.А. Использование следов биологического происхождения в раскрытии и расследовании преступлений, совершенных лицами, отбывающими уголовное наказание	199
Сейтенов А.Ж. Факты терроризма и иных насильственных проявлений экстремизма, проблемы, причины и источники финансирования	204
Семенов В.А. Процессуальные способы и формы собирания доказательств по УПК Республики Таджикистан	209
Славгородская О.А. Допрос свидетеля в структуре предварительного расследования	214
Татьянина Л.Г., Лукомская А.С. Реализация права потерпевшего пользоваться помощью переводчика бесплатно в стадии предварительного расследования	219
Фетищева Л.М. Эффективность новой уголовно-процессуальной политики на примере мер процессуального принуждения в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность	222
Чаплыгина В.Н., Халимов А.И. Домашний арест: сравнительно-правовой анализ положений уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан	225
Шафизода Р.И., Арипов А.Л. Мухлати пешбурди таҳқиқ	230
Янчик В.Д. Опыт Республики Беларусь в становлении и развитии взаимодействия в ходе предварительного расследования органа дознания МВД, Следственного комитета и Государственного комитета судебных экспертиз Беларуси	233
Юлдошев Р.Р. Предварительное расследование в Таджикистане и перспективы его развития	237
Резолюция конференции	244
Список участников	246

**ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН
ВАЗОРАТИ ҚОРҶОИ ДОҲИЛӢ
АКАДЕМИЯ**

БАРНОМАИ

**конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ
дар мавзӯи**

**«ТАФТИШОТИ ПЕШАКӢ
ВА ДУРНАМОИ ИНКИШОФИ ОН»**

**конференсияи байналмилалии илмӣ-амалӣ
(Душанбе, 07 апрели соли 2018)**

Душанбе - 2018

08.00 – 08.50 Бақайдгирӣ ва шиносоии иштирокчиёни конференсия бо бинои нави Академия

Вакт:	
<p style="text-align: center;">Кушодашавии конференсия:</p> <p>ШАРИФЗОДА Файзалӣ Раҳмоналӣ – сардори Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсент, генерал-майори милитсия</p>	<p>09.00 – 09.15</p>
<p>Сухани ифтитоҳӣ</p> <p>РАҲИМЗОДА Рамазон Ҳамро - Вазири корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқ, Ҳуқуқшиноси шоистаи Тоҷикистон, генерал-полковники милитсия</p>	
<p style="text-align: center;">Маърузаи 1: «Ислоҳоти кодекси муҳофизати ҷиноятӣ дар даври истиқлолият»</p> <p>Маърузачӣ:</p> <p>САЛИМЗОДА Шерхон Одина – Директори Агентии назорати маводи нашъаовари назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, генерал-лейтенанти адлия</p>	<p>09.30 – 09.45</p>
<p>Муҳокима ва ҷамъбасти маъруза</p>	
<p>Аксбардории хотиравӣ</p>	
<p style="text-align: center;">Маърузаи 2:</p> <p>«Сравнительный анализ органов расследования по УПК Республики Узбекистан и Республики Таджикистан»</p> <p>Маърузачӣ:</p> <p>ФАЙЗИЕВ Шохруд Фарманович – дотсенти кафедраи муҳофизати ҷиноятӣ Донишгоҳи давлатии Тошканд, номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсент</p>	<p>10.00 – 10.15</p>

Муҳокима ва чамъбасти маъруза	
<p align="center">Маърузаи 3:</p> <p align="center">«Зарурати ислохот дар мақомоти тафтишот ва ворид намудани тағйиру иловаҳо ба КМЧ»</p> <p>Маърузачӣ:</p> <p>МАҲМАДАЛИЗОДА Алишер Махмадали – сардори Раёсати тафтишотии ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, полковники милитсия</p>	10.15 – 10.30
Муҳокима ва чамъбасти маъруза	
<p align="center">Маърузаи 4:</p> <p align="center">«Проблемаҳои назорати судӣ дар тафтишоти пешакӣ»</p> <p>Маърузачӣ:</p> <p>МУРОДЗОДА Бобокалон Рачаб – Раиси Коллегии судӣ оид ба парвандаҳои ҳуқуқвайронкунии маъмурии Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон</p>	10.30 – 10.45
Муҳокима ва чамъбасти маъруза	
<p align="center">Маърузаи 5:</p> <p align="center">«Нақши ҳимоятгар дар тафтишоти пешакӣ»</p> <p>Маърузачӣ:</p> <p>НУРИДДИНОВ Саидбек Ҳасанович – Раиси Иттифоқи адвокатҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон</p>	10.45 – 11.00
Муҳокима ва чамъбасти маъруза	
<p align="center">Маърузаи 6:</p> <p align="center">«Масъалаи муҳлати пешбурди таҳқиқ»</p> <p>Маърузачӣ:</p> <p>ШАФИЗОДА Рустам Исмоил – сардори Раёсати таҳқиқи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, генерал-майори милитсия</p>	11.00 – 11.15

Муҳокима ва чамъбасти маъруза	
<p style="text-align: center;">Маърузаи 7:</p> <p style="text-align: center;">«Тобеияти тафтишотӣ ё тафтишӣ: моҳият, намуд, хадди татбиқ, муҳимият ва оқибат»</p> <p>Маърузачӣ:</p> <p>ИСКАНДАРОВ Зайниддин Ҳамидович – профессори кафедраи ҳуқуқи судӣ ва назорати прокурории факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, д.и.х., профессор</p>	11.15 – 11.30
Муҳокима ва чамъбасти маъруза	
<p style="text-align: center;">Маърузаи 8:</p> <p style="text-align: center;">«Мушкилоти бандубаст ва тафтиши ҷинояти ҳаракати зӯрварии дорои хусусияти шахвонӣ»</p> <p>Маърузачӣ:</p> <p>РАУФОВ Фаррух Халилович – муовини сардори Раёсати назорати тафтишоти пешакии мақомоти Прокуратураи генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон</p>	11.30 – 11.45
Муҳокима ва чамъбасти маъруза	
<p style="text-align: center;">Маърузаи 9:</p> <p style="text-align: center;">«Становление и развитие института следователей»</p> <p>Маърузачӣ:</p> <p>МУҲИТДИНОВ Алишер Абдувоҳидович – дотсенти кафедраи ҳуқуқи судӣ ва назорати прокурории Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Ҷумҳурии Тоҷикистон, н.и.х., дотсент</p>	11.45 – 12.00
Муҳокима ва чамъбасти маъруза	
<p style="text-align: center;">Маърузаи 10:</p> <p style="text-align: center;">«К вопросу формирования единого следственного органа на примере Российской Федерации»</p>	12.00 – 12.15

<p><u>Маърӯзачӣ:</u></p> <p>РАҶАБОВ Абдулмачид Самадович – сардори кафедраи фанҳои ҳуқуқии Мактаби олии КДАМ Ҷумҳурии Тоҷикистон, полковники адлия</p>	
<p>Муҳокима ва ҷамъбасти маърӯза</p>	
<p style="text-align: center;">Маърӯзаи 11:</p> <p style="text-align: center;">«Проблемы расследования нераскрытых преступлений в Республики Таджикистан»</p> <p><u>Маърӯзачӣ:</u></p> <p>САМИЕВ Назар Мурадович – сардори факултети №6 Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, н.и.х., полковники милитсия</p>	<p>12.15 – 12.30</p>
<p>Муҳокима ва ҷамъбасти маърӯза</p>	
<p>Муҳокима ва баррасии тавсияҳои конференсия. Ҷамъбасти натиҷаҳои кори конференсия.</p>	<p>12.30-12.50</p>

СУХАНИ ИФТИТОҲИИ

**Вазири корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон,
номзади илмҳои ҳуқуқ, Ҳуқуқшиноси шоистаи Тоҷикистон,
генерал-полковники милитсия Раҳимзода Рамазон Ҳамро**

Мухтарам меҳмонон, ҳозирини гиромӣ!

Имрӯз мо дар шароите зиндагӣ мекунем, ки баъди талошу кӯшишҳои зиёд, тахти сиёсати хирадмандона ва бунёдкоронаи Асосгузори сулҳу Ваҳдати миллӣ, Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, мухтарам Эмомалӣ Раҳмон, ба як давлати мустақил ва бонуфуз дар арсаи ҷаҳонӣ соҳиб гардидем.

Сол аз сол боло рафтани иқтисодии давлату Ҳукумат, беҳтар гардидани шароити зиндагии мардум ва авҷи тараққиёти иқтисодии саноат, ба беҳдошти шароити моддӣ-маишӣ ва хизматрасонии кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ мусоидат намуда, тамоми имкониятҳо барои хизмат фароҳам оварда шудаанд.

Мубориза бар зидди ҷинояткорӣ яке аз самтҳои афзалиятноки давлат ба ҳисоб рафта, бе таъмини амну суботи кишвар рушди соҳаҳои муҳими давлат ғайримеҳнат аст.

Мо шоҳиди он ҳастем, ки дар замони муосир роҳи усулҳои содиршавии ҷиноят куллан тағйир ёфта, он бо дарназардошти ҷараёнҳои гирифтани равандаҳои ҷаҳонишавӣ, таҳдидҳои навро ба осудагии ҷамъияту давлат эҷод мекунад.

Дар ин ҷода пурзӯр намудани механизми давлатӣ оид ба мубориза бо ҷинояткорӣ зарур мебошад. Ҳамзамон воситаҳои барои ин фаъолият бояд, ки ба принципҳои фаъолияти давлати ҳуқуқбунёд мувофиқ ва аз нуқтаи назари эҳтироми шаъну шарафи шахс, ба роҳ монда шаванд.

Мақсаднок ва бобарор будани ин ҳадаф бе шубҳа аз пурра, ҳаматарафа ва ҳолисона тафтиш кардани ҳолатҳои ҳар як ҷинояти содиршуда вобастагӣ дорад, зеро дар акси ҳол боварии ҷомеа ба сохторҳои ҳифзи ҳуқуқ коста мегардад.

Амали намудани ин вазифаи пурмасъул ба зиммаи дастгоҳҳои тафтишотии мақомоти ҳифзи ҳуқуқ, аз ҷумла муфаттишон ва таҳқиқбарандагон вогузор карда шудааст.

Бояд тазакур дод, ки нақши фаъолияти тафтиши ҷиноятҳои муҳим буда, аз пешбурди ҳамҷониба, пурра ва ҳолисонаи парвандаи ҷиноятӣ вобастагии зич дорад.

Барои мукамал намудани ин фаъолияти мураккаб ва пурмасъул зарурияти муҳокимаи натиҷаҳои тадқиқоти илмӣ ва таҳлилҳои таҷрибаи амалишавии қонунгузори мурофиавии ҷиноятӣ ба миён омадааст.

Дар ин ҷода меҳостам дастуру супоришҳои Асосгузори сулҳу Ваҳдати миллӣ, Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, мухтарам Эмомалӣ Раҳмонро, ки санаи 13 март соли 2018 дар мулоқот бо кормандони мақомоти прокуратура, дода шуда буданд хотиррасон намоям.

«Вазъи тафтиши парвандаҳои ҷиноятӣ ва назорат аз болои таҳқиқи тафтиш ба талаботи пурра ҷавобгӯӣ набуда, ҳолатҳои кашолкорӣ дар тафтиши парвандаҳо, тафтиши нопурра ва яктарафаи парвандаҳои ҷиноятӣ, бандубасти нодурусти кирдори айбдоршавандагон, набурдани назорати прокурорӣ барои барқарор кардани зарар ва аз тарафи судҳо ба тафтиши иловагӣ баргардонидани парвандаҳои ҷиноятӣ кам нестанд».

Мухтарам ҳозирин.

Ҳолати воқеии мавҷудбуда аз он гувоҳӣ медиҳад, ки сифати тафтишоти пешакӣ қаноатбахш намебошад. Масалан, то ҳол ҳолатҳои зерин мавҷуд мондаанд:

- **бармаҳал оғоз** намудани парвандаҳои ҷиноятӣ;
- **беасос оғоз** намудани парвандаҳои ҷиноятӣ;
- **беасос ба ҷавобгарии ҷиноятӣ** кашидани шахрвандон;
- **беасос тӯл кашидани** тафтиши парвандаҳои ҷиноятӣ;

- пурраву **хаматарафа тафтиш нагардидани** ҳолатҳои ҷиноят, ки боиси ба тафтиши иловагӣ баргардонидани парвандаҳо мегарданд;
- **такрор ба такрор** ба мақомот даъват гардидидани шаҳрвандон;
- **суст ба роҳ мондани** ҳамкориҳои муфаттиш бо мақомоти таҳқиқ;
- қабули **қарорҳои ғайриқонуни** аз ҷониби муфаттишон ва ғайра.

Дигар камбудие, ки дар раванди тафтишот ҷой дорад, ин аз ҷониби муфаттишон зоҳир намудани беҳаракатӣ ва саҳлангорӣ ҳангоми тафтиши парвандаҳои ҷиноятӣ мебошанд, ки аз рӯи ҳодисаи рӯйдода оғоз карда шудаанд (по факту). Дар ин маврид муфаттишон дар ҷараёни тафтишот, ва асосан баъди боздоштани парвандаи ҷиноятӣ, ҷиҳати дарёфти ҷинояткорон қариб, ки ҳаракатҳои заруриро анҷом намедиханд, ё ин ки ба назди кормандони оперативӣ вазифаҳои мушаххасро ҷиҳати дарёфт намудани шахси гунаҳгор намегузоранд ва бо ин раванд роҳбарӣ намекунанд.

Ё ин ки, агар ҷинояткор маълум бошад ҳам ва ӯ аз мақомоти таҳқиқ, тафтиш ва суд пинҳон шуда бошад, муфаттишон қарорро ҷиҳати ба ҷустуҷӯи расмӣ эълон кардани ҷинояткор дер мебароранд. Ин бошад, боиси дер оғоз кардани парвандаи ҷустуҷӯи мегардад.

Чунин кашолкориҳо албатта шароити мусоидаткунандаро барои ба хориҷи кишвар фирор кардани ҷинояткор фароҳам меоварад, ё ин ки боиси содир намудани дигар ҷиноятҳо аз ҷониби ӯ мегардад.

Бо назардошти хусусияти глобалӣ гирифтани ҷинояткорӣ ва хатару таҳдидҳои муосир, ки аз терроризми байналмилалӣ бармеоянд, ин гуна муносибат албатта боиси коҳиш ёфтани натиҷаҳои мубориза бар зидди ҷинояткорӣ мегардад.

Проблемаҳои тафтишот албатта бо ин маҳдуд намегарданд. Масъалан, мушкилиҳои зиёд ҷой доранд, ки бо **муайян намудани номгӯй ва ҷойи молу мулк** аз ҷониби суд мусодирашаванда алоқаманданд.

Ба ҳамагон маълум аст, ки мақсад аз иҷро намудани вазифаи номбаршуда ин пеш аз ҳама таъмин намудани **ҷуброни (талофии) зарари моддие**, ки ба шаҳрвандон, давлат ва ташкилотҳои ҷамъиятӣ бо кирдорҳои ҷинояткоронаи коркардшавандагон расонида шудаанд, ба шумор меравад. Лекин ҷӣ тавре ки маълумоти омӯрӣ шаҳодат медиҳад, зарари моддӣ расонидашуда қисман ҷуброн карда мешавад.

Дар ин замина ман қайд карданиам, ки яке аз **сабабҳои дигари хатогиҳо** дар пешбурди тафтишот, ин нодуруст **ҳуҷҷатноккунӣ** ё нодуруст **истифода** бурдани **натиҷаҳои** фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ дар **мурофияи ҷиноятӣ** ба ҳисоб меравад.

Ҳуҷҷатноккунӣ дар **ФОҶ** бояд бо риоя намудани чунин талабот амалӣ карда шавад, ки он имконияти **истифодаи минбаъдаи** чунин маълумоти ҷамъоваришударо дар **мурофияи оперативӣ-ҷустуҷӯӣ** ва **мурофияи ҷиноятӣ** таъмин карда тавонад.

Аз хотир баровардан даркор нест, ки **мақсади асосӣ ва ниҳони ҳуҷҷатноккунӣ оперативӣ ин дар мурофияи судии ҷиноятӣ истифода бурдани маълумоти воқеӣ**, ки дар ҳуҷҷатҳои оперативӣ дарҷ гардидаанд, ба шумор меравад.

Иттилооти дар ҷараёни амалигардонии **ФОҶ** дастрасшуда минбаъд **бо роҳи барасмиятдарории мурофиявӣ ҳуҷҷатнок** карда мешавад ва он метавонад дар оянда **ба далелҳо мубаддал гардад**.

Бинобар ин, кормандони оперативӣ бояд ба он ноил гарданд, ки ҳуҷҷатҳои оперативӣ-хизмати аз ҷониби онҳо ҷамъоварӣ ва санҷидашуда минбаъд дар ҷараёни **мурофияи ҷиноятӣ** далелҳои судиро ташкил карда тавонанд.

Дар ин ҷода, ҳуҷҷатноккунӣ оперативӣ барои ноил шудан ба **мақсадҳои таъкиби ҷиноятӣ**, ки дар банди 24 моддаи 6 **Кодекси мурофиявии ҷиноятӣ** (КМҶ) Ҷумҳурии Тоҷикистон муқаррар карда шудаанд, равона карда шудааст.

Мухтарам ҳозирин.

Барои бартараф намудани камбудииҳои соҳаи тафтишот, ки он низ, ман боварӣ дорам, инчунин аз камбудииҳои самти фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ вобастагӣ дорад, тамоми мақомоти ҳифзи ҳуқуқи кишвар бояд саъю талош намоянд.

Бартараф намудани чунин камбудиҳо танҳо бо роҳи якҷоя намудани донишҳои назариявӣ (соҳавӣ) ва амалии мақомоти тафтишотӣ имконпазир аст.

Ҳамин тариқ, ҳадаф аз баргузории конференсияи мазкур пеш аз ҳама ин рушд додани илм ва амалияи тафтишотӣ дар Тоҷикистон ва ба даст овардани ҳулоса ва пешниҳодоти илман асоснок оид ба мукамалгардонии қонунгузорӣ ва амалияи ҳуқуқатбиққунии мақомоти тафтишоти пешакӣ мебошад.

Ҳозирини гиромӣ.

Дар фарҷоми сухан ба ҳар яки Шумо саломативу шодкомӣ ва дар корҳоятон муваффақиятҳои беназирро таманно намуда, конференсияи имрӯзаро, ки ба мавзӯи «Тафтишоти пешакӣ ва дурнамои инкишофи он», бахшида шудааст, қушода эълон менамоем.

СУХАНИ ИФТИТОҲИИ

**Директори Агентии назорати маводи нашъаовари назди Президенти
Ҷумҳурии Тоҷикистон генерал-лейтенанти адлия,
қорманди (ҳуқуқшиноси) шоистаи Тоҷикистон
Салимзода Шерхон Одина**

Мухтарам иштирокчиёни Конференсия!

Мухтарам ҳозирин!

Сараввал ба ташкилкунандагони конференсияи илмӣ-амалии мазкур минатдории худро баён менамоем.

Дар воқеъ тафтишоти пешакӣ марҳилаи муҳими мурофиаи ҷиноятӣ ба ҳисоб меравад ва он нақш ва мавқеи хосаи худро дар ҷараёни таъқиби ҷиноятӣ дорад.

Тафтишоти пешакӣ гарчанде “пешакӣ” номида шавад ҳам (дар замони муосир онро тафтиши тосудӣ ҳам меноманд), маҳз дар ҳамин марҳилаи мурофиаи ҷиноятӣ характеру ҳаҷми айби шахси гунаҳкор ва баҳои ҳуқуқии ҷиноят муайян карда мешавад. Ин дар навбати худ, пешакӣ намуд ва андозаи ҷазо, банду бастаи кирдорро ба моддаи муайяни Кодекси ҷиноятӣ, далелҳои таҳлилшаванда ва баинобатгирифташавандаро муайян месозад, ки ба баровардани ҳукми қонунӣ, асоснок ва боадолат мусоидат мекунад.

Дар ягон соҳаи фаъолияти мақомоти ҳокимияти давлатӣ ва идорақунӣ ин қадар қиддӣ ва ҳасос ба ҳуқуқу озодиҳои инсон таъсир расонида намешавад, он қадаре ки дар давраи тафтишоти пешакӣ ва фаъолияти оперативӣ-чустуҷӯӣ.

Аз ин ру меарзад, ки ба хотири тафтишоти пешакӣ, инкишофи он, ба хусус ба хотири Кодекси мурофиавӣ-ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон чунин конференсияҳо ва маҳфилҳо доир намоем, оиди нақш ва мавқеи КМҶ дар низоми ҳуқуқии Тоҷикистон, нақши он дар батанзимдарории фаъолияти мақомотҳои давлатӣ, ба хусус мақомоти ҳифзи ҳуқуқ, дар пешгирӣ ва мубориза бо ҷинояткорӣ ва хусусан дар риоя ва ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон муҳокимарониҳо қунем, дастоварду нуксонҳои онро муайян созем ва боз ҳам баҳри беҳбуд намудан ва такмил додани он ҷораҳои амалӣ андешем.

Мавзуи конференсияи имрӯза бевосита ба КМҶ пайвастагӣ ва алоқамандии ногузастанӣ дорад: “Тафтишоти пешакӣ ва дурнамои инкишофи он”.

Тамоми паҳлуҳои тафтишоти пешакӣ парвандаҳои ҷиноятиро КМҶ ба танзим медарорад ва муайян месозад.

Аз ин ру, ислоҳоти КМҶ ин дар як вақт ислоҳоти “тафтишоти пешакӣ” низ ба ҳисоб меравад.

Вобаста ба ин, оиди инкишоф ва ислоҳоти КМҶ Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки ба низоми мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ва хусусан мақомоти тафтиши пешакӣ таъсири қиддӣ дорад, мехоҳам баъзе андешаҳои худро манзури Шумо намоям.

Қонунгузории ҷиноятӣ Тоҷикистон, ки аз гузаштаи шӯравӣ меърос боқӣ монда буд, ба хотири ҳимояи ба ном манфиатҳои давлатӣ, ҳуқуқу озодиҳои инсон, рушди иқтисодиёти озод ва фаъолияти соҳибқорӣ озодро маҳдуд менамуд.

Рушди кишвар бо роҳи демократӣ ва иқтисодиёти бозоргонӣ озод таҳия ва амалинамоии консепсияи нави сиёсати ҷиноятӣ-ҳуқуқиро тоқозо кард.

Ҳанӯз соли 1995-1996 баъди қабули Конститутсияи давлати соҳибхитӣри Тоҷикистон ва ҷараён гирифтани ислоҳоти конститутсионӣ таҳия ва қабули тамоми кодексҳо ва қонунҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон оғоз шуд.

Соли 1996 комиссияи таҳияи лоиҳаи КМҶ ҚТ таъсис дода шуд. Ман ҳамчун он замон муовини Прокурори Генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон раиси Комиссияи мазкурро ба уҳда доштам. Давраи бисёр ҳассос буд. Аз як тараф таъсири (гуфтан мумкин “фишораварӣ”) институтҳои байналмилалӣ демократӣ, давлатҳои Ғарб ва аз тарафи дигар

дигаргуниҳои тез-тез ва саросемавор чоришаванда дар давлатҳои минтақаи Осиёи Марказӣ ва умуман давлатҳои навакак соҳибхитиёргардидаи пасошуравӣ ба Тоҷикистон ҳис карда мешуд.

Комиссияи таҳияи лоиҳаи КМЧ ин вазъиятро хуб дарк намуда, бо дарназардошти таъсири бевоситаи ҷиддӣ доштани қабули Кодекси нави муурофиявии ҷиноятӣ ба низом, сохтор, салоҳият ва фаъолияти мақомоти ҳифзи ҳуқуқ, пеш аз ҳама ба мақомоти тафтишоти пешакӣ, таҳқиқ ва пешбарандаи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ тасмим гирифт, ки дар қабули Кодекси нави мазкур саросема нашавем.

Ҳамин тариқ давра ба давра қабули Кодекси нави муурофиявии ҷиноятӣ мавқуф гузошта шуд. Баъди омӯзиши таҷрибаи давлатҳое, ки пеш аз мо ин Кодексро қабул намуда буданд, танҳо охири соли 2009 қабул ва соли 2010 мавриди амал қарор дода шуд.

Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (1998), ки дар доираи сиёсати нави демократӣ қабул шуда буд, ҳамчун санад баҳри ҳимояи арзишҳои ҷамъияти демократӣ равона шуда, кафолати риояи ҳуқуқу озодиҳои сиёсӣ, иқтисодӣ ва иҷтимоии шаҳрвандонро муқаррар намуд.

Ислоҳоти ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ бе таъмини муурофияии ҷиноятӣ ва мустақкамгардонии нақши ҳокимияти судӣ дар Тоҷикистон, мукамал буда наметавонад.

Бинобар ин, бо Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 23 июни соли 2007 (таҳти рақами № 271) Барномаи ислоҳоти судӣ-ҳуқуқӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон тасдиқ гардид, ки он чораҳои мушаххасро оид ба таҳкими минбаъдаи ҳокимияти судӣ, баланд бардоштани нақши суд дар ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсонро шаҳрванд, ҳимояи манфиатҳои ҷамъият ва давлат, таъмини қонуниятро адолатро дар ҷамъият, дар бар мегирад.

Муҳимтарин омили ин ислоҳот қабули Кодекси нави муурофиявии ҷиноятӣ ба ҳисоб мерафт, ки он 3 декабри соли 2009 қабул гардида, аз 1-апрели соли 2010 мавриди амал қарор гирифт.

Ҳадафҳои асосии қабули Кодекси нави муурофиявии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон инҳоянд:

- амалигардонии ислоҳоти судӣ-ҳуқуқӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон;
- демократикунони минбаъдаи муурофияии судии ҷиноятӣ ва мутобиқгардонии қонунгузори муурофиявии ҷиноятӣ кишвар бо стандартҳои байналмилалӣ;
- таҳкими ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсонро шаҳрванд;
- таҳкими мақом ва нақши ҳокимияти судӣ дар Тоҷикистон;
- соддагардонии чараҳои муурофияии судӣ;
- таъмини баробарҳуқуқии иштирокчиёни муурофия дар ҳамаи марҳилаҳои муурофияии ҷиноятӣ ва ғайра.

Кодекси нави муурофиявии ҷиноятӣ ҷӣ дастовардҳо дошт ва ҷӣ тағйиротҳо ворид намуд.

1) Он ба таври ҷиддӣ вақолатҳоро байни суд ва прокуратура аз нав тақсим намуда, ҳудуди иштироки судро дар муурофияии ҷиноятӣ васеъ мегардонад.

2) Яке аз дастовардҳои асосии Кодекс таъмини шароит барои муурофияии мувоҳисавии воқеъ ва баробарии тарафҳо мебошад.

Бо ин мақсад Кодекс муқаррар менамоянд, ки суд мақоми таъкиби ҷиноятӣ набуда, онро аз исботкунӣ айбдоркунӣ озод намудааст. Суд, судя ҳолисона ва беғаразона барои тарафҳо ҷиҳати амалӣ намудани салоҳияташон дар таҳлил ва таҳқиқи пурраи ҳолатҳои парванда шароити барорбар ва зарурӣ фароҳам меоварад. Ҳуқми суд, судя танҳо бо он далелҳое, ки дар маҷлиси судӣ тафтиш шудаанд, асоснок карда мешавад. (моддаи 272 қ.3 КМЧ ҚТ).

3) Бо мақсади таъмини беғаразии мақомоти судӣ, раисони судҳои болоӣ ба истиснои Раиси Суди Олӣ аз ҳуқуқи овардани эътирози назоратӣ аз болои қарори судии ба

қувваи қонунӣ даромада, маҳрум карда шудаанд. Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон пурра аз баррасии парвандаҳои мушаххаси ҷиноятӣ маҳрум шудааст.

Бо мақсади таъмини баробарии иштирокчиёни мурофиа, КМЧ-и нав ба онҳо номи «тарафхоро» татбиқ намудааст, ки аз қонунгузори мурофиавӣ-гражданӣ гирифта шудааст.

Тарафҳо, ки айбдоркунанда ва Ҳимоя мебошанд дар ҳамаи марҳилаҳои мурофиа баробарҳуқуқ карда шудаанд.

Аз ҷумла, прокурор пештар метавонист дар ҷаласаи судӣ иштирок накунад вазифаи исботкунии гуноҳи айбдор ва муайян намудани ҳолатҳои вазнинкунандаи ҷавобгариро ба зиммаи суд гузорад. Дар асоси КМЧ-и нав прокурор ӯҳдадор аст шахсан дар ҷаласаи суди иштирок наояд ва вазифаи исботкунии гуноҳро ба уҳда гирад.

4) Аз рӯи КМЧ-и қаблӣ шахсони мансабдори мақомоти прокуратура метавонианд эътирозҳои назоратиро аз рӯи ҳукм ва таъиноти судии ба қувваи қонун даромада оваранд, ки онҳо дар навбати худ хатман бояд бевосита коллегиялӣ баррасӣ гарданд. Адвокатҳо бошанд, метавонианд танҳо ба прорукори болоӣ ва ё раиси суди болоӣ барои овардани эътирози назоратӣ, муроҷиат наоянд, ки тарафхоро ба ҳолати нобаробар меовард.

Кодекси нав ҳолати тарафхоро дар ин масъала қомилан баробар намуда, тартиби ягонаи баррасии эътирози назоратии прокурор ва шикоятҳои назоратии адвокатро муқаррар намудааст (Ҳоло ин ҳолат боз аз нав муҳокима ва баррасӣ гардида истодааст).

5) Имкониятҳои тарафи Ҳимоя дар ҷамъоварӣ ва пешниҳоди далелҳо, аз ҷумла далелҳо дар шакли аудио ва видео сабтҳо, ҷиддӣ васеъ карда шудаанд, инчунин вақти иҷозати дастрасӣ (воридшавӣ)-и Ҳимоятгар ба парванда мушаххас карда шудааст (Аз лаҳзаи баровардани қарор оид ба оғоз кардани парванда, инчунин аз лаҳзаи воқеан дастгир кардани айбдоршаванда).

6) Механизмҳои муосири шикоят оварданро аз болои амалҳо ва қарорҳои мурофиавии мақомоти таҳқиқ ва тафтишоти пешакӣ ба прокурори болоиро муқаррар намуда, ин институтро боз ҳам инкишоф додааст.

Кодекси нав назорати судиро аз болои қонунӣ будани қарорҳои мақомоти таъкиби ҷиноятӣ муқаррар намудааст. Моддаи 124 КМЧ муқаррар намудааст, ки агар шикоятҳои шахсони воқеӣ ё ҳуқуқӣ аз ҷониби прокурор қонунан нашуда бошад ва ё дар муҳлати муайяншуда баррасӣ нашуда бошад, онҳо ҳуқуқ доранд дар бораи рад кардани қабули аризаашон оид ба ҷиноят ё вайрон кардани қонун ҳангоми оғоз ё қатъ кардани парвандаи ҷиноятӣ ба суд шикоят наоянд.

7) Кодекси нав масъалаи барҳӯрди манфиатхоро дар мурофиаи ҷиноятӣ ба таври муфассал ба тартиб дароварда, боби алоҳидаро оид ба ҳолатҳои, ки имконияти иштирокро дар пешбурди парвандаи ҷиноятӣ истисно мекунад, ҷудо намудааст (Боби 8). Дар боби мазкур ба таври муфассал тартиби ҳалли раддияе, ки ба судья, прокурор, муфаттиш, таҳқиқбаранда ва дигар иштирокчиён арз шудааст, танзим шудааст.

8) Прагматизми Кодекси нав дар ворид намудани институти тартиби соддагардонидашудаи тафтишоти судӣ мебошад. Дар асоси моддаи 310 КМЧ дар сурати ба гуноҳаш иқдор шудани судшаванда, ки аз ҷониби тарафҳо мавриди баҳс қарор нагирифтааст ва судро низ таҳти шубҳа намегузорад, суд, судья бо розигии тарафҳо баъди аз судшаванда муқаррар кардани он ки оё ҳудудҳои ӯ маҷбурӣ нест, ҳуқуқ дорад, танҳо бо таҳқиқи далелҳои маҳдуд шаванд, ки тарафҳо онҳоро зикр кардаанд ё тафтиши судиро хатмшуда эълон карда, ба музокираи судӣ гузарад. Агар суд, судья муайян наояд, ки гуноҳи эътирофнамудаи судшаванда асоснок буда, бо далелҳои ҷамъовардашуда тасдиқ мегардад, ҳукми айбдоркунӣ бароварда, нисбати судшаванда ҷазо таъин мекунад. Зимнан ҷазои таъиннамудаи суд аз се ду ҳиссаи муҳлат ё андозаи ҷазои баландтарини барои ҷиноятҳои мазкур пешбинигардида, зиёд буда наметавонад.

Ин муқаррарот имкон медиҳад, ки на танҳо вақти иштирокчиёни муҳофизат кам сарф шавад, ҳамчунин имконияти кам сарф намудани хароҷоти давлатиро барои муҳофизати судӣ фароҳам меорад.

9) Бар зами ин, навоҳарии асосии Кодекс азнавтақсимкунии ваколатҳо оид ба додани иҷозат барои ҳабс, кофтуков, гӯш кардани гуфтугӯи телефонӣ, ҳабси муросилоти почта ва дигар амалиёти тафтишотӣ, ки ҳуқуқҳои шаҳрвандонро маҳдуд мекунад, мебошад.

КМЧ ҚТ, ки аз соли 1961 амал мекард, татбиқи чунин маҳдудиятро бо иҷозати прокурор, пешбинӣ менамуд. Бо мақсади ҳимояи таъсирбахши ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрванд, Кодекси нав зарурияти иҷозати судии 11 амали тафтишотиро пешбинӣ намудааст, ки ин амалиёт бо маҳдудсозии ҳуқуқи озодиҳои инсон ва шаҳрванд алоқаманданд. Қафолатҳои мазкур дар ҳолати ворид кардан ба муҳимтарин ваколатҳои ҳокимияти судӣ, имкон медиҳанд, ки ҳокимияти судӣ дар низоми миллии муҳофизати судии ҷиноятӣ, мақоми асосиро ишғол кунад.

Дар маҷмӯъ қабули КМЧ-и Ҷумҳурии Тоҷикистон, рӯйдоди муҳим дар ҳаёти кишвар буда, раванди инкишофи онро дар роҳи ташкили давлати ҳуқуқбунёд ва демократӣ вусъат медиҳад.

Ташаккур ба тавачҷухатон !

СУХАНИ ИФТИТОҲИИ

**сардори Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон,
номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсент,
генерал-майори милитсия
Шарифзода Файзалӣ Раҳмоналӣ**

Мухтарам меҳмонон, ҳозирини гиромӣ!

Имрӯз мо дар шароите зиндагӣ мекунем, ки баъди талошу кӯшишҳои зиёд, таҳти сиёсати хирадмандона ва бунёдкоронаи Асосгузори сулҳу Ваҳдати миллӣ, Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, мухтарам Эмомалӣ Раҳмон, ба як давлати мустақил ва бонуфуз дар арсаи ҷаҳонӣ соҳиб гардидем.

Сол аз сол боло рафтани иқтисодии давлату Ҳукумат, беҳтар гардидани шароити зиндагии мардум ва авҷи тараққиёти иқтисодиёту саноат, ба беҳдошти шароити моддӣ-маишӣ ва хизматрасонии кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ мусоидат намуда, тамоми имкониятҳо барои хизмат фароҳам оварда шудаанд.

Мубориза бар зидди ҷинояткорӣ яке аз самтҳои афзалиятноки давлат ба ҳисоб рафта, бе таъмини амну суботи кишвар рушди соҳаҳои муҳими давлат ғайримеҳнат аст.

Мо шоҳиди он ҳастем, ки дар замони муосир роҳу усулҳои содиршавии ҷиноят куллан тағйир ёфта, он бо дарназардошти ҷараёнҳои гирифтани равандаҳои ҷаҳонишавӣ, таҳдидҳои навро ба осудагии ҷамъияту давлат эҷод мекунад.

Дар ин ҷода пурзӯр намудани механизми давлатӣ оид ба мубориза бо ҷинояткорӣ зарур мебошад. Ҳамзамон воситаҳои барои ин фаъолият бояд, ки ба принципҳои фаъолияти давлати ҳуқуқбунёд мувофиқ ва аз нуқтаи назари эҳтироми шаъну шарафи шахс, ба роҳ монда шаванд.

Мақсаднок ва бобарор будани ин ҳадаф бе шубҳа аз пурра, ҳаматарафа ва холисона тафтиш кардани ҳолатҳои ҳар як ҷинояти содиршуда вобастагӣ дорад, зеро дар акси ҳол боварии ҷомеа ба сохторҳои ҳифзи ҳуқуқ коста мегардад.

Амали намудани ин вазифаи пурмасъул ба зиммаи дастгоҳҳои тафтишотии мақомоти ҳифзи ҳуқуқ, аз ҷумла муфаттишон ва таҳқиқбарандагон вогузор карда шудааст.

Бояд тазаққур дод, ки нақши фаъолияти тафтиши ҷиноятҳои муҳим буда, аз пешбурди ҷамаҷониба, пурра ва холисонаи парвандаи ҷиноятӣ вобастагии зич дорад.

Барои мукамал намудани ин фаъолияти мураккаб ва пурмасъул зарурияти муҳокимаи натиҷаҳои тадқиқоти илмӣ ва таҳлилҳои таҷрибаи амалишавии қонунгузории мувофиқи ҷиноятӣ ба миён омадааст.

Дар ин ҷода меҳостам дастуру супоришҳои Асосгузори сулҳу Ваҳдати миллӣ, Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, мухтарам Эмомалӣ Раҳмонро, ки санаи 13 март соли 2018 дар мулоқот бо кормандони мақомоти прокуратура, дода шуда буданд хотиррасон намоям.

«Вазъи тафтиши парвандаҳои ҷиноятӣ ва назорат аз болои таҳқиқу тафтиш ба талабот пурра ҷавобгӯӣ набуда, ҳолатҳои кашолкорӣ дар тафтиши парвандаҳо, тафтиши нопурра ва яктарафаи парвандаҳои ҷиноятӣ, бандубасти нодурусти кирдори айбдоршавандагон, набурдани назорати прокурорӣ барои барқарор кардани зарар ва аз тарафи судҳо ба тафтиши иловагӣ баргардонидани парвандаҳои ҷиноятӣ кам нестанд.

Масалан, бо сабаби пурраву ҳаматарафа тафтиш нагардидани ҳолатҳои парванда ва роҳ додан ба дигар қонунвайронкуниҳо, дар маҷмӯъ, қариб 1200 адад парвандаи ҷиноятӣ, аз ҷумла аз ҷониби судҳо 534 парванда ба тафтиши иловагӣ баргардонидани шудааст.

Баъди тафтишоти иловагӣ қариб 800 парванда дубора ба судҳо ирсол гардида, 160 парвандаҳои ҷиноятӣ аз тарафи ҳуди мақомоти тафтиш қатъ карда шудаанд.

Яъне оид ба 1159 парвандаи ҷиноятӣ на танҳо айбдоршавандагон, балки шохидону ҳешу таборони онҳо тақрор ба тақрор ба мақомот даъват гардидаанд, ки ҳамаи ин вақт ва маблағи иловагиро талаб мекунад. 160 парвандаи қатъгардида бошад, нишон медиҳад, ки ҳамин қадар айбдоршавандаҳо беасос ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида шудаанд.

Ғайр аз ин, мақомоти прокуратура 1215 ҳолати аз ҷониби мақомоти ҳифзи ҳуқуқ бармаҳал оғоз намудани парвандаҳои ҷиноятиро ошкор намуда, қарорҳои ғайриқонунии муфаттишонро бекор кардаанд.

Илова бар ин, 228 қарори дигари мақомоти тафтиш дар хусуси оғози парвандаи ҷиноятӣ бо сабаби беасос оғоз карда шуданашон қатъ карда шудаанд.

Ҳамаи ин гуфтаҳо аз он гувоҳӣ медиҳанд, ки сифати тафтишоти пешакӣ то ҳол қаноатбахш нест. Ҳамеша дар хотир бояд дошт, ки дар паси ҳар як парванда одамоне меистанд.

Муфаттишон ва таҳқиқбарандагон набояд бо тақдир одамоне бозӣ кунанд. Ҳар як даъват ба мақомот боиси озурдахотирии одамоне мегардад.

Бинобар ин, кормандони мақомот бояд хуб дарк намоянд, ки онҳо на соҳиб ва ҳалқунандаи тақдир дигарон, балки муҳофизони ҳуқуқи онҳо мебошанд.

Беасос тӯл кашидани тафтиши парвандаҳои ҷиноятӣ, ки боиси ташвишу саргардонӣ ва норизоияти шаҳрвандон мегардад, яке аз камбудихои ҷиддӣ дар фаъолияти муфаттишони мақомоти назорату тафтишот мебошад.

Дар соли 2017-ум ҳолатҳои вайрон намудани муҳлати тафтиши парвандаҳои ҷиноятӣ аз ҷониби муфаттишони Кумитаи давлатии амнияти миллий 18 фоиз, Агентии назорати давлатии молиявӣ ва мубориза бо коррупсия 16, мақомоти прокуратура 12, Агентии назорати маводи нашъаовар 12 ва Вазорати корҳои дохилӣ 11 фоизро ташкил кардаанд».

Суханҳои болозикри Пешвои муаззами миллат, ки камбудихои соҳаи тафтишотро муайян намудаанд, бояд дар навбати аввал барои бартараф намудани он тамоми мақомоти ҳифзи ҳуқуқи кишвар саъю талош намоянд. Бартарафнамоии ин камбудихо дар якҷоя намудани донишҳои бунёдии соҳавӣ ва амалияи пешрафтаи мақомоти тафтишотӣ амалӣ гардонидани мешавад.

Инчунин, бояд зикр намуд, ки дар амалияи тафтишотӣ як қатор нуқсонҳо ҷой до-ранд, аз қабилӣ:

- дуруст ҳуҷҷатгузорӣ карда натавонистани натиҷаҳои фаъолияти мурофиавии ҷиноятӣ;

- нодуруст истифода бурдани натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ дар муро-фиаи ҷиноятӣ;

- суст ба роҳ мондани ҳамкориҳои муфаттиш бо мақомоти таҳқиқ;

- нодуруст муайян намудани тобеияти тафтишотии парвандаҳои ҷиноятӣ ва мо-нанди инҳо.

Ҳамин тариқ, ҳадаф аз баргузориҳои конференсияи мазкур пеш аз ҳама ин рушд до-дани илм ва амалияи тафтишотӣ дар Тоҷикистон ва ба даст овардани ҳуҷҷатҳои пешниҳодоти илман асоснок оид ба мукамалгардонии қонунгузорӣ ва амалияи ҳуқуқатбикнамоии мақомоти тафтишоти пешакӣ мебошад.

Ҳозирини гиромӣ, дар фарҷоми сухан ба ҳар яки Шумо саломативу шодкомӣ ва дар корҳоятон муваффақиятҳои беназирро таманно менамоем.

СУХАНИ ИФТИТОҲИИ

**сардори Раёсати тафтишоти ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон,
полковники милитсия
Маҳмадализода Алишер Маҳмадалӣ**

Мухтарам Вазир, меҳмонони гиромӣ ва ҳамкасбони азиз!

Дар ин рӯзи саид, аввалан меҳоҳам миннатдорӣ ва сипоси бепоёни худро ба ташкилкунандагони ҳамоиши мазкур, ки боварӣ дорам ба пешрафт ва рушди тафтишоти пешакӣ дар ҷумҳурӣ мусоидат хоҳад кард, баён намоям!

Аз номи худ ва ҳайати шахсии Раёсати тафтишоти Вазорат ҳамаи муфаттишони мақомоти қорҳои дохилӣ ва собиқадорони соҳаи тафтишотро ба муносибати 55 солагии таъсисёбии мақомоти тафтишотӣ дар сохтори Вазорати қорҳои дохилӣ табрику тахният гуфта, барояшон сиҳати бардавом ва умри дарози бобаракат орзу намоям.

Ин санаи муборак ба соле рост омад, ки Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ-Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон мухтарам Эмомалӣ Раҳмон зимни вохӯрӣ бо қормадонии мақомоти прокуратура, ки санаи 13 март соли 2018 доир гардид, оид ба фаъолияти мақомоти тафтиши пешакӣ алоҳида истода гузашта, камбудиву норасоӣҳои дар ин самт ҷойдоштаро дақиқан баён намуданд. Моро зарур аст, ки супоришҳои сарвари давлатро сармашқи қори худ қарор дода, баҳри баргараф намудани камбудиву норасоӣҳои ҷойдошта чораҳои муассир андешем.

Ҳозирини гиромӣ! нахустин бор дар асоси Укази Президиуми Шӯрои Олии ИҶШС аз 6 апрели соли 1963 ба мақомоти ҳифзи тартиботи ҷамъиятӣ ваколати бурдани тафтиши пешакӣ дода шуд. Дар асоси ҳамин ҳуҷҷати муҳимми таърихӣ, санаи 6 апрел ҳамчун «Рӯзи тафтишот» дар сохтори мақомоти қорҳои дохилӣ эътироф гардидааст. Айни ҳол сохтори Раёсати тафтишоти ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 5 шӯба ва 2 гурӯҳ дар ҳуди Вазорат ва шӯбаҳои тафтишоти РВКД дар вилоятҳои Суғд, Хатлон, ВМКБ, РВКД дар шаҳри Душанбе, ноҳия ва минтақаи Рашт, РВКД дар нақлиёт, шӯбача ва гурӯҳҳои тафтишоти ШВКД дар шаҳру ноҳияҳои ҷумҳурӣ иборат мебошад. Имрӯз, ин сохтор ба яке аз сохторҳои фаъолтарини пешбарандаи тафтиши пешакӣ табдил ёфта, тафтиши пешакии зиёда аз 56 % парвандаҳои ҷиноятиро ба амал мебарорад. Аммо, новобаста аз дастовард ва пешравиҳо, мутаассифона имрӯз дар фаъолияти дастгоҳи тафтишоти мақомоти қорҳои дохилӣ мушкилӣ ва проблемаҳои зиёде низ ҷой доранд.

Якчанд омилҳои ҳафт, ки сабаби роҳ додан ба камбудии дар фаъолияти сохтори тафтишотӣ ҷойдошта гардидаанд. Соли 2009-ум, мувофиқ ба як қатор ҳуҷҷатҳои байналмилалӣ ва минтақавӣ оид ба ҳуқуқи инсон Кодекси мурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар таҳрири нав қабул карда шуд. Дар натиҷа, таҷрибаи 45 солаи мутахассисони соҳаи тафтишотӣ дигар барои пешбурди мурофиавии ҷиноятӣ дар самти тафтишот нокифоя шуда монд. Бояд руирост иқдор шуд, ки КМҶ-и нав дар баробари баланд бардоштани ҳуқуқи озодиҳои инсон ва шаҳрванд мушкilotҳои зиёдеро барои муфаттишон роҳандозӣ намуда, вазъи мурофиавӣ ва шахсии онҳоро гарон намудааст. Гарчанде тарзу усулҳои гузаронидани ҳаракатҳои тафтишотӣ чун пештара ба қорраванд ҳам, аммо фаъолияти мурофиавии муфаттишон бинобар сабаби набудани таҷриба бо қонуни нав ба таври назаррас мушкilot гашт.

Баъзе моддаҳои КМҶ, ки зарурати татбиқи онҳо ҳамарӯза ва зиёдтар зарурат дорад ва бинобар риоя нашудани муқаррароти он пешниҳодҳои прокурорӣ ва қарорҳои хусусии судҳо нисбати муфаттишон ворид мешавад, моддаи 145 мебошад. Ин модда барои баррасии ариза ва иттилоот дар бораи ҷиноят ҳамаги 3 шабонарӯз муҳлат муқаррар намудааст, ки дар аксар ҳолатҳо барои қабул намудани қарори қонунӣ мутлақо кам аст. Ин муҳлат метавонад то 10 шабонарӯз аз ҷониби прокурор дароз кар-

да шавад. Мебинем, ки қонунгузор ба муфаттиш ваколат додааст, ки бо арзу иттилоот дар бораи чиноят қарори қонунӣ қабул намояд, аммо чигуна сардори воҳиди тафтишотӣ ва ё сардори мақомоти таҳқиқ ваколат надорад, ки мӯҳлати арзу иттилоотро дароз намояд. Манзури мо талаби ваколоти зиёдати намебошад, балки пешгирӣ намудани сарфи зиёдати вақти муфаттишон ва прокуророн мебошад. Аз дигар тараф ба ин масъала назар андозем, мебинем, ки модоме, ки дар 3 шабонарӯз қарор қабул нашудааст, мӯҳлатро дароз намудан ҳатмист. Пас чи фарқ дорад, ки онро сардори воҳиди тафтишотӣ дароз менамояд ва ё прокурор.

Дигар масъалаи мушкилзо, ин дар як вақт гирифтани ҳам розигии прокурор ва ҳам иҷозати суд барои гузаронидани як қатор амалҳои тафтишӣ ва қабули қарорҳо мебошад.

Тибқи Кодекси мурофивии чиноятӣ амалкунанда, муфаттишро мебояд, барои татбиқи чораҳои пешгирӣ- гарав, ҳабси хонагӣ, ба ҳабс гирифтани мӯҳлати нигоҳ доштан дар ҳабс, дароз кардан, тағйир ва бекор кардани онҳо, инчунин барои татбиқи чораҳои дигари маҷбурии мурофиавӣ - муваққатан дур кардан аз вазифа ва ҳабси молу мулк, аз ҷумла маблағи амонатҳо ва суратҳисобҳои бонкӣ ва барои гузаронидани амалҳои тафтишӣ - кофтуков, ёфта гирифтани, азназаргузаронии манзил дар ҳолати рози намудани шахсони маскун, ҳабси муросилоти почтаю телеграф, азназаргузаронӣ ва дарёфт карда гирифтани онҳо, гӯш ва сабт кардани гуфтугӯ, барои таъйин намудани экспертизаи судӣ-тиббӣ ё судӣ-равонпизишкӣ гирифтани ҳам розигии прокурор ва ҳам иҷозати судро муқаррар кардааст, ки ин дар воқеъ натавонанд вақти зиёди қарор ва саргардониро зимни гирифтани “розиғӣ” ва “иҷозат” пеш меорад, балки маблағ ва хароҷоти иловагиро низ талаб мекунад. Зеро барои ҳамаи ин амалиётҳо муфаттишро мебояд, дар ду нусха ҳамаи маводҳои асосноккуниро нусхабардорӣ намуда, ҳам ба мақомоти прокуратура ва ҳам ба суд пешниҳод кунад. Ҳамчунин, агар расман ҳозирнамоии иштирокчиёни мурофиа зимни татбиқи чораи пешгирӣ дар суд тибқи моддаи 111 КМҚ ба зиммаи муфаттишон вогузор нашуда бошад, вале дар таҷриба ин бар души муфаттишон бор карда шудааст. Мутобиқи қисми 3-юми ин модда, иштироки муфаттиш зимни баррасии судӣ ҳуқуқи он мебошад, на уҳдадорӣ. Дар таҷриба бошад, масъули тамоми ин чорабинӣ бар души муфаттишон вогузор шудааст. Агар таваҷҷуҳ карда бошед, ки ҳамаи як қарори муфаттиш дар ҳамаи зинаҳои пешбурди мурофиавӣ, то қарори таъинот ва ҳукми суд истифода бурда мешавад, аммо ҳамоно мавқеъи муфаттишон нодида гирифта мешавад.

Чунин тартиб қаблан дар як қатор давлатҳои пасошуравӣ аз ҷумла дар КМҚ-и Федератсияи Русия амал мекард, аммо онҳо ҳанӯз соли 2003-юм ба ин меъёр тағйирот ворид намуда, онро аз байн бурданд, зеро ба ҳар ҳол дар мурофиаи судӣ ҳангоми татбиқи чораи пешгирӣ прокурор иштирок менамояд ва дар ҳолати норозӣ буданаш аз қарори суд метавонад нисбати қарори судья эътироз орад. Пас, саволе ба миён меояд, ки байни ин ду мақомот қарор доштан ва вақти зиёдеро **зоё** намудани муфаттиш ба хотири чи аст. Ба ҳамагон маълум аст, ки танҳо барои гирифтани розигии прокурор дар баъзе ноҳияҳо ба муфаттиш аз 2 то 6 соат лозим аст. Агар фарзан муфаттиш дар як ҳафта 2-3 нафарро дастгир кунад, ҳисоб кунед, ки чанд соат вақти худ ва прокурорро рафти гирифтани розигии прокурор мегирад.

Тибқи муқаррароти аксар КМҚ-ҳои давлатҳои пасошуравӣ ваколоти дароз кардани мӯҳлати баррасии ариза, бекор кардани қарори ғайриқонунӣ ва беасоси муфаттиш ва ё мақоми поёни дароз кардани мӯҳлати тафтишоти пешакӣ, тасдиқ намудани қарор дар бораи қатъ намудани парвандаи чиноятӣ, додани **розиғӣ** дар бораи пешниҳод намудани дархост ба суд оид ба интиҳоб, дароз, бекор ва ё тағйир додани чораҳои пешгирӣ ё ин ки **додани розигӣ** барои гузаронидани дигар амалҳои мурофиавие, ки бевосита бо қарори суд иҷозат дода мешаванд, **ба ваколоти роҳбари** воҳиди тафтишотӣ дода шудааст.

Ба роҳбари воҳиди тафтишотӣ **додани чунин ваколатҳо** якчанд чанбаҳои мусбиро доро мебошад. Аз ҷумла, мустақилияти мурофиавии муфаттишонро таъмин карда,

саргардонӣ ва зоеъ гардидани вақти кории муфаттиш ва прокуроронро пешгирӣ мекунад. Аз дигар чихат бюрократизм ва ё худ расмиятчиғии аз ҳад зиёдро аз байн бурда, харочотҳои бе фоида кам намуда, тартиби мураккаби гузаронидани амалиётҳои муурофиавиро аз байн бурда, як тарзи содакардашударо ба вучуд меоварад, ки ин бешубҳа ба манфиати кор мебошад. Ҳамчунин, ин ҳолат боис ба он мегардад, ки вақти кории муфаттиш сарфа шуда, парвандаҳои ҷиноятиро бе вайронкунии муҳлатҳои муурофиавӣ ба итмом расонанд ва дар умум тафтиши пурра ва ҳаматарафа бо парвандаҳои ҷиноятӣ таъмин ва ҳуқуқҳои шаҳрвандон риоя гардад.

Ё худ моддаи 146 КМҶ Ҷумҳурии Тоҷиктсон ва Фармоиши якҷоя “Оид ба қайди яғонаи ҷиноятҳо” муфаттишро танҳо вазифадор ба он намудааст, ки нусхаи қарор дар бораи оғоз намудани парвандаи ҷиноятӣ ва варақаи омории шакли 1-ро дарҳол ба прокурор ирсол намояд. Аммо дар амалия чунин набуда, натанҳо як қарори оғоз, балки ҳамаи маводҳо ва дар баъзе ҳолатҳо ҳатто ҳозиршавии гумонбаршуда, ҷабрида ва шохидонро низ барои бозпурсӣ бояд муфаттиш шахсан ба назди прокурор таъмин намуда, соатҳо дар назди дари прокурор мунтазирӣ кашида, вақти пурқиммати худро сарф намояд. Мутаассифона чунин ҳолатҳо зиёд буда, ба як одат ва ё худ қоидаи нонавишта табдил ёфтаанд.

Якчанд вақт инҷониб Раёсати тафтишотӣ ва шуъбаҳои дар ҷойҳо будаи он аз воҳидҳои зертобеи худ парвандаҳои ҷиноятиро бе розигии прокуророни шаҳру ноҳияҳо барои омӯзиш ва ё анҷом додани тафтиши пешакӣ гирифта наметавонанд. Ҳол он ки, доир ба омӯзиши онҳо ва ё ба пешбурди худ қабул намудани тафтиши минбаъдаи парвандаҳои ҷиноятӣ, КМҶ Ҷумҳурии Тоҷикистон ягон маҳдудиятро муқаррар накардааст.

Ин ҳолат боиси роҳ додан ба кашолкорӣ зимни баррасии арзу шикояти шаҳрвандон ва иҷрои дастуру супоришҳои Прокуратураи генералӣ вобаста ба парвандаҳои ҷиноятӣ, инчунин паст гардидани самаранокии фаъолияти Раёсати тафтишотӣ гашта истодааст. Ҳолатҳое, ки зарурияти ба омӯзиш гирифтани ва ё ба пешбурди худ қабул намудани тафтиши парвандаҳои ҷиноятиро талаб менамоянд, аз инҳо иборат мебошад:

- ворид шудани арзу шикояти шаҳрвандоне, ки аз рафти тафтиши пешакӣ дар ҷойҳо розӣ нестанд;

- дар ҷойҳо мавҷуд будани парвандаҳои ҷиноятӣ тафтишашон мураккаб ва калонҳаҷм, ки тафтиши онҳо касбияти нисбатан баланд ва собиқаи зиёди корӣ доштани муфаттишро талаб мекунад;

- дар ҳудуди якчанд шаҳру ноҳия содир шудани ҷиноят ва ғайра.

Зарурияти дигари чунин самти корӣ, ин ба танзим даровардани сарбории муфаттишон дар ҷойҳо мебошад. Масалан, дар давраи ҳисоботии моҳи март соли равон дар пешбурди муфаттишони ШТ ШВҚД дар шаҳри Ҳисор 80-адад парвандаҳои ҷиноятӣ қарор доштанд, ки ин ба ҳар як муфаттиш 16-ададӣ парвандаи ҷиноятӣ рост меояд. Ғайр аз ин, муфаттишон дар баррасии дигар ариза ва маводи санҷишӣ ҷалб карда шуда, ҳамзамон дар таъмини тартиботи ҷамъиятӣ мунтазам сафарбар карда мешаванд.

Дуруст аст, ки тибқи қисми 3 моддаи 162 КМҶ Ҷумҳурии Тоҷикистон “масъалаи тобеияти тафтишӣ аз тарафи прокурори маҳалле, ки дар он ҷо тафтиш шурӯъ шудааст, ҳал карда мешавад”. Аммо моддаи мазкур ҳолатҳое, ки аз тарафи як ва ё якчанд шахс дар ҳудудҳои маъмурии ду ва ё зиёда шаҳру ноҳияҳо ҷиноят содир шуда бошад, ва ё бинобар сабаби тобиши ҷамъиятӣ-сиёсӣ доштани ҷиноят дар сатҳҳои баландтар тафтиш шудани онро тақозо кунад, ба танзим надаровардааст.

Раёсати тафтишотӣ – Раёсати Вазорат буда, мусаллам аст, ки салоҳияти пешбурди амалҳои муурофиавиро дар тамоми қаламрави ҷумҳурӣ доро мебошад. Чуноне, ки маълум аст, ки дар ҳудуди ҷумҳурӣ шумораи зиёди шаҳру ноҳияҳо, аз ҷумла, шаҳру ноҳияҳои дурдаст мавҷуд аст, ки барои бо прокурорҳои онҳо ҳал намудани ҳар як масъалаи ба миёномада вақту маблағи зиёд сарф шуда, боиси вайрон шудани муҳлатҳои баррасии арзу шикояти шаҳрвандон, дастуру супоришоти Прокуратураи

генералӣ, вайрон шудани низоми зинавии ташкили кор ва дигар оқибатҳои ба нафъи кор равона набуда мегарданд.

Дар асоси моддаи 247 КМЧ Ҷумҳурии Тоҷикистон прокурор масъалаҳои аз ҳама муҳими тафтишоти пешакӣ – парвандаи ҷиноятиро баррасӣ карда, дақиқ риоя шудани қонунро месанҷад. Аз ҷумла, масъалаи дар кирдори шахс ҷой доштани таркиби ҷиноят, ҳолатҳои қатъшавии парванда, асоснокии айби эълон гардида, мавҷудияти далелҳои кофӣ, ба ҷавобгариҳои ҷиноятӣ ҷалб шудани ҳамаи шарикони ҷиноят, дурустии бандубасти кирдор, интихоби ҷораи пешгирӣ, вайронкунии ҷиддии қонуни муурофиявии ҷиноятӣ, таъмин гардидани тафтиши пурра, ҳамаҷаҳафа, ҳолисона ва дигар ҳолатҳои заруриро бо парвандаи ҷиноятӣ баррасӣ ва ҳал менамояд. Дигар ҷӣ зарурат аст, ки аз ибтидо то интиҳо, яъне аз оғоз то итмоми парвандаи ҷиноятӣ барои амалҳои тафтишӣ ва қабули дигар қарорҳо ва ё гирифтани “ичозати”- суд ба назди прокурор рафт. Дар ин ҷо тақроршавии иҷроии амалҳо - дида мешаванд. Қонун ба муфаттиш мақоми шахси мансабдорро дода, ӯро мустақил ва шахси соҳиби ихтиёр муаррифӣ кардааст ва барои қабул кардани қарори беасос ва ғайриқонуниаш шахсан ҳуди муфаттиш ҷавобгар мебошад.

Имрӯз муфаттиш дар зерини тобеияти сардорони зиёде (*сардори ШВКД, се нафар муовинонаш, сардори тафтишот, сардори мақомоти амаликунадаи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ, прокурор, муовин ва прокурори назоратӣ ва ғайра*) қарор гирифтааст, ки бархе аз онҳо умуман ҳуқуқи даҳлат намудан ба фаъолияти муурофиявии муфаттишонро надоранд, баръақс тибқи моддаи 39 ва 26 КМЧ иҷроии қарорҳои қабулкардаи муфаттиш оид ба парвандаи ҷиноятӣ, ки таҳти пешбурди ӯ қарор дорад барои онҳо ҳатмӣ мебошад. Қонун ба муфаттиш ваколати амридиҳиро дода, ба сардори ШВКД, ки амалан муфаттиш дар зерини тобеияташ аст, ҷиҳати гузаронидани ҷорабиниҳои оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ва пешбурди амалҳои тафтишӣ дастуру супоришҳои ҳатмӣ медиҳад ва дар баъзе дигар ҳолатҳо бошад, баръақс сардори ШВКД ба муфаттиш супориш медиҳад ва ё маводҳоро барои қабул кардани қарори қонунӣ ба ӯ воғузур менамояд. Таҷриба нишон медиҳад, ки дар бисёр мавридҳо гумонбаршудагон, айбдоршавандагон аз кирдорҳои ғайриқонунии қормандони мақомоти таҳқиқ шикоят мекунанд, ки ин ба манфиати сардори воҳиди оперативӣ нест. Дар ҷунин ҳолатҳо ҷигуна муфаттиш метавонад ҳуқуқи манфиатҳои иштирокчиёни муурофияи ҷиноятиро ҳифз карда, тафтиши объективонаро анҷом диҳад. Шояд гуфта шавад, ки бигузур дар ҷунин ҳолатҳо ба сардорони воҳидҳои болоии тафтишоти мууроҷиат кунанд. Агар сардори воҳиди тафтишотӣ оддитарин ваколат, масалан, ҷуноне ки вақтҳои охир таҷриба шудааст аз бахшҳои зертобеъи худ парвандаи ҷиноятиро мустақил барои идомаи тафтиш гирифта натавонад, пас ҷигуна муфаттиш ба ҷунин сардор эътимод карда метавонад.

Ҳамҷунин, аз ҷониби сардорони мақомоти таҳқиқ ҷиҳати мусбӣ нишон додани натиҷаҳои қоррии ШВКД ба сардорони воҳидҳои тафтишотӣ берун аз ваколатҳояшон супориш медиҳанд ва ҳатто масъалаи ҳал ва ба СМИТ пешниҳод шудани варақаҳои оморино, ки иҷроии беовоситаи он ба зиммаи қорманди баҳисобгирӣ – бақайдгирӣ ва дигар шахсонӣ масъули ШВКД вобаста шудааст, ба души сардорони воҳидҳои тафтишотӣ бор кардаанд. Таҳлилҳои нишон медиҳанд, ки сол аз сол сарбории қоррии муфаттишонӣ мақомоти қорҳои дохилӣ вобаста ба тафтиши парвандаҳои ҷиноятӣ зиёд гардида, воҳидҳои қорӣ бошад, баръақс ихтисор карда шуда истодааст. (Масалан, тибқи фармони ВКД ҚТ №374 б/з аз 30 апрели соли 2010 “Оид ба ворид намудани тағйиротҳои ташкилию воҳидӣ 22 воҳиди қорӣ ихтисор карда шуд ё ин ки соли 2014 танҳо дар РТ 2 воҳиди қорӣ **ихтисор гардид**) Ҷунонҷӣ, агар инро танҳо дар муқоиса бо парвандаҳои ҷиноятӣ ба суд ирсолгардидаи 7-соли пеш гирем, (соли 2011-**4848** п/ҷ, соли 2017-**6542** п/ҷ) яъне **1694** адад парвандаҳои ҷиноятӣ зиёд шудааст. Аз ҳисоби миқдори лаҳзаҳои ҷиноят **3070** лаҳзаи ҷиноят зиёд мебошад. Яъне ба ҷойи зиёд кардани воҳиди қорӣ, баръақс воҳидҳои қорӣ ихтисор карда шуда истодааст. Ё ин ки дар давраи ҳисоботии моҳи мартӣ соли равон дар пешбурди муфаттишонӣ ШТ ШВКД дар шаҳри Ҳисор 80-адад парвандаҳои ҷиноятӣ қарор доштанд, ки ин ба ҳар як муфаттиш 16-

ададӣ парвандаи чиноятӣ, ба ғайр аз ариза ва маводҳои санҷишӣ рост меояд. Бо чунин сарбории зиёди корӣ таъмини тафтиши пурра ва ҳамаҷониба ғайриимкон мебошад. Айнан ҳамин гуна сарбории зиёд дар дигар воҳидҳои тафтишотӣ низ мавҷуд мебошад.

Мусаллам аст, ки яке аз сабабҳои асосии зиёдшавии содиршавии чиноятҳо ин афзоиши аҳоли мебошад. Шумораи аҳолии Тоҷикистон аз соли нахустини соҳибистиклол гардидаи (1991) то ба имрӯз аз 5 ба 9 миллион расидааст. Аз ин сабаб бояд воҳидҳои тафтишотӣ зиёд карда шаванд (*Ҷумҳурии Қирғизистон бо 6 миллион аҳоли, ки сарбории кориашон низ кам мебошад, ба дастгоҳи тафтишотии МКД-и номи "Сарраёсати тафтишотӣ ва ҳоло Хадамоти тафтишотӣ)-ро дода, воҳиди кориаш бошад ба 700 нафар расидааст. Аммо Ҷумҳурии Тоҷикистон 9,2 миллион нафар аҳолиро доро мебошад, сохтори тафтишотии ВКД ҳамагӣ аз 446 нафар муфаттишон иборат мебошанд*).

Имрӯз аз ҷониби сардорони мақомоти таҳқиқ низ муфаттишон аз меъёр зиёд ба корҳои ғайритафтишотӣ ҷалб гардида, ҳуқуқҳои онҳо нодида гирифта мешавад. Муфаттишон на танҳо дар баробар дигар сохторҳо, балки дар баъзе ҳолатҳо аз дигар сохторҳо низ бештар ба корҳои ғайритафтишотӣ ҷалб гардида истодаанд. Дар ҳоле, ки сарбории кории кормандони дигар сохторҳо ба андозаи сарбории кории муфаттишон нест, дар пешбурдашон 10-15 ададӣ парвандаи чиноятӣ ва ё маводу аризаҳо надоранд, ва ё шахсони дастгиршуда ва ё ҳабсшударо дар тавқиғоҳо ҷой накардаанд, ки муҳлатҳои пешбинишуда гузарад. Вале имрӯз мутаассифона муфаттишон, на кам аз кормандони Раёсати таъмини тартиботи ҷамъиятӣ барои ҳифзи тартиботи ҷамъиятӣ, аз ҷумла, дар вақти шабона ба хизмат ҷалб карда мешаванд. Аз ин рӯ, ҷалбкунӣ бояд ба як андоза, меъёр ва бо дарназардошти сарбории кории кормандон бояд ба роҳ монда шавад.

Бо мурур ва тақозои даври замон аксари давлатҳои пасошӯравӣ бо мақсади такмил додани фаъолияти мақомоти тафтишотӣ ва пешрафт дар ин самт дар мақомотҳои тафтишотӣ ислоҳот ворид карда, шароит ва тарзи кории сохторҳои марбутаро навсозӣ кардаанд. Ҳатто баъзе давлатҳо азнавташкилдиҳии мақомоти тафтишотиро низ ба роҳ мондаанд. Ба дастгоҳҳои тафтишотӣ мақоми Кумитаи тафтишотӣ, Департамент, сарраёсат ва хадамоти тафтишотиро додаанд. (*Федератсияи Русия, Қазоқистон, Ўзбекистон, Озорбойҷон – Департаменти тафтишотӣ, Беларусия, Армения-Кумитаи тафтишотӣ, Қирғизистон-Хадамоти тафтишотӣ, Озорбойҷон – сарраёсат номгузори карда шудааст*). Мо даъвои ваколатҳои зиёдатӣ, созмон додани Кумитаи тафтишотӣ, Хадамоти тафтишотӣ ва ё Сарраёсатро надорем, балки, танҳо мехоҳем, ки он чи ки қонунгузориҳои ҷорӣ ба мо ваколат додааст, барои иҷрои сифатноки онҳо аз ҷиҳати мурофиавӣ шароити воқеӣ дошта бошем, тавонем ваколатҳои худамонро озодона амалӣ намоем.

Масъалаи омода намудани кадрҳои баланд ихтисос ва ҷобачогузориҳои дурусти онҳо низ яке аз масъалаҳои ҳалталаб мебошад. Таҳлилҳои нишон медиҳанд, ки маҳз бинобар сабаби мушкилӣ ва проблемаҳои ҷойдошта, баъди се-ҷор соли корӣ муфаттишон ба вазниниҳои қор тоб наоварда, ба дигар вазифаҳо мегузаранд ва ё қорро партофта мераванд. Тасаввур кунед, ки барои як мутахассиси хуб омода намудан чанд сол лозим мебошад!? Танҳо дар як соли охир зиёда аз 9 нафар муфаттишони собиқаи кории аз 5 то 17 сола дошта, ки айни авҷи қорашон мебошад, барои қор ба дигар сохторҳо гузаштаанд. Ҳамин тавр, аксари қолли кормандонро ҷавонон ташкил медиҳанд, ки барои омода кардани онҳо солҳои тӯлонӣ зарур аст. Муфаттишон ба қорҳои мурофиавӣ машғул шуда, вобаста ба ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шахрванд қарор қабул мекунанд, ба онҳо зарурат пеш меояд, ки расман бо ҳуқуқшиносони варзида (ҳимоятгарон), олимони ва дигар шахсон аз қишрҳои гуногуни ҷамъият ру ба ру нишаста аз қонун ҳимоят кунанд. Аз ин рӯ, ба вазифаи муфаттиш таъин шавандагон бояд дониши нисбатан баландро доро бошад. Дар рафти иҷрои қорҳои мурофиавӣ кӯшишҳои даҳолат намудан ба фаъолияти онҳо зиёдтар ба назар мерасад. Аз ин рӯ, пешниҳод менамоем, ки ба вазифа таъин ва озод намудани муфаттишон бевосита бо пешниҳоди сардори Раёсати тафтишотӣ танҳо бо фармони Вазири қорҳои дохилӣ анҷом дода шавад. Ба таҷрибаи аз ҷониби сардори-

ни РВКД ва ШВКД-ҳо барои вайрон намудани меъёрҳои мурофиавӣ ҳазои интизомӣ додани муфаттишон хотима дода шуда, ин ваколат танҳо ба Вазири корҳои дохилӣ ва сардори Раёсати тафтишотӣ дода шавад.

Ҳолати дигаре, ки боиси ба таври назаррас монёе шудан ба фаъолияти мӯътадили муфаттишон дар ҳудуди шаҳри Душанбе гардидааст, ин аз изоляторҳои (тавқиғоҳҳои) тафтишотӣ барои анҷом додани амалҳои тафтишотӣ бароварда натавонистани айбдоршавандагон мебошад. Дар ин самт талаботи Прокуратураи генералӣ чунин аст, ки танҳо дар асоси қарори аз ҷониби прокурор тасдиқкардашуда, айбдоршавандагон бояд аз изоляторҳои (тавқиғоҳҳои) тафтишотӣ ба изоляторҳои (тавқиғоҳҳои) нигоҳдории муваққатӣ ва сипас аз он ҷо барои гузаронидани ҳаракатҳои тафтишотӣ ба муфаттиш супорида шаванд. Дар бобати ин масъала ҳаминро қайд карданием, ки тибқи моддаи 13 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи тартиб ва шароити дар ҳабс нигоҳ доштани гумонбаршуда, айбдоршаванда ва судшаванда» аз изоляторҳои (тавқиғоҳҳои) тафтишотӣ ба изоляторҳои (тавқиғоҳҳои) нигоҳдории муваққатӣ гузаронидани гумонбаршуда, айбдоршаванда ва судшаванда танҳо дар он ҳолат иҷозат дода шудааст, ки, агар ҳамагӯза овардани шахсони номбаршуда барои гузаронидани амалҳои тафтишотӣ берун аз изолятори (тавқиғоҳи) тафтишотӣ душвориро ба миён оварад (ба мӯҳлати на зиёда аз даҳ рӯз).

Аммо, ба андешаи мо дар ҳолати пайдо шудани зарурат барои гузаронидани як ва ё ду амали тафтишӣ (масалан, санҷиши нишондод дар ҷойи ҳодиса), ки 2 ва ё 3 соатро дар бар мегирад, зарурати ба изолятори (тавқиғоҳи) нигоҳдории муваққатӣ гузаронидани айбдоршавандагон ҷой надорад. Зиёда аз ин, вобаста ба шароити кунунии кишвар аз як изолятор (тавқиғоҳ) ба дигар изолятор (тавқиғоҳ) гузаронидани айбдоршавандагон ба манфиати қор намебошад. Зеро, имрӯз вобаста ба шумораи зиёди парвандаҳои ҷиноятӣ, дар изоляторҳои (тавқиғоҳҳои) нигоҳдории муваққатӣ шароити қабули нигоҳдории ҳамаи гумонбар ва айбдоршавандагон, ки бо иштироки онҳо зарурати гузаронидани амалҳои тафтишӣ ба миён меояд, мавҷуд нест.

Дар ҳудуди шаҳри Душанбе танҳо як изолятори (тавқиғоҳи) нигоҳдории муваққатӣ, ки барои нигоҳдории 87 нафар пешбинӣ шудааст, фаъолият мекунад. Ҳайати шахсии қормандони изолятор (тавқиғоҳ) ҳамагӣ 20 нафар буда, мувофиқи речаи 50%, яъне дар як рӯз ҳамагӣ 10 нафар хизмат мебаранд. Дар изолятор (тавқиғоҳ) аз 87 нафар зиёдтар гумонбаршуда, айбдоршаванда ва судшавандагонӣ мақомоти қорҳои дохилӣ, прокуратура, суд ва мақомоти таҳқиқ бо парвандаҳои ҷиноятӣ маъмурий нигоҳ дошта мешаванд. Агар бар зами ин, гумонбар ва айбдоршавандагон аз изолятори (тавқиғоҳи) тафтишотӣ барои гузаронидани амалҳои тафтишотӣ ҳамагӯза ба изолятори (тавқиғоҳи) нигоҳдории муваққатӣ оварда шаванд, барои қабул ва нигоҳ доштани онҳо мушкилиҳои зиёде ба миён омада, боиси зоеъ шудани вақти зиёди муфаттишону прокуророн ва сарфи маблағҳои зиёд мегардад.

Ба ҳама мушкилиҳои мавҷуда нигоҳ накарда, боварӣ дорем, ки муфаттишони мақомоти қорҳои дохилӣ бо роҳбарии Вазири қорҳои дохилӣ, ки худ олим ва ҳуқуқшиноси дараҷаи байналмилалӣ дар дохил ва хориҷи мамлакат шахсияти эътирофшуда мебошад, зери партави сиёсати ҷаҳоншумули Сарвари муаззами давлат, ҳама мушкилиҳоро паси сар намуда, аз иҷрои вазифаю уҳдадорӣҳои худ бо сарбаландӣ мебароянд.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Абдуллина С.Х., докторант 3 курса Алматинской академии МВД Республики Казахстан им.М.Есбулатова, магистр права

Противодействие расследованию уголовных правонарушений, это проблема, с которой все чаще встречается лицо, осуществляющее досудебное расследование. В данной статье мы бы хотели рассмотреть проблему преодоления противодействия при расследовании уголовных правонарушений.

Установление всех обстоятельств дела как цель уголовного судопроизводства достигается в результате профессиональной и умелой работы деятельности следователя, дознавателя. Как показал анализ, практическая деятельность все чаще сталкивается с проявлением противодействия. В связи с чем, возникает острая необходимость в решении такой проблемы ставшей в последнее время часто встречающейся среди участников уголовного процесса. Такая тенденция и желание противодействовать возникает вследствие неограниченного доступа к не всегда достоверным фактам о событиях, связанных с недобросовестной работой сотрудников правоохранительных органов. Избыток такой некорректной информации оказывает влияние на позицию участника уголовного процесса, вне зависимости от его статуса. Проведенный нами опрос показал, что только 15% населения проявляет доверие к сотрудникам полиции. На вопрос «Кому из ниже перечисленных, Вы доверяете более всего?»

- А) Сотрудникам полиции – 15%
- Б) Сотрудникам прокуратуры – 30%
- В) Сотрудникам агентства по борьбе с коррупцией – 15%
- Г) Сотрудникам национальной безопасности- 25%
- Д) Судьям – 40%

Таким образом, проводя анализ вышеизложенной информации, считаем, что среди предложенных вариантов, сотрудникам полиции доверяют меньше всего. И различие между подразделениями полиции население не знает, общее недоверие проявляется ко всем сотрудникам полиции.

На вопрос «С сотрудниками полиции, каких служб Вы чаще всего сталкиваетесь в повседневной жизни?». 80 % респондентов указали на сотрудников дорожно-патрульной полиции и только 5% сталкивались со следователями и дознавателями.

Вникая в суть проблемы, считаем, что недоверие граждан не проявляется именно к сотрудникам следственных подразделений, а ограничивается ассоциативными чувствами, что все сотрудники полиции не заслуживают доверия из-за частого возникновения конфликтов с сотрудниками дорожно-патрульной службы. Именно такое отношение населения влияет на расследование в целом, что приводит к затруднениям в работе следователя, дознавателя в установлении всех обстоятельств дела. Более того, 70% опрошенных сообщили, что если бы стали очевидцами преступления, то не сообщили об этом в полицию, из-за нежелания связываться с ней и терять свое время и только 20% не стали бы сообщать в полицию из-за сочувствия к преступнику. Такие цифры дают право считать, что население в большинстве своем не являются нигилистами и есть возможность снизить желание противодействовать расследованию при возвращении доверия к сотрудникам полиции в целом.

Таким образом, первостепенной практической проблемой является недоверие населения к сотрудникам полиции, более того как показал опрос 80% опрошенных при правильном подходе к ним станут давать показания о преступлении свидетелями которого они стали. Проблема заключается в том, что для следователя, дознавателя и оперуполномоченного встает задача в поиске таких свидетелей и работа с ними, так как сами они не желают добровольно сообщать обо всем им известном.

Подводя итог вышесказанному, считаем, что проблема возникающего противодействия со стороны свидетелей уголовных правонарушений существует, которая вызвана недоверием к сотрудникам полиции. Такое противодействие следует считать, как противодействием до внесения регистрации уголовного правонарушения в базу ЕРДР, а также и противодействием на протяжении всего досудебного расследования.

Условно, оказываемое противодействие можно разделить до регистрации в базе ЕРДР и противодействие в ходе досудебного расследования. Конечно же, основное количество противодействия происходит:

- на стадии расследования уголовного дела;
- при подготовке к проведению следственных действий;
- при проведении следственных действий;
- при избрании меры пресечения;
- находясь под избранной мерой пресечения;
- при ознакомлении с материалами уголовного дела.

Похожую классификацию тактических приемов предложили ученые Н.И. Порубов и А.А. Закатов. Так, они считают, что по объему применения тактические приемы классифицируются:

а) относящиеся к следственному действию в целом (например, приемы допроса, осмотра, обыска);

б) относящиеся к конкретному виду следственного действия (например, к допросу обвиняемого, осмотру трупа, обыску в помещении)

в) относящиеся к отдельному этапу следственного действия (подготовке, проведению, фиксации) [1, с. 64].

Подготовка к проведению следственного действия заключается в определении круга лиц, которые будут задействованы в нем. Следующим этапом подготовки является оповещение всех лиц о дате и точном времени производства следственного действия. Если следователь, дознаватель предполагает, что определенное лицо может сорвать производство следственного действия, то ему необходимо получить подтверждение от данного лица о том, что он уведомлен о времени и месте проведения следственного действия. Таким образом, лицо, ведущее досудебное расследование предотвратит попытку противодействия расследованию путем срыва следственного действия. Данный этап подготовки относится к каждому следственному действию. Другие подготовительные действия, такие как подготовка вопросов (допрос, очная ставка), подготовка бирок, пакетов (осмотр места происшествия, проверка и уточнение показаний на месте) являются специфичные и относятся к конкретным следственным действиям.

При проведении следственного действия противодействие может проявляться в виде

- отказа от подписи постановления или протокола после окончания следственного действия;

- отказа от проведения следственного действия до его начала, но когда все участники уже прибыли для его производства;

- самовольное покидание места производства следственного действия его участниками;

- имитация болезненного состояния или состояния истерии;

- агрессия в отношении следователя и других присутствующих.

Противодействие при применении меры пресечения может оказываться со стороны подозреваемого, так как избирается в отношении него. При избрании меры пресечения в виде содержания под стражей подразумевается изоляция лица от общества в следственном изоляторе. При этом данная мера пресечения является самой строгой. Однако аналогичной мерой является домашний арест, только лицо не содержится под стражей, но к нему применяются все те же ограничения, что и в первом случае. Однако практика при применении домашнего ареста сталкивается с проблемами, которые, казалось бы, предусмотрены УПК.

Так, например, «запрет выхода из жилища полностью или в определенное время» [2]. Все ограничения указываются в постановлении суда о санкционировании меры пресечения в виде домашнего ареста и поэтому, как нам представляется, именно суд должен определять время, разрешенное для выхода «домашнего арестанта» из жилища, но нами было установ-

лено при интервьюировании работников следствия и дознания, что судьями не указывается это «определенное время» выхода. Все эти недоработки в законодательстве ведут к усложнению работы следователя. Существует большая вероятность того, что подозреваемый (обвиняемый) в случае чего сумеет в любое удобное для себя время, покинуть жилище и встретиться с кем угодно, в том числе с потерпевшими или свидетелями по делу и оказывать на них моральное давление (уговоры, запугивание, шантаж). Подозреваемый (обвиняемый) может использовать любые средства направленные на запутывание расследования, то есть на создание препятствий в работе следователя при расследовании дела. Для исключения таких форм противодействия со стороны подозреваемого (обвиняемого) УПК Республики Казахстан нуждается в доработке и дополнении. Необходимо законодательно закрепить обязанность суда при санкционировании домашнего ареста указывать в постановлении разрешенное время выхода из жилища «арестантом».

Следующим ограничением является, «запрет на ведение телефонных переговоров, отправление корреспонденции и использование средств связи, за исключением случаев предусмотренных пунктом 5) ст. 146 УПК Республики Казахстан» [2].

Под запретом, на ведение телефонных переговоров, понимается запрет на использование подозреваемым (обвиняемым) любого вида телефона (стационарного, мобильного, спутникового, видеозвонка, аудиозвонка), то есть не звонить и не отвечать на входящие звонки. Отправление корреспонденции подразумевает отправление не только писем, посылок, бандеролей, но и отправление электронных писем, СМС-сообщений, отправления сообщений через социальные сети и программы быстрого отправления сообщений (Imessage, WhatsApp, Viber и т.д.).

Такое ограничение распространяется только на подозреваемого или обвиняемого, но существует вероятность, что вышеуказанное лицо может воспользоваться мобильным телефоном проживающих с ним лиц. И как орган, ведущий уголовных процесс сможет отследить такие действия «арестанта».

Способ пресечение нарушения этого ограничения или способ лишения подозреваемого (обвиняемого) возможности использования мобильного телефона мы рассмотрим ниже, при рассмотрении п. 5 данной статьи.

Далее, «запрет на общение с определенными лицами и принятие кого бы то ни было у себя» [2].

В постановлении о санкционировании меры пресечения в виде домашнего ареста суд налагая данное ограничение, должен определить круг лиц, на которых возлагается запрет. Для недопущения нарушения подозреваемым (обвиняемым) наложенных ограничений, суд в своем постановлении обязан указывать всех лиц, общение с которыми может создать препятствия в расследовании. Неуказанный круг лиц, может в дальнейшем дать возможность для воспрепятствования законной деятельности следователя, так как следователь не имеет права выносить от своего имени постановление дополняющие постановление суда. И опять таки получается, что ограничение на общение с определенными лицами наложено судом, но с какими именно лицами общение запрещено, не понятно. Таким образом, пробел в законодательстве, дает для подозреваемого (обвиняемого) лазейку для оказания противодействия следствию. Подозреваемый (обвиняемый), не имея запрета на ограничение общения с конкретными лицами, имеет возможность встретиться с соучастниками преступления, возможно, которые еще не являются фигурантами дела. Помимо того, что этот пункт ограничения нуждается в дополнении, а именно законодатель должен обязать суд указывать круг лиц, с которыми «арестанту» запрещено общаться, существует еще одна недоработка в законе. Предположим что, суд определил конкретных лиц, с которыми запрещено общаться подозреваемому (обвиняемому), например, это соучастник преступления, но лицам проживающим с «домашним арестантом» не запрещено общаться с ним и поэтому есть большая вероятность того что передача значимой информации может произойти не самим «арестантом», а членами его семьи, проживающими с ним. А это заведомо ведет к утрате доказательств и усложнению по делу. В связи с чем, разрешение данной проблемы нам представляется, во введении запрета на общение с указанными судом лицами, всех проживающих в жилище с по-

дозреваемым (обвиняемым). Такое ограничение должно быть обязательно представлено им для ознакомления и получено их согласие и только после этого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста.

«Возложение обязанностей отвечать на контрольные телефонные звонки или иные сигналы контроля, звонить по телефону или лично являться в определенное время в орган дознания или другой орган, осуществляющий надзор за поведением подозреваемого, обвиняемого или подсудимого» [2]. Данный пункт следует разделить на подпункты и рассмотреть каждый в отдельности.

Возложение обязанности отвечать на контрольные телефонные звонки или сигналы контроля, на первый взгляд, никакой противоречивости с пунктом запрета ведения телефонных переговоров, отправки корреспонденции и использования средств связи нет. Однако, лицо находящееся под домашний арестом не может вести телефонные переговоры, но отвечать на контрольные звонки может. Возникает вопрос, как он может разделять эти звонки и понимать когда ему звонят с контрольным звонком. Под запретом на ведение телефонных переговоров, мы понимаем, запрет вообще отвечать на телефонные звонки. Возможно, законодатель подразумевал наличие в жилище других членов семьи, на которых не распространяется запрет пользоваться телефоном, которые и будут решать передавать телефонную трубку подозреваемому или нет. Однако их присутствие в жилище не всегда может быть. В таком случае может возникнуть противоречивая ситуация. Либо заинтересованность следователя в изменении меры пресечения на более тяжкую или заинтересованность подозреваемого в излишнем приезде следователя для проверки нахождения подозреваемого в жилище. То есть, следователь производит контрольный звонок, но на него подозреваемый не отвечает, после чего он докладывает об этом рапортом и выносит постановление о ходатайстве перед прокурором об изменении меры пресечения связанной с содержанием под стражей или наоборот подозреваемый намеренно не отвечает на контрольные звонки для того, чтобы следователь приехал для проверки в жилища, тем самым затратив свое рабочее время в пустую, а затем подозреваемый пояснит, что выполнял запрет на ведение телефонных переговоров и не мог нарушить его. Эти примеры мы можем применять при использовании стационарного телефона.

Во избежание таких ситуаций, контрольные звонки могут производиться на сотовый телефон. Однако стоит заметить, как следователь сможет отслеживать другие действия, с мобильного телефона подозреваемого. Конечно же, подозреваемый понимая, что на номер его мобильного телефона можно взять детализацию звонков, может использовать другую симкарту в телефоне, о наличии которой орган ведущий расследование может и не знать.

Органом осуществляющим контроль может быть выдан сотовый телефон подозреваемому, на который и будут производиться контрольные звонки. Но такая процедура не закреплена ни в УПК, ни в правилах исполнения, меры пресечения, в виде домашнего ареста подпisanного совместным приказом Генерального Прокурора Республики Казахстан от 2 сентября 2014 г. № 86 Председателя Комитета национальной безопасности Республики Казахстан от 4 сентября 2014 г. № 290 Министра внутренних дел Республики Казахстан от 29 августа 2014 г. № 564 Министра финансов Республики Казахстан от 11 сентября 2014 г. № 394 Председателя Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции от 12 сентября 2014 г. № 4 [3].

Помимо всего, в статье о домашнем аресте нет упоминания об «Интернете». УПК РФ в ст. 107 «домашний арест» [4] в части запретов и ограничений указал «информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»». Однако наш законодатель использовал понятие средства связи.

В законе Республики Казахстан от 5 июля 2004 года №567- II «О связи» в ст. 1 указывает, что «Средства связи и вычислительной техники, а также информационных систем составляют техническую базу обеспечения процесса сбора, обработки, накопления и распространения информации [5]. И так как этот закон регламентирует работу, как телефонов, так и интернета, то считаю, что отечественный законодатель дал более широкое понятие, чем «Интернет». Поэтому считаем, что использование интернета лицом, находящимся

под домашним арестом, должно быть категорически запрещено. Ведь подозреваемый может использовать интернет для общения с лицами, на которых у него запрет на общение. Также он может подключиться к интернету через свой мобильный телефон, не используя сотовую связь, а используя беспроводной интернет. Следовательно, заподозрив это, может сделать запрос в компанию предоставляющую интернет, какие сайты используются квартирой, в которой находится подозреваемый. А если он использует беспроводную связь, не своей квартиры, а соседей или он использует роутер с функцией раздачи интернета с симкартой, зарегистрированной не на имя подозреваемого (обвиняемого). Также подозреваемый может использовать ноутбук проживающих с ним лиц и через их аккаунты осуществлять общение с лицами, на который наложен запрет или с другими нужными ему лицами. В настоящее время существует огромное множество способов налаживания связей и контактов с лицами, которые нужны подозреваемому и следовательно не имеет технической возможности, а также столько свободного времени, чтобы отслеживать подозреваемого в отношении которого применен домашний арест. В таком случае применение данной меры пресечения не может в полном объеме ограничить использование телефонных переговоров, отправленные корреспонденции. Решение данной проблемы, мы видим, в полной изоляции жилища в котором находится подозреваемый, от телефонов (стационарных, мобильных), интернета. От других проживающих в данном жилище лиц, получить письменное согласие на такие ограничения и в отношении них.

Рассмотрев спорные пункты ограничений, считаем необходимым, проанализировать ситуацию, которая складывается при применении домашнего ареста на практике. Во-первых, возникает вопрос, при соблюдении подозреваемым (обвиняемым) всех наложенных ограничений, как он может быть оповещен следователем о производстве следственных действий. Каждый раз привозить повестку, затруднительно для следователя или каждый день давать для этого поручение органу дознания.

Во-вторых, добросовестно оповестили подозреваемого о начале следственных действий и обязательной его явке. Теперь другая проблема для расследования уголовного дела, которая может стать противодействием со стороны подозреваемого, как он доберется до места проведения следственного действия. На автобусе или на автомашине, и где гарантия того, что он не встретится во время поездки со своими поделчиками.

Так как подозреваемый не имеет право покидать пределов жилища, то в качестве рекомендаций и в целях предотвращения какого-либо противодействия, мы предлагаем, что бы подозреваемого заранее не оповещали о предстоящем следственном действии, а направляли по месту его нахождения оперативных работников или участковых, которые доставляли бы его к следователю. В таком случае, у подозреваемого не будет возможности заранее спланировать встречу с кем-либо и осуществить ее при следовании в орган досудебного расследования.

Проведенный нами анализ УПК различных стран о применении меры пресечения в виде домашнего ареста показал, что УПК Болгарии [6] и Украины [7] в качестве ограничений применяет только запрет подозреваемому или обвиняемому покидать жилище круглосуточно или в определенный период суток и без разрешения соответствующего органа.

УПК Республики Молдова дает три ограничения

- 1) запрет выхода из жилища;
- 2) ограничение телефонных переговоров, получения и отправления почтовых отправлений и использования других средств связи;
- 3) запрет общаться с определенными лицами и принимать кого-либо в своем жилище [8].

УПК РФ применяет почти такие же ограничения, как и УПК Республики Молдова, только законодатель РФ не вносит запрет на прием в жилище кого-либо. И как мы ранее указывали, использует понятие «Интернет». Кроме РФ, никто не применяет этого термина.

- 1) выход за пределы жилого помещения, в котором он проживает;
- 2) общение с определенными лицами;
- 3) отправку и получение почтово-телеграфных отправлений;

4) использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" [4].

УПК Республики Азербайджан [9], Республики Беларусь [10], Республика Таджикистан [11] в статье о домашнем аресте применяют как и в УПК Республики Казахстан семь ограничений.

Таким образом, подводя итоги подраздела считаем, что уголовно-процессуальный кодекс нуждается в некоторых изменениях и дополнениях направленных на предупреждение противодействия расследованию со стороны подозреваемого при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста:

1. Обязать суд, при вынесении постановления о санкционировании меры пресечения в виде домашнего ареста, в случае избрания ограничения в виде запрета покидать жилище, указывать время разрешающее выход из жилища. Также при запрете на общение с определенными лицами, указывать данные этих лиц.

На основании проведенного анализа предлагается изменить содержание п.1, 2, 3 ч.2 ст. 146 УПК Республики Казахстан

п. 1) запрет выхода из жилища полностью или в определенное время (с указанием времени);

п. 2) запрет на ведение телефонных переговоров, отправление корреспонденции, использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети интернет;

п. 3) запрет на общение с определенными лицами (с обязательным указанием этих лиц).

Далее противодействие оказываемое при ознакомлении с материалами уголовного дела возможно со стороны подозреваемого и адвоката, а также потерпевшего и его представителя.

Изучение уголовных дела показало, что в 20% оказывалось противодействие со стороны подозреваемого в виде невыезда из условий содержания следственного изолятора и затягивание изучения материалов уголовного дела. В 12% случаях установлено, что адвокатами срывается ознакомление с материалами уголовного дела в виде неявки в назначенное время к следователю, под предлогом занятости или участия на суде или других следственных действиях, а также написание жалоб в сети «Интернет» для создания общественного резонанса с разглашением тайны досудебного расследования. В 10% случаях оказывается противодействие в виде неявки в назначенное время.

При изучении уголовного дела №117514031005868 было установлено, что после ознакомления с материалами дела представителем потерпевшего У. было опубликовано на своей странице в «Фейсбук» открытое обращение к общественности «Жизнь бесценна. Жизнь женщины более «бесценнее». Не так ли прокуратура Бостандыкского района города Алматы?» В данной статье, представитель потерпевшего указывает о том, что было совершено убийство женщины в однокомнатной квартире тремя мужчинами. Однако в суд уголовное дело по убийству направляется только в отношении одного подозреваемого гр.А., тогда как двух других гр.Н. и гр.М. увели от уголовной ответственности за совершение особо тяжкого преступления. При этом, представитель потерпевшего указывает в своем обращении о предметах которые были изъяты при осмотре места происшествия. Что не соответствует действительности [12]. Данная статья была опубликована другими пользователями «Интернета», на нее поступили многочисленные гневные комментарии в отношении справедливости принятого решения и созданся общественный резонанс. После публикации, прокуратурой г.Алматы было направлено письменное указание следователю о рассмотрении вопроса о квалификации деяния гр.Н. и гр.М. по ст. 99 ч. 2 п. 7 УК Республики Казахстан (совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору). Производство по делу было возобновлено и позже направлено в суд по ст. 99 ч. 2 п. 3, 10 только в отношении гр.А. Вышесказанное свидетельствует о том, что адвокатами может оказываться противодействие расследованию при ознакомлении с материалами уголовного дела путем создания общественного резонанса вследствие субъективного описания событий адвокатом, при этом общественности предоставляется необъективная картина преступления.

Таким образом, проведенное нами исследование мнений следователей и дознавателей, а также изучение уголовных дел показало, что при ознакомлении с материалами уголовного

дела большую популярность набирает противодействие расследованию адвокатами и представителями потерпевшего с использованием Интернета, тем самым оказывая воздействие на мнение населения, создавая общественный резонанс и негативную критику в адрес органов досудебного расследования.

Преодоление противодействия в данном случае, мы полагаем, возможно, в создании при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан отдела по работе с общественностью в «Интернете». Считаем, что данный отдел должен заниматься изучением такого рода жалоб на досудебное расследование всех правоохранительных органов и в кратчайшие сроки давать официальный ответ как на своей странице в «Интернете», так и на странице лица, оставившего жалобу. Таким образом, органы досудебного расследования не будут лишены принципа равноправия в защите своей правоты и обоснованности принятого решения по результатам уголовного расследования. Для населения же совершенное уголовное правонарушение не будет представлено только со стороны субъективного мнения адвоката (представителя потерпевшего), что позволит создать объективное мнение граждан. Возможно, внедрение такой практики, оградит правосудие Республики Казахстан от несправедливых высказываний в отношении органов досудебного расследования. Более того, должностные лица, не столкнувшись с таким противодействием со стороны адвоката (представителя потерпевшего) как создание общественного резонанса и отмену решения следователя, дознавателя. Вполне возможно, что такая практика может повлиять на повышение уровня доверия населения к органам досудебного расследования.

Список использованной литературы

1. Порубов Н.И., Закатов А.А. Семинары по криминалистике: Учеб.-метод. Пособие. – Мн.: Высш. Шк., 1984. – 192 с.
2. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=26;-244 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан с изменениями и дополнениями на 01.03.2018 г. Интернет ресурс. Дата обращения 02.04.2018г.
3. https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo_respubliki_kazahstan_premier_ministr_rk/konstitutsionnyy_stroy_i_osnovnyy_gosudarstvennogo_upravleniya/id-V14C0009741/ Об утверждении правил исполнения меры пресечения. Интернет ресурс. Дата обращения 05.01.2018 г.
4. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/40cd0f0718f4eed66f7fdd5efde44f45a11fb56a/ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174 –ФЗ (ред. от 23.04.2018). Интернет ресурс. Дата обращения 25.04.2018 г.
5. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1049207#pos=0;0 Закон Республики Казахстан от 5 июля 2004 года № 567- II (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.01.2018 г.) Интернет ресурс. Дата обращения 25.04.2018 г.
6. <http://www.twirpx.com/file/1097891/> Уголовно-процессуальный кодекс Болгарии от 14 октября 2005 г. Интернет ресурс. Дата обращения 02.04.2018 г.
7. <http://kodeksy.com.ua/ka/upku-2012/statja-181.htm> Уголовно-процессуальный кодекс Украины ст. 181 от 13.04.2012 №4651-VI. Интернет ресурс. Дата обращения 25.04.2018 г.
8. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года №122-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15.02.2018 г.)
9. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280#pos=2194;-153 Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 № 907-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.09.2016 г.) Интернет ресурс. Дата обращения 25.04.2018 г.
10. <http://kodeksy.by/ugolovno-processualnyy-kodeks/statya-125> Статья 125. Домашний арест. Кодекс Республики Беларусь. Интернет ресурс. Дата обращения 05.04.2018 г.
11. http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=30692 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 03 декабря 2009 г. Интернет ресурс. Дата обращения 22.04.2018 г.
12. <https://www.facebook.com/aiman.umarova> «Жизнь бесценна. Жизнь женщины более «бесценнее». Не так ли прокуратура Бостандыкского района города Алматы?» Интернет ресурс. Дата обращения 24.04.2018г.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ХОДЕ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СФЕРЫ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ И КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Алескеров В.И., профессор Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Колокольчикова О.Н., старший преподаватель Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России

Преступления экстремистской и террористической направленности, совершаемые с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации, несут глобальные угрозы и являются весьма опасными как для нашего общества и государства, так и для всего мирового сообщества в целом. Ущерб, наносимый этими видами преступлений, в настоящее время имеет рост геометрической прогрессии. Проведенный анализ рассматриваемых видов преступлений показывает, что практически каждое крупное преступление террористической и экстремистской направленности совершается с применением телекоммуникационных систем и компьютерной информации. В связи с этим возникает необходимость установления уголовной ответственности за причинение невосполнимого вреда в связи с незаконным использованием телекоммуникаций и компьютерной информации. Так как в настоящее время участились случаи незаконного использования сферы телекоммуникаций и компьютерной информации, возникла потребность установления нововведения в уголовное законодательство и пересмотр в сторону усиления ответственности в связи с несанкционированным использованием информации террористической и экстремистской направленности, хранящейся на различных электронных носителях.

Все мировое сообщество бросает огромные силы, разрабатывает новые способы и средства борьбы с такими особо тяжкими преступлениями, как экстремизм и терроризм, приносящие весьма жестокие и порой непоправимые последствия.¹

К сожалению, до настоящего времени во многих организациях, предприятиях, учреждениях и отраслях производства по сравнению с информацией, зафиксированной на бумажных носителях, сфера телекоммуникаций и компьютерная информация остается наиболее уязвимой.

Анализ положений действующего Уголовного кодекса Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что законодатель в гл. 28 УК Российской Федерации «Преступления в сфере компьютерной информации» дал несколько понятий, ранее не имевших место не только в понятийно – терминологическом аппарате уголовного права, но и в «информационном» законодательстве, так как ранее не было практических наработок и теоретических ре-

¹ См.: фото 1.

комендаций по раскрытию и расследованию преступлений в этой сфере. В целях своевременного документирования преступной деятельности данного вида преступлений и получения необходимой доказательной базы в отношении лиц, их совершивших, в структуре МВД России созданы специализированные подразделения.

В настоящее время современное мировое сообщество не может представить свою жизнедеятельность без освоения новых достижений в свете быстро развивающихся информационных технологий. Однако не все слои населения ее достижения используют в благих целях, а наоборот совершают преступления экстремистской и террористической направленности. Преступления экстремистской и террористической направленности с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации носят специфичный характер, в настоящее время – это быстро растущие, набирающие оборот, новации в системе уголовного права. Так как способы их совершения настолько многогранны и носят изощренный характер, что порой сотрудникам соответствующих структурных оперативных и следственных подразделений МВД России при документировании и раскрытии данного вида преступлений приходится сталкиваться с определенными трудностями, в связи с чем разрабатываются и внедряются новые формы и методы оперативно-розыскной деятельности.

В целях своевременного получения информации о расположении быстро передвигающихся лагерей экстремистских и террористических группировок и последующего оперативного развертывания плана по изобличению лиц, входящих в преступные группировки, оперативные подразделения правоохранительных органов Российской Федерации внедряют в деятельность по раскрытию данного вида преступлений современные методы, касающиеся успешного и эффективного расследования уголовных дел и выявления лиц, причастных к их совершению.

Одним из способов своевременного получения информации и раскрытия преступлений экстремистской и террористической направленности становится интенсивно развивающийся метод использования многофункциональных комплексов на основе беспилотного воздушного судна (БВС). Указанные комплексы предназначены для оперативного и достоверного получения информации об объектах различного происхождения, используемой в ходе расследования подготавливаемых или совершенных преступлений, а также в процессе доказывания по изобличению лиц, виновных в совершении преступных деяний.¹

Совсем недавно, а именно в начале января 2018 года международными террористами были использованы так называемые летательные самодельные беспилотники, начиненные боекомплектами с современным процессорным оборудованием, которые получали свое управление на отдаленном расстоянии посредством возможностей радиолокационных и телекоммуникационных сетей с целью совершения на территории Сирии серии террористических актов. Однако благодаря проведению миротворческой миссии по ликвидации экстремистских и террористических организаций на территории Сирии со стороны военнокосмических сил и органов внутренних дел Российской Федерации была проведена контр операция по уничтожению данных беспилотников.²

Необходимо заметить, что одним из важнейших составляющих элементов криминалистической характеристики методики раскрытия преступлений экстремистской и террористической направленности, совершаемых в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации (компьютерных преступлений), является субъективная особенность личности преступника, которая на начальном этапе раскрытия преступлений характеризуется лишь скудной информацией.

Мы абсолютно согласны с мнением, высказанным Т.В. Ворошиловой, которая предлагает учитывать такие составляющие, как пол, возраст, социальное происхождение, уровень образования, род занятий, наличие специальности, семейное положение, социальный статус, уровень материальной обеспеченности, место жительства, а также места проведения досуга и

¹ См.: фото 2.

² См.: фото 3.

возможная принадлежность к определенной субкультуре.¹ Иными словами, немаловажное значение в раскрытии любого вида рассматриваемых преступлений играет своевременно полученная информация, раскрывающая характерологическую особенность психологии личности преступника.

Рассмотрим следующие примеры из положительного опыта работы по своевременно полученной информации о субъективной характерологической особенности личности подозреваемого лица:

Пример 1. В городе Энске в январе 2016 года оперативными сотрудниками МВД России была получена своевременная информация о том, что некий гр-н К., являющийся активным участником фанатской группировки, постоянно размещал информацию, направленную на разжигание межнациональной розни, возбуждение ненависти и вражды, а также унижение человеческого достоинства по признаку национальности, происхождения, отношения к религии, в частности, евреев и лиц кавказской национальности, пропагандируя идеологию нацизма, с публичной демонстрацией нацистской атрибутики. В целях получения более точной информации и тщательной ее проверки был намечен план по противодействию и документированию преступной деятельности гр-на К. В ходе реализации намеченных пунктов плана по его разоблачению активный фигурант был изобличен, а его преступная деятельность документирована. Как результат, в отношении фигуранта было возбуждено уголовное дело, где в ходе судебного слушания преступная деятельность была доказана полностью, и К. был осужден по признакам состава преступления, предусмотренного ч.1 ст. 282 УК Российской Федерации.

Пример 2. В 2016 году в суд с обвинительным заключением направлено уголовное дело в отношении активного участника фанатской группировки «Партизаны» гр. В., по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК Российской Федерации. Установлено, что указанный гражданин в марте 2015 года в социальной сети «ВКонтакте» под ником «N» на своей странице в Интернете опубликовал видеоролик, направленный на разжигание межнациональной розни, возбуждение ненависти и вражды, а также унижение человеческого достоинства по признаку национальности, происхождения, отношения к религии, в частности евреев и лиц кавказской национальности, пропагандируя идеологию нацизма, с публичной демонстрацией нацистской атрибутики.

Из приведенных примеров мы видим, что своевременно полученная информация позволяет при более глубоком анализе определить правильную линию поведения сотрудников оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел, сузить круг подозреваемых лиц, установить мотив преступления, способ его совершения, а также выдвинуть конкретные версии, отработка которых точно ориентирует и приблизит оперативных сотрудников и следователей к проведению оперативно-розыскных и следственных действий, способствующих раскрытию данного вида подготавливаемых и (или) совершаемых преступлений. Это позволит с наименьшей затратой времени выйти на более точное оперативное сопровождение по установлению конкретных лиц, причастных к совершенному или подготавливаемому преступлению, и, как положительный результат, приведет в ходе расследования уголовных дел к изобличению фигурантов.

Исходя из того, что в последнее время, лица, склонные к совершению преступлений все чаще стали использовать сферу телекоммуникаций и компьютерной информации, а также изучив точку зрения авторов на понятие «компьютерной информации», как предмета преступления, на наш взгляд, можно сформулировать как организационно упорядоченную совокупность сведений (сообщений, данных), зафиксированных на машинном носителе или находящихся в оперативной памяти компьютера либо в информационно – телекоммуникационной сети с реквизитами, позволяющими их идентифицировать, имеющую собственника либо иного законного владельца.

¹ Ворошилова Т.В. Социальная и психологическая характеристика личности компьютерного преступника. М., 2009. с. 5.

Что же касается телекоммуникационных сетей, то нами предпринята попытка в представленной работе дать свое видение на понятие «телекоммуникационной сети», которую мы представляем следующим образом. Телекоммуникационные сети – это технические средства (механизмы, оборудование) и устройства информационного обмена, а также программные средства, при помощи которых субъекты информационного права могут «обмениваться» информацией и «преобразовывать» информацию в пространстве и времени через технические каналы связи (электросвязи, каналы оптической связи), представляющие собой технологические системы с различными видами передач (цифровое телевидение, различные виды работы в Интернете, факсимильная, телеграфная, телефонная и др., включая обмен информацией между электронными устройствами и другие виды документальных сообщений).

Полагаем, что уголовно-правовой защите подлежит любая информация, неправомерное обращение с которой может нанести ущерб ее собственнику (владельцу, пользователю). При закреплении предложенных определений в базовом для этой сферы законодательстве, например в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», оно позволит, на наш взгляд, существенно сократить ошибки в правоприменении рассматриваемых уголовно-правовых норм¹.

В настоящее время информационные системы и сети связи глубоко проникли в различные сферы общества. Сформировалось глобальное информационное пространство, без которого люди уже не представляют своей жизни².

Основными особенностями современных информационных сетей, являются:

- их доступность и простота использования для практически любого пользователя;
- возможность обмениваться информацией непосредственно с конкретным человеком независимо от его местоположения;
- интернациональный характер информационного обмена, практически устранивший границы для общения, когда получение услуг осуществляется независимо от государственной принадлежности и расположения, как поставщика услуг, так и их получателя³.

Свобода проявлений в информационном пространстве позволяет с успехом действовать в нем и преступникам самых различных направлений и специализаций. То есть информатизация общества, наряду с преимуществами, неизбежно привела и к информатизации криминальной среды, придала ей ярко выраженный интернациональный и высокотехнологичный характер.

Лица, склонные к совершению выше указанных преступлений, используют возможности информационно-телекоммуникационных систем, что способствует расширению транснационального масштаба, и, как результат, в конечном итоге определяют и создают угрозу национальной безопасности. События, произошедшие в таких странах, как Грузия, Ирак, Иран, Ливия, Сирия, Турция, Украина и т.д., показали эффективность использования информационных технологий для организации массовых беспорядков, по агитационному воздействию на сознание людей, что, в ряде случаев, обеспечило переворот и захват власти радикальными силами.

Преступность в Интернете приобретает все более опасные и организованные формы, получая при этом ярко выраженный международный характер. Так, отмечается усиление организованности криминальных структур, использующих возможности Интернета для осуществления международной организованной преступной деятельности, проявлений терроризма и экстремизма. Такие структуры широко применяют методы конспирации, используют распределенные информационно-телекоммуникационные системы для организации и управления преступной деятельностью, для сокрытия следов преступлений.

¹ Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России - № 2 (26) – 2013. – С. 32-37.

² Мельников Д.А. Организация и обеспечение безопасности информационно-телекоммуникационных сетей и систем: Учебник. – М.: ИД КДУ, 2015. – 598 с.

³ Мирошников Б.Н. Сетевой фактор. Интернет и общество. - М.: Кучково поле, 2015. -288 с.

В то же время информационное пространство содержит значительные объемы разнообразной информации, которая может представлять интерес для оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел. Данная информация успешно используется для решения задач ОРД и в ходе производства отдельных следственных действий, *в том числе для противодействия экстремистским и террористическим проявлениям, тяжким и особо тяжким видам преступности, движению денежных средств, полученных противоправным путем, и криминальным источникам финансирования международных преступных группировок, экстремистских и террористических организаций*¹.

Преступники в настоящее время стали все чаще использовать сетевое информационное пространство. Форумы, блоги и социальные сети для значительной части населения большинства стран мира стали основным способом массового общения, самоидентификации и самореализации в многоуровневой и разветвленной информационной среде пользователей и в реальной жизни². В зависимости от складывающейся оперативно-следственной ситуации сотрудники правоохранительных органов планируют проведение того или иного вида ОРМ и избирают специфичную тактику осуществления необходимых следственных действий, что зависит от хорошей профессиональной подготовки сотрудников следственных подразделений.

Вид и тактика проведения оперативно-розыскных мероприятий и проведение следственных действий, зачастую, зависят от характерной особенности места нахождения субъекта преступления, как в сетевом информационном пространстве, так и в современных информационно-телекоммуникационных средах.

Технология сетевых коммуникаций в информационной среде и специфика организации сетевого информационного пространства создает устойчивые предпосылки для структурной оптимизации криминальных формирований. Анализ показывает³, что преступные группы, экстремистские и террористические организации существенно меняют организационные формы и уже достаточно часто отходят от построения по принципу крупных, вертикально ориентированных иерархических организаций⁴.

В качестве нового вида социального образования, сетевого информационного пространства (киберпространство), сформировавшегося при использовании глобальных информационно-телекоммуникационных сетей, современные системы электросвязи базируются на сетевых технологиях и определяют специфику организационно-тактических форм проведения ОРМ и последующих следственных действий в борьбе как с общеуголовной преступностью в Интернете, так и с сетевыми криминальными явлениями.

Одной из разновидностей оперативно значимой информации о преступлениях экстремистской и террористической направленности может быть информация, сконцентрированная на сетевых криминогенных объектах в виде:

- а) следов противоправной деятельности;
- б) сообщений лиц, осведомленных об обстоятельствах подготовки и совершения преступлений;
- в) ссылок на сетевые адреса размещения материалов, запрещенных к распространению.

Таким образом, лица, склонные к совершению преступлений экстремистской и террористической направленности с использованием возможностей современных информационных систем, значительно отличаются от представителей общеуголовной преступности, так как они подготавливают технологию осуществления своих преступных намерений гораздо «профессиональнее», с имеющимися навыками в области телекоммуникаций и компьютерной информации.

¹ Сундиев И.Ю., Смирнов А.А., Кундетов А.И., Федотов В.П. Теория и практика информационного противодействия экстремистской и террористической деятельности. – М.: 2014. -247 с.

² Потупчик К., Федорова А. Власть над Сетью. Как государство действует в Интернете. - М.: Алгоритм, 2014. – 352.

³ Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. – М.: Идея-Пресс, 2008 – 268 с.

⁴ Эффективные меры борьбы с транснациональной организованной преступностью // XI Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. — Бангкок, 2005.

Сетецентрические войны

Фото 1.

Использование новых информационных технологий и радиотехнических методов в борьбе с преступностью.

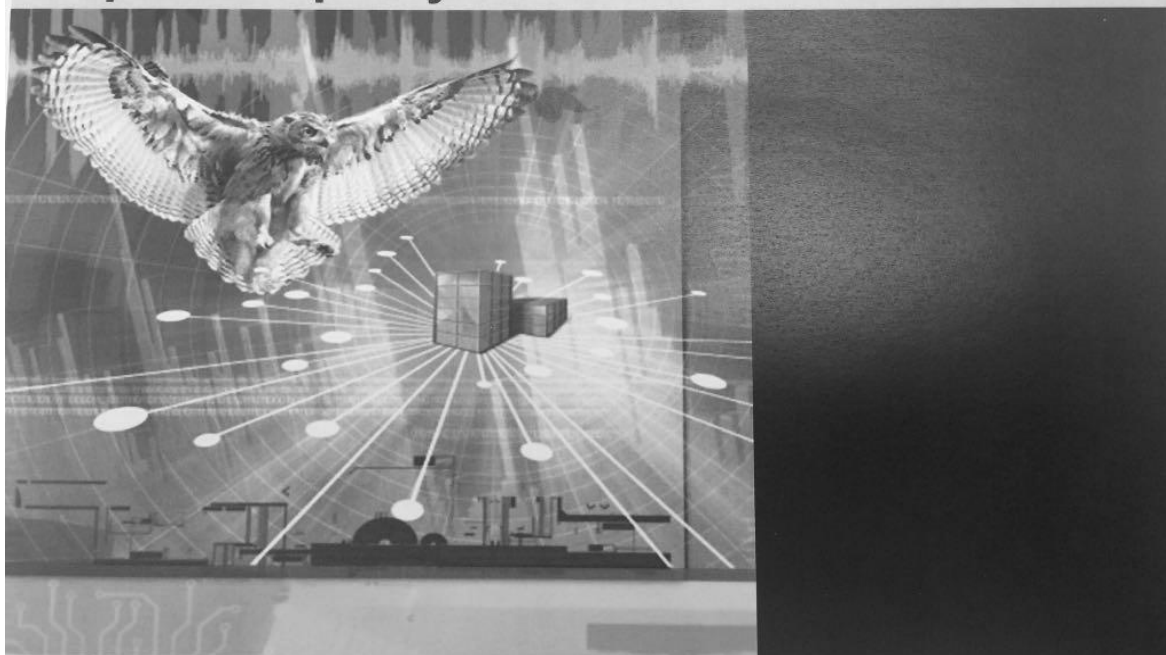

Фото 2.

Фото 3.

Список использованной литературы:

1. Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России - № 2 (26) – 2013. – С. 32-37.
2. Ворошилова Т.В. Социальная и психологическая характеристика личности компьютерного преступника. – М., 2009. – С. 5.
3. Мельников Д.А. Организация и обеспечение безопасности информационно-телекоммуникационных сетей и систем: Учебник. – М.: ИД КДУ, 2015. – 598 с.
4. Мирошников Б.Н. Сетевой фактор. Интернет и общество. – М.: Кучково поле, 2015. – 288 с.
5. Потупчик К., Федорова А. Власть над Сетью. Как государство действует в Интернете. – М.: Алгоритм, 2014. – 352.
6. Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. – М.: Идея-Пресс, 2008 – 268 с.
7. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А., Кундетов А.И., Федотов В.П. Теория и практика информационного противодействия экстремистской и террористической деятельности. – М., 2014. – 247 с.
8. Эффективные меры борьбы с транснациональной организованной преступностью // XI Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. – Бангкок, 2005.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИИ АБОНЕНТСКИХ УСТРОЙСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С БЕЗВЕСТНЫМ ИСЧЕЗНОВЕНИЕМ ЛЮДЕЙ

Алехин Д.В., заведующий кафедрой криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

В ходе проведения проверок сообщений о безвестном исчезновении человека в порядке ст.ст. 144, 145 УПК РФ и при производстве предварительного следствия в полной мере должны использоваться возможности исследования абонентских устройств (мобильных телефонов), а также технические возможности компаний сотовых операторов связи с целью отыскания пропавшего человека, похищенных в ходе преступлений средств мобильной связи, привязки определенного круга лиц к конкретной территории, установления контактов и связей пропавшего и подозреваемого.

Как показывает практика, в современное время большое количество рассматриваемых преступлений раскрыто благодаря возможности установления принадлежности того или иного мобильного телефонного аппарата, его местонахождения в период, интересующий следствие, анализа соединений конкретного абонентского номера с другими абонентами, использования в аппарате нескольких SIM-карт, времени и места их активации. Совершенно справедливо отмечается в юридической литературе, что «сотовая связь стала основным средством передачи информации между преступниками в целях: установления, поддержания, укрепления преступных связей; координации преступной деятельности со стороны организационного звена преступных групп ... оказания активного противодействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность и предварительное следствие»¹.

Так, в ходе расследования преступления об убийстве Е. и продажи его квартиры путем мошенничества, допрошенные родственники и знакомые пропавшего пояснили, что он пользовался мобильным телефоном, который не был обнаружен в квартире. В результате оперативно-розыскных мероприятий было установлено, что в мобильный телефон Е. вставлялась SIM-карта, принадлежащая К. – его бывшему соседу, судимому за разбойное нападение. После установления местонахождения телефона Е., новый владелец показал, что его подарил ему К., хотя последний в ходе допроса отрицал причастность к совершенным преступлениям.

В связи с этим, о возможностях получения значимой для уголовного дела информации при исследовании устройств сотовой связи и данных, полученных от операторов сотовой связи, следует остановиться более подробно.

Современный сотовый телефон представляет собой гибрид телефона, компьютера, фотоаппарата, видеокамеры, диктофона, записной книжки - возможности сотовых телефонов этим не исчерпываются. При таком разнообразии функций и возможностей сотовый телефон стал источником бесценной информации по уголовному делу. Так при нахождении пропавшего без вести в зоне действия сотовой сети возможно определение его местонахождения с точностью до сектора базовой станции, однако для получения подобных данных необходимо, чтобы абонент совершил какое-либо активное действие (совершил или принял звонок, отправил/принял сообщение, использовал возможности WAP, GPRS и пр.). В таком случае по постановлению следователя и с согласия суда (ст. 186.1 УПК РФ) информация может быть передана оператором сотовой связи для приобщения к материалам уголовного дела. При получении подобной информации следователь имеет возможность сделать выводы о нахождении определенного телефонного аппарата внутри сектора обслуживания базовой станции, радиус которого может варьироваться

¹ Агафонов В.В., Вазюлин С.А., Васюков В.Ф. Особенности формирования доказательств с использованием информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: криминалистические и процессуальные аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 5.

от нескольких сотен метров (200-400 м в крупных населенных пунктах) до нескольких километров (2-5 км - автотрасса) или даже десятков километров (до 35 км в малонаселенных или вне населенных пунктов).

Вместе с тем, как показывает проведенное исследование, объективным препятствием в деле розыска безвестно отсутствующих, является отсутствие предусмотренной законом возможности получения в рамках проверки сообщения о безвестном исчезновении в порядке ст. 144, 145 УПК РФ, сведений о соединениях, осуществленных с абонентских номеров разыскиваемых в порядке, предусмотренном ст. 186.1 УПК РФ.

Существует неподтвержденное официальными источниками мнение, что местоположение абонента сотовой сети может быть определено с точностью до нескольких десятков, сотен метров. Данная точка зрения основывается на некоторых особенностях стандарта связи GSM. Например, любой телефонный аппарат периодически подает в сеть сигнал, который можно условно назвать «я здесь». При этом данный сигнал принимается какой-либо базовой станцией, а чаще несколькими базовыми станциями, после чего, основываясь на ряде технических и физических характеристик принятого сигнала, решается, через какую базовую станцию будет осуществляться обслуживание данного абонента. Фактически при принятии данного решения определяются расстояния до всех базовых станций, принявших сигнал от конкретного телефонного аппарата. Учитывая, что положение базовых станций постоянно, то, применяя геометрические методы возможно определение положение абонента в пространстве. Имея достаточно подробные электронные карты местности, зная расположение базовых станций, можно указать конкретное местонахождение абонента. В настоящее время местные операторы сотовой связи отрицают возможность определения местонахождения произвольного оператора, однако такие операторы как Мегафон и МТС (сведения с официальных сайтов операторов) вводят подписные сервисы по определению местоположения абонентов в Москве в текущий момент времени с возможностью привязки к электронной карте города. При этом нет сведений о возможности установления перемещений абонента в прошлом без предварительного включения данной функции, а по большинству уголовных дел, расследуемых следователями СК, имеется необходимость выяснять информацию о нахождении неопределенного круга абонентов в районе места происшествия именно в прошедшем времени.

В сотовом телефоне может находиться следующая информация:

- контакты (ФИО, телефонные номера, адреса, иная информация в зависимости от модели телефона);
- текстовые и графические сообщения с данными отправителей, адресатов, датой, временем отправки/получения сообщения;
- фотоснимки (при наличии фотокамеры);
- видеозаписи (при наличии видеокамеры);
- звукозаписи (при наличии функции диктофона);
- любые иные данные при наличии достаточного объема встроенной флеш-памяти, либо сменной флеш-карты.

Также следует учитывать, что видеозаписи на сотовых телефонах осуществляются в специальном формате, который не всегда воспроизводится на стационарных компьютерах без специальных программ - просмотрщиков. При исследовании SMS-сообщений необходимо помнить, что в ряде телефонов их хранение осуществляется в энергозависимой памяти, т.е. при отсоединении аккумуляторной батареи часть такие сообщения, либо все они могут быть безвозвратно утрачены. Аналогичная ситуация складывается со списками вызовов - при отключении аккумуляторной батареи списки либо теряются полностью, либо сохраняются только набранные номера, либо теряются данные о дате, времени и продолжительности звонков (в зависимости от модели телефона).

Таким образом, следует помнить, что отключение аккумуляторной батареи может повлечь необратимую потерю информации. Поскольку извлечение аккумуляторной батареи необходимо для прочтения индивидуального номера сотового телефона (IMEI), следует помнить, что для получения IMEI достаточно набрать на клавиатуре телефона комбинацию *#06# и нажать кнопку посылы вызова, после чего на экране телефона высветится 15-значный буквенно-цифровой код

IMEI. При таком способе получения IMEI следует помнить, что имеется возможность программными средствами изменить IMEI, поэтому после осмотра, извлечения и сохранения всех интересующих следствии данных, следует сравнить полученный номер с номером, нанесенном на корпусе телефонного аппарата под аккумуляторной батареей.

При обнаружении на сотовом телефоне разделов данных, для доступа к которым необходимо ввести неизвестные следовательно пароли не следует пытаться подобрать пароли путем перебора. Подобные действия могут привести к необратимой блокировке разделов памяти телефона, защищенных паролем. При возникновении подобных ситуаций необходимо привлекать специалистов специализированных сервисных центров.

В арсенале специалистов-криминалистов для исследования телефонных аппаратов сотовой связи и портативных компьютеров имеется переносный аппаратно-программный комплекс UFED, который позволяет осуществлять:

- полное извлечение данных мобильного телефона: телефонная книга, текстовые сообщения (в том числе ранее удаленные с SIM-карты), фотографии, видеоизображения, журналы звонков, включая удаленную историю звонков, звуковые файлы;

- анализ содержимого телефона без каких-либо сетевых операций и необходимости «взламывать» SIM-карту, заблокированную PIN-кодом;

- получение информации о местонахождении SIM-карты и др¹.

При осмотре встроенной флеш-памяти, а также сменных карт памяти необходимо учитывать, что фактически данные объекты являются аналогами жестких дисков компьютера и на них возможно хранение любых типов файлов - от фотографий и музыкальных файлов до скрытых текстовых и архивных файлов. При этом обнаружение скрытых данных на носителе возможно как по косвенным данным (различие в количестве общей, свободной и использованной памяти на носителе), так и с применением специальных познаний, программ и оборудования. При наличии обоснованных подозрений о наличии на указанных носителях важной информации представляется целесообразным привлечение к осмотру специалистов в области компьютерной техники.

Помимо информации, хранящейся в самом сотовом телефонном аппарате, следствие может получить иные данные, связанные с сотовым телефоном. При использовании сотовой телефонной связи за пользователем закрепляется несколько уникальных номеров, которые можно использовать в ходе предварительного следствия:

- номер абонента сотовой сети - уникальный 10-значный номер, позволяющий абоненту делать и принимать звонки;

- номер SIM-карты, за которой закреплен номер абонента;

- индивидуальный номер сотового телефонного аппарата (IMEI), с которым связаны, как номер абонента, так и номер SIM-карты. Следует отметить, что телефонный номер абонента не связан жестко с определенной SIM-картой и при утрате, либо выходе из строя SIM-карты возможно сохранение старого абонентского номера и использование его с новой SIM-картой.

Используя любой из перечисленных номеров возможно установление списка телефонных соединений, отправленных и принятых SMS, MMS-сообщений, произведенных либо с данного сотового телефонного аппарата, либо с SIM-карты с указанным номером, либо определенным абонентом в сотовой сети. При этом имеется возможность установления следующей информации:

- какие SIM-карты использовались с данным сотовым телефонным аппаратом;

- какие абоненты осуществляли звонки с данного телефонного аппарата;

- с какими SIM-картами использовался данный телефонный номер.

При расследовании преступлений, связанных с безвестным исчезновением людей также необходимо обращать внимание на обнаруженные на месте происшествия (либо в любом ином месте, интересующем следствие) карты оплаты услуг сотовой связи. Каждая карта оплаты имеет уникальный номер, по которому возможно установление номера абонента, который активировал (использовал) данную карту оплаты. В ряде ситуаций данная информация может оказаться крайне важной.

¹ Получение информации, содержащейся в электронных мобильных устройствах, с применением универсального устройства извлечения судебной информации (UFED): методические рекомендации / А.М. Багмет, С.Ю. Скобелин. М.: Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации, 2013. С. 20.

ИСТИФОДАИ ДОНИШҶОИ МАХСУС ДАР ПЕШБУРДИ ПАРВАНДАҶОИ ЧИНОЯТӢ. МУАММО ВА ДУРНАМОИ ОН

*Бобочонов Н.М., омӯзгори калони кафедраи мурофиаи
чиноятӣ факултети № 2 Академияи ВКД Ҷумҳурии
Тоҷикистон, подполковники милитсия*

*Алиева П.Х., дотсенти кафедраи мурофиаи
чиноятӣ факултети № 2 Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон,
номзади илмҳои ҳуқуқ*

Яке аз дастовардҳои Кодекси мурофиавии чиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КМЧ ҚТ), ки 3 декабри 2009 қабул гардидааст, ин зиёд намудани намудҳои алоҳидаи далелҳо ба ҳисоб меравад. Аз ҷумла, ба қисми 2 моддаи 72 КМЧ ҚТ ворид намудани хулоса ва нишондоди мутахассис шаҳодати гуфтаҳои болост¹. Бо ин навоарӣ вазъи мурофиавии мутахассис баланд гардид. Дар ҳақиқат нишондоди мутахассис дар дуруст ба роҳ мондани тафтишоти пешакӣ мақоми хоса дорад. Чунки нишондоди ӯ барои пешбарии фарзияҳо, асоснок намудани пешбурди ин ё он амалҳои тафтишӣ, талаб кардани ҳуҷжатҳо, таъин намудани экспертизаи судӣ, муқаррар намудани доираи саволҳои, ки ҷавобҳои онҳо дар намуди хулосаи коршинос ба муфаттиш, суд фиристода мешавад, аҳамиятнок буда метавонанд [6]. Аммо вақте ки сухан дар бораи хулосаи мутахассис ҳамчун далел меравад, ба фикри мо, қонунгузор бармаҳал ин муқарраротро пешбинӣ кардааст, зеро:

- яқум, тавре ки аз моддаи 57 КМЧ ҚТ бар меояд, функцияи мутахассис ин мусоидат намудан ба шахсони пешбарандаи таъкиби чиноятӣ, инчунин суд ва судья дар ошкор ё дарёфт намудани далел, асоснок кардани он мебошад. Зиёда аз ин, профессор В.Н. Махов дар чунин ақида аст, ки вазифаи мутахассис аз фаҳмонидани саволҳои ба салоҳияти касбиаш дахлдошта ба тарафҳо ва суд иборат мебошад [6].

- дуюм, гарчанде дар сарҳати 7 қисми 2 моддаи 72 КМЧ ҚТ хулосаи мутахассис ҳамчун далел пешбинӣ шуда бошад ҳам, аммо доир ба ин, дар моддаи 57 КМЧ ҚТ “Мутахассис”² ягон муқаррарот дида намешавад. Илова бар он, дар Қонунҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи экспертизаи давлатии судӣ» ва «Дар бораи иҷозатномадиҳӣ ба баъзе намудҳои фаъолият» дода шудани хулоса аз ҷониби мутахассис пешбинӣ карда намешавад [3,4].

- сеюм, ҳангоми ба амалияи Федератсияи Россия назар кардан, аз пурсишномаи муфаттишон бармеояд, ки дар як қатор минтақаҳои Россия бинобар сабаби пурбории коршиносон гузаронидани экспертиза вақти зиёдро талаб мекунад, аз ин лиҳоз, муфаттишон хулосаро аз мутахассис талаб мекунанд. Албатта, ин ҷо сухан дар бораи ҳолатҳои меравад, ки пешбурди экспертиза ҳатмӣ нест [6]. Зеро, тавре ки А.Ю. Ушаков дуруст қайд намудааст, мутахассис далелҳои шайъиро таҳқиқ намегузаронад ва хулоса намебарорад, балки танҳо ақидаи худро оид ба саволҳои дар наздаш гузошташуда аз ҷониби тарафҳо баён мекунад [7].

Дар Тоҷикистон бошад, аввал ин ки дар муқоиса бо Россия масъалаи вақти зиёдро талаб кардани гузаронидани экспертиза бинобар сабаби пурбории коршиносон вучуд надорад, ки ба қабули чунин меъёр зарурат набуд. Дуюм, меъёри номбурда дар кишварамон бо тарзи дигар амалӣ гардида истодааст, яъне танҳо дар ҳолатҳои дар муассисаҳои экспертӣ фаъолият накардани чунин коршиносон, муфаттиш (таҳқиқ-

¹ Дар қисми 2 моддаи 62 Кодекси процессуалии чиноятӣ РСС Тоҷикистон дар бораи мутахассис умуман сухан намеравад // Кодекси мурофиавии чиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон бо назардошти тағйироту иловаҳо то 25 июли соли 2005 ба ҳукми дастнавис

² Ҳол он ки дар қ.2 м.58 КМЧ ҚТ “Коршинос” чунин омадааст: ба сифати коршинос ҳар шахсе, ки барои **пешиҳоди хулоса** дониши махсус ва дар ҳолати зарурӣ иҷозатномаи дахлдор дорад, даъват шуданаш мумкин аст.

баранда) қарор оид ба таъин ва гузаронидани экспертиза тартиб дода, онро барои иҷро ба яке аз муассисаҳои экспертӣ равон мекунад. Ин муассисаҳо дар навбати худ бо асос намудани Дастурамал дар бораи ташкил ва гузаронидани экспертиза тадқиқотро бо ҷалби мутахассисон аз муассисаҳои ғайри экспертӣ мегузаронанд ва ба муфаттиш хулоса пешниҳод менамоянд [5]. Яъне, тадқиқот аз тарафи мутахассис дар ҳузур коршинос (он) гузаронида шуда, онҳо бо имзоҳои якҷояи худ хулосаро омода мекунанд. Аз ин ҷо бармеояд, ки мутахассис мустақилона хулоса намедихад.

Дар асоси гуфтаҳои боло, ба фикри мо, мувофиқи мақсад мешуд, агар аз сархати 7 қисми 2 моддаи 72 КМЧ ҚТ калимаи «хулоса» ихтисор карда шавад.

Рӯйхати адабиёти истифодашуда:

1. Кодекси муҳофизати ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 03 декабри 2009 сол // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с.2009, №12, мод.815; мод.816; с.2014, №3, мод.142; №11, мод. 643; (дар таҳрири Қонуни ҚТ аз 23.11.2015 с., № 1229).

2. Кодекси протсессуалии ҷиноятии РСС Тоҷикистон // Кодекси муҳофизати ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон бо назардошти тағйироту иловаҳо то 25 июли соли 2005 ба ҳукми дастнавис.

3. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи экспертизаи давлатии судӣ» аз 25.07.2005 сол. №102. // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, соли 2005, №7, мод. 404; соли 2007, №3, мод.160 соли 2012, №4, мод.254. соли 2014, №11, мод.653.

4. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи иҷозатномадихӣ ба баъзе намудҳои фаъолият» аз 17.05.2004. // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, соли 2004, №5, мод. 348; с. 2016, №5, мод. 369, №7, мод. 631, №11, мод. 885.

5. Дастурамал дар бораи ташкил ва гузаронидани экспертизаи давлатии судӣ ва таҳияи хулосаи мутахассис дар Маркази ҷумҳуриявии экспертизаи судӣ ва криминалистии назди Вазорати адлияи Ҷумҳурии Тоҷикистон. Бо фармони Вазири адлияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 13.01.2015 сол тасдиқ карда шудааст.

6. Махов В.Н. Развитие функций специалиста в уголовном процессе Российской Федерации // <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-funktsiy-spetsialista-v-ugolovnom-protsessе-rossiyskoу-federatsii>

7. Ушаков А.Ю. Становление фигуры специалиста в уголовном процессе России // Эксперт-криминалист. 2015. №3. С. 21-23.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

*Бисембиев Т.Ш., ст.преподаватель кафедры
юриспруденции факультета экономики и права
АРГУ им. К.Жубанова Республика Казахстан
г.Актобе*

*Киюбек А.Ж., преподаватель кафедры уголовно-
го процесса и криминалистики Актюбинского
юридического института МВД Республики Ка-
захстан им. М.Букенбаева*

В Концепции правовой политики РК на период с 2010 по 2020 годы содержится, как известно, целый ряд приоритетов и задач, реализация которых направлена к последующей модернизации действующей системы права, системы государственного управления, публичной администрации. Актуальной в их числе является проблема дальнейшего развития правоохранительной и судебной систем.

В Концепции отмечено, что судебная система на сегодняшний день в результате кардинального реформирования своей структуры и содержания деятельности в целом отвечает потребностям обеспечения эффективной судебной защиты прав и свобод граждан, охраняемых законом интересов организаций и государства, что ею достигнуты на этом пути определенные успехи. Действительно, на протяжении последних двух десятилетий были предприняты многие стратегически важные шаги, повысившие уровень и статус судебной системы и судей, степень продуктивности отправления правосудия, качество формирования судейского корпуса страны. Значительную роль в этом сыграли принятые в свое время Законы «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан», «О Высшем Судебном Совете», Указы Президента РК «О мерах по усилению независимости судебной системы», «О мерах по обеспечению функционирования новой системы судебного администрирования» и т.д.[4]

Проводимые в стране административные реформы, в том числе, и в сфере исполнительного производства, в рамках модернизации политической системы приобретают особую актуальность, поскольку одним из главных факторов обеспечения конкурентоспособности Казахстана является эффективное государственное управление. Сегодня становится очевидным, что успешная реализация стратегической задачи по вхождению Казахстана в число 50 наиболее конкурентоспособных стран мира во многом будет зависеть от уровня профессионализма деятельности корпуса государственных служащих.

На протяжении всей истории независимости шел процесс оптимизации структуры управления государством, цель которого заключалась в создании профессионального правительства, способного эффективно решать текущие и перспективные вопросы развития государства.

Важным моментом, на котором следует акцентировать внимание, является соотношение демократических и административных компонентов.

Длительное время исполнение судебных постановлений в Казахстане осуществлялось судебными исполнителями, состоявшими при всех судах. Исполнение судебных постановлений рассматривалось как завершающая часть гражданского процесса. Вместе с тем, учитывая неоднократную смену подведомственности органов исполнительного производства между судами и органами юстиции, внепроцессуальный характер исполнительных действий, а также необходимость кардинального улучшения органов исполнительного производства, выявление их места в структуре государственного механизма является одним из важнейших во-

просов, определяющих эффективность их деятельности и основы взаимодействия с другими органами.

В соответствии со статьей 3 Конституции Республики Казахстан, государственная власть в республике едина, осуществляется на основе принципа ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви и взаимодействия их между собой с использованием системы сдержек и противовесов [1].

На основании статьи 1 и 4 Конституционного закона Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» и статьи 21 ГПК РК вступившие в законную силу судебные решения, определения, постановления и приказы, а также законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и другие обращения судов и судей обязательны для всех без исключения государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений, других юридических лиц, должностных лиц и граждан и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Республики Казахстан [2]. Неисполнение судебных решений и требований судьи влечет установленную законом ответственность [3].

Одним из распространенных аргументов подведомственности органов исполнительного производства является попытка обосновать единство правовой природы исполнения постановлений суда по уголовным и гражданским делам.

При обсуждении вопроса о создании самостоятельной службы судебных исполнителей было высказано мнение о необходимости передачи исполнения судебных постановлений под юрисдикцию Министерства юстиции Республики Казахстан. При этом данная позиция обосновывалась тем, что исполнение судебных постановлений по гражданским делам не должно быть структурно отделено от исполнения уголовных наказаний, то есть исполнение этих родственных функций должно находиться в одной системе. Однако сравнительно – правовой анализ исполнения судебных постановлений по уголовным и гражданским делам показывает, что вывод о «родственности» этих двух функций ничем не подкрепляется. Исполнение судебных постановлений по этим категориям дел имеет существенные различия по целям и задачам уголовно – исполнительного и исполнительного законодательства, по субъектам исполнения, а также основаниям исполнения.

Реализация и развитие данной идеи позволило определиться с вопросами материально-технического и иного обеспечения деятельности судов и создать обособленный от судов и от органов юстиции орган – Комитет по судебному администрированию при Верховном суде Республики Казахстан. Такое решение позволило, не смешивая правосудие и администрирование как две различные по своей природе функции государственных органов, объединить их в рамках одной судебной системы, обеспечив тем самым независимость судов со стороны органов исполнительной власти.

Обоснование места органов исполнительного производства в системе исполнительной власти, а именно в подведомственности Министерства юстиции, исходит из ограниченного понимания правосудия как единственно возможной функции судебной власти, что не отражает имеющихся реалий сегодняшнего дня и дальнейших тенденций развития и укрепления судебной власти.

Указом Президента Республики Казахстан от 22 января 2001 года «О мерах по совершенствованию правоохранительной деятельности в Республике Казахстан» функции по исполнению исполнительных документов и выполнению задач по обеспечению установленного порядка деятельности судов из системы Министерства юстиции Республики Казахстан были переданы в Комитет по судебному администрированию при Верховном суде. Тем самым, более полно претворился в жизнь конституционный принцип разделения властей. Уникальность такой организации заключается в том, что исполнительное производство передано самостоятельному государственному органу, состоящему в непосредственной близости с судом, поскольку именно суду отведена регулирующая роль [4].

Дальнейшее функционирование органов исполнительного производства в рамках судебной системы приведет к необходимости выработки новых взаимоотношений и форм

взаимодействия между ними и судами, учитывая участие судов в формировании данных органов и контроле за их деятельностью.

В статье 16 Конституционного закона от 25 декабря 2000 года «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» предусмотрено, что пленарное заседание областного суда дает согласие уполномоченному органу (ныне Комитет по судебному администрированию при Верховном суде Республики Казахстан) на назначение лица на должность администратора судов области, заслушивает отчет администратора судов области о его деятельности, вносит уполномоченному органу представление об освобождении от должности администратора судов области. Председатель Верховного суда представляет Президенту Республики Казахстан кандидатуру руководителя уполномоченного органа, а пленарное заседание Верховного суда РК заслушивает информацию руководителя уполномоченного органа [3].

Таким образом, сама по себе исполнительская сущность исполнительного производства не свидетельствует об относимости органов исполнительного производства к исполнительной власти и не определяет ее подведомственность органам юстиции. Место органов исполнительного производства в судебной системе обусловлено их функцией – исполнением судебных постановлений по гражданским и административным делам, приговоров и постановлений по уголовным делам в части имущественных взысканий.

Ряд авторов считают, что исполнение решения есть регламентированная гражданским процессуальным правом деятельность судебного исполнителя и участников исполнительного производства, направленная на своевременное и правильное исполнение судебных решений (Р.Х. Валеева, А.К. Сергун). Следовательно, исполнительное производство рассматривается как заключительная стадия гражданского процесса [6].

Другие авторы утверждают, что исполнительное производство не является стадией гражданского судопроизводства. Оно представляет собой самостоятельное производство (С.А. Бакунин, М.А. Вилкут, В.М. Шерстюк, М.К. Юков). Указанное мнение обосновывают тем, что исполнительное производство существенно отличается от других стадий гражданского процесса. Следовательно, исполнительное производство является заключительной стадией гражданского процесса, а все предшествующие стадии процесса должны обеспечить вынесение законного и обоснованного решения. Исполнительное производство представляет собой систему правовых норм, регулирующих юридическую деятельность по принудительному осуществлению исполнительных документов. В исполнительном производстве принудительно реализуются не только судебные акты, но и акты других органов гражданской юрисдикции: третейских судов, включая международные коммерческие арбитражи, и т.д. Общим для этих актов является указание в них на необходимость исполнения обязанности в пользу конкретного субъекта [8].

В рамках исполнительного производства огромное количество вопросов разрешается при непосредственном участии судей. Суд не является органом принудительного исполнения, но остается одним из основных субъектов процессуальных отношений в стадии исполнительного производства. Его роль определяется возложенными на него в этой стадии задачами и характеризуется выполнением предварительного контроля: суд дает санкцию на совершение процессуального действия (предварительный контроль) или осуществляет судебный надзор в отношении уже произведенного действия (последующий контроль) [9].

В соответствии со статьей 1 Закона Республики Казахстан «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» от 2 апреля 2010 года, «судебный исполнитель – это должностное лицо, состоящее на государственной службе и выполняющее возложенные на него законом задачи по исполнению постановлений судов и других органов» [4].

Некоторыми специалистами высказывалось мнение, что судебный исполнитель не является должностным лицом, а действует как сугубо технический исполнитель без каких – либо распорядительных функций, к тому же под контролем судьи, который утверждает все его действия. Такой подход абсолютно неверен, и не только потому, что законом закреплен его статус как должностного лица государства [7, с. 39].

На органы исполнительного производства возложены функции по осуществлению защиты прав и законных интересов, посредством обязательного и своевременного обеспечения исполнения судебных актов и актов иных органов. Помимо судебного исполнителя, в исполнительном производстве участвуют стороны и их представители, переводчики, понятые и специалисты, чье участие дает основание рассматривать исполнительное производство как совокупную деятельность всех его участников по добровольному и принудительному исполнению. Но также могут участвовать несколько взыскателей или должников. Каждый из них по отношению к другой стороне участвует в исполнительном производстве самостоятельно или может поручить участие в исполнительном производстве одному из соучастников.

Опыт показывает, что проведенные реформы являются лишь первой стадией формирования независимой и эффективной судебной власти, и ее авторитет необходимо повышать не только путем материально-технического, кадрового и иного обеспечения судов, но и путем повышения эффективности исполнения судебных актов.

Без исследований мирового опыта, нашей собственной практики строительства независимого демократического правового государства невозможно продолжение административной реформы, в частности, судебной. Статус судебной власти зависит не только от того, насколько защищены права граждан и юридических лиц в вынесенных судебных актах, но и насколько полно и своевременно исполнен данный акт.

Список использованной литературы:

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.02.2011 г.)
2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 июля 1999 года № 411-І (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.02.2012 г.)
3. Конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года № 132-ІІ «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.11.2008 г.)
4. Закон Республики Казахстан от 2 апреля 2010 года № 261-ІV «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.02.2012 г.)
5. Указ Президента Республики Казахстан от 24.08.2009 N 858 "О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года"
6. Валеева Р.Х. Исполнительное производство – завершающая стадия гражданского процесса. // Юрист. – 2001. № 9. – С. 9 – 12.
7. Сембинова А. Проблемы и перспективы развития института исполнительного судопроизводства. // Заңгер. – 2007. - № 4. – С. 38-40.
8. Гражданский процесс. Учебник. Издание третье, переработанное и дополненное / Под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. – М.: Проспект, 2001. – 544 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Брянская Е.В., доцент кафедры судебного права Юридического института Иркутского государственного университета, кандидат юридических наук

Предварительное расследование по делам несовершеннолетних осуществляется в рамках процессуальной формы. Если в общем современные ученые под процессуальной формой рассматривают предусмотренный законом всеобщий, единый и обязательный порядок, установленный для производства по уголовным делам в целом, а также для осуществления самостоятельных стадий уголовно-процессуальной деятельности и реализации отдельных уголовно-процессуальных отношений в частности¹, то производство по делам несовершеннолетних как раз и характеризуется присущими такой категории уголовных дел особенностями, частностями.

Обратим внимание на то, что собирание доказательств по уголовному делу начинается с первой, начальной стадии уголовного судопроизводства, с возбуждения уголовного дела. Возбуждение уголовного дела является своего рода процедурой принятия решения о начале принудительной процессуальной деятельности или об отказе в этом.

Непосредственной задачей стадии возбуждения дела является установление признаков преступления или обстоятельств, исключающих производство по делу.

Данная стадия начинается с появления повода для возбуждения дела и заканчивается решением о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом. С момента возбуждения уголовного дела определяется конкретный момент начала досудебного производства, который обеспечивает контроль над сроками расследования. Кроме того, с вынесением постановления о возбуждении уголовного дела мы связываем возможность проведения тех следственных действий, производство которых недопустимо до его возбуждения².

Уголовное дело может быть возбуждено только при наличии указанных в законе поводов и оснований при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по делу. Поводами являются сообщения граждан и должностных лиц об обнаружении признаков состава преступления, а содержащиеся в таких сообщениях достаточные данные, указывающие на признаки преступления, являются основанием к возбуждению уголовного дела.

На стадии возбуждения уголовного дела имеет место анализ следственной ситуации. В зависимости от вида преступления формулируются типичные ситуации.

Так, например, по мнению В. И. Брылева, Ю. В. Сокола, на момент возбуждения уголовного дела по ст. 151 УК РФ складываются следующие четыре типичные ситуации:

1) очевидны событие преступления (вовлечение) и способ его совершения; установлены личность подозреваемого лица и несовершеннолетнего, вовлеченного в совершение антиобщественного действия, а также характер взаимоотношений между ними; известны обстоятельства совершенного несовершеннолетним антиобщественного действия; взрослый признает свою вину и дает правдивые объяснения/показания; имеются объяснения/показания свидетелей;

2) известно о событии вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественного действия, однако неизвестны отдельные обстоятельства вовлечения (например, его способы или обстановка совершения);

¹ Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма : понятие и тенденции развития // Вестн. ОГУ. 2006. № 3. С. 142.

² Лушечкина М. А. Криминалистическое изучение личности как часть теории криминалистики: проблемы становления и перспективы развития. Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Н. П. Яблокова (Москва, 22 дек. 2015 г.). М., 2015. С. 80.

3) очевидны обстоятельства антиобщественного действия, совершенного несовершеннолетним, в том числе совместно со взрослым вовлекателем; взрослый признает свою вину (полностью или частично), однако дает неполные или противоречивые объяснения/показания;

3) очевидны обстоятельства совершенного несовершеннолетним антиобщественного действия, в том числе и совместно со взрослым, известна личность несовершеннолетнего, но не известны обстоятельства его вовлечения взрослым; несовершеннолетний дает противоречивые или ложные объяснения/показания; возможный вовлекатель свою вину не признает; имеется противодействие уголовному преследованию;

4) неочевидны событие преступления (вовлечение) и совершившее его лицо (лица); имеется крайне скудная информация (чаще всего сигнального характера) о возможном вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественного действия, а также о признаках совершения несовершеннолетним антиобщественных действий, которые он мог совершить самостоятельно или совместно со взрослым; имеется противодействие уголовному преследованию¹.

Буквально совсем недавно ученые писали о том, что УПК РФ не учитывает возможность производства на стадии возбуждения уголовного дела судебной экспертизы по установлению возраста несовершеннолетнего; участие законных представителей несовершеннолетнего на стадии возбуждения уголовного дела². В настоящее время назначить и провести экспертизу можно до возбуждения уголовного дела. Однако могут возникнуть вопросы, а не будет ли заключение эксперта поверхностным, поскольку стадия возбуждения уголовного дела имеет короткие сроки. В этой связи законодатель позволяет провести уже после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела дополнительную экспертизу.

По поводу участия законного представителя на стадии возбуждения уголовного дела хотелось бы заметить, что в соответствии с ч. 1 ст. 426 УПК РФ законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого допускаются к участию в уголовном деле с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого. То есть только тогда, когда производство по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего уже осуществляется и ему придан соответствующий процессуальный статус.

Однако в правоприменительной практике зачастую встречаются случаи, когда уже в стадии возбуждения уголовного дела имеются сведения о том, что несовершеннолетний причастен к совершению преступления, и по данному факту осуществляется проверка. Значит, такое основополагающее право законного представителя, как право знать, чем подозревается или обвиняется несовершеннолетний, должно быть предусмотрено и на стадии возбуждения уголовного дела.

От своевременного обеспечения прав защитника и законного представителя зависит успешная реализация целого комплекса их прав, направленных на защиту несовершеннолетнего и восполнение его процессуальной недееспособности. Например, таких, как право обжаловать действия следователя или дознавателя, заявить отвод участникам процесса, представить предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела.

Реализуя собственные права, законный представитель тем самым содействует и полной реализации прав и законных интересов представляемого им несовершеннолетнего. Е. Г. Мартыничик прав в том, что «сам по себе факт наличия у обвиняемого субъективных прав, но без надлежащего закрепления средств, с помощью которых обеспечивается их реализация, может привести к нарушению этих прав, превращению их в декларативные формулы»³.

¹ Брылев В. И., Сокол Ю. В. Типичные следственные ситуации по делам о вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий // Общество и право. 2012. № 1 (2). С. 206.

² Боровик О. В. Особенности досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 6.

³ Мартыничик Е. Г. Субъективные права обвиняемого и их процессуальные гарантии // Сов. государство и право. 1976. № 7. С. 92.

Одним словом, надлежащая реализация прав законного представителя несовершеннолетнего, совершившего преступление, должна быть гарантирована надлежащим закреплением его процессуальных прав.

В этой связи заслуживает внимания один из дискуссионных в теории и практике уголовного процесса вопросов о том, один или оба законных представителя несовершеннолетнего вправе представлять его интересы. Данный аспект не нашел отражения в уголовно-процессуальном законе. В юридической же литературе высказываются противоположные точки зрения.

Одни полагают, что мнение несовершеннолетнего должно учитываться при решении вопроса о допуске того или иного законного представителя¹. Иной позиции придерживаются авторы, полагающие, что неэтично предоставлять подростку право выбора отца или матери в качестве законного представителя².

Полагаем, что решение вопроса о том, кто из них вступит в дело в качестве законного представителя, могут принимать сами родители.

Если же оба родителя заинтересованы в судьбе ребенка и имеют желание вступить в процесс в качестве законных представителей, то к участию в деле должны допускаться и мать, и отец несовершеннолетнего. Кроме того, ч. 2 ст. 38 Конституции РФ закрепляет положение о том, что забота о детях – равное право и обязанность родителей³.

В аспекте обеспечения гарантий прав несовершеннолетнего на стадии возбуждения уголовного дела необходимо соблюдать процессуальные права несовершеннолетних. И в этой связи представляет интерес такое понятие, как «детская адвокатура». Тактика и особенности возбуждения уголовного дела взаимосвязаны с участием защитника во благо несовершеннолетнего. Грамотное и тактичное построение защиты во многом обуславливает успешность производства по уголовному делу.

Одним из важнейших институтов системы ювенальной юстиции является детская адвокатура. Свердловская область стала первым регионом России, в котором был принят закон о правах ребенка. И до сих пор Свердловская область остается единственным регионом, законодательство которого содержит понятие «детская адвокатура». Нет его и в федеральном законодательстве⁴. В функции детской адвокатуры входят юридические, социально-педагогические и психотерапевтические консультации для детей и подростков, их родителей при наличии проблем в семье, школе, со сверстниками; правовая помощь по гражданским, семейным, жилищным, трудовым спорам; защита по уголовным делам; защита прав потерпевших от преступлений; правовые проблемы несовершеннолетних, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость; помощь жертвам насилия и жестокого обращения⁵. В каждом регионе имеет право на существование «детская адвокатура». В частности, адвокат, имеющий навыки и знания в детской психологии, поможет следователю, дознавателю тактически грамотно построить линию поведения как на стадии возбуждения уголовного дела, так и на стадии предварительного расследования.

Кроме того, мы придерживаемся мнения М. О. Баева, который пишет, что адвокат является «профессиональным юристом, а потому – с учетом своих профессиональных познаний (тем более что многие адвокаты имеют предыдущий опыт следственной, прокурорской, оперативной деятельности) именно он дает своему подзащитному советы и рекомендации о том, какую позицию по делу ему наиболее целесообразно занимать в своих интересах (в целом и на отдельных этапах досудебного по нему производства), какие показания давать в хо-

¹ Михальчук Ю. П. Допрос несовершеннолетнего обвиняемого на предварительном следствии : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 134.

² Ландо А. С. Представители несовершеннолетних обвиняемых в советском уголовном процессе. Саратов, 1977. С. 11–12.

³ Михальчук Ю. П. Указ. соч. С. 89.

⁴ Пронин А. А. Ювенальное право : учебное пособие. Ростов н/Д, 2011. С. 161.

⁵ Там же. С. 163.

де допросов и об их поведении при участии в других следственных (иных процессуальных) действиях»¹. Думается, защитник должен так строить линию защиты, чтобы не просто научить подзащитного, что нужно говорить в конкретной ситуации, а помочь так раскрыться ребенку, чтобы он дал максимально полную информацию по уголовному делу, учитывая, что право на защиту имеют не только подозреваемые, обвиняемые и подсудимые несовершеннолетние, но и потерпевший, свидетели. По уголовным делам в отношении несовершеннолетних органы уголовного преследования должны ставить не столько цель любым путем привлечь к уголовному преследованию действительно виновное лицо, сколько установить истину по уголовному делу. Защитник должен быть наглядным примером предельно корректного, тактичного отношения к своему подзащитному, с целью дачи ребенком правдивых показаний, от полноты которых будет зависеть успешность расследования уголовного дела.

¹ Баев М. О. О проблемах совершенствования процессуального статуса защитника в целях предупреждения злоупотребления правом // Криминалистические чтения на Байкале – 2015 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. ; отв. ред. Д. А. Степаненко. Иркутск, 2015. С. 22.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АКТУАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Булай Ю.Г., кафедра уголовного процесса и криминалистики Академия «Штефан чел Маре» МВД Республики Молдова, кандидат юридических наук, доцент

Попушой Д.П., докторант Академия «Штефан чел Маре» МВД Республики Молдова

Коренные изменения во всех сферах общественной жизни, которые начались в конце XX столетия на пост советском пространстве в том числе и в Республике Молдова, естественным образом затронули все институты молдавского государства. Целью этих изменений явилось построение демократического, правового государства и гражданского общества. Учитывая происходящие метаморфозы в государстве, наступило время насущных неизбежных и неотвратимых изменений в системе государственных органов.

На процесс преобразований влияют различные факторы и один из них преступность. Повышенный уровень преступности в Р. Молдова, но думаем и в странах СНГ продолжает оставаться главной угрозой для позитивного развития любого государства, в силу чего любые изменения в сфере государственной и общественной жизни требуют, прежде всего, минимизации последствий влияния растущего криминалитета. В связи с этим реформирование юстиции означает осуществление преобразований во всех сферах социально-политического контроля феномена преступности и, в первую очередь, повышение эффективности деятельности правоохранительного механизма государства.

В данном случае мы согласны с Якубиной Ю.П., что ослабление данной государственной функции в последние годы очевидно, что, бесспорно, связано, с несколькими факторами – неудовлетворительный уровень социально-экономической обеспеченности населения что сказывается на уровне преступности, а также низким уровнем деятельности правоохранительной системы. Это касается, в частности, органов, уголовного преследования, реальные возможности которых не соответствуют масштабам, уровню современной криминальной угрозы. Причин несколько: соотношение количества - качество уголовных дел на одного следователя, высокая текучесть кадров, наличие серьезных недостатков в их организационно-правовом построении, а также явное несовершенство действующего законодательства. Данные обстоятельства породили проблему конкуренции таких требований, как эффективность национального уголовного судопроизводства и необходимость обеспечения процессуальных гарантий его участников [6, 3].

При этом следует признать, что важнейшей характеристикой уголовного судопроизводства является его процедурная форма, исследованию которой посвятили свои труды многие молдавские, русские и советские процессуалисты. Однако ее изучение никогда не будет считаться завершенным, поскольку трансформирование общественных отношений неизбежно влечет за собой изменения в национальном законодательстве, в том числе касаемых и форм уголовно процессуального расследования по уголовным делам.

Необходимость оптимального выбора процессуальной формы производства по уголовным делам в соответствии со спецификой и общественной значимостью совершенного преступления в современном отечественном уголовном процессе не вызывает особых сомнений ни в теоретическом, ни в практическом плане.

В связи с этим одной из важнейших проблем современной науки уголовного процесса является поиск наиболее эффективных форм уголовно процессуального расследования преступлений.

Практическое значение этой проблемы особенно возросло в последние годы. С одной стороны, обвальный рост преступности, о чем говорилось выше, привел к значительному увеличению в последние пять лет реальной рабочей нагрузки работников органов уголовного расследования, а с другой - одновременно произошло ухудшение качества их работы.

В связи с этим коренное реформирование организации и деятельности органов уголовного преследования, совершенствование уголовно-процессуального законодательства, регулирующего этот вид деятельности, - одно из важнейших направлений современной судебно-правовой реформы в широком ее понимании.

В этом контексте интересно мнение профессора Л.В. Головки, который отметил, что хотя УПК РФ и сохранил классическую модель предварительного следствия, но, условно говоря, надломил второй сущностный признак, объявив следователя стороной обвинения. Теоретически это нонсенс, это ставит перед выбором логического развития модели: либо система предварительного следствия самосохраняется, выживает и должна преодолеть рано или поздно эту деформацию, либо система разрушается, а вместе с ней разрушается и континентальная система, поэтому что без предварительного следствия нет континентального процесса. Это довольно нестабильная ситуация. С одной стороны, сохраняется предварительное следствие, но с другой, очевидны попытки сделать из следователя сторону такая система не будет работать эффективно хотя бы потому, что государство имеет монополию на принуждение. В любом случае никакое адвокатское расследование не может ограничивать конституционные права личности, прослушивать, проводить обыски и т.п. Предварительное следствие может развиваться только в том случае, если будут устранены внутренние противоречивые факторы, такие как: – отказ от принципов материальной истины, объективной истины; – отнесение следователя к стороне обвинения, совершенно противоречащие логике, которая должна быть [3, 89].

Так же считаем что немаловажно исследование проблем совершенствования досудебного производства, исследование было бы неполным без анализа форм предварительного расследования.

Так мы согласны с мнением Кузнецовой С. М., что правильное понимание законодательного разделения расследования на дознание и предварительное следствие невозможно без постижения основной идеи, лежащей в основе такого деления [5, 81].

Изначально дознание задумывалось как ускоренная и упрощенная форма досудебного производства, позволяющая дознавателю расследовать малозначительные преступления, по которым установлено лицо, его совершившее.

В качестве ключевой идеи УПК РФ предусматривал сокращенные сроки производства дознания, не превышающие 15 суток, последующие изменения закона увеличили его вначале до 20, затем до 25 суток, на сегодняшний день этот срок составляет 30 суток, который может быть продлен еще до 30 суток (ч. 3 ст. 223 УПК РФ), а в исключительных случаях, связанных с исполнением запроса о правовой помощи, срок дознания может быть продлен до 12 месяцев (ч. 5 ст. 223 УПК РФ).

На проблему сращивания дознания и предварительного следствия обращают внимание в своих исследованиях и другие ученые Гирько С. И., [2] Семенцов В. А., [7] Супрун С. В., [8] Кузнецова С. М. [5].

Дальнейшее реформирование дознания как формы предварительного расследования направлено на еще большее нивелирование его особенностей. Если первоначально к подследственности органов дознания были отнесены дела, возбуждаемые только в отношении конкретных лиц, то внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 06.06.2007 № 90-ФЗ изменения устранили и это различие.

По общему правилу, если уголовное дело расследуется в форме дознания, то постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого не выносится.

Однако и из этого правила, которое является наиболее существенным, когда речь идет о различиях двух форм предварительного расследования, законодатель сделал исключение, указав, что при невозможности составить обвинительный акт в 10-дневный срок подозреваемому предъявляется обвинение, после чего производство дознания продолжается в порядке, предусмотренном гл. 23 УПК РФ.

Окончательно отказ законодателя от ключевой идеи дознания как упрощенной формы досудебного производства произошел с принятием нормы о возможности производства дознания по уголовному делу в случае его сложности или большого объема группой дознавателей.

Анализ изменений, которые были внесены в УПК РФ в последние годы, говорит о тенденции не упрощения, а скорее наоборот усложнения процедуры дознания [3, 82].

Таким образом, дознание, законодательно закрепленное в виде самостоятельной формы предварительного расследования, по своему содержанию при существующем ныне законодательном регулировании не отвечает главной идее, заложенной в его основу, оно не является ни упрощенным, ни сокращенным и мало чем отличается от расследования в форме предварительного следствия. Разделение это является во многом искусственным.

Полагаем, что приведенные выше доводы позволяют прийти к выводу об отсутствии обоснованной перспективной модели построения и совершенствования дознания. В данном контексте возникает вопрос о целесообразности разграничения форм предварительного расследования.

Нам кажется интересным мнение Кузнецовой С. М., что решение проблемы видится в том, чтобы объединить две формы расследования и создать единый режим расследования преступлений – предварительное следствие. Оставив в компетенции органа дознания проверку сообщения о преступлении, а также возбуждение уголовных дел и проведение неотложных следственных действий в сроки, национальном уголовно процессуальном законодательством РФ [5,82].

Таким образом, дознание, как самостоятельную форму расследования, необходимо ликвидировать, а предварительное расследование должно осуществляться в единственной форме расследования – предварительном следствии с учетом вышеназванной многоуровневой специализации следователей, что и было внедрено в УПК Р.Молдова в 2003 году.

Таким образом в первой части статьи мы постарались анализировать некоторые концептуальные аспекты и точки зрения предварительного расследования что визируют специфику Российской Федерации.

В дальнейшем приведем специфические аспекты характеризующие уголовный процесс, процедуры предварительного расследования в Республике Молдова.

За последние 15 лет процессуальное законодательство Республики Молдова претерпело множество изменений, касающихся в частности и процедуры предварительного расследования.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова, принятый 14 марта 2003 года вступил в законную силу 12 июня 2003 года и является основным источником нашего уголовно процессуального права. Ему предшествовал прежний УПК 1961 года, который действовал в Республике Молдова 42 года. За эти 42 года действия УПК РМ в него внесено более 400 изменений и дополнений [4, 89]. Но все же прежний УПК, несмотря на внесенные в него бесчисленные поправки и изменения, безнадежно устарел.

Кодекс 2003года отказался от старой идеологии и перешел к новой иерархии ценностей: личность – общество – государство. При разработке действующего УПК ставилась задача привести наше уголовно – процессуальное законодательство в соответствие с принципами уголовного судопроизводства и нормами о защите прав человека.

Таким образом, в настоящее время, в Р. Молдова УПК является одним из правовых актов, соответствующих установленным мировым сообществом стандартам и регламентирует основополагающие нормы защиты прав и свобод человека.

В действующем УПК впервые был регламентирован новый институт уголовно-процессуального законодательства - уголовное преследование. В отличие от предыдущей процедуры внесено новое понятие «уголовное преследование», которое включает в себя прежнее «дознание и предварительное следствие».

Говоря о лицах, осуществляющих уголовное преследование, законодатель использует два термина: орган уголовного преследования и офицер по уголовному преследованию. Органы уголовного преследования были созданы в составе Министерства Внутренних Дел. Таможенной службы, Центра по борьбе с коррупцией и представлены офицерами по уголовному преследованию, назначенными в законном порядке в составе вышеуказанных учреждений, которые осуществляют уголовное преследование по уголовным делам. То есть, при наличии признаков преступления, офицер уголовного преследования одновременно с регистрацией сообщения об этом, начинает производство по уголовному преследованию, заключающееся в собирании доказательств подтверждающих или отрицающих его совершение.

Прежний кодекс предусматривал одну из форм предварительного расследования, подчиненную предварительному следствию - производство неотложных следственных действий органом дознания.

Производство неотложных следственных действий органом дознания являлся факультативным, начальным этапом расследования, на котором орган дознания в неотложной ситуации вместо следователя возбуждал уголовное дело и выполнял процессуальную и оперативно-розыскную деятельность в целях быстрейшего закрепления следов преступления и установления лиц, совершивших преступление. Не позднее 10 суток с момента возбуждения дела орган дознания обязан направить его прокурору для передачи следователю.

То есть дознание являлось упрощенной формой предварительного расследования, осуществляемого дознавателем или следователем по делу, по которому производство предварительного следствия не обязательно. Данная форма предварительного расследования способствовала более сплоченному взаимодействию следствия с другими подразделениями.

Действующий УПК РМ 2003 г., не предусматривает производство дознания. Более того, в законе даже нет наименования «предварительное расследование». Сбор необходимых доказательств о наличии преступления, идентификации исполнителя деяния для определения наличия основания направления или не направления уголовного дела в суд осуществляется в рамках уголовного преследования прокурором и офицерами по уголовному преследованию.

Сроки уголовного преследования законом не определены. Разумный срок по конкретному делу устанавливается прокурором в зависимости от сложности дела и поведения участников процесса [9].

В отличие от УПК 1961 года, нынешний кодекс не содержит перечня неотложных процессуальных действий. Поэтому в каждом случае конкретные действия определяются по ситуации. Также УПК не устанавливает какой-либо компетенции органа уголовного преследования при выполнении неотложных действий по уголовному преследованию. Однако процессуальные действия вправе производить только офицеры Уголовного преследования и только после регистрации сообщения (жалобы или доноса) о готовящемся или совершенном преступлении.

И если, согласно предыдущему кодексу, дознание и неотложные следственные действия осуществлялись дознавателями и представителями оперативных подразделений, то в действующем уголовно-процессуальном законодательстве четко разграничена компетенция органа уголовного преследования и констатирующих органов.

Согласно статьи 273 УПК РМ, констатирующими органами являются:

- а) полиция - по преступлениям, которые согласно закону не входят в компетенцию других констатирующих органов;
- а) Пограничная полиция – по преступлениям, отнесенным законом к ее компетенции;
- б) Национальный Центр по борьбе с коррупцией - по преступлениям, отнесенным законом к его компетенции;

- c) Таможенная служба - по преступлениям, отнесенным законом к ее компетенции;
- d) Служба информации и безопасности - по преступлениям, предотвращение и пресечение которых входит в ее компетенцию согласно закону;
- e) командиры воинских частей, воинских формирований и начальники военных учреждений – по преступлениям, совершенным подчиненными им военнослужащими, а также военнообязанными во время прохождения ими сборов; по делам о преступлениях, совершенных рабочими и вольнонаемными Вооруженных сил Республики Молдова в связи с выполнением служебных обязанностей или в расположении части, формирования, учреждения;
- f) начальники пенитенциарных учреждений – по преступлениям, совершенным в местах заключения, во время конвоирования или в связи с исполнением обвинительных приговоров, а также начальники специализированных лечебных учреждений в отношении лиц, к которым применяются принудительные меры медицинского характера;
- g) командиры кораблей и самолетов – по преступлениям, совершенным на управляемых ими кораблях и самолетах во время их нахождения вне портов и аэропортов;
- h) судебная инстанция или, в зависимости от обстоятельств, судья по уголовному преследованию – по преступлениям, совершенным в ходе судебного заседания.

Констатирующие органы имеют право задержать лицо, совершившее преступление, изъять вещественные доказательства, истребовать информацию и документы, необходимые для установления преступления, вызвать повесткой лиц для дачи показаний, приступить к оценке вреда и произвести любые другие неотложные действия с составлением протоколов, в которых будут указаны все произведенные действия и установленные обстоятельства. Впоследствии, констатирующие акты вместе с материальными средствами доказывания передаются в течение 24 часов констатирующими органами полиции, Органу уголовного преследования или прокурору для начала уголовного преследования.

В случае задержания подозреваемого лица констатирующими органами, указанными в части (1), кроме органов, указанных в пункте g), констатирующие акты, материальные средства доказывания и задержанное лицо передаются органу по уголовному преследованию или прокурору незамедлительно, но не позднее трех часов с момента задержания лица.

Командиры кораблей и самолетов передают прокурору протоколы произведенных действий, материальные средства доказывания и по обстоятельствам задержанное лицо незамедлительно после причаливания корабля или посадки самолета на территории Республики Молдова. В случае, если конвоирование в Республику Молдова задержанного лица представляет опасность для корабля, самолета, экипажа или пассажиров, их командиры вправе в соответствии с международными договорами, стороной которых является Республика Молдова, передать это лицо компетентным органам государства, на территории которого пришвартовался корабль или приземлился самолет [1].

Исходя из вышеизложенного следует, что все процессуальные действия вправе исполнять только офицер по уголовному преследованию и также он же должен принимать решения по констатирующим актам.

Отсутствие концепции и четкой процедуры досудебного расследования обусловило нечеткое разделение компетенций органов уголовного преследования и некоторую противоречивость уголовно-процессуального законодательства. По этим причинам и в дальнейшем необходимо принять меры, направленные на: совершенствование уголовно-процессуального законодательства с целью исключения дублирования компетенций; укрепление статуса и компетенций органов уголовного преследования.

Список использованной литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Р.Молдова №122 от 14.03.2003. Опубликовано : 07.06.2003 в Monitorul Oficial Nr. 104-110 статья № : 447 Дата вступления в силу : 12.06.2003, статья 273
2. Гирько С.И. Некоторые проблемы досудебного производства, осуществляемого органами милиции / С.И. Гирько // Журнал российского права. – 2008. – № 3. – С. 23–28.

3. Головкин Л.В. «Модели российского предварительного следствия в контексте новейших инициатив» Проблемы и перспективы организации предварительного расследования: Конференция в академии Следственного Комитета Российской Федерации 20 ноября 2015 г (Обзор выступлений участников) Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки.–2015.–Т. 1 (67). № 3.– С. 194–218.
4. Кисеев Н.М. Уголовный процесс, Кишинэу, издательство «Монограф», 2006 год.
5. Кузнецова С.М. Реформа предварительного расследования: перспективы развития // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. №2 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-predvaritelnogo-rassledovaniya-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 22.05.20)
6. Якубина Ю.П. Актуальные вопросы совершенствования форм предварительного расследования. Челябинск, 2010. С. 3.
7. Семенцов В.А. Проблемы совершенствования дознания как формы предварительного расследования / В.А. Семенцов, О. А. Науменко // Общество и право. – 2011. – № 4. – С. 257–262.
8. Супрун С.В. Дознание – сокращенное следствие? / С.В. Супрун// Российский юридический журнал. – 2010. – № 5. – С. 138–142.
9. Librisum.com. Институт дознания в уголовном процессе России и зарубежных стран: сравнительный анализ.

СОКРАЩЕННОЕ ДОЗНАНИЕ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Гаврилов Б.Я., профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Вологодского института права и экономики ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

Введение Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ¹ в уголовно-процессуальное законодательство сокращенного дознания вызвало, с одной стороны, значительный научный интерес, а с другой, его неоднозначную оценку в научном сообществе и среди практикующих юристов из-за весьма существенных проблем, обусловленных как постановкой вопроса о введении сокращенной формы расследования, так и правоприменительной практикой реализации ее положений.

Непосредственно постановка вопроса о введении сокращенного дознания была обусловлена, по мнению автора, двумя основными факторами:

первый, заключается в незнающей аналогов в досудебном производстве стран с развитой системой уголовного правосудия заформализованности российского уголовного судопроизводства;

другой, фактор обусловлен введением в УПК РФ нормы-принципа (ст. 6¹ «Разумный срок уголовного судопроизводства»), что требует научного обоснования и законодательных предложений по сокращению процессуальных сроков расследования уголовных дел о преступлениях, обстоятельства которых очевидны, например, совершившее их лицо задержано с поличным, оно не оспаривает его обстоятельства и соответственно не представляет сложности в доказывании противоправного деяния.

Сегодня срок предварительного следствия и последующего судебного разбирательства уголовных дел, по которым обвиняемый, подсудимый содержится под стражей, составляет в среднем 5 месяцев, а дознания – не менее 3 месяцев [3, с. 90-91], что снижает эффективность уголовно-правовых мер как в отношении лица, совершившего преступление, так и затрудняет реализацию потерпевшим своего конституционного права на доступ к правосудию и возмещение причиненного преступлением вреда (ст.ст.52, 53 Конституции РФ).

Решение указанных проблем возможно, в первую очередь, путем дальнейшего совершенствования норм УПК РФ в целях практической реализации обозначенных в указанном Федеральном законе №23-ФЗ процессуальных правил реально сокращенного дознания, что особенно актуально в последующем при возвращении в перспективе в российское уголовное законодательство «уголовного проступка» [7, с. 11; 12, с. 7-9]. Расследование данных противоправных деяний должно осуществляться в форме сокращенного, но не на «бумаге», как сегодня, а в действительности – дознания или предложенной автором так называемой протокольной формы расследования (определенная аналогия протокольной формы досудебной подготовки материалов).

С целью расширения научной дискуссии и выработки соответствующих предложений в Академии управления МВД России в ноябре 2011 г. был проведен «круглый стол» с привле-

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 № 27-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

чением научной общественности и практикующих юристов из значительного числа субъектов Российской Федерации за счет использования возможностей видеоконференцсвязи и опубликования материалов «круглого стола» [14, с. 10-23].

Особо следует остановиться на научной дискуссии, которая активно развернулось после внесения в Государственную Думу РФ двух проектов федеральных законов: первый, от 21 ноября 2011 г. № 33012-6¹ разработан в Администрации Президента РФ при участии Следственного комитета РФ и второй законопроект от 21 ноября 2011 г. № 632173-5 внесен Советом Федерации РФ², который содержал в себе озвученные ранее представителями Генеральной прокуратуры РФ предложения о введении сокращенного производства по уголовным делам вне зависимости от формы расследования (об этом законопроекте сегодня, к сожалению, забыли). При их обсуждении были высказаны серьезные сомнения относительно возможности практической реализации положений разработанных законопроектов в силу юридических сложностей предложенного механизма их правоприменения.

Подробный анализ указанных законопроектов с учетом изложенных выше обстоятельств дан В.В. Кальницким и К.В. Муравьевым, а так же В.А. Семенцовым [8, с. 292-297; 13, с. 378-380].

Правоприменительная практика действия Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ подтвердила наши опасения, что реализация его положений в практической деятельности органов дознания будет существенно затруднена, что подтверждено научным анализом правоприменения сокращенного дознания. Так, профессором С.И. Гирько вполне обоснованно утверждается, что «в уголовном судопроизводстве, по сути, восстановлена процессуальная форма унифицированного досудебного производства, как таковое дознание – основной «процессуальный инструмент» осуществления полицией своих процессуальных полномочий». Одновременно автором высказаны ряд принципиальных замечаний, требующих обсуждения среди научной общественности и внесения законодателем соответствующих изменений на основе мониторинга данного Закона [6, с. 2-5], проведение которых не представилось возможным (*выделено – Б.Г.*). Положения Федерального закона № 23-ФЗ достаточно критически были оценены А.П. Кругликовым на основании имеющегося негативного опыта деятельности в СССР «несудебных органов», «особых совещаний», «троек» [10, с. 45-49], а также А.Р. Белкиным [2] и др.

С учетом своего видения путей совершенствования расследования в форме дознания автор также высказывает обоснованные сомнения в реализации данного Закона, подтверждая их статистическими данными о результатах оперативно-служебной деятельности органов дознания после вступления его в действие [5, с. 23]. К числу существенных автор, как и профессор С.И. Гирько, следует отнести необоснованность позиции законодателя в выборе формы сокращенного дознания в зависимости от ходатайства подозреваемого, который может использовать его, как часть тактики для уклонения от уголовной ответственности. Одновременно к сказанному выше о Федеральном законе № 23-ФЗ представляется необходимым дополнительно указать на ряд следующих обстоятельств:

первое, законодателем через его положения сделан очередной шаг в части исключения из уголовного судопроизводства процессуальной нормы о возбуждении уголовного дела, поскольку сегодня до возбуждения уголовного дела разрешено получение от лица, в т.ч. в отношении которого проводятся проверочные действия в связи с возможным подозрением его в совершении преступления, объяснения, которое при соблюдении процессуальных норм, в том числе его получение с участием адвоката (защитника), может явиться доказательством по уголовному делу, а также изъятие в ходе проверки сообщения о преступлении предметов

¹ Проект Федерального закона от 21 ноября 2011 г. «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 33012-6». Сайт «Российская газета». 2012. 11 марта.

² Проект Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 632173-5 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института сокращенной формы уголовного судопроизводства» // Интернет-портал «Право.ru».

и документов по правилам УПК РФ, назначение и производство судебной экспертизы и др. Тем самым до возбуждения уголовного дела в настоящее время разрешено, по сути, производство основных следственных действий [4, с. 3];

второе обстоятельство заключается в том, что сбылись опасения, что дознание в сокращенной форме (Глава 32¹ УПК РФ) «заработает» в полную силу, поскольку, например, за первый год действия данной формы предварительного расследования в суд ежеквартально направлялось чуть более 3 тыс. уголовных дел. И, хотя их количество в последующие годы увеличилось (в 2014 г. направлено в суд 32 тыс., в 2015 г. – 60,3 тыс., в 2016 г. – 83 тыс. и в 2017 г. – 105 тыс. уголовных дел), однако по экспертным оценкам автора их количество должно составлять не менее 250 тыс. в год.

С учетом указанных результатов действия вновь введенной в УПК РФ Главы 32¹ и в дополнение к ранее озвученной позиции автор полагает возможным сокращенное дознание построить по принципиально иной схеме:

первое, форма расследования должна устанавливаться исключительно определенной уголовным законом тяжестью преступления;

второе, решение о производстве расследования должно быть за уголовно-процессуальным законом и лицом, производящим расследование, и может целиком зависеть от волеизъявления подозреваемого;

третье, предоставленное потерпевшему согласно подп. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ право возражать против производства дознания в сокращенной форме может быть распространено исключительно на расследование уголовных дел частного и по ряду составов преступлений – по делам частно-публичного обвинения. На гипертрофированность механизма согласования позиций подозреваемого и потерпевшего о принятии решения о производстве дознания в сокращенной форме обращает внимание и профессор А.С. Александров [1, с. 264-265]. В свою очередь, И.А. Попов считает целесообразным получать согласие потерпевшего в письменной форме только один раз при удовлетворении ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме [11, с. 19-22], с чем лично автор согласиться не может;

четвертое, при расследовании преступлений по сокращенным правилам доказывания обязательным условием является начало производства дознания по уголовному делу, минуя этап проверки сообщения о преступлении и, соответственно, без вынесения процессуального решения о возбуждении уголовного дела;

пятое, не менее актуальным является процессуальный срок расследования уголовного дела. Вряд ли возможно согласиться с позицией законодателя, установившего в ч. 1 ст. 226⁶ УПК РФ срок производства дознания в этой форме – 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме. Более того, фактически установленный законодателем срок расследования увеличивается за счет двух суток, предоставляемых подозреваемому для заявления ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме после разъяснения ему данного права, и еще 24 часов с момента поступления ходатайства дознавателю, который обязан принять указанное решение (ч.ч. 2 и 3 ст. 226⁴ УПК РФ). И это, не считая времени после возбуждения уголовного дела и до первого допроса подозреваемого, которое может длиться и сутки, и двое, и более, поскольку законодатель этот срок не ограничивает (ч. 1 ст. 226⁴ УПК РФ). Ну и вряд ли отвечает требованиям сокращенного дознания возможность продления прокурором срока дознания до 20 суток (*дополнительно к основному сроку ещё 5 суток – выделено Б.Г.*), поскольку авторы вполне логично считают, что общий срок сокращенного дознания не должен превышать 30 суток [9, с. 48].

С учетом приведенных выше обстоятельств, предлагаются следующие процессуальные компоненты реально сокращенного дознания и судебного разбирательства уголовных дел:

1) расширение перечня преступлений отнесенных к компетенции органов дознания, в том числе, через введение в УК РФ уголовного проступка [12];

2) должны быть предусмотрены следующие основания производства дознания в сокращенной форме: начало производства расследования в отношении конкретного лица по призна-

кам преступления, отнесенного к подследственности органа дознания (п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ); признание подозреваемым факта совершенного деяния, характера и размера причиненного вреда и согласие с правовой оценкой противоправного деяния; учет обстоятельств, исключających производство дознания в сокращенной форме, предусмотренных п.п. 1-5 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ (при определенных обстоятельствах этот перечень может быть сокращен);

3) должна быть принципиально изменена форма расследования преступлений указанной категории. Необходим переход на протокольную форму и, как вариант в целях ее реализации дознавателями - введение формализованного бланка протокола, в котором предлагается предусмотреть необходимые виды следственных действий: осмотр места происшествия, допрос подозреваемого, потерпевшего и разъяснение им процессуальных прав, изъятие вещественных доказательств и приобщение их к уголовному делу, назначение судебной экспертизы только в случае обязательного ее производства;

4) УПК РФ должен содержать правовую норму, не допускающую производство иных, кроме указанных выше, следственных действий, о чем автором впервые заявлено на конференции в Академии управления МВД России 26 мая 2011 г. [14, с. 12], и одновременно уточняющую, что к протоколу должна быть приложена справка с указанием свидетелей, которые могут быть вызваны в судебное заседание, и справка о судимости, и возможно иные документы, необходимые, по мнению органа расследования, в судебном разбирательстве;

5) срок производства по такому уголовному делу ограничивается двумя сутками, что в условиях очевидности совершенного преступления и, исходя из реальной практики расследования большинства противоправных деяний (в будущем – уголовных проступков) является вполне достаточным;

6) в целях расследования уголовного дела в указанный выше срок и для обеспечения исполнения приговора подозреваемое лицо (около 200 тыс. в год дополнительно к числу задерживаемых сегодня 130 тыс. подозреваемых) в обязательном случае задерживается в порядке ст.ст. 91, 92 УПК РФ на срок до 48 часов, что также должно способствовать резкому сокращению числа лиц, находящихся в федеральном розыске (сегодня 150 тыс.), в основном, за указанные преступления;

7) после направления прокурором уголовного дела в суд последний незамедлительно назначает судебное заседание и одновременно в соответствии с п.3 ч.7 ст.108 УПК РФ, с учетом внесения в данную норму незначительных изменений, продлевает задержание подозреваемого на срок не более 72 часов, в течение которого рассматривает уголовное дело;

8) по причинам, указанным выше, расследование по протокольной форме производства должны производить, наряду с дознавателями, иные должностные лица органа дознания, например, участковые уполномоченные полиции.

Решение изложенных проблем способно обеспечить расследование в форме сокращенного дознания и их последующее судебное разбирательство за год порядка 250-300 тыс. преступлений (в 1995-1996 г. ежегодно направлялось в суд порядка 350 тыс. материалов по протокольной форме досудебной подготовке).

Дело за российским законодателем.

Список использованной литературы:

1. Александров А.С., Сафин Р.Р., Юнусов Р.Р. К вопросу о сокращенной форме досудебного производства по уголовному делу // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4.
2. Белкин А.Р. Новеллы уголовно-процессуального законодательства – шаги вперед или возврат на проверенные позиции? // Уголовное судопроизводство. 2013. № 3.
3. Гаврилов Б.Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод личности. Монография. – М.: «Мир», 2005.
4. Гаврилов Б.Я. Современные проблемы досудебного производства и меры по их разрешению // Российский следователь. 2013. № 21.
5. Гаврилов Б.Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1.

6. *Гирько С.И.* Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения // *Российский следователь*. 2013. № 21.
7. *Гордиенко В.В.* Законодательное установление уголовного проступка и исключение института отказных материалов // *Российский следователь*. 2010. № 15.
8. *Кальницкий В.В., Муравьев К.В.* Законопроект о сокращенном дознании концептуально эклектичен // материалы межд. науч.-практ. конф. «Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях», 2-3 ноября 2012 г. Тюмень.
9. *Ковтун Н.Н.* Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // *Российская юстиция*. 2013. № 12.
10. *Кругликов А.П.* Дополнение УПК РФ новой Главой о дознании в сокращенной форме и некоторые проблемы дифференциации уголовного судопроизводства // *Российская юстиция*, 2013. № 7.
11. *Попов И.А.* Дознание в сокращенной форме: достоинства, недостатки и первые результаты // *Уголовное судопроизводство*. 2013. № 3.
12. *Рогова Е.В.* Понятие и сущность уголовного проступка // *Труды Академии управления МВД России*. 2012. № 3.
13. *Семенцов В.А.* Сокращенная форма расследования // материалы межд. науч.-практ. конф. «Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях», 2-3 ноября 2012 г. Тюмень.
14. *Юридический консультант (ежемесячный информационно-аналитический журнал): М.: «Юрмис, л. 2», 2012. № 3.*

ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ НОВЫХ УК И УПК

Гизатов С.Б., начальник факультета профессионального и дополнительного образования Актыубинского юридического института МВД Республики Казахстан имени М. Букенбаева, полковник полиции

С 01 января 2015 года введено в действие новое уголовно-процессуальное законодательство, главной целью которой заключалась в формировании уголовно-процессуального закона, основанного на признании конституционных норм о правах и свободах человека и гражданина, непосредственно действующими, определяющими смысл, содержание и применение законов и обеспечиваемые правосудием.

По истечении более 2-х лет работы в условиях нового УК и УПК, наряду с положительными моментами, возникли определенные трудности требующие их рассмотрения и внесения по ним изменений дополнений.

Основные новеллы уголовно-процессуального законодательства выразились в следующем:

- законодательном исключении доследственной проверки и стадии возбуждения уголовного дела;
- упрощении и повышении эффективности уголовного процесса, в том числе порядка досудебного производства, депонировании показаний, производства дистанционного допроса;
- законодательной регламентации порядка уголовного судопроизводства по уголовным проступкам с использованием элементов протокольной формы;
- создании условий для расширения применения мер пресечения, альтернативных аресту, в том числе залога;
- постепенном введении новых институтов восстановительного правосудия, основанных на примирении сторон и возмещении причиненного вреда;
- введении института негласных следственных действий (далее - НСД);
- законодательном развитии института процессуального соглашения;
- дальнейшем совершенствовании механизмов предоставления квалифицированной юридической помощи по уголовным делам не только обвиняемым и подозреваемым, но и потерпевшим, свидетелям.

Установленный законом порядок производства по уголовным делам должен неукоснительно обеспечивать защиту от необоснованного обвинения и осуждения, незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина, в случае незаконного обвинения или осуждения невиновного - незамедлительную и полную его реабилитацию, а также способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению уголовных правонарушений, формированию уважительного отношения к праву.

Эффективная уголовная политика государства невозможна без оптимальной модели уголовного судопроизводства. Поэтому, говоря о перспективах развития уголовно-процессуального права, необходимо подчеркнуть, что новый Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Казахстан в основном привели систему уголовной юстиции в соответствие с характеристиками современного демократического, правового государства.

Положительные изменения

В 2015 году кардинально изменилась система учета уголовных правонарушений по сравнению с учетом преступлений в прошлые годы.

Возможность окончания досудебного расследования по всем категориям преступлений, за исключением особо тяжких, **в ускоренном порядке и протокольной форме** позволило оперативно заканчивать расследование по уголовным делам, что также способствует значительному снижению нагрузки на органы и суды.

При этом **в порядке согласительной процедуры** о признании вины (*ст.617 ч.4 УПК*) прокурорами в суд направлено значительное количество уголовных дел, что также способствовало «разгрузке», тем более на практике вместо положенных 10 суток они судами рассматриваются в 1-2 дня.

В то же время указанная процедура существенно сокращает время расследования и судебного рассмотрения дел. Широкое их применение в перспективе позволит ещё больше уменьшить нагрузку на органы следствия и суда, и самое главное снизить уровень тюремного населения.

Тем самым, суды также разгружаются от нагрузки по непредставляющим общественной опасности преступлениям, ориентируя свою работу на качественное рассмотрение особо важных дел.

Удалось добиться значительных результатов в широком применении **залога**, рост данной меры пресечения по сравнению с прошлым годом составил +250%, за счет снижения порогового размера залога в два раза (*от 50 до 500 МРП против от 100 до 1000 МРП*), возможности избрания залога на стадии санкционирования содержания под стражей (*ч.8 ст.148 УПК*). Кроме того, Постановлением Правительства четко определен перечень имущества, подлежащего принятию в качестве залога, а также Указанием Генерального Прокурора от 9 апреля 2015 года №1/15 поручено сократить применение меры пресечения в виде содержания под стражей и подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Следственными судьями санкционируются меры пресечения в виде содержания под стражей, домашнего ареста, продлении срока содержания под стражей, экстрадиционного ареста, залога, ареста на имущество, об объявлении международного розыска подозреваемого, обвиняемого, а также депонирование показаний свидетелей и потерпевших.

К примеру, в целях исключения психотравмирующего воздействия несовершеннолетней потерпевшей органами досудебного расследования и прокуратурой г.Актобе вынесено ходатайство перед судом о депонировании показаний по уголовному делу об изнасиловании заведомо малолетней, которое судом удовлетворено.

Как положительное достижение следует также отметить процедуру **дистанционного допроса** с использованием средств видеосвязи, которая также все чаще применяется органами досудебного расследования и судом.

Проблемные вопросы по Уголовно-процессуальному кодексу:

Исключение стадии предъявления обвинения

В УПК наряду с постановлением о признании лица подозреваемым, введено постановление о квалификации его деяний, которое, по сути, ничем не отличается от прежнего постановления о привлечении в качестве обвиняемого, что является неприемлемым.

На сегодняшний день следователь вместо вынесения 1 постановления о привлечении в качестве обвиняемого, выносит 2 постановления (*1-е о признании подозреваемым и 2-е о квалификации деяния*), хотя изначально Концепцией предлагалось вообще отказаться от этой стадии.

Полагаем необходимо исключить оба эти термина с введением универсального понятия «уведомление о подозрении», которое может быть дополнено или изменено в необходимых случаях.

На сегодняшний день УПК загроможден «лишними» понятиями и следователи запутаны, кем признавать лицо – подозреваемым или свидетелем, имеющим право на защиту.

Исключение фиксированных сроков расследования

Согласно ст.192 УПК досудебное расследование должно быть закончено в разумный срок с учетом сложности уголовного дела, объема следственных действий и достаточности

исследования обстоятельств дела, но не более срока давности уголовного преследования, установленного УК.

Срок досудебного расследования исчисляется с момента регистрации заявления и сообщения в ЕРДР до дня направления уголовного дела прокурору с обвинительным актом или постановлением о передаче дела в суд для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера либо до дня вынесения постановления о прекращении производства по делу.

Досудебное расследование по делам дознания не должно превышать один месяц и два месяца по делам предварительного следствия.

Полагаем, требует пересмотра принцип исчисления сроков расследования.

Предлагается ввести два понятия: «**досудебное расследование**» и «**уголовное преследование**».

Период **досудебного расследования** не должен исчисляться конкретными сроками, но при этом должен быть ограничен сроками давности привлечения к уголовной ответственности, а срок **уголовного преследования** должен исчисляться с момента **уведомления лица о подозрении** в совершении правонарушения и расследование в отношении этого лица должно быть окончено в течение 2-х месяцев с правом продления ввиду сложности дела. В то же время расследование очевидных преступлений должно быть окончено за 30 суток.

Тем самым, будет значительно упрощен процесс расследования. Следователю не придется постоянно продлевать сроки у прокурора, выносить постановления о прерывании или возобновлении расследования, что при отсутствии подозреваемого явно излишне.

Проблемы расследования уголовных проступков

Введение уголовных проступков в УК должно было усилить профилактику преступлений и соприкасающихся с ними проступков, более четко разграничить степень их общественной опасности и, соответственно, наказания.

Предполагалось также максимальное упрощение досудебного производства по указанной категории уголовных правонарушений.

Между тем, при росте регистрации уголовных проступков, ранее относившихся к разряду админправонарушений, произошло резкое снижение 5 их видов: неповиновение представителю власти: неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: незаконная охота: умышленное причинение легкого вреда здоровью: побои.

Причинами, послужившими снижению их регистрации являются существенные различия между уголовными и административными процедурами доказывания и расследования (*процесс расследования по делам об уголовных проступках гораздо сложнее в сравнении с административным производством и занимает значительное время*).

Так, если в рамках административного производства требуется в среднем составление 10-ти процессуальных документов, то для расследования дела об уголовном проступке с соблюдением положений УПК потребуются проведение около 30-ти следственных действий. В этой связи, предлагается проревизировать положения УПК на предмет максимального упрощения (*по аналогии с КоАП*) стадии расследования уголовных проступков и сократить отдельные элементы процесса с целью повышения уровня неотвратимости наказания и нулевой терпимости, не допустив при этом снижения защитного потенциала УПК в отношении граждан.

Проблемы правоприменительной практики института НСД

Исключение из Закона об ОРД задачи «раскрытие преступлений» и введение новым УПК института НСД, производство которых возможно только по поручению следователя, требует существенного пересмотра организации работы оперативных служб. В рамках Закона об ОРД проверка возможна лишь в тех случаях, когда лицо только замышляет совершение преступления, то есть на стадии, когда его деяния еще не являются **уголовно наказуемыми** и поэтому не подпадают под действие УПК. Основной задачей при этом является **предотвращение** (*выявление, предупреждение и пресечение*) этого возможного преступления на са-

мом **раннем** этапе, до того, как лицо совершит преступление или, в крайнем случае, достигнет своей цели и причинит преступный вред.

В противном же случае действия самих сотрудников, допустивших совершение преступного деяния (*ради последующего разоблачения кого-то*), будут содержать признаки преступления. Проверка недостаточной для регистрации в ЕРДР оперативной информации в рамках Закона об ОРД (*в том числе путем проведения СОРМ*) возможна лишь с целью **предотвращения** (*выявления, предупреждения и пресечения*) вероятного преступления, фактически еще не являющегося уголовно-наказуемым, но общественно опасного по своим возможным последствиям.

При получении в ходе этого достаточных данных о признаках уголовного правонарушения органы обязаны произвести регистрацию в ЕРДР и прекратить СОРМы. Дальнейшие действия должны осуществляться в рамках УПК путем проведения, при необходимости, НСД.

Однако, несмотря на неоднократные разъяснения о необходимости строгого соблюдения Закона об ОРД при решении вопросов инициирования и проведения СОРМ исключительно для защиты от преступных посягательств, установлены факты игнорирования данных требований.

Так, органами уголовного преследования в нарушение требований УПК проводятся СОРМы, целью которых является пресечение, раскрытие и расследование уголовных правонарушений, что не относится к задачам ОРД.

В целом, полагаем, положения Закона об ОРД должны быть приведены в соответствие с УПК (*оставив только нормы, не связанные с уголовным процессом*).

Проблемы правоприменительной практики института сделки о признании вины.

На сегодняшний день настораживают условия заключения сделок о признании вины с наркобытчиками.

Такая практика может привести к ослаблению борьбы с наркооборотом.

Следует учесть, что такие приговоры по УПК опротестованию не подлежат.

Процессуальные соглашения заключены прокурорами на досудебной стадии, и они не единичны, прокурорам необходимо взвешенно подходить к заключению процессуальных соглашений, в особенности при решении вопроса о применении условного осуждения либо наказания ниже низшего предела.

Указанный вопрос требует занятия принципиальной позиции, поскольку, очевидно, что это создает огромные риски коррупционного характера и может повлечь полный подрыв (отсутствия) доверия населения к правоохранительным органам и суду.

Имеются проблемные вопросы в части освобождения от уголовной ответственности и наказания. Согласно ст.67 УК лицо, выполнившее все условия процессуального соглашения, может быть освобождено от уголовной ответственности. То есть, если лицо, выполнило все условия процессуального соглашения, то нет никаких ограничений для того, чтобы освободить его от уголовной ответственности - ни по категории преступления, ни по каким-либо другим основаниям (*в отличие от примирения - ст.68 УК*). Эта норма может быть использована как «лазейка» для увода преступников от уголовной ответственности.

К примеру, сегодня ряд преступлений нельзя прекратить за примирением, однако с обвиняемым можно заключать процессуальное соглашение (*к примеру, по ДТП со смертельным исходом*) с освобождением его от уголовной ответственности и наказания. Поэтому, полагаем необходимым внести поправки в ст.67 УК и взвешенно подходить к вопросам заключения процессуальных соглашений с лицами, совершившими преступления по неосторожности, повлекшие смерть человека.

Общие предложения:

- предлагаем списывать в ряд обращения физических и юридических лиц, по которым ранее принимались процессуальные решения с одновременным направлением их в органы прокуратуры со ссылкой на ст.105 УПК для изучения законности проводимых органом уголовного преследования следственных действий.

- далее, предлагаем увеличить срок рассмотрения заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях, зафиксированных в книге учета информации (КУИ) до 72 часов, вместо 24 часов.

- внести в ч.7 ст.45 УПК основания прерывания сроков досудебного расследования ввиду проведения соответствующей экспертизы.

- досудебное расследование не ограничивать процессуальными сроками, т.е. при прерывании процессуальных сроков досудебное производство продолжается.

- изучить возможность корректировки процедуры рассмотрения судом процессуального соглашения, когда один из соучастников преступления инициирует заключение такого соглашения в форме сделки о признании вины, а остальные соучастники свою вину не признают.

- разъяснить порядок исчисления сроков, указанных в ст.526 УПК, а также производства дознания по делам об уголовных проступках (каким документом должно завершаться расследование в таких случаях: обвинительным актом или протоколом об уголовном проступке), выносить постановление о квалификации действий подозреваемого.

На наш взгляд, все преступления, должны расследоваться исключительно следователем, а уголовные проступки – сотрудником органа дознания, которому начальником органа дознания будет поручено расследование в форме дознания (*протокольной форме*).

В связи с чем, нет никакой необходимости и в сохранении фигуры дознавателя (*в нынешнем его понимании*), который фактически в настоящее время ничем не отличается от следователя.

При проведении реформы по преобразованию дознавателя в следователя МВД получит их значительное количество за счет сокращения должностей руководящего состава, тем самым в некоторой степени разрешится вопрос нехватки кадров.

Положительный эффект от этого реформирования, будет очевиден.

В целом, как показал анализ и проведенные проверки, по республике состоялся переход на новую модель уголовно-процессуального законодательства, в то же время, имеется ряд проблемных вопросов, которые не терпят отлагательства и требуют оперативного решения. Комплексное развитие казахстанского законодательства и его эффективное применение в соответствии с установленными Концепцией правовой политики основными направлениями будут способствовать дальнейшему укреплению режима законности, соблюдению конституционных прав и свобод человека и гражданина, обеспечению устойчивого социально-экономического развития страны, укреплению казахстанской государственности.

Список использованной литературы:

1. Конституция Республики Казахстан от 30.08.1995 года.
2. Когамов М.Ч. Уголовно-процессуальное право Республики Казахстан. Алматы: «Жеті Жарғы», 2013.
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан. – Алматы: НОРМА-К, 2014.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Гладышева О.В., заведующий кафедрой уголовного процесса юридического факультета Кубанского государственного университета (г. Краснодар), доктор юридических наук, профессор

Идея справедливости заложена в основу регулирования любых правоотношений, а в отдельных отраслях права эта идея закреплена буквально. Например, ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. При этом никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление.

В ст. 9 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации установлено, что законность и справедливость при рассмотрении и разрешении судами административных дел обеспечиваются соблюдением положений, предусмотренных законодательством об административном судопроизводстве, точным и соответствующим обстоятельствам административного дела правильным толкованием и применением законов и иных нормативных правовых актов, в том числе регулирующих отношения, связанные с осуществлением государственных и иных публичных полномочий, а также получением гражданами и организациями судебной защиты путем восстановления их нарушенных прав и свобод.

В ст. 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусматривается, что приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. При этом справедливость приговора суда определяется в зависимости от выполнения судом требований, предъявляемых к назначаемому подсудимому наказанию. Несправедливым является тот приговор, по которому было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, которое хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части УК РФ, но по своему виду или размеру является несправедливым как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости.

В ст. 391.11 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации говорится о справедливом судебном разбирательстве

В ст. 2 Трудового кодекса Российской Федерации упоминаются справедливые условия труда и справедливая заработная плата.

Примеры из российского законодательства, где говорится о справедливости, можно было бы продолжить. Однако и приведенного списка, полагаем, достаточно, чтобы сделать вывод, о правовом характере и природе справедливости и ее широком законодательном закреплении.

Нормативные правовые акты зарубежных государств также содержат указание на справедливость. Например, в ст. 132-24 Уголовного кодекса Франции закреплён принцип справедливости: «Суд назначает наказание и определяет режим его исполнения в зависимости от обстоятельств преступного деяния и личности исполнителя. При назначении штрафа суд определяет его размер с учетом доходов и расходов виновного». В ст. 5 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики принцип справедливости был предусмотрен в 1997 г.

Имеется принцип справедливости в Уголовном кодексе Республики Таджикистан, а в ч. 1 ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) в качестве одной из задач уголовного судопроизводства предусмотрено справедливое разреше-

ние рассматриваемых вопросов в суде. В соответствии со ст. 364 этого же кодекса суд, рассматривающий дело в кассационном порядке, проверяет законность, обоснованность, справедливость приговора и других судебных решений.

Анализ действующего российского и зарубежного уголовно-процессуального законодательства приводит к выводу о том, что справедливость выступает в различных качествах (как задача, принцип, общее условие и др.). Так, справедливость может быть правилом назначения наказания, а может выступать обобщающим требованием о соблюдении равенства, состязательности, соблюдения процессуальных сроков. При этом предписания, воплощающие идею справедливости, адресуются исключительно к суду, оставляя за ее (справедливости) требованиями деятельность органов предварительного расследования и прокурора.

Данная ситуация, на наш взгляд, формирует проблему восприятия справедливости в праве в целом, толкования ее содержания, уяснения правового смысла, а также соотношения деятельности должностных лиц в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, в частности. В качестве основных аспектов реализации идеи справедливости в деятельности органов предварительного расследования мы рассматриваем следующие:

- 1) содержание идеи справедливости;
- 2) возможность внедрения идеи справедливости в уголовно-процессуальную деятельность органов предварительного расследования.

Напомним, что право изначально было предназначено для установления справедливости в обществе. Интересно отметить, что в Древней Греции право разделялось на официальное и справедливое. Причем вторая его часть допускала отклонения от формальных нормативных предписаний в зависимости от обстоятельств, личности участников правонарушения [1, с. 11, 29].

Приведем известное высказывание Цицерона [2]: «Право, доведенное до крайности – та же несправедливость» (*summum ius summa iniuria*). В современных условиях его можно понимать, как, *во-первых*, установление многократно усиленных, максимально детализированных, жестко императивных правил и требований, выполнение которых существенно затрудняет реализацию общественных отношений. И, *во-вторых*, как искаженное восприятие содержания норм уголовно-процессуального права в процессе осуществления правоприменительной деятельности, когда изначально справедливые правила и требования в руках правоприменителя превращаются, в силу различных, в том числе субъективных причин, в свою противоположность.

Определяя возможные пути решения отмеченных выше проблем считаем возможным привести мнения отдельных мыслителей и философов. Цицерон говорил: «... трудно, когда пожелаешь, превзойти всех, соблюдать равенство, в высшей степени свойственное справедливости» [3, с. 74.]. Платон отмечал, что «справедливость означает неравенство» [4 с. 211]. Гегель выступал за то, что «поступать по справедливости ... считать других равными себе» [5, с. 71]. Ж.-Ж. Руссо подчеркивал, что представления о справедливости вытекают из равенства прав, а представления о несправедливости – из беззакония и порабощения человека [6 с. 54].

Полагаем, что эти изречения как нельзя лучше передают основное содержание справедливости – соблюдение равенства, паритета. Применительно к уголовному судопроизводству равенство, определенный баланс должны поддерживаться в самых разных аспектах: между участниками, частными и публичными интересами, в построении выводов и заключений по наиболее существенным вопросам уголовного дела, включая приговор суда, а также в решениях органов предварительного расследования. При этом равенство имеет свои особенности и не может выражаться в некоем математическом результате. Например, абсолютное равенство процессуальных прав потерпевшего и подсудимого не может быть справедливым. Равенство, возводимое в некий абсолют, превращает его в несправедливость.

Исследование справедливости в современной теории уголовного процесса получило достаточно широкое распространение [7]. Однако мы полностью согласны с мнением

М.И. Клеандрова, который в одной из своих работ отметил недостаточность проработки понятия справедливости [8]. Восполняя в определенной степени этот недостаток сформулируем собственное видение сущности и содержания идеи справедливости в уголовном судопроизводстве. На наш взгляд, справедливость предполагает некую меру свободы участников уголовного судопроизводства, в рамках которой они способны проявить свое усмотрение.

Не имея возможности в рамках одной статьи подробно приводить все аргументы в поддержку высказанной позиции, ограничимся следующей формулировкой: *идея справедливости в уголовном судопроизводстве реализуется посредством нормативно закрепленных правил производства, основанных на предоставлении участникам уголовного судопроизводства достаточной процессуальной свободы и обеспечении равенства заинтересованных лиц.*

Для реализации идеи справедливости в указанном контексте в уголовном судопроизводстве свобода и равенство должны быть закреплены в уголовно-процессуальном праве, содержать ясные и простые правила осуществления, четко подавать сигнал правоприменителю относительно возможных направлений толкования содержания правовых предписаний и их применения.

Полагаем, что для справедливости уголовного судопроизводства особенно важным является именно аспект *справедливого правоприменения*. Исходя из результатов изучения практики можно сказать, что положения уголовно-процессуального закона, вроде бы не вызывающие сомнения с точки зрения ясности мысли законодателя, достаточно часто применялись с искажением этого смысла и идеи справедливости.

Так, апелляционным постановлением Самарского областного суда от 21 января 2015 г. отменено постановление о применении заключения под стражу в связи с тем, что тяжесть преступления, в совершении которого подозревается Д., сама по себе не может служить основанием для избрания столь суровой меры пресечения. Каких-либо достоверных данных о том, что подозреваемый Д. скроется от следствия и суда, может воспрепятствовать производству по делу и продолжить заниматься преступной деятельностью, в представленных материалах не имеется. В то же время в материалах дела имеются сведения о том, что Д. впервые привлекается к уголовной ответственности, имеет постоянное место жительства и регистрации на территории Самарской области, личность его документально установлена, от органов предварительного следствия он не скрывался. Кроме того, он является студентом Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, по месту жительства, учебы и службы в рядах Российской Армии характеризуется положительно, вину в совершении преступления признает [9].

В другом случае суд отказал в удовлетворении ходатайства следователя о заключении обвиняемого К. под стражу, основываясь на том, что обвинение предъявлено по ст. 159.3 УК РФ. В то же время, К. было предъявлено обвинение также и по ст. 174.1 УК РФ, он долгое время скрывался от следствия, что позволяет заключить его под стражу на основании ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Однако, эти обстоятельства не были приняты во внимание судом [10].

Отметим, что в приведенных примерах органы предварительного расследования представили суду необъективную, одностороннюю оценку обстоятельств уголовного дела, а суд ее поддержал. Налицо искажение в понимании норм уголовно-процессуального права, предвзятое отношение к отдельным обстоятельствам, их неадекватная оценка, что свидетельствует о проявлении несправедливого подхода в правоприменении.

Реализация идеи справедливости в деятельности органов предварительного расследования имеет если и не большее, чем справедливость суда, то уж наверняка равноценное значение. При этом для уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования гораздо в меньшей степени, чем для суда, присущи механизмы обеспечения свободы и равенства, что составляет «слабость» уголовно-процессуального регулирования.

Выполняя свои функции, органы предварительного расследования руководствуются разрешительным методом правового регулирования, когда дозволено только то, что прямо

закреплено в правовых предписаниях. Несмотря на наличие такого метода в системе уголовного процесса существует довольно много элементов, которые требуют действий, основанных на внутреннем убеждении правоприменителя, его усмотрении.

Для суда реализация такого рода действий не составляет больших затруднений, в том плане, что их осуществление происходит по большинству случаев в условиях гласности и состязательности сторон и сами стороны могут незамедлительно высказать суду свое отношение как к самим действиям, так и к их результатам. Тогда как для действий и решений органов предварительного расследования существуют совсем иные условия, включая соблюдение режима тайны, когда правоприменение требует дополнительных гарантий с точки зрения обеспечения справедливости.

К примеру, законодательное регулирование стадии возбуждения уголовного дела имеет довольно фрагментарное выражение. Действующий российский уголовно-процессуальный закон определяет поводы, основания возбуждения уголовного дела или отказа в таковом. Также устанавливаются средства проверочной деятельности органов предварительного расследования: производство следственных, иных процессуальных, а также непроцессуальных действий (документальных проверок, бухгалтерских ревизий).

Однако, круг участников определен не четко, их процессуальные статусы прописаны лишь частично. Деятельность следователя, дознавателя осуществляется вне тесного взаимодействия с заинтересованными лицами (их попросту еще не выявили и не привлекли к участию).

При проведении проверки сообщений о преступлениях широко используется такое процессуальное средство как получение объяснений. Однако, несмотря на уголовно-процессуальную природу данного действия его процессуальная форма в законе не определена.

В литературе имеется следующий перечень субъектов, дающих или привлекаемых к даче объяснений: «а) заявители, в том числе заявители-потерпевшие; б) лица, имеющие какое-либо отношение к интересующим фактам, но не совершившие преступление; в) лица, которые по имеющимся сведениям могли совершить или совершили преступление; г) лица, которые могут сообщить некоторые сведения, имеющие значение для проверяющего, но не располагающие сведениями о преступных фактах, по поводу которых ведется проверка; д) должностные лица, в обязанности которых входил контроль за деятельностью лиц, в отношении которых ведется проверка» [11, с. 81].

Из указанного списка следует, что лицами, привлекаемыми к даче объяснений, являются фактически подозреваемые, а также иные лица, которые еще не являются подозреваемыми, но имеют реальную перспективу стать ими. В стадии предварительного расследования для таких лиц существует система прав и их гарантий, в том числе отказаться от дачи показаний, право на участие защитника, право на установленную законом продолжительность допроса и др. Однако все эти гарантии в стадии возбуждения уголовного дела не действуют, и процедура получения объяснений от этих лиц не имеет соответствующей системы правообеспечения.

Нередки случаи, когда получение объяснений происходит в ночное время [12]. При этом должностные лица – следователи и дознаватели – освобождены от обязанности обосновывать необходимость (неотложность) получения ночных объяснений. Законодательно не регламентируется продолжительность получения объяснений. Участие адвоката предусматривается, но механизм привлечения адвоката лица, дающего объяснения нуждается в серьезной доработке.

Круг лиц, имеющих право присутствовать при получении объяснений, не определен, в силу чего к участию в получении объяснений от фактически заподозренных лиц могут привлекаться заявители о преступлении, которые зная о содержании сведений, полученных от заподозренного гражданина, имеют возможность впоследствии скорректировать свои показания и оценка их достоверности будет затруднена. При таких условиях с неизбежностью

встает вопрос о справедливости осуществления соответствующего мероприятия, равенстве участников, объективности оценки полученных от них сведений.

Отсутствие четких ориентиров для осуществления уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела подчас приводит следователей к поспешному принятию решений [13], нарушающих конституционные права граждан.

Приведенные ситуации исподволь подводят к заключению о необходимости жесткой и самой подробной регламентации уголовно-процессуальной деятельности. Однако мы не являемся сторонниками предельно возможного, максимального законодательного регулирования и считаем, что уголовно-процессуальное право не должно регулировать абсолютно каждый шаг органов предварительного расследования, прокурора либо иных участников уголовного судопроизводства. Наоборот, выступаем за свободу и проявление усмотрения, которая должна иметь достаточные гарантии реализации иными участниками уголовного судопроизводства, соблюдения равенства и гарантии объективности результатов уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования.

В этом отношении представляется конструктивным установить некие требования к процессу осуществления деятельности (особенно реализуемой по усмотрению правоприменителей) и ее результатам. Полагаем, что в этой части полезным является опыт Республики Таджикистан. В ст. 21 УПК РТ сохранено требование о всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств дела. Выступая задачей уголовного судопроизводства, оно выстраивает уголовно-процессуальную деятельность органов предварительного расследования в соответствии с определенным вектором, позволяющим обеспечивать получение объективных результатов в том числе в стадии предварительного расследования. Наличие такого рода требований в уголовно-процессуальном законе позволяет создать необходимую в современном уголовном судопроизводстве правовую основу обеспечения справедливости, требуя от органов предварительного расследования придерживаться определенных правил, в том числе и в тех случаях, когда их уголовно-процессуальная деятельность основана на усмотрении.

В то же время считаем, что требование о всесторонности, полноте и объективности в силу своей значимости для результатов уголовного судопроизводства должно существовать в статусе принципа уголовного судопроизводства, обеспечивающего реализацию идеи справедливости не только судом, но и органами предварительного расследования.

Подводя итог высказанным соображениям сформулируем основные выводы:

1) идея справедливости присуща различным отраслям отечественного и зарубежного законодательства, в том числе уголовно-процессуальному. Однако, ее воплощение в уголовно-процессуальном законодательстве имеет односторонний характер, регулирует решение фактически одного вопроса (выбор вида и меры наказания) и определяет деятельность только суда. В практике судов имеются многочисленные случаи отступления от идеи справедливости;

2) негативные тенденции в правоприменении обусловлены недостаточным развитием теории, и, как следствие, процессуального законодательства. Четкость и конкретность выражения идеи справедливости в уголовно-процессуальном законе позволит преодолеть сложившуюся ситуацию;

3) применительно к уголовному судопроизводству конкретизация идеи справедливости возможна на основе таких категорий как процессуальная свобода (реализуется в проявлении усмотрения), равенство заинтересованных лиц, объективность оценки фактических данных и построения выводов;

4) для внедрения идеи справедливости в деятельность органов предварительного расследования полагаем возможным восстановление требования о всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств дела в статусе принципа уголовного судопроизводства.

Список использованной литературы:

1. См.: Омельченко О.А. Римское право: учебник. – М.: ТОН-Остажье, 2000. – 2-е изд. – 208 с.; Римское частное право. Учебник для вузов / Дождев Д.В. / под ред. Нерсесянц В.С. – М.: Норма, Инфра-М, 1996. – 704 с.
2. Цит. по Богомолов А.С. Античная философия: учебник. 2 изд. – М.: Высш. школа, 2006. – 390 с.
3. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. – М.: Наука, 1974. – 247 с.
4. Платон. Государство: собр. соч. в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – Т.3 – 654 с.
5. Гегель. Работы разных лет. В 2-х т. – М.: Институт философии АН СССР, «Мысль», 1971. – Т. 2. – 630 с.
6. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: перевод с франц. А.Д. Хяютина и В.С. Алексеева-Попова. По изд.: Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. – М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – 416 с.
7. См., например: Рудич В.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 274 с.; Макарова З. В. Справедливость в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Право. – 2012. – № 7. – С. 54-56; Адильшаев Э. А., Жеребятьев И. В., Шамардин А. А. Судебное санкционирование как форма реализации правосудия в уголовном судопроизводстве России: монография. М.: ООО ИПК «Университет», 2013. – 277 с.
8. См.: Клеандров М.И. Категория справедливости и механизм правосудия // Вестник Тюменского гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. – 2017. – № 1. – Т. 3. – С. 100-110.
9. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Суд Центрального района г. Челябинска. Постановление об отказе в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // <http://www.advokat-afanasev.ru>.
11. Степанов В.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. – Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та, 1972. – 142 с.
12. Некоторые практические работники могут заметить, что получение объяснений в ночное время продиктовано необходимостью скорейшего раскрытия преступления, что называется «по горячим следам». Мы не отрицаем, что такая необходимость может существовать. Но проблема в другом: кто и каким образом проверит, была ли эта необходимость в действительности или получение объяснений в ночное время является способом деморализовать гражданина, оказать на него психологическое давление?
13. Краснодарский краевой суд. – Материалы № 22К-2022/2014. – Апелляционное постановление.

РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гришин А.В., начальник кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент

Уголовно-процессуальная политика как социальное явление находящееся на стыке политики и права, не может быть охарактеризована без выяснения взаимосвязи и соотношения политики и права. Это тем более необходимо сделать, поскольку взаимодействие политики, права и связанной с ним правовой науки сложный процесс, характер которого, как показывает история нашего государства, претерпевал в разное время довольно значительные и весьма поучительные изменения. В период глубоких законодательных реформ и перехода к правовому государству вопрос этот приобретает особую актуальность.

Степень разработанности темы характеризуется следующими источниками: из крупных научных работ девяностых годов прошлого столетия следует назвать "Основы государственной политики борьбы с преступностью в России: теоретическая модель", авторами которых являются профессора А.Я.Сухарев, А.И.Алексеев, М.П.Журавлев.

Из монографий текущего столетия можно выделить книги Г.Ю. Лесникова "Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики)", А.И. Алексеева, В.С. Овчинского, Э.Ф. Побегайло "Российская уголовно-процессуальная политика: преодоление кризиса", Б.Я. Гаврилова "Современная уголовная политика России: цифры и факты", Н.А. Лопашенко "Уголовная политика" и др. Данные работы отличаются неординарностью суждений и отвечают потребностям времени¹.

Исходя из законодательного определения, преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК под угрозой наказания.

Преступление как деяние обладает обязательными признаками, присущими каждому такому деянию. В Особенной части Уголовного кодекса РФ преступления располагаются по родовым и видовым объектам преступлений.

Преступления в сфере предпринимательской деятельности содержатся в Главе 22 Особенной части Уголовного кодекса. В зависимости от непосредственного объекта все преступления можно разделить на три группы:

а) посягающие на законную предпринимательскую деятельность (ст. 169-171, 171.1, 172-174, 174.1, 175-180, 183-185, 185.1, 187, 195-197 УК РФ);

б) посягающие на государственную монополию в сфере экономической деятельности (ст. 181, 186, 190-193 УК РФ);

в) таможенные и налоговые (ст. 188, 189, 194, 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ).

Видовым объектом рассматриваемых преступлений являются общественные отношения, возникающие в сфере экономической деятельности, то есть такая деятельность, при которой происходит производство, распределение, обмен и потребление материальных благ и услуг.

Непосредственным объектом в зависимости от преступления выступают конкретные общественные отношения, связанные с определенной сферой предпринимательской или иной экономической деятельности, и регулируемым экономическим отношениям.

Объективная сторона большинства рассматриваемых преступлений в сфере экономической деятельности заключается в совершении их путем действий (например, в нарушение

¹ Зайцев А.О. Реализация уголовно-процессуальной политики // Пробелы в российской законодательстве. 2014. № 5. С. 152.

положений Гражданского кодекса РФ, понуждение к совершению сделки или к отказу от совершения такой сделки). Часть преступлений может совершаться путем бездействия (например, неправомерный отказ в государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица либо уклонение от их регистрации, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности). Также по форме составов преступления, деяния указанной главы Уголовного кодекса РФ делятся на преступления с материальной конструкцией, предполагающие обязательное наступление негативных последствий от совершенных противоправных деяний (незаконная банковская деятельность) и составы с формальной конструкцией, когда для квалификации деяния необходим только факт совершения преступного деяния (незаконная организация и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны).

По субъектному составу виды преступлений, обозначенные главой 22 УК РФ также отличаются. Субъектом преступлений в сфере экономической деятельности могут быть как общие субъекты – физические вменяемые лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста, так и специальные субъекты - должностные лица (регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом).

Субъективная сторона преступлений в сфере экономической деятельности предполагает умышленную форму вины либо может иметь две формы вины. При совершении преступлений в сфере экономической деятельности в большинстве случаев присутствует умышленная форма вины. При этом, качественной характеристикой преступлений является наличие факультативного признака вины — мотива. Для рассматриваемых преступлений такими мотивами чаще всего являются корыстные мотивы, что неразрывно связано со спецификой совершаемых преступных деяний¹.

Следует упомянуть о том, что преступления указанной сферы весьма разнообразны, и учитывая признак наказуемости, как один из основных признаков для определения деяния как преступления и его квалификации, законодателем постоянно вносятся изменения в Главу 22, дополняются составы и виды преступных деяний, совершенных в данной сфере.

Так, за период с 2009 по 2013 г. УК РФ был дополнен такими новыми составами преступлений, как незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1), незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173.2), нарушение порядка учета прав на ценные бумаги (ст. 185.2), воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг (ст. 185.4), фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества (ст. 185.5), неправомерное использование инсайдерской информации (ст. 185.6), совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов (ст. 193.1), контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1)².

В дальнейшем, за период с 2013 по настоящее время в главу 22 УК РФ внесено 8 новых общественно опасных деяний: Внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории (ст. 170.2), Незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (171.3), Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (171.4), Фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации (172.1), Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (172.2), Приобрете-

¹ Гладких В.И., Курчев В.С. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник. М.: Новосибирский государственный университет, 2015. с. 125.

² Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: монография. - М.: "Юстицинформ", 2014.с.68.

ние, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины (191.1), Уклонение страхователя - физического лица от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд (199.3), Уклонение страхователя-организации от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд (199.4).

При таких обстоятельствах, основными задачами уголовно-процессуальной политики состоит в незамедлительной реакции на изменения экономических процессов, быстрой квалификации совершенных деяний и внесение изменений и дополнений в уголовное законодательство (криминализация общественно опасных деяний). Для исполнительных органов, непосредственно реализующих функции уголовно-процессуальной политики основной задачей при возникновении общественно опасных деяний является их изучение, предупреждение а также выработка методических рекомендаций для эффективного выявления таких деяний, проведения методик процесса их расследования (для формирования законодательной базы при производстве уголовного преследования), а также раннего выявления таких деяний для их возможного пресечения.

Помимо того, неудачным, на наш взгляд, является указание закона на то, что преступления совершаются обязательно вопреки интересам собственной организации. В этом случае вне сферы уголовно-правового воздействия остаются многие общественноопасные деяния, связанные с причинением вреда другим лицам, когда интересы собственной организации не затрагиваются. Недоработкой действующего УК РФ следует признать отсутствие легального определения понятия «причинение существенного вреда», а также «тяжких последствий» (ч. 2 ст. 201 УК РФ), применительно к указанной группе преступлений. По нашему мнению, в содержание указанного признака необходимо включать случаи нанесения не только имущественного ущерба, но и морального вреда, равно как и причинение вреда деловой репутации. Отсутствие нематериального вреда в качестве конструктивного признака приведёт к неоправданному сужению сферы уголовно-правового воздействия, поскольку для борьбы с деяниями, способными причинить указанный вред, не всегда достаточно мер гражданско-правового характера. Нельзя признать обоснованной позицию законодателя о сокращении публичного начала уголовного преследования в случае причинения вреда интересам собственной организации, поскольку получение согласия на возбуждение уголовного дела будет во многом зависеть от лиц, совершивших преступление. Поэтому целесообразно предоставить возможность государственным органам в исключительных случаях возбуждать уголовное преследование даже при отсутствии заявления или согласия организации. Нуждается в усовершенствовании и конструкция состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 204 УК РФ. В рамках данного состава наиболее трудным является определение признака «незаконное получение» предмета подкупа. Действующее гражданское, да и трудовое законодательство предоставило лицам, выполняющим управленческие функции, полномочия определять порядок формирования собственных доходов. Таким образом, решение вопроса о законности или незаконности получения вознаграждения зависит от волеизъявления представителей управленческого персонала. Данное обстоятельство ставит под сомнение возможность применения ст. 204 УК РФ на практике¹.

Уголовно-процессуальная политика в сфере экономической деятельности регламентируется множеством нормативных правовых актов, в том числе законодательных и распорядительных (изданных исполнительными органами власти), ведущими из которых являются Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ и иные правовые акты.

Основными направлениями реализации уголовно-процессуальной политики в любой сфере уголовного закона являются:

¹ Гришин А.В. Некоторые аспекты повышения эффективности борьбы с налоговыми преступлениями // Наука и практика №3 (68). Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2016 год. С.44-45.

1) Деятельность специально уполномоченных органов, направленная на выявление преступлений, осуществляемая по факту совершенных преступных деяний, в том числе, регистрация сообщений о преступлении, расследование преступлений, привлечение лиц, виновных в совершении преступления к уголовной ответственности. Данный вид деятельности является основополагающим, предусматривает уголовно-процессуальное преследование лица, совершившего преступное деяние, процесс уголовного судопроизводства и исполнения наказания специализированными государственными органами. Расследованием преступлений занимаются уполномоченные на то органы: МВД, ФСБ, органы таможенной службы, органы ФССП РФ;

2) деятельность органов государственной власти, направленная на предупреждение преступлений. Основным нормативно-правовым актом для указанных целей является Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ "Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации"¹.

В деятельности по пресечению преступлений принимают участие следующие органы:

- 1) федеральные органы исполнительной власти;
- 2) органы прокуратуры Российской Федерации;
- 3) следственные органы Следственного комитета Российской Федерации;
- 4) органы государственной власти субъектов Российской Федерации;
- 5) органы местного самоуправления.

Осуществляя деятельность по предупреждению совершения преступлений органы, на которые законодательством возложены такие функции, организуют работу по выявлению, оценке и прогнозированию криминогенных факторов социального характера, с учетом анализа преступности по отдельному региону в разрезе по видам преступления и характеристике лиц, совершивших их, то есть анализируя криминогенную обстановку для принятия соответствующих мер. В процессе такого анализа также важное значение приобретает выявление и устранение причин и условий, способствующих антиобщественному поведению и совершению правонарушений, в том числе на почве социальной, расовой, национальной или религиозной розни.

Кроме этого, каждый из указанных органов, в границах своей компетенции разрабатывает государственные и муниципальные программы в сфере предупреждения преступлений, в том числе путем совершенствования механизмов эффективного взаимодействия субъектов профилактики правонарушений с лицами, участвующими в профилактике правонарушений, по вопросам профилактики правонарушений.

Основным органом по расследованию преступлений в сфере экономической деятельности в структуре органов Министерства внутренних дел является отдел экономической безопасности и противодействия коррупции, функционирующий в соответствии с Указом Президента РФ от 01.03.2011 № 248 (ред. от 15.07.2017)².

В сферу полномочий по расследованию преступлений, отделу экономической безопасности и противодействия коррупции подведомственно расследование практически всех преступлений, содержащихся в главе 22 УК РФ.

Высшим руководящим органом отделов экономической безопасности является Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции.

Основными направлениями руководящего органа по реализации уголовно-процессуальной политики в сфере экономической деятельности являются:

- Обеспечение экономической безопасности и осуществление борьбы с преступлениями экономической и коррупционной направленности, в том числе совершенными организованными группами, преступными сообществами (преступными организациями), носящими транснациональный или межрегиональный характер, либо вызывающими большой общественный резонанс;

¹ Собрание законодательства РФ. 2016. № 26. Ст. 3851.

² Собрание законодательства РФ. 2011. № 10. ст. 1334

- Осуществление мероприятий, направленных на противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, подрыв экономических основ организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций), борьбу с преступлениями в сфере внешнеэкономической деятельности и фальшивомонетничеством;

- Документирование преступлений экономической и коррупционной направленности.

При расследовании преступлений в сфере экономической деятельности, отделы экономической безопасности и противодействия коррупции помимо общих основных начал деятельности по осуществлению уголовного преследования подозреваемого (обвиняемого), содержащихся в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, руководствуются следующими законодательными и иными нормативно-правовыми актами:

- Федеральным законом «О полиции» № 3-ФЗ от 07.02.2011 г.;

- Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ от 12.08.1995 г.;

- Положениями Налогового кодекса РФ (в частности, статьями 36,37,82) № 146-ФЗ от 31.08.1998 г.;

- инструкциями, приказами и иными нормативно-правовыми актами уполномоченных органов исполнительной власти.

Учитывая характер расследуемых преступлений, органы МВД при проведении такой деятельности взаимодействуют с многими территориальными органами министерств и ведомств. Одним из таких органов является Федеральная налоговая служба. Для эффективного взаимодействия между двумя органами исполнительной власти, руководством таких органов принят совместный Приказ МВД России № 495, ФНС России № ММ-7-2-347 от 30.06.2009 «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений»¹. В данном приказе раскрывается суть взаимодействия между органами для эффективного выявления преступлений, передача материалов, свидетельствующих о совершении преступления и иные положения.

Статистические данные по расследованию преступлений в сфере экономической деятельности за 2016 год, опубликованные Министерством Внутренних дел Российской Федерации говорят о том, что общее количество преступлений экономической направленности по стране снизилось по сравнению с предыдущим годом на 0,1 % и составило 18 927 преступлений. Такое снижение является незначительным и говорит о том, что, в целом, криминогенная обстановка в отношении таких преступлений не изменилась. Подавляющее количество преступных деяний в указанной сфере совершается путем изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг – 12254 преступления, что составляет 64,7 % от общего количества преступлений. Однако, уровень преступности данной направленности уменьшился на 10,9 %, что является довольно существенным показателем эффективности проведения уголовно-процессуальной политики. Существенно увеличился прирост преступлений следующей направленности:

- производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции, который хотя и занимает незначительное место среди преступлений в сфере экономической деятельности (34), но имеет значительный прирост в размере 70% по сравнению с предыдущим годом.

- незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга, доля прироста которых составила 80,6 % по сравнению с показателями предыдущих годов².

По остальным преступлениям в сфере экономических преступлений динамики по существенному увеличению или снижению не наблюдается.

В январе 2017 года ситуация претерпела некоторые изменения – увеличилась доля преступных действий в виде неправомерных действий при банкротстве, преднамеренное бан-

¹ Российская газета. 2009. № 173

² Состояние преступности в России за 2016 г. Официальный сайт МВД.

кротство, фиктивное банкротство, доля которого по отношению к предыдущему периоду увеличилась на 40 %, процент преступных деяний в виде незаконного предпринимательства уменьшился в половину – 51 %, такого же снижения достиг показатель доли легализации (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления либо приобретенных другими лицами преступным путем.

Лидирующие позиции с почти аналогичным показателем прошлого года занимает попрежнему преступления, совершаемые путем изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг.

По статистическим показателям, публикуемым МВД России преступления в сфере экономической деятельности в общей массе преступлений имеют небольшой удельный вес – 5,11 % от общего количества преступлений по стране. Кроме того, в целом за 2017 год уровень преступности в сфере экономической деятельности снизился на 3,4 % по сравнению с предыдущим аналогичным периодом.

Проиллюстрировав наглядно криминогенную обстановку в стране по преступлениям в сфере экономической деятельности необходимо сделать вывод об эффективности проведения уголовно-процессуальной политики, ввиду того, что законодателем своевременно проанализированы и внесены изменения в статьи УК РФ преступления, предусмотренные статьей 171.1, 190 УК РФ. По результатам такой деятельности возрос процент привлечения лиц, совершивших преступные деяния к уголовной ответственности.

Вместе с тем, анализируя показатели преступной деятельности в сфере экономики необходимо обратить внимание на то, что меры уголовно-процессуальной политики, проводимой государственными органами недостаточно эффективны. Корректировка концепции отечественной уголовной политики должна осуществляться с учетом ряда положений¹.

Для совершенствования уголовно-процессуальной политики необходимо принятие ряда мер:

- обеспечение актуальности уголовного законодательства существующим криминальным угрозам и ведущим тенденциям в развитии преступности путем постоянного мониторинга совершаемых общественно опасных деяний для своевременного их включения в статьи Уголовного кодекса РФ и признание тем самым указанных деяний преступлениями, поддерживать действующее уголовно-процессуальное законодательство в актуальном состоянии, обеспечить отсутствие пробелов в праве и исключить производство следственных и иных видов деятельности по аналогии закона;

- достичь качественного улучшения реального состояния преступности, в первую очередь путем снижения объема и уровня организованной, рецидивной, террористической и насильственной преступности, а также преступности несовершеннолетних посредством внедрения на практике положений Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»;

- привести в полное соответствие уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации и практики его применения конституционным и международно-правовым стандартам прав человека;

- гарантировать права и законные интересы лиц, потерпевших от преступлений, обеспечив их безопасность и создав условия для полной реализации прав человека на доступ к правосудию, справедливый суд и компенсацию причиненного преступлением вреда;

- преобразовать систему уголовно-правовых последствий совершения преступлений с учетом необходимости одновременного решения карательных, восстановительных, социальных и иных задач².

Для реализации целей, указанных в предыдущем абзаце, в первую очередь, необходимо выполнить следующие задачи:

¹ Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: монография. - М.: "Юстицинформ", 2014. с.68.

² Дрыга В. А. Понятие уголовной политики. /Российский юридический журнал. 2017 № 3. С. 84- 88.

1) детализировать критерии отграничения преступлений в сфере экономической деятельности от иных правонарушений, в первую очередь от административных правонарушений дополнительными критериями, кроме суммы ущерба от совершенного правонарушения. Минимизировать объемы усмотрения правоприменителя в решении вопроса об отграничении преступлений от непроступных деяний;

2) конкретизировать содержание и укрепить юридическое значение нормативной категоризации преступлений, посредством которой установить особые правила расследования и судопроизводства для преступлений в сфере экономической деятельности, привлекать в обязательном порядке специалистов в сфере экономики и финансов для проведения соответствующих экспертиз;

3) в соответствии с принципом обеспечения права человека на безопасность совершенствовать систему обстоятельств, исключающих преступность деяний, с целью активизации антикриминальной активности граждан;

4) обеспечить оптимальный баланс карательных, восстановительных и предупредительных средств уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования, комплексное применение которых будет способствовать достижению целей уголовной политики, разработать концепцию совмещения уголовного наказания, ужесточить вид и меру ответственности за преступления в сфере экономики при причинении крупного и особо крупного размера ущерба, исключить при наступлении такого размера ущерба внести в статью 73 УК РФ положения, ограничивающие применение условного осуждения для лиц, совершивших преступление в сфере экономической деятельности в особо крупном размере;

5) согласовать предусмотренную законодательством систему мер уголовно-правового и уголовно-процессуального характера с системой правоограничений и запретов, установленных для лиц, совершивших преступления, в финансовом и налоговом законодательстве, в случае совершения преступлений в сфере экономической деятельности должностными лицами в обязательном порядке применять к субъектам преступления ограничение права занятия определенных должностей в дальнейшем, лишение должностных чинов, рангов, наград и пенсионного обеспечения (перевод на общую систему назначения страховой пенсии);

б) внедрить уголовно-процессуальные конструкции, создающие основу для решения задач обязательной компенсации причиненного ущерба лицами, совершившими преступления в сфере экономической деятельности.

Уголовно-процессуальная политика в реализуется посредством деятельности институтов гражданского общества, правоохранительных органов, а также других государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью.

Но следует иметь в виду, что возможности уголовного и уголовно-процессуального права в борьбе с преступностью объективно ограничены. Это объясняется тем, что применение уголовного наказания само по себе не устраняет причин и условий, порождающих правонарушения. Поэтому в борьбе с преступностью особое внимание должно уделяться предупреждению правонарушений, устранению причин и условий, их порождающих, а также осуществлению мер социально-экономического, нравственно-правового и культурно-воспитательного характера. Важную роль при этом играет повышение материального благополучия людей, рост их культурного уровня, повышение нравственного и духовного потенциала общества.

Профилактика и предупреждение преступлений и иных правонарушений - наиболее гуманный, а следовательно, и самый целесообразный способ борьбы с ними. Они не позволяют допустить того вреда, который мог бы быть нанесен личности, обществу и государству совершением преступления, обеспечивают возможность с наименьшими издержками положительно влиять на людей, склонных к совершению правонарушений. Поэтому концепция современной уголовной политики должна определять условия, содержание и порядок действий органов публичной власти по обеспечению социальной обоснованности и эффективного законодательства по предупреждению преступности и практики его применения.

Список использованной литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Зайцев А. О. Реализация уголовно-процессуальной политики // Пробелы в российской законодательстве. 2014. № 5. С. 152.
3. Гладких В.И., Курчев В.С. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник. М.: Новосибирский государственный университет, 2015. с. 125.
4. Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: монография. - М.: "Юстицинформ", 2014. С.68.
5. Гришин А.В. Некоторые аспекты повышения эффективности борьбы с налоговыми преступлениями // Наука и практика №3 (68). Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2016 год. С.44-45.
6. Собрание законодательства РФ. 2016. № 26. Ст. 3851.
7. Собрание законодательства РФ. 2011. № 10. ст. 1334.
8. Российская газета. 2009. № 173
9. Состояние преступности в России за 2016 г. Официальный сайт МВД.
10. Дрыга В. А. Понятие уголовной политики / Российский юридический журнал. 2017 № 3. С. 84- 88.

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Гусева И.И., доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета Владимирского юридического института ФСИИ России, кандидат юридических наук, доцент

Зубков В.Н., старший преподаватель кафедры частноправовых дисциплин факультета права и управления Владимирского юридического института ФСИИ России

Вопросы оптимизации предварительного расследования на протяжении многих лет постоянно и активно обсуждаются в научных кругах многих стран. Это, чаще всего, объясняется отставанием развития норм уголовно-процессуального законодательства от требований времени и запросов практики. Совершенствование уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, как в России, так и в Таджикистане в основном нацелено на гуманизацию и рационализацию норм в целях их эффективного правоприменения.

Одним из таких направлений является мирное урегулирование уголовно-правового конфликта, разновидностями которого могут быть восстановительное правосудие, примирение, мировое соглашение и другие виды договорных способов урегулирования последствий совершенного преступления.

В определенных случаях уголовно-правовой конфликт может и должен разрешаться путем достижения компромисса. Примирительные процедуры во многих зарубежных государствах широко применяются по уголовным делам, не представляющим большой общественной опасности, по которым обвиняемый признает свою вину полностью или частично и соглашается на возмещение причиненного вреда.

В России формирование примирительных процедур уходит корнями в XIII – XIV века во времена действия Новгородской берестяной грамоты, где впервые упоминается о разрешении споров путем мирового соглашения. Однако институты примирения использовались в основном в гражданских делах.

Много позже идея допустимости примирения сторон была воспринята советским уголовным и уголовно-процессуальным законодательством в институте прекращения уголовного дела и при производстве по делам частного обвинения. Некоторые элементы, допускающие применение компромиссов, примирительных технологий в настоящее время содержатся в уголовных кодексах России (например, ст.ст. 31, 37–42, 62, 64, 75–78, 90, 92, 205, 205-1, 205-3, 205-4, 206, 208, 210, 222, 223 и др.) и Таджикистана (например, ст.ст. 72, 73, 74, 75, и отдельных статьях Особенной части УК РТ), а также уголовно-процессуальных кодексах (ст.ст. 25, 27, 28, 28-1, гл. 40, 40-1 и др. УПК РФ и ст. ст. 24, 27-31 и др. УПК РТ). В то же время следует отметить, что специальных норм регулирующих процедуру заключения мирового соглашения при прекращении уголовного дела законодатель обеих стран не предусматривает. Это порождает отказ от применения, на наш взгляд, прогрессивной формы разрешения конфликта, а также создает потенциальную возможность для заключения незаконных компромиссов, нарушающих права одной из сторон или затрагивающих публичные интересы.

Мировое соглашение следует отличать от примирения и сделки с правосудием. В мировом соглашении активное участие должно предоставляться не только обвиняемому, но и потерпевшему. Пожелания каждой из сторон должны соответствовать требованиям закона и удовлетворять другую сторону, не затрагивая при этом общественных интересов или интере-

сов третьих лиц. В достижении такого соглашения определенная роль должна отводиться правоохранительным органам. Данная форма мирного разрешения конфликта схожа с восстановительным правосудием, прошедшим апробацию в некоторых регионах России применительно к преступлениям, совершенным несовершеннолетними¹. Целесообразно полученный положительный практический опыт закрепить в законодательных нормах, расширив их применение на все категории лиц, совершивших преступления.

Мировое соглашение должно применяться по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. В некоторых случаях мировое соглашение целесообразно распространить и на тяжкие преступления в сфере экономики. Заслуживает внимания позиция Х.Д. Аликперова о возможности мирного урегулирования конфликта по преступлениям, отнесенным к категории тяжких, но не повлекших тяжких последствий для жизни и здоровья, в зависимости от позиции потерпевшего². Высказываются в научной литературе мнения об определении конкретной категории уголовных дел, допускающих примирительно-восстановительные процедуры, исключая при этом составы преступлений, объектом которых являются общественные интересы³. На наш взгляд, ограничение права на мировое соглашение потерпевшей стороны, в том числе государственной или иной организации, лишает ее права на полное возмещение, заглаживания вреда в кратчайшие сроки. Для обвиняемого такой запрет означает неотвратимость осуждения и получения наказания, где возмещение вреда, как смягчающее обстоятельство, уходит на второй план. Полагаем целесообразным определять возможность и уместность применения мировой сделки непосредственно судом или лицом, проводящим расследование по делу, в зависимости от обстоятельств конкретного уголовного дела, личности обвиняемого и его посткриминального поведения.

Бесспорно, что мировое соглашение, как и другие процедуры компромиссного характера, должны применяться лишь при наличии достаточных доказательств для предъявления обвинения. В рамках данной статьи не будем останавливаться на проблеме необходимости предъявления обвинения в этих случаях, но статус лица, факт совершения преступления которым доказан, будем именовать обвиняемым (подозреваемым). Наличие лишь согласия обвиняемого (подозреваемого) на данную процедуру не должно восприниматься как признание вины в содеянном. На наш взгляд, для заключения мировых сделок не обязательно полное признание вины, существенным здесь должно быть согласие с основными обстоятельствами дела. Следует согласиться с мнением К.Б. Калиновского, что в основе таких договоров должно лежать не требование установления истины любым путем, а стремление к разрешению конфликтной ситуации⁴, удовлетворению потребностей каждой из сторон, а также возмещение затрат государству.

Мировое соглашение как процедура, на наш взгляд, должна распространяться не только на тех, кто впервые совершил преступление, но и на лиц, имеющих неснятую и непогашенную судимость, вне зависимости от их криминального прошлого. Исключение могут составлять лица, не исполнившие добровольно своих обязательств по ранее заключенному мировому соглашению. Главными критериями в этом вопросе должны быть позитивное поведение обвиняемого, направленное на возмещение причиненного вреда потерпевшему, и реальная возможность выполнить обязательство по мировому соглашению.

¹ Восстановительное правосудие в России / под общей ред. Н.В. Путинцевой / М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. С. 40-45.

² Аликперов Х. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Законность. 1999. № 6. С. 20.

³ Артеменко Н.В., Минькова А.М. Спорные вопросы применения нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Рос. судья. 2007. №6. С. 48-54; Шамардин А.А. Примирение сторон и отказ от поддержания обвинения должны утверждаться судом // Рос. юстиция. 2001. №2. С. 60-61.

⁴ Калиновский К.Б. Уголовное судопроизводство как сфера использования положений конфликтологии // Юридическая мысль. СПб., 2002. № 1. С. 112-115; Побережный С.К. Криминалистические средства разрешения конфликтов и конфликтных ситуаций на предварительном следствии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2000. С. 4.

Допускаться мировые соглашения должны на любом этапе производства по делу. Инициаторами переговорного процесса, на наш взгляд, может быть любое заинтересованное лицо, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. Инициатива заключения мирового соглашения должна быть предоставлена и судье. Способ обращения с таким ходатайством может быть различным и не должен иметь жесткой процессуальной формы, в отличие от самого мирового соглашения. До заключения соглашения сторонам должны быть разъяснены их права и последствия такого решения. Каждая из сторон должна быть наделена правом не только на добровольное изъявление согласия на заключение соглашения, но и на отказ от него в любое время до вынесения итогового решения.

В этой связи представляется недостаточным вступление в переговоры лишь преступника и жертвы. Следует учитывать, что диспозитивные начала мирового соглашения не противопоставляются принципу публичности. В качестве посредников в определении договорных прав и обязательств могут выступать как лицо, в производстве которого находится уголовное дело, так и иное лицо, являющееся или не являющееся участником уголовного судопроизводства (медиатор). Это могут быть защитники, представители одной или обеих сторон, родственники, представители государственных и иных организаций, прочие лица. Основные требования к посредникам-медиаторам – недопущение давления при определении условий сделки и отсутствие с их стороны принуждения к заключению мирового соглашения.

В любом случае должны быть предусмотрены процессуальные гарантии, обеспечивающие справедливый подход к предложениям потерпевшего и обвиняемого.

Возмещение (заглаживание) вреда или реальная готовность к его возмещению должны быть обязательным условием мировых соглашений. Размер возмещаемого вреда должен быть взаимосогласованным и разумным, он может быть полным или частичным. Возможно предусмотреть применение рассрочек. Мировое соглашение может быть заключено на условиях, предложенных как потерпевшим (или государственным органом), так и обвиняемым (подозреваемым). Факт достижения соглашения в досудебном производстве должен отражаться в заявлении-ходатайстве либо в протоколах допроса потерпевшего и обвиняемого (подозреваемого).

Мировое соглашение должно заключаться в письменной форме, например, в виде постановления о прекращении уголовного преследования в связи с заключением мирового соглашения. Данное соглашение, в целях исключения злоупотреблений и последующего контроля исполнения обязательств, должно утверждаться у судьи. Свое волеизъявление потерпевший и обвиняемый (подозреваемый) должны лично подтвердить в суде. Судья обязан разъяснить сторонам, что в случае утверждения мирового соглашения они лишаются права обжалования данного решения в части достигнутого соглашения, а также обращаться с подобным иском повторно.

Процедура утверждения мирового соглашения, достигнутого в досудебном производстве, в судебном заседании должна состоять из следующих этапов:

1. Установление судьей до начала судебного разбирательства возможности заключения между сторонами мирового соглашения и анализ имеющихся в материалах уголовного дела доказательств, подтверждающих виновность лица в совершении преступления

2. Осуществление подготовительной части в порядке гл. 36 УПК РФ или гл. 33 УПК РТ.

3. Разъяснение возможности заключить мировое соглашение и последствий такого решения.

4. Установление обстоятельств, влияющих на принятие решения о заключении мирового соглашения сторонами (на добровольной основе или по принуждению), а также установление физических или психических недостатков, имеющихся у сторон, исключающих правильное осознание принятого соглашения и его последствий.

5. Выяснение у потерпевшего согласия на прекращение уголовного преследования в отношении обвиняемого (подозреваемого), согласия с условиями мирового соглашения, а также осознание им последствий принятия такого решения.

6. Выяснение у обвиняемого (подозреваемого) согласия на прекращение в отношении него уголовного преследования, согласия с условиями мирового соглашения, подтверждение им обязательств по возмещению (заглаживанию) вреда, а также осознание им последствий принятия такого решения.

7. Установление наличия возможности у обвиняемого (подозреваемого) исполнения принятых на себя обязательств и разъяснение последствий в случае их неисполнения в установленный срок либо отказа от их исполнения.

8. Утверждение постановления о прекращении уголовного преследования в связи с достижением мирового соглашения между сторонами.

При возникновении у судьи сомнений в добровольности достигнутого соглашения или виновности лица в совершении преступления, либо если заключенное мировое соглашение противоречит закону или нарушает права и интересы других лиц или государства, он отказывает в утверждении мирового соглашения. В этом случае расследование по уголовному делу должно быть продолжено в обычном порядке.

Внесение предложенных изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательства как России так и Таджикистана позволит в кратчайшие сроки разрешить конфликтную ситуацию между сторонами, что будет способствовать поддержанию правопорядка в обществе.

Расширение возможности урегулирования уголовно-правовых конфликтов мирным способом, в том числе путем заключения мировых соглашений, позволит оптимизировать деятельность органов предварительного расследования, высвободив время для расследования сложных уголовных дел, а также сократит наполняемость учреждений уголовно-исполнительной системы, не нарушая при этом прав и интересов граждан и государства.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

*Диденко В.И., профессор кафедры уголовного
процесса Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина
кандидат юридических наук, доцент*

*Шарипов М.Н., иностранный слушатель 3 курса
133 взвода факультета подготовки дознавателей
Белгородского юридического института МВД
России имени И.Д. Путилина*

В современных условиях преступность в большей части носит организованный характер, включающий в себя планирование общественно-опасной деятельности, распределение ролей, финансовое и материальное обеспечение преступной деятельности, использование религиозных мотивов. Актуальными современными проблемами является противодействие преступлениям террористического характера. Это же можно отнести, на наш взгляд, и к объектам воздушного и водного транспорта. Значимым остается и борьба с организованной преступностью в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, противодействие коррупционным преступлениям.

Однако практика свидетельствует, что раскрыть преступления, совершаемые преступными группами (сообществами), с помощью только процессуальных действий затруднительно, а иногда не представляется возможным. В современных условиях борьба с преступностью усложняется, в частности, недостаточным правовым регулированием взаимодействия следователя с органами, ведущими оперативно-розыскную деятельность, разрывом между оперативной осведомленностью правоохранительных органов и теми результатами возбужденных уголовных дел, которые нередко в итоге прекращаются по различным основаниям в следственных подразделениях или направляются без достаточно крепкой доказательственной базы (в основном на свидетельских показаниях) в соответствующие судебные инстанции, где аргументы защиты (при не всегда безупречной позиции адвокатов) влекут прекращение уголовного дела.

В этой связи повышается актуальность проблемы объективного установления криминальных фактов, выявленных в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности, и дальнейшего использования полученных результатов в уголовно-процессуальном доказывании при строгом соблюдении прав и законных интересов граждан. Концепция использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве (направления и условия) получила поддержку в работах достаточно широкого круга ученых-процессуалистов. В частности, Нижегородская школа процессуалистов предлагает точку зрения по поводу необходимости рассмотрения результатов ОРД в качестве альтернативных доказательств по уголовному делу (что, на наш взгляд, не бесспорно)¹.

В контексте вышеуказанного нам представляется необходимым выявить место и значение оперативно-розыскных материалов, в том числе полученных в ходе негласной аудио-, видеозаписи, фотосъемки, в системе доказывания по уголовному делу, определить условия, при наличии которых допускается их использование в уголовно-процессуальной деятельности.

¹ Поляков М.П. Лекция 11. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе / Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В.Т.Томина, И.А.Зинченко. - М.: Издательство Юрайт, 2015. С.445-461.

Существующий порядок собирания доказательств не может в полной мере обеспечить раскрытие и расследование преступлений, совершаемых организованными преступными группами (преступными сообществами). Расширение доказательственной базы по уголовным делам за счет использования фактических данных, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий, при широком применении современных научно-технических возможностей, способствующих объективизации этих данных, позволит в большей степени успешно решать задачи борьбы с преступностью.

Оперативно-технические материалы, полученные в ходе негласной аудио- и видеозаписи, фотосъемки, могут стать доказательствами при условии их репрезентирования в процесс доказывания процессуальным путем и если они приобретут форму, в соответствующем процессуальном режиме одного из существующих видов (источников) доказательств. На наш взгляд, представляется возможным использовать в процессе доказывания:

- материальные (физические) носители информации (фонограммы, видеogramмы, фотографии) на которых запечатлена информация, могущая служить средством к обнаружению преступления, установлению фактов, обстоятельств дела, как вещественные доказательства;
- акты, справки, рапорта, протоколы, отражающие результаты оперативно-розыскного мероприятия и факты применения технических средств как предусмотренные ст.84 УПК РФ документы. Эти документы играют важную удостоверительную роль для последующей процессуальной проверки.

Оптимальным вариантом вовлечения результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовно-процессуальную деятельность является их истребование и приобщение в соответствие со ст.ст. 86, 89 УПК РФ, с фиксацией этих обстоятельств в составляемом, с соблюдением требований УПК РФ, протоколом выемки, что, на наш взгляд, допустимо и в стадии возбуждения уголовного дела в силу положений ч.1 ст.144 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 4.03.2013 № 23-ФЗ).

В силу вышеуказанного представляется необходимым внести дополнения в ряд нормативных предписаний уголовно-процессуального законодательства, в частности:

Часть 1 ст. 144 УПК РФ дополнить после слов «...обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий»:

«Предметы и документы, отражающие результаты оперативно-розыскных мероприятий, могут быть истребованы от органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в порядке и случаях, установленных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности».

Статью 86 УПК РФ (Собирание доказательств) дополнить частью четвертой:

«4. Сведения об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу, могут быть представлены предприятиями, учреждениями и организациями, в том числе органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность» и здесь же продолжить:

«Сведения, полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, могут быть использованы в доказывании по уголовным делам, после их представления в уголовный процесс с указанием их происхождения и отражения этих обстоятельств в протоколе выемки, оформляемого в соответствии с требованиями настоящего Кодекса».

Оперативно-технические материалы могут быть получены в ходе трех разновидностей оперативно-розыскных мероприятий, осуществленных с помощью технических средств:

1) оперативно-розыскные мероприятия, не связанные с ограничением конституционных прав граждан;

2) оперативно-розыскные мероприятия, связанные с ограничением конституционных прав граждан, которые, как правило, проводятся с использованием оперативно-технических сил и средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность;

3) оперативно-розыскные мероприятия первого и второго вида, где технические средства фиксации информации применяют лица, сведения о которых в соответствии со ст.12 Федерального Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года

составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию только в порядке и случаях установленных этим законом.

Информация, полученная в ходе указанных оперативно-розыскных мероприятий, будет отвечать требованиям законности (в силу положений ч. 2 ст. 50 Конституции РФ) при наличии следующий условий:

- эти мероприятия должны осуществляться только органами, уполномоченными на то ч. 1 и ч. 2 ст. 13 Федерального Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности»;

- эти мероприятия должны осуществляться только путем действий, указанных в ч. 1 ст. 6 этого же закона;

- производство оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, должны отвечать условиям их осуществления, предусмотренным ст.ст. 8 и 9 Федерального Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Законные результаты указанных оперативно-розыскных мероприятий могут быть использованы в следственной деятельности по следующим четырем направлениям:

- 1) для планирования расследования уголовного дела и выдвижения следственных версий;

- 2) для подготовки и проведения следственных действий, определения наиболее целесообразных тактических приемов при их производстве;

- 3) при решении вопроса о возбуждении уголовного дела в качестве повода и основания;

- 4) в доказывании по уголовным делам.

Материалы оперативно-розыскных мероприятий (первого и второго вида), имеющие доказательственное значение, могут быть использованы во всех направлениях следственной деятельности. По этим направлениям также могут быть использованы оперативно-технические материалы, полученные лицами, сведения о которых составляют государственную тайну, в случаях, когда данные об этих лицах, могут быть рассекречены в порядке, предусмотренном Федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности и они будут допрошены в качестве свидетелей.

Информация, полученная в результате оперативно-розыскных мероприятий третьего вида, когда данные о лицах, осуществивших оперативно-технические мероприятия, не могут быть рассекречены, может быть использована:

- для планирования расследования уголовного дела и выдвижения следственных версий;

- для подготовки и проведения тех следственных действий, где закон не связывает принятие решения об их производстве с наличием доказательств (обыск, выемка, осмотр, освидетельствование, допросы свидетелей и потерпевших).

Важнейшим принципом доказательственного права является требование проверяемости фактических данных. Сведения неизвестного происхождения не могут быть признаны доказательствами. Следственная проверка оперативно-розыскной информации является обязательным условием ее использования в доказывании по уголовному делу. Процессуальной формой источника поступления информации должно быть постановление руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, о представлении результатов этой деятельности органам предварительного расследования, прокурору или в суд.

По нашему мнению, необходимо включить в круг полномочий следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника подразделения дознания (ст.38, с.39, ст.40-1, ст.41 УПК РФ) право на ознакомление и истребование результатов оперативно-розыскной деятельности, полученных в порядке, установленном Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности».

Обеспечению прав и законных интересов граждан при производстве оперативно-розыскных мероприятий, по мнению авторов, будет способствовать реализация следующих предложений:

- для исключения необоснованного вмешательства в личную жизнь граждан, следовало бы предусмотреть в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» обязан-

ность оперативных органов уведомлять граждан, по окончании определенного срока, о проведении мероприятий, ограничивающих их конституционные права;

- в соответствующих ведомственных инструкциях для оперативных работников разработать образцы документов по основным видам оперативно-розыскных мероприятий (в том числе, оперативно-технических) с отображением в нем реквизитов основных и обязательных сведений, необходимых для последующей процессуальной проверки полученных результатов. Эти документы станут конкретным предметом прокурорского надзора и судебного контроля за законностью и обоснованностью оперативных мероприятий, определенной гарантией от нарушения прав и законных интересов граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Необходимо отметить, что в целях эффективного раскрытия преступлений в современных условиях объективной реальностью является потребность использовать следователем массив информации, содержащийся в современных средствах связи. В этом аспекте уголовно-процессуальное законодательство России и Республики Таджикистан предусматривают такие следственные действия, которые в сущности носят оперативно-розыскной характер (Контроль и запись переговоров – ст.186 УПК РФ; Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами – ст. 186-1 УПК РФ; Прослушивание и запись переговоров – ст.196 УПК РФ).

Контроль и запись телефонных и иных переговоров (Прослушивание и запись переговоров – по УПК РФ) представляет собой одно из эффективных средств получения в ходе предварительного расследования доказательственной информации. Понятием «телефонные переговоры» охватываются переговоры абонентов, которые ведутся по городской, междугородней и международной телефонной связи, а также с использованием радиотелефонной и радиорелейной, высокочастотной (ВЧ) и космической связи. В понятие «иные переговоры» включаются переговоры, которые ведутся с использованием других переговорных устройств (селекторных, проводных или беспроводных и иных средств передачи речевой информации), а также переговоры, которые ведутся путем непосредственного общения между субъектами, если их прослушивание и фиксация возможны путем применения соответствующих технических средств.

Уголовно-процессуальная деятельность следователя (дознателя) в рамках контроля и записи переговоров состоит из двух этапов¹. На первом этапе следователь (дознатель) принимает решение о производстве данного следственного действия в установленном УПК порядке (ч. 2 ст. 186 и ст. 165 УПК РФ) и направляет постановление (судебное решение) для исполнения в соответствующий орган в порядке (ч. 4 ст. 186 УПК РФ, ч. 3 и ч. 4 УПК РФ). Исходя из содержания нормы, непосредственные исполнители решения о производстве контроля и записи переговоров, направляют следователю (дознателю) фонограмму записи лишь в том случае, если он этого потребует. Представляется, что при таком порядке взаимодействия следователя с органами, осуществляющими контроль и запись переговоров, полученные при этом сведения, могут утратить своё значение, если фонограмма не будет своевременно истребована следователем (дознателем). Для этого чтобы это не происходило в ст. 186 УПК РФ (ст.196 УПК РФ) целесообразно обязать лиц, осуществляющих контроль и запись переговоров, периодически информировать следователя (дознателя) о содержании прослушанных переговоров, а в случае получения сведений об угрозах в отношении лиц, перечисленных в ч. 2 ст. 186 УПК, немедленно сообщать об этом следователю (дознателю).

Самой проблемной в следственной и судебной практике является норма, закреплённая ч. 7 ст. 186 УПК, согласно которой «о результатах осмотра и прослушивания фонограммы следователь с участием специалиста (при необходимости), а также лиц, чьи телефоны и иные переговоры записаны, составляет протокол...» (в редакции федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ).

¹ Шумилин С.Ф., Новикова Е.А. Актуальные проблемы уголовного процесса (досудебные стадии): Монография. Белгород.-Бел.ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина.2017- С.71-80.

Тем более непонятно, что послужило основанием, но уже в 2002 году в Генеральную прокуратуру РФ поступил вопрос: «Обязательно ли участие лиц, чьи переговоры записаны, при составлении протокола о результатах осмотра и прослушивания фонограммы?». На этот вопрос был дан лаконичный ответ: «Участие лиц, чьи переговоры записаны, при составлении протокола о результатах осмотра и прослушивания фонограммы необязательно. Следователь вправе произвести осмотр и прослушивание фонограммы с участием таких лиц, если только в этом имеется необходимость»¹. Реакция следователей была вполне предсказуемой, что послужило причиной обращения гражданина Исаченко А.И. в Конституционный суд РФ с жалобой на нарушение его конституционных прав ч. 7 ст. 186 УПК РФ. В жалобе гражданин Исаченко А.И. оспаривал эту норму как ограничивающую его право на защиту и нарушающую принцип состязательности сторон уголовного судопроизводства, поскольку допускает проведение осмотра и прослушивания фонограммы без участия лица, чьи телефонные и иные переговоры записаны.

По результатам предварительного рассмотрения этой жалобы Конституционный суд РФ в определении от 25 сентября 2014 г. сформулировал следующую правовую позицию: «Согласно части седьмой статьи 186 УПК Российской Федерации (в первоначальной редакции) о результатах осмотра и прослушивания фонограммы следователь с участием понятых и при необходимости специалиста, а также лиц, чьи телефонные и иные переговоры записаны, составляет протокол, в котором должна быть дословно изложена та часть фонограммы, которая, по мнению следователя, имеет отношение к данному уголовному делу. Положения этой статьи, регламентирующие действия следователя по составлению протокола осмотра и прослушивания фонограммы, не препятствуют реализации прав обвиняемого, закрепленных в статье 47 УПК РФ, в том числе на ознакомление по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела, включая содержание фонограмм телефонных переговоров, и не лишают его возможности прослушивания таких фонограмм в ходе судебного разбирательства уголовного дела, которая, как следует из представленных материалов, была реализована А.И. Исаченко в судебном заседании. Таким образом, оспариваемая норма не может расцениваться как нарушающая права заявителя в его конкретном деле в указанном им аспекте»².

В настоящее время в СПС «КонсультантПлюс» размещены десятки решений судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанции, в которых жалобы на нарушение предписания ч. 7 ст. 186 УПК, выразившееся в осмотре и прослушивании фонограмм с последующим составлением протоколов, оставлены без удовлетворения.

При этом в таких решениях приводятся следующие доводы:

- «то обстоятельство, что осужденные в ходе расследования дела не участвовали в осмотре дисков, не является основанием для признания их недопустимым доказательством, поскольку осужденные были ознакомлены с ними при выполнении требований ст. 217 УПК РФ»³;

- «расшифровка разговоров имела место без участия осужденных и не противоречит требованиям ч. 7 ст. 186 УПК РФ, в редакции ФЗ от 18.12.2001 № 177-ФЗ, действовавшего на момент выполнения следственных действий»⁴;

- «участие в осмотре и прослушивании фонограмм лиц, чьи телефонные и иные переговоры записаны, не является обязательным и обеспечивается при необходимости, определяемой следователем»⁵;

¹ Герасимов С.И., Коротков А.П., Тимофеев А.Ф. 400 ответов по применению УПК РФ. С. 123. Приведенные выше вопрос и ответ были текстуально воспроизведены в последующих работах авторов: Коротков А. П., Тимофеев А.В. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ. С. 300; Коротков А.П., Тимофеев А.В. Прокурорско-следственная практика применения УПК РФ. С. 312.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Исаченко А.И. на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 186 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2160-О.

³ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 02.02.2016 № 81-АПУ16-1 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 02.02.2016 № 81-АПУ16-1 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15.08.2011 № 45-О11-82 // СПС «КонсультантПлюс».

Есть решения и диаметрально противоположного характера, например: «протоколы осмотра и прослушивания фонограмм ..., приведенные в приговоре, подлежат исключению из числа доказательств, так как при производстве данного следственного действия П. не присутствовал, что является нарушением требований ч. 7 ст. 186 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹. Но количество таких решений незначительно.

Нам представляется целесообразным в ст. 186 УПК РФ (с учетом практики) из части седьмой исключить участие лиц, чьи телефонные и иные переговоры записаны, при осмотре и прослушивании фонограммы, как это отражено в части седьмой ст.196 УПК Республики Таджикистан. В целях обеспечения независимости и непредвзятости судебной власти (в случаях, когда до судебного разбирательства суд выносит свое мнение по кардинальным вопросам предварительного расследования) представляется целесообразным введение в штат суда специальной должности – судьи по контролю за расследованием преступлений. Такой судья, не отвечая за раскрываемость преступлений, мог бы более объективно и беспристрастно обеспечивать охрану конституционных прав и законных интересов граждан, в том числе и при производстве оперативно-розыскных мероприятий. Указанный судья должен давать разрешение на производство оперативных мероприятий и следственных действий, требующих судебной санкции, что гарантировало бы для судебных составов, рассматривающих уголовное дело по существу, реализацию положений Главы 9 УПК РФ (регламентирующей обстоятельства, исключающей участие в производстве по уголовному делу).

Если судья санкционировал соответствующее оперативно-розыскное мероприятие своим решением, то оно утрачивает свою обычную консперативность, чисто разведывательную природу и приближается к следственному действию, результаты такого мероприятия возможно законно легализовать в уголовном процесс.

¹ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 04.03.2016 по делу № 22-1740/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В СФЕРЕ ДОЗНАНИЯ КАК ФОРМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

*Диденко В.И., профессор кафедры уголовного
процесса Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина
кандидат юридических наук, доцент*

*Эшонов Д.А., иностранный слушатель 3 курса 133
взвода факультета подготовки дознавателей
Белгородского юридического института МВД
России имени И.Д. Путилина*

Дознание является одной из форм предварительного расследования, призванная разгрузить органы предварительного следствия от расследования преступлений небольшой и средней тяжести.

Законодательное определение дознания закреплено в п. 8 ст. 5 УПК РФ, согласно которому дознание представляет собой форму предварительного расследования, осуществляемого дознавателем (следователем) по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно¹.

Аналогичное определение нашло свое отражение и в законодательстве Республики Таджикистан в п. 22 ст. 6 УПК РТ. Так, дознание – это процессуальная форма досудебной деятельности, осуществляемая дознавателем по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно². Однако, из этого определения видно, что законодатель производство дознания относит исключительно к компетенции органов дознания в отличие от законодательства Российской Федерации, которое допускает осуществление дознания органами предварительного следствия.

С чем это связано?

Связано это с тем, что Уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан предусматривает чуть больше двадцати составов (26), по которым производится дознание, нежели российское законодательство, которое содержит более широкий перечень составов, по которым предусмотрено производство дознания. Это и объясняет тот факт, что производство дознания в Республике Таджикистан входит исключительно в компетенцию органов дознания.

Таджикский законодатель не спешит расширять круг составов, по которым производится дознание. Такая позиция законодателя Республики Таджикистан, на наш взгляд, является более правильной, поскольку расширение данного круга приводит и к необходимости расширения штата сотрудников, производящих дознание. Считается более эффективным увеличение штата следователей за счет уменьшения штата дознавателей, поскольку следователи считаются более опытными и квалифицированными сотрудниками, нежели дознаватели.

Существенные различия наблюдаются и в сроках производства дознания. Так, согласно российскому законодательству, срок производства дознания составляет 30 суток со дня воз-

¹«Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017, с изм. от 14.11.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // - № 52, - 2001, - ст. 4921.

²Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.02.2017 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2017, ст. 2423.

буждения уголовного дела и при необходимых случаях данный срок может быть продлен прокурором до 30 суток. Максимальный предел продления срока производства дознания составляет 12 месяцев, который осуществляется субъектами различных уровней при наличии определенных законом оснований¹. Таджикское же законодательство определяет несколько короткий срок производства дознания – 15 суток со дня возбуждения уголовного дела, который может быть продлен прокурором или его заместителем не более чем на 15 суток². В отличие от российского законодательства в таджикском законодательстве четко не указан максимальный предел продления срока производства дознания. В ч. 4 ст. 155 УПК РТ указано на возможность дальнейшего продления срока производства дознания согласно правилам, установленным ст. 168 УПК РТ, где в рамках осуществления прокурором надзора за производством дознания он уполномочен продлевать его срок.

Существенное отличие наблюдается и в производстве дознания группой дознавателей, которое предусмотрено Уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и отсутствует в законодательстве Республики Таджикистан. Согласно ч. 1 ст. 223.2 УПК РФ производство дознания по уголовному делу может быть поручено группе дознавателей в силу сложности или большого объема, о чем выносится постановление или указывается в постановлении о возбуждении уголовного дела.

Таджикской законодатель, учитывая круг составов, по которым производится дознание и некоторые другие факторы, не счел необходимым ввести норму, регламентирующую данную сферу производства дознания. На наш взгляд, все-таки в какой-то степени есть необходимость идти по пути развития российского законодательства касательно данного вопроса, учитывая довольно короткий срок производства дознания, в который можно не уложиться в случаях возникновения сложностей при расследовании уголовного дела либо в силу большого объема материалов, подлежащих рассмотрению в рамках досудебного производства, как отмечено в ч. 1 ст. 223.2 УПК РФ в качестве основания поручения производства группе дознавателей.

Различие наблюдается также в итоговом документе, составляемом по окончании производства дознания. Согласно ч. 1 ст. 225 УПК РФ по окончании дознания составляется обвинительный акт. В свою очередь Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан в качестве итогового документа предусматривает иной процессуальный документ, который согласно ч. 2 ст. 157 УПК РФ представляет собой обвинительное заключение, как и при производстве предварительного следствия.

Еще одно отличие касается производства дознания при совершении преступления несовершеннолетними. Так, уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает производство дознания по преступлениям, совершенным несовершеннолетними. Законодательство Республики Таджикистан пошло по иному пути и возложило эту ответственность на плечи следователей органов предварительного следствия, таким образом, исключая возможность производства дознания по преступлениям, совершенным указанной категорией лиц.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации в Главе 32.1 предусматривает дознание в сокращенной форме. Оно проводится на основании ходатайства подозреваемого о производстве по уголовному делу дознания в сокращенной форме. Также при наличии возбужденного уголовного дела в отношении конкретного лица и при условии, что подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела.

¹«Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017, с изм. от 14.11.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // - № 52, - 2001, - ст. 4921. ч.3,4,5 ст. 223.

²«Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан» от 3 декабря 2009 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.02.2017 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2017, ст. 2423. ч. 1, 3 ст. 155.

Дознание в сокращенной форме производится в срок, не превышающий 15 суток, и может быть продлен прокурором до 20 суток¹. Заканчивается дознание в сокращенной форме составлением итогового документа – обвинительного постановления.

Аналогом дознания в сокращенной форме в Уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан выступает закрепленное в Главе 46 УПК РТ ускоренное производство. Законодатель предусматривает ускоренное производство в случаях, когда факт преступления очевиден, известно лицо, подозреваемое в совершении преступления, и оно не отрицает своей причастности к совершению преступления.

Срок ускоренного производства составляет 10 суток со дня поступления заявления или сообщения о преступлении в орган дознания до передачи уголовного дела прокурору. Заканчивается ускоренное производство составлением обвинительного заключения, как и при производстве дознания и предварительного следствия².

Вместе с тем необходимо отметить, что современный процессуальный статус дознавателя функционально равен процессуальному статусу следователя. Как отмечают ряд авторов³, «никаких методологических предпосылок для качественного различия указанных процессуальных фигур сегодня не осталось. Но в настоящее время имеется усеченная процессуальная самостоятельность дознавателя, которое опирается на сугубо исторически предпосылки особых процессуальных отношений органов дознания и прокурора».

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что, несмотря на то, что корни законодательств данных стран уходят в одни истоки, нынешнее положение законодательств в рассматриваемой сфере свидетельствует о наличии существенных различий, как положительно, так и отрицательно влияющих на досудебную деятельность органов дознания. Как одному, так и другому законодательству есть на что обратить внимание и почерпнуть для себя какие либо положительные аспекты из законодательств друг друга в рассматриваемой сфере.

¹«Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017, с изм. от 14.11.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // - № 52, - 2001, - ст. 4921. ч. 1-2 ст. 226.6.

²«Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан» от 3 декабря 2009 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.02.2017 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2017, ст. 2423. ст. 454, ч. 1 ст. 455.

³ Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учеб. пособие для вузов / под ред. О.В.Химичевой, О.В. Мичуриной. – М.:ЮНИНИТА-ДАНА, 2016.-С.206.

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ НАД ПРОИЗВОДСТВОМ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Добровлянина О., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, доцент, кандидат юридических наук

Существование и эффективный механизм судебного контроля на стадии предварительного расследования принято считать значимой правовой гарантией прав личности в уголовном судопроизводстве России. При этом представляется, что абсолютизировать судебный контроль не оправданно, потому что суд, хотя и не отвечает за раскрытие преступлений, а потому далёк от ведомственных интересов и в связи с этим объективен и более надёжен, но всё-таки не является безупречной гарантией прав. Этот правовой механизм, к сожалению, нельзя охарактеризовать как институт, лишённый каких-либо недостатков.

Судебный контроль – это функция суда первой инстанции в досудебном уголовном судопроизводстве, которое включает стадию возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Однако в юридической литературе высказывается мнение о том, что процессуальные действия органов судебной власти на стадии возбуждения уголовного дела и стадии предварительного расследования – это деятельность суда по осуществлению правосудия [1, с. 39]. Такой вывод небезоснователен, так как в ст. 118 Конституции РФ [2] установлено, что суд – орган правосудия, а также из смысла, например, п. 50 ст. 5 УПК РФ [10], содержащего определение понятия «судебное заседание», которое следует понимать как «процессуальную форму осуществления правосудия в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу», вполне возможно заключить, что суд в стадии предварительного расследования осуществляет правосудие. Но традиционно правосудием считалось разрешение вопроса (спора) о виновности (невиновности) подсудимого в порядке, установленном законом, в том числе с участием самого подсудимого. В досудебном уголовном процессе указанный спор не решается, сторона защиты в судебном заседании не участвует, поэтому вряд ли благоразумно отказываться от термина «судебный контроль», используемого юристами для обозначения деятельности суда на первых двух стадиях уголовного процесса (хотя данный термин также не вполне уместен, так как суд не проверяет состоявшееся решение должностного лица). Кроме того, правосудие – важнейшая, но всё-таки не единственная функция органов судебной власти.

Из анализа уголовно-процессуальных норм о полномочиях суда в досудебных стадиях уголовного процесса можно сделать вывод о существовании нескольких видов судебного контроля.

Во-первых, это рассмотрение судом жалоб, поступивших от участников уголовного судопроизводства, на решения, действия (бездействие) должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, затрагивающие права и законные интересы лиц.

Во-вторых, это разрешение судом ходатайства следователя (дознателя) о получении разрешения на избрание (применение) мер уголовно-процессуального принуждения, таких как отстранение обвиняемого от должности (ст. 114 УПК РФ), наложение ареста на имущество и (или) ценные бумаги (ст. 115-116 УПК РФ), денежное взыскание (ст. 117, 118 УПК РФ); залог (ст. 106 УПК РФ), домашний арест (ст. 107 УПК РФ), заключение под стражу (ст. 108, 109 УПК РФ).

В-третьих, это разрешение судом ходатайства следователя (дознателя) о производстве следственных действий, затрагивающих конституционно охраняемые права участников уголовного судопроизводства. В силу ст. 29 УПК РФ это случаи получения разрешения: о

производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, а также о производстве обыска и (или) выемки в жилище; о производстве выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи; о выемке предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках (иных кредитных организациях); о наложении ареста на почтово-телеграфные отправления и разрешении на их осмотр и выемку в учреждениях связи; о контроле и записи телефонных и иных переговоров; о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; о производстве личного обыска, за исключением случаев, предусмотренных ст. 93 УПК РФ.

Рассуждая о судебном контроле над производством следственных действий, принято различать две формы судебного контроля: предварительный, когда суд разрешает производство следственного действия, и последующий, когда суд проверяет законность и обоснованность уже проведенного следственного действия. Принято полагать, что предварительный судебный контроль имеет приоритет перед последующим судебным контролем. Предварительный судебный контроль не чужд и уголовно-процессуальному законодательству ряда других государств. Например, о таком виде судебного контроля указано в ст. 35, ч. 5 ст. 171, ст. 192 УПК Республики Таджикистан [9], в ст. 53, 55, ч. 13-1, 13-3, 13-4 ст. 220 и др. УПК РФ Республики Казахстан [8]. Приоритет предварительного судебного контроля в российском уголовном процессе обусловлен стремлением законодателя установить максимально эффективный правовой механизм, защищающий участников уголовного судопроизводства от произвола правоохранительных органов. Однако в международных актах, а также в решениях Европейского суда по правам человека не содержится каких-либо прямых предписаний относительно необходимости предварительного судебного контроля над производством следственных действий [5, с. 159-160]. Конституция РФ также не предопределяет предварительный судебный контроль, например, в ст. 25 Конституции РФ – о неприкосновенности жилища. А необходимость получения судебного разрешения на производство личного обыска Конституцией РФ вообще не предусмотрена. Таким образом, очевидно желание законодателя в процессуальном механизме получения доказательств установить приоритет судебной защиты прав личности от незаконных действий правоприменителя, тем самым показать соблюдение положений ст. 6 УПК РФ.

Однако при более глубоком исследовании вопроса об эффективности предварительного судебного контроля в досудебном уголовном судопроизводстве обнаруживается немало организационных и процессуальных недостатков.

К организационным можно отнести необходимость обосновать суду целесообразность проведения следственного действия, что предполагает представлять в суд «копии постановлений о возбуждении уголовного дела и принятии уголовного дела к производству, о продлении срока предварительного расследования, о возобновлении производства по уголовному делу, материалы, подтверждающие наличие оснований для производства следственного действия, и др.» [3, п. 1]. При этом следует учесть, что УПК РФ не требует в обязательном порядке представлять суду только доказательства. Однако результаты оперативно-розыскной деятельности зачастую вызывают сомнения у суда. Подготовка доказательственных материалов требует временных затрат, в то время как следственные действия, для которых требуется судебное разрешение, безотлагательны. Поэтому следователи стремятся осуществить в жилище обыск, выемку, осмотр, применяя правило ч. 5 ст. 165 УПК РФ, – в условиях безотлагательности – с последующим судебным контролем. Тем более что «безотлагательные случаи» законом не обусловлены. Во избежание злоупотреблений со стороны следователей в п. 16 Постановления Пленума ВС РФ № 19 приведён перечень таких обстоятельств, например, ситуации, когда необходимо реализовать меры по предотвращению или пресечению преступления; промедление с производством следственного действия позволит подозреваемому скрыться; возникла реальная угроза уничтожения или сокрытия предметов или орудий

преступления и др. Однако этот перечень не исчерпывающий. Следует заметить, что в Республике Таджикистан перечень «исключительных случаев» для производства обыска без «судебного санкционирования» с последующим судебным контролем исчерпывающе обозначен в ч. 3 ст. 192 УПК РТ: «когда имеется реальное опасение, что разыскиваемый и подлежащий изъятию объект может быть из-за промедления с его обнаружением утрачен, повреждён или использован в преступных целях, либо разыскиваемое лицо может скрыться».

Возвращаясь к российскому законодательству и к проблеме эффективности предварительного судебного контроля в досудебном уголовном судопроизводстве, анализируя организационные недостатки этого вида судебного контроля, закономерно напрашивается следующий вывод. Поскольку предварительный судебный контроль затрудняет работу правоприменителя, следователь вынужден «экономить время на обращение в суд», и проводит следственное действие «в условиях безотлагательности», что приводит к нарушениям прав лиц, защитить интересы которых и призван предварительный судебный контроль.

Процессуальных недостатков тоже немало. С одной стороны, предварительный судебный контроль должен обеспечить соблюдение прав и законных интересов прежде всего обвиняемых (подозреваемых), чтобы практические работники не допускали злоупотреблений. С другой стороны, для обеспечения тайны следствия предварительный судебный контроль (судебное заседание) проводится в отсутствие участников со стороны защиты. А, стало быть, о состязательности речи нет, так как нельзя говорить о возможности обвиняемого (подозреваемого) и его защитника защищать свой интерес в момент решения вопроса о необходимости производства следственного действия, которое связано с вторжением в сферу конституционно охраняемых прав обвиняемого (подозреваемого). Кроме того, суд, в сущности, не контролирует какое-либо решение следователя (дознавателя), а создает собственное решение. Это вполне можно считать «судебным санкционированием» [6, с. 23], которое формально заменяет собой прокурорский надзор (санкцию прокурора). К слову заметить, в Республике Беларусь, например, обыск в жилище, осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нём лиц по-прежнему проводятся с санкции прокурора без предварительного судебного контроля (ч. 7 ст. 204, ч. 2 ст. 210 УПК РБ) [7].

В подтверждение вывода о формализованном и малозначимом предварительном судебном контроле можно сослаться на статистические показатели из отчетов о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за последние годы, из которых следует, что суды удовлетворяют заявленные ходатайства практически в 98% случаев [3]. Отказы встречаются редко и по формальным причинам. Для чего тогда институт предварительного судебного контроля? Увы, это – сомнительная гарантия прав. Многие учёные, например, С. Б. Россинский, предлагают заменить предварительный судебный контроль последующим судебным контролем. В своих работах уважаемый автор развивает эту мысль в сторону создания в уголовном процессе института следственных судей [5, с. 175]. Такая идея, однако, не нова. А в Казахстане, например, институт следственных судей уже функционирует (ч. 13-13.4 ст. 220 УПК РК). Идея о следственных судьях, несомненно, небезынтересна, но в настоящее время в России вряд ли реализуема. Тем не менее сохранять предварительный судебный контроль, учитывая, что это – декларативная гарантия прав, очевидно, тоже нельзя. Назрела необходимость изменений.

Отдельного внимания заслуживают положения ст. 450 УПК РФ об особенностях производства обыска в отношении отдельных категорий лиц. Так, согласно ч. 3 ст. 450 УПК РФ «судебное решение о производстве обыска в отношении члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы, экс-Президента РФ, Уполномоченного по правам человека в РФ исполняется с согласия соответственно Совета Федерации или Государственной Думы». Получается, что предварительный судебный контроль в данном случае не является, по мнению законодателя, достаточным. Исполнение судебного решения зависит от согласия «соответственно Совета Федерации или Государственной Думы». А в силу ч. 4 ст. 450 УПК РФ после получения судебного разрешения на производство обыска в отношении судьи Председатель

Следственного комитета РФ обязан обратиться в Конституционный Суд РФ, квалификационную коллегия судей (в зависимости от того, какой судья преследуется) с представлением о получении согласия (в форме мотивированного решения) этого органа на производство обыска. Получается, что и в рассматриваемом случае предварительный судебный контроль не является, по мнению законодателя, достаточно эффективным.

Таким образом, подытоживая, сегодня представляется наиболее целесообразным отказаться от предварительного судебного контроля, заменив его прокурорским надзором. Вместе с тем необходимо развивать и совершенствовать такой вид судебного контроля, как решение судом жалоб участников уголовного судопроизводства (это не последующий судебный контроль!), в том числе оспаривающих и законность производства тех или иных следственных действий, а также их результатов, что является, по сути, доступным и достаточно действенным на сегодняшний день инструментом судебной защиты нарушенных прав заинтересованных лиц.

Список использованной литературы:

1. *Воскобитова, Л. А.* Теоретические основы судебной власти: учебник – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 288 с.
2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. / Далее – Конституция РФ.
3. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19. / Далее – Постановление Пленума ВС РФ № 19.
4. <http://www.cdep.ru> – Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ.
5. *Россинский, С. Б.* Следственные действия: монография. – М.: Норма, 2018. – 240 с.
6. *Адильшаев, Э. А.* Судебное санкционирование как форма реализации правосудия в уголовном судопроизводстве России: монография / Э. А. Адильшаев, И. В. Жеребятьев, А. А. Шамардин. – ООО ИПК «Университет», 2013. – 277 с.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-3 (в ред. 08.01.2018 г.) / Далее – УПК РБ.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (в ред. 01.03.2018 г.) / Далее – УПК РК.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (в ред. 24.02.2017 г.) / Далее – УПК РТ.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ. Принят ГД ФС РФ 22.11.2001. (в ред. от 31.12.2017 № 501-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; Российская газета. 2018. 09 января. / Далее – УПК РФ.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Долгинов С.Д., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, кандидат юридических наук

Изменившийся характер современной преступности позволяет преступникам все чаще использовать информационные технологии, создающие определенные условия для активного противодействия расследованию. В сложившейся обстановке от следователя требуется инновационный подход к методологии расследования преступлений.

Проблемы, возникающие при расследовании преступлений, чаще всего основаны на неумении следователя четко организовать работу, быстро и, по возможности, безошибочно выбрать оптимальные пути решения встающих задач. Поэтому самого пристального внимания заслуживает вопрос об обеспечении полноты комплекса действий, реализуемых в начале расследования по любому уголовному делу. Нужно добиваться такого положения, чтобы в любых исходных ситуациях выполнялись необходимые для решения задач первоначального этапа расследования следственные и оперативно-розыскные, проверочные и организационные действия.

Оптимальным, экономичным и весьма перспективным путём решения проблем повышения эффективности следственной деятельности являются информационные технологии.

Эффективная переработка криминалистически значимой информации при раскрытии и расследовании преступлений в равной мере необходима и следователю, и работнику органа дознания, и эксперту, и специалисту. Наряду с индивидуальными особенностями, их профессиональная деятельность несет в себе характерные черты самого общего порядка. Делая свою работу, они решают практически одни и те же задачи, совершают одни и те же действия, имеющие, как правило, комплексный характер, а значит и определенное сходство. Следовательно, на основе изучения закономерностей их практической деятельности и обобщения передового опыта, считает А.С. Шаталов, можно выделить оптимальную последовательность действий этих субъектов в типичных следственных ситуациях, с тем, чтобы изложить ее для дальнейшего использования в виде криминалистических алгоритмов и программ расследования [18, с.20].

Накопленный наукой и практикой опыт раскрытия и расследования преступлений, постоянный научный поиск новых способов обнаружения и извлечения криминалистически значимой информации, обуславливает необходимость обобщения, систематизации и типизации сведений, содержащихся в частных криминалистических методиках. Возникла потребность в разработке таких научных рекомендаций, которые позволят следователям и дознавателям, производить по конкретной, заранее разработанной схеме, последовательные операции, представленные, в частности, криминалистическим алгоритмом или программой расследования. Их применение обеспечит реальную интеллектуальную поддержку решения ими задач предварительного расследования. Для того, чтобы все это стало реальностью, каждая частная криминалистическая методика должна быть видоизменена, максимально упрощена и представлена совокупностью криминалистических алгоритмов и программ расследования. Используя содержащиеся в них сведения и совершая рекомендованные действия, дознаватели, следователи смогут наметить оптимальные пути переработки исходных данных о следственной ситуации в планируемые решения.

Сама идея криминалистической алгоритмизации и программирования расследования преступлений не нова. Предложение о программировании процесса расследования преступлений было высказано И.Л. Петрухиным еще в 1973 году [14, с.433-434]. Но в тот период времени по объективным причинам еще не было возможности быстрого внедрения этого процесса в следственную и судебную практику. Тем не менее потребность в разработке алгоритмированных частных методик была значительной, поскольку каждая из них могла включать большое количество

вариантов программ расследования, а имеющиеся объективные трудности не могли быть препятствием для их дальнейшей теоретической разработки.

Реализация криминалистических алгоритмов происходит в контексте общей программы расследования преступлений. Довольно существенную работу по разработке криминалистических алгоритмов и программ расследования проделал Л.Г. Видонов [3, с.55с.]. Благодаря его научным изысканиям, в трудах криминалистов все больше проявлялось осознания того, что с точки зрения задач и специфики предварительного расследования частная криминалистическая методика в окончанном виде должна представлять собой целевую программу, содержащую совокупность криминалистических алгоритмов, необходимых для расследования преступлений какого-либо вида или группы. Их главным достоинством должны стать простота и доступность. Такой подход характерен для работ Г.А. Густова, посвященных проблемам криминалистической алгоритмизации и программирования расследования преступлений [6, с.17].

Успешное раскрытие и расследование преступлений требует от следователя не только применения традиционно используемых методов познания, но и моделирования, прогнозирования, уяснения корреляционных связей между элементами способа и обстановки совершения посягательства, комплексного подхода и иных методов научного исследования.

Внедрение современной компьютерной техники и компьютерных технологий в сферу следственной деятельности должно быть направлено на решение многих задач, встающих перед субъектами расследования преступлений. В связи с этим, одним из направлений совершенствования работы следователя в целом выступает повышение степени информатизации процесса расследования, его компьютеризация, то есть использование в расследовании преступлений персональных компьютеров и специально разработанных компьютерных программ.

Современные программно-технические средства и проводимая в данном направлении работа существенно облегчает решение поставленных задач. В частности, автоматизированная информационно-статистическая система (АИСС) обеспечивает ведение уголовной статистики и осуществляется в центре справочной информации (ЦСИ ГИАЦ). Одним из значимых компонентов данной системы является комплекс «МОСТ Ц», дающий возможность сотрудникам МВД без очереди, в любое время найти показатели в базе данных статистической информации и самостоятельно провести аналитическую работу. Любая информационная система по истечении времени требует корректировки, совершенствования. Так, в статистических ресурсах, сосредотачиваемых в ИЦ, ГИЦ, ГИАЦ МВД России, проводится накопление и анализ информации более криминологического характера (о состоянии преступности и др.). Бесспорно, такие данные необходимы. Между тем, по мнению В.Х. Каримова [11, с.12], представляется перспективной разработка информационно-поисковых систем сугубо криминалистического назначения, в частности направленных на анализ материалов уголовного дела с учетом специфики места, времени, способов совершения и др., а также корреляционных зависимостей между названными элементами. Важность названных обстоятельств объясняется тем, что в ходе расследования того или иного преступления следователь имеет дело не с изолированными друг от друга объектами, а с системами объектов, между которыми существуют определенные связи, познание которых – одна из важных задач расследования [15, с.12].

Если рассматривать вопросы расширения возможностей информационно-поисковых систем по учету и анализу криминалистически значимых объектов, нетрудно заметить, что последние в сущности являются элементами криминалистической характеристики преступления. Прослеживается прямая и неразрывная связь между ними и ИПС криминалистического назначения.

Использование компьютерной техники в практике расследования преступлений, помогая следователю осуществлять оптимальное и эффективное планирование своей деятельности, значительно сокращая сроки и повышая продуктивность поиска различного рода источников полезной информации, облегчая составление процессуальных и иных документов по сложным, многоэпизодным делам, помогая следователю своевременно принять обоснованное решение и т.д., оказывает исключительно положительное влияние на организацию расследования уголовных дел, находящихся в его производстве, а также на организацию следственной деятельности в це-

лом. Вместе с тем, следует отметить, что само по себе наличие компьютеров – это еще не решение проблемы. В связи с этим следует разделить точку зрения А. Кизлыка о том, что «отдельные разрозненные машины, не обеспеченные надлежащим программным продуктом, не объединенные в локальные компьютерные сети, не имеющие грамотных пользователей, не принесут и доли потенциально возможного эффекта» [12, с.8].

Помимо этого, одной из причин ограничительного использования современных компьютерных устройств и информационных технологий является не отвечающая современным условиям расследования преступлений координация разработок специализированного программного обеспечения, предназначенного для решения задач расследования. Максимальную отдачу компьютеризация даст лишь в тандеме с алгоритмизацией расследования, поскольку они взаимно повысят эффективность друг друга.

В связи с этим возникает необходимость разработки и внедрения компьютерных программ, основанных на сборе, классификации и использовании обобщенного профессионального опыта расследования уголовных дел. «Массивы таких знаний, подготовленные для обработки на компьютерной технике, позволяют приемлемо имитировать процесс оценки следователем ситуации расследования и обеспечивать в режиме диалога консультационную поддержку принятия им решений» [13, с.109]. Однако даже опытные следователи, имеющие солидный стаж работы, в сложных следственных ситуациях далеко не всегда могут достаточно быстро найти правильное решение, особенно в условиях ограниченного времени. Более 40 % своего рабочего времени следователи расходуют на обобщение, систематизацию, переработку и анализ криминалистически значимой информации.

Методики расследования отдельных видов преступлений являются в настоящее время основной формой общей организации следственной деятельности по уголовным делам. Между тем трудно не согласиться с А.Ю. Головиным и М.С. Барановым, отмечающим неэффективность некоторых предполагаемых алгоритмов, обусловленную, по их мнению, предельной обобщенностью и расплывчатостью, отсутствием конкретизации криминалистических задач, устаревшим характером таких алгоритмов [5, с.12]. Предлагаемые следователям в методиках расследования алгоритмы, как правило, это, по сути, перечень возможных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

На неэффективность использования алгоритмов в следственной деятельности обращают внимание и практические работники. Так, на заданный в ходе проведенного интервьюирования 150 следователей Следственного комитета Российской Федерации и органов внутренних дел вопрос «Используете ли вы в ходе расследования преступлений, предлагаемые в криминалистической литературе, типовые алгоритмы действий следователя?» 48 респондентов ответили отрицательно. При этом в числе причин отказа от использования таких алгоритмов практиками, в частности, были названы:

- неконкретность (неясность) ситуаций и задач, для решения которых их можно применить (24%);
- неясность последствий применения предлагаемых алгоритмов расследования (18%);
- устаревший характер таких алгоритмов (16%);
- их неполнота или иные недостатки (8%) [5, с.43-44].

Эффективность расследования преступлений обусловлена, прежде всего, высоким уровнем профессионализма следственных кадров. В современных условиях вряд ли можно быстро решить эту проблему.

Другой путь оптимизации следственной деятельности – разработка научных криминалистических рекомендаций, основанных на передовом опыте, раскрытия и расследования преступлений. Иными словами, речь идет о программировании действий работников органов дознания, следствия, т.е. алгоритмизации. Среди учёных, акцентирующих внимание на данной проблеме, прежде всего, необходимо назвать Е.П. Ищенко, работы которого мы используем в статье.

В криминалистической литературе под алгоритмом понимают точную систему действий, сориентированных на типичные следственные ситуации того или иного этапа расследования в зависимости от вида преступного деяния [18, с.134].

Алгоритмизация связана с операционным анализом деятельности и описыванием ее в форме логических схем. В логических схемах четко прописываются условия, действия, прогнозируется результат, который в свою очередь является основанием следующего рекомендованного действия, в конечном итоге выразившихся в комплекс действий при расследовании уголовных дел различных видов.

Важная черта криминалистического алгоритма – зависимость – реализуется через анализ исходной следственной ситуации. Но последняя настолько объёмна и вариативна, что заранее полностью описать каждую из всех вероятных ситуаций практически невозможно. Это, однако, не отрицает возможности криминалистической алгоритмизации. Компьютер будет самостоятельно предлагать систему действий, сопоставляя ситуацию с набором заранее разработанных критериев.

Существуют различные точки зрения по алгоритмизации деятельности следователя:

1. Криминалистический алгоритм рассматривается как система типовых ситуаций и предлагается алгоритм действий по их разрешению.

2. Изучается типичная ситуация на первоначальном этапе расследования, а затем субъект расследования сам определяет наиболее оптимальный перечень (алгоритм) действий по содержанию мероприятий, так и по последовательности их проведения [2, с.17].

Безусловно, следователь не должен быть ограничен в возможности самостоятельно определять оптимальный порядок действий в ходе расследования. Мы разделяем мнение Головина А.Ю. и Баранова М.В., что «Пытаясь пользоваться исключительно научными рекомендациями, разработанными применительно к типичным ситуациям расследования, без учета специфических черт сложившейся конкретной обстановки, следователь может принять неверные решения, поскольку проведение действий в противоречие сложившейся обстановке расследования есть не что иное, как следственная ошибка» [5, с.44]. Поэтому хотелось бы отметить, что криминалистические алгоритмы и программы расследования преступлений содержат не жесткие предписания, а лишь рекомендации, которые следователь может использовать (или же не использовать) по своему усмотрению. Таким образом, взяв за основу программу (алгоритм) расследования отдельного вида преступлений, он, в зависимости от наличной следственной ситуации, вносит в нее собственные знания и опыт, учитывая при этом имеющиеся в его распоряжении силы и средства. В результате этого такая программа (алгоритм) становится гибким и динамичным планом расследования.

Следователи весьма нуждаются в чётких руководствах к действию, особенно в сложных ситуациях начала расследования, отличающихся информационным и временным дефицитом, наличием противодействия со стороны заинтересованных лиц, их попытками направить следствие по ложному пути. Такие руководства к действию и должна вырабатывать наука, опираясь естественно, на широкое и многоаспектное изучение, обобщение, типизацию практики расследования преступлений, её задач, средств и методов их решения, допускаемых ошибок и просчётов, причин и условий, их вызывающих. Перед следователем конечный продукт должен предстать либо в виде программы для персонального компьютера (предпочтительнее), либо снабжённым удобной поисковой системой, предусматривающей систему приоритетов [8, с.134]. К сожалению, в настоящее время реализации этих задач препятствует насущная проблема - отрыв науки от практики. Следует согласиться с В.Х. Каримовым, что в научных работах больше внимания уделяется дискуссионным вопросам криминалистической теории, нежели предложениям по эффективному разрешению конкретных проблем раскрытия и расследования преступлений [11, с.13]. Решение данной проблемы возможно путем повышения требований к качеству выпускаемой научно методической продукции и свободного доступа к ней работников правоохранительных органов при условии проявления при этом личного интереса в изучении нового передового опыта.

Алгоритмизация возможна в тех случаях, когда сложная задача (работа) поддаётся расчленению на составные, более простые задачи (процессы), а те в свою очередь, - на ещё более простые, вплоть до элементарных операций. Поэтому, наиболее актуальна алгоритмизация первоначальной

чального этапа расследования преступлений. Ведь именно на этом этапе следственная ситуация наиболее подвижна, вследствие чего необходимы решительные и быстрые действия следователя, причем адекватные ее развитию.

Программа расследования предстаёт перед следователем не в виде набора алгоритмов, а как совокупность всех действий, расположенных в зависимости от приоритетности, но с обязательным указанием, к какому алгоритму они относятся. Следователю остаётся только грамотно выполнять эти действия в predetermined последовательности до неизбежного достижения результата – пошагового установления всех достоверных фактов и составления из них обоснованной картины расследуемого происшествия [9, с.5-11]. Следователю с недостаточным опытом работы не всегда удаётся адекватно реагировать на изменения следственной ситуации, что, к тому же, необходимо делать часто и достаточно оперативно. За счёт своей динамичности криминалистический алгоритм молниеносно отреагирует на происходящие изменения, скорректировав программу расследования. При компьютерном варианте выбывающие действия будут заменены новыми в автоматическом режиме, как и соответствующая коррекция программы расследования с повторным упорядочиванием её на основе приоритетов.

Затем компьютер самостоятельно выберет методы разрешения ситуации, следственные и иные действия. Самостоятельность и в данном случае условна. Персональный компьютер не решает эти вопросы: варианты поведения для всех возможных ситуаций заранее закладываются разработчиками. Поэтому лишь кажется, что человек идёт на поводу у компьютера. На самом деле всякий раз к расследованию "подключаются" концентрированный следственный опыт, научные и практические знания [8, с.157].

Практическая ценность типовых алгоритмов и программ первоначального этапа расследования преступлений состоит в том, что они позволяют сразу же осуществлять целенаправленную следственную деятельность, определять, что необходимо выяснить, какие комплексы следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий и в какой оптимальной последовательности проводить, как использовать добытую информацию для установления неизвестных обстоятельств предмета доказывания и т.д. Творческий же подход к их использованию предполагает учёт специфики совершенного преступления, складывающейся следственной ситуации, особенностей способа совершения преступления, наличных сил и средств, других факторов.

Важно отметить, что компьютерные программы должны основываться не на последовательном переборе всех возможных вариантов после каждого "шага", а на оценке сложившейся ситуации, выборе и анализе нескольких наиболее перспективных вариантов и "игнорирование" всех остальных. При этом персональный компьютер сверяется с тысячами примеров, прецедентов, хранящихся в его памяти, и выбирает тот вариант, который кратчайшим путём ведёт к цели.

Общая программа должна включать уголовно-правовую характеристику и информационную модель данного вида преступлений; систему исходных следственных ситуаций; программы расследования в определённых следственных ситуациях, складывающихся на первоначальном и последующих этапах расследования; краткие программы (алгоритмы) выполнения отдельных следственных действий, наиболее часто проводимых по делам данной категории в их наиболее оптимальной последовательности; программы проведения тактических операций и приёмов, помогающих оптимально решить задачи в конкретных следственных ситуациях; систему типичных версий (общих и частных); вспомогательную информацию (справочно-техническую, нормативную и др.). Конечно, типовые программы первоначального этапа расследования не содержат и не могут содержать индивидуальные следственные задачи по конкретному уголовному делу. Определить их и найти пути решения должен сам следователь, мобилизовав логику и интуицию, моделирование и другие методы научного познания. В результате разрабатывается индивидуальный план расследования уголовного дела.

На какой основе должны быть разработаны криминалистические алгоритмы и системы критериев? По мнению Е.П. Ищенко [8, с.97] возможны несколько вариантов:

1. Обобщение опыта следователей - профессионалов, имеющих солидный стаж работы по специальности.

2. Анализ и обобщение материалов уголовных дел, прошедших через судебные инстанции.
3. Анализ и обобщение материалов уголовных дел, оставшихся нераскрытыми.
4. Формирование алгоритмов на основе теоретических знаний учёных - разработчиков.
5. Проверка разработанных алгоритмов на практике, вначале в отдельно взятом регионе, с их доработкой на основе отзывов следователей.

К криминалистическому алгоритму, как представляется, должны предъявляться следующие требования: предназначенность и применимость алгоритма для решения однотипных задач; определённость (алгоритм должен быть общепонятным и доступным для любого следователя); конкретность и детальность алгоритмических рекомендаций; простота и однозначность рекомендаций; критериальная зависимость алгоритма от особенностей следственной ситуации; последовательность алгоритмических действий в соответствии с приоритетами, зависимыми от следственной ситуации; понятность языка алгоритмирования; автоматизация большинства алгоритмических процессов; направленность на повышение эффективности (результативности) всего расследования преступления. При этом, акцентирует Д.А. Степаненко, в алгоритме должны быть четко определены: цель-результат его реализации, подцель и информационная основа каждого входящего в него действия, компонентный состав (внутренняя структура) действий, последовательность, правила и способы их совершения. В типовом криминалистическом алгоритме, как правило, прописываются крупные единицы поведения следователя. Более мелкие – определяются следователем в соответствии со своим профессиональным опытом, интеллектуальными возможностями, приобретенными профессиональными умениями и навыками, а также представлением следователя о результате своих действий до его реального достижения, что служит средством обратной связи при конкретной реализации выбранного алгоритма [8, с.97].

Криминалистическая алгоритмизация даёт положительные результаты не только в области организации расследования в целом, но и в сфере проведения отдельных следственных действий. Компьютер по соответствующей программе криминалистической алгоритмизации автоматически подберёт тактические приёмы необходимые в конкретной ситуации оптимально ведущие к достижению цели проводимого следственного действия.

При компьютеризированном варианте разработки и внедрения криминалистических алгоритмов возможно создание самообучающихся программ, доводящих алгоритмы каждого конкретного пользователя до оптимального уровня, в том числе с учётом его индивидуальных качеств, привычек. Примером может служить компьютерные программы "Виртуальный осмотр места происшествия: учебно-методический комплекс», «Виртуальный обыск (выемка), позволяющие создавать неограниченное количество криминалистических полигонов различного уровня сложности для одновременного индивидуального и коллективного обучения [4, с.6-8].

Алгоритмизация следственных действий, в том числе тактических приёмов – это отдельная тема исследования данной проблемы. Рамки статьи не позволяют этого сделать. Поэтому мы сконцентрировали внимание на алгоритмизации процесса расследования в целом.

Какие же препятствия встают на пути алгоритмизации следственной деятельности? Е.П. Ищенко считает, что эти препятствия возникают как со стороны «производителя» алгоритмов – науки криминалистики и ее представителей, участвующих в их разработке, так и со стороны потребителей алгоритмов – отдельных следователей. «Во-первых, слишком велика инерция укоренившейся привычки рассуждать многословно, излагать рекомендации и выводы в своих рассуждениях неточно и некорректно, не в виде однозначных формул и формулировок, а в виде усложнённых решений. «Краткость – сестра таланта» - той заповеди должны придерживаться криминалисты при разработке алгоритмов, предназначенных к использованию в следственной деятельности вообще и на первоначальном этапе расследования, в особенности. Но это ещё не всё. Точность, точность и ещё раз точность – вот другой важнейший критерий и третий – простота изложения и однозначность. Рассмотренное препятствие, так сказать, внутреннее, субъективное. Гораздо более важным представляется внешнее, объективное обстоятельство – привычка работать кустарными, архаичными методами (отсюда и стиль мышления и изложения), опора на небольшие объёмы исходных данных, собственный, не всегда богатый опыт следственной деятель-

ности, подмена интуицией точного расчёта и массовой базы, которую нельзя «осилить» без компьютеров [10, с.8-14].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что алгоритмизация и программирование процесса расследования преступлений предоставляют следователю множество следующих преимуществ: позволяют ему наиболее полно и целенаправленно использовать криминалистически значимую информацию; правильно определять направление расследования по делу в целом, а также тактику производства отдельных следственных и иных необходимых действий и мероприятий, их оптимальную последовательность; быстро, но в то же время обоснованно принимать важные процессуальные и тактические решения.

Криминалистические алгоритмы и программы помогут следователю избежать многих ошибок в решении встающих перед ним задач и, тем самым, будут способствовать повышению качества и эффективности, совершенствованию следственной деятельности в целом.

Важно также отметить, что криминалистические программы и алгоритмы не только организуют деятельность следователя, но и оказывают существенное влияние на накопление и систематизацию его знаний и опыта. В затруднительных ситуациях они подсказывают ему, какой шаг нужно сделать, какими средствами надо воспользоваться в целях раскрытия и расследования преступлений, то есть позволяют преодолеть тупиковые следственные ситуации [10, с.281]. Профессиональный опыт может быть не только личным, но и позаимствованным. «На приобретение собственного опыта методом проб и ошибок требуется гораздо больше времени, чем на освоение опыта других, сконцентрированного в тех или иных рекомендациях» [16, с.134].

Алгоритмизация должна гарантировать оперативное и полное выявление и познание всех обстоятельств расследуемого преступного события, всесторонность и непрерывность анализа поступающей криминалистически значимой информации; решение как типовых, так и специфических следственных задач с учётом особенностей отдельных видов преступлений; эффективность применения методов при минимуме исходных данных по делу, возможность их индивидуальной и бригадной реализации; успешное преодоление разного рода препятствий в ходе следственного поиска, возможность познания неизвестных обстоятельств произошедшего с минимальными затратами времени, сил и средств.[20, с.11-15]. В этой связи А.В. Дулов справедливо считает, что задача алгоритмизации расследования решается путём выделения в нём чётких этапов последовательного развития следственной деятельности. Алгоритмизация особенно необходима тогда, когда следователь работает в экстремальных условиях, вызывающих психологическое напряжение, отрицательные эмоции, что может повлечь принятие ошибочных решений, различные упущения и сбои в работе [7, с.12-14].

При переходе на алгоритмизированную основу следственной деятельности упростится налаживание взаимодействия, в особенности с оперативным составом. Возможно, будет заранее выделить конкретные алгоритмы или их части, подлежащие выполнению оперативными работниками. При образовании следственно – оперативной группы легче будет производить разграничение обязанностей, последуют другие положительные изменения. Криминалистический алгоритм сам сформирует и предложит следователю варианты следственных документов. Их создание будет происходить путём вставки информации, ранее уже полученной персональным компьютером через запрос критериальных факторов, в наиболее подходящий для данного случая образец следственного документа. Следователю останется лишь прочитать и внести изменения, если они, на его взгляд, необходимы, а не рутинно набирать текст, с чем следователи, как правило, не очень быстро управляют. Криминалистическая алгоритмизация, реализованная на компьютерной основе, будет самостоятельно признавать расследование законченным, и составлять обвинительное заключение, при необходимости с последующей корректировкой. Кроме того, положения теории криминалистической алгоритмизации и программирования расследования могут использоваться в процессе обучения студентов юридических вузов. Многолетняя практика преподавания показывает, что криминалистические алгоритмы и программы действий следователя и дознавателя в типичных следственных ситуациях являются наиболее добротным и хорошо усваиваемым студентами учебно-методическим материалом [1, 184с.].

В применении компьютерных технологий в следственной деятельности остаётся ещё множество проблем: организационных, технических, кадровых.

Большое значение для осмысления проблем криминалистической алгоритмизации имеет дальнейшая разработка уже сложившихся теоретических направлений в криминалистике. А.С. Шаталов отмечает, что «теория криминалистической алгоритмизации и программирования расследования, выступает дополнительным системообразующим фактором для ряда других криминалистических учений и теорий, обеспечивающих в конечном итоге своими разработками создание методик расследования в полной мере соответствующих потребностям следственной практики» [19, с.22].

Список использованной литературы:

1. Асташкина Е.Н., Марочкин Н.А. Криминалистические алгоритмы в расследовании квартирных краж: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2005.
2. Вецкая С.А. Первоначальный этап расследования грабежей и разбоев, совершаемых группами несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.
3. Видонов Л.Г., Селиванов Н.А. Типовые версии по делам об убийствах: справочное пособие. Горький, 1981.
4. Виртуальный осмотр места происшествия – инновационный метод повышения профессионального мастерства следователей // Российский следователь. 2013. № 4.
5. Головин А.Ю., Баранов М.В. Алгоритмы расследования в структуре частных криминалистических методик: проблемы разработки и практического применения // Российский следователь. -2013. - № 11.
6. Густов Г.А. Проблемы программирования расследования преступлений // Проблемы программирования, организации и информационного обеспечения предварительного следствия. Уфа, 1989.
7. Дулов А.В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск: Изд-во БГУ, 1979.
8. Ищенко Е.П., Водянова Н.Б. Алгоритмизация следственной деятельности: монография. – М.: Юрлитинформ, 2010.
9. Ищенко Е.П. Борьба с преступностью: общероссийские и региональные проблемы // Сб. статей юридического факультета ЯГУ имени М.К. Амосова. Вып. IV. Якутск, 2008.
10. Ищенко Е.П. Как наполнить фантом криминалистической характеристики преступлений реальным содержанием // Материалы криминалистических чтений «Научная состоятельность криминалистической характеристики преступлений»: информационный бюллетень № 17. М., 2002.
11. Каримов В.Х. Перспективы использования информационно-поисковых систем криминалистического назначения органами предварительного следствия и дознания // Российский следователь. № 22, 2014.
12. Кизлык А. Информационное обеспечение прокуратуры: возможности и реальность // Законность. 1998. № 1.
13. Компьютерные технологии в юридической деятельности: учебное и практическое пособие / под ред. Н. Полевого, В. Крылова. М.: Изд-во БЕК, 1994.
14. Петрухин И.Л. Понятие и содержание оценки доказательств // Теория доказательств в советском уголовном процесс. М., 1973.
15. Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1982.
16. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М.: Юрид. лит., 1982.
17. Степаненко Д.А. Алгоритмизация поисково-познавательной деятельности лица, ведущего расследование: основания, возможности, проблемы // Российский следователь. №. 10, 2016.
18. Цветков С.И., Ищенко Е.П. Перспективы использования ЭВМ для алгоритмизации следственной деятельности // Проблемы совершенствования расследования и профилактики преступлений на современном этапе. Уфа, 1990.
19. Шаталов А.С. // Вестник криминалистики. №4 (52), 2014.
20. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования (некоторые теоретические положения). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИИ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

*Иброхимзода И.С., советник юстиции 2-го класса
Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан*

В обеспечении борьбы с преступностью, осуществления правосудия и законности невозможно не оценить значимость органов государственного обвинения, роль которых всегда была неопределима в теории и на практике.

В контексте объявленного в Республики Таджикистан организационно-правовой реформы органов милиции, в котором принимают участие широкие слои населения республики важно помнить, что ключевая цель органов милиции и его следственного аппарата-борьба с преступностью, достигается в частности и в том случае, когда надлежащим образом организована работа по поддержанию государственного обвинения в суде, где изучаются, исследуются доказательства, и решается главный вопрос о виновности или невиновности лица, совершившего преступление.

Вопрос о функциях прокуратуры вообще, о её уголовно-процессуальных функциях обвинения в частности давно обсуждается в науке уголовного процессуального права. Однако, учитывая, что функции поддержания государственного обвинения в суде связана с общей теорией о процессуальных функциях судебного процесса, следует рассмотреть данный вопрос в контексте этой теории.

Мнение ученых по данному вопросу условно можно разделить на две группы. В первой группе относится весьма распространённая теория трех основных функций (обвинения, защиты и разрешения дела), сторонники которой определяли уголовно-процессуальные функции как основные направления процессуальной деятельности участников уголовного процесса, которыми фактически обуславливается движение уголовного дела¹. Согласно другой точки зрения первая позиция не выдерживает критики, поскольку обвинение, защита и разрешение дела не охватывают деятельность всех субъектов уголовного процесса². Основываясь на этом, ряд ученых при определении уголовно-процессуальных функций отталкиваются от основной обязанности, назначения или положения того или иного органа или лица в уголовном процессе и выделяют гораздо больше трех функций, называя их – дополнительные, вспомогательные и т.д.³

В теории доказываемая, что три основные уголовно-процессуальные функции (обвинения, защита и разрешения дела – И.И.) связаны с состязательной моделью процесса, сущностью которой является строгое их размежевание. В рамках состязательного уголовного процесса стороны, наделенные равными правами для отстаивания своих интересов в деле, доказывают определенный тезис (виновность или невиновность обвиняемого в совершении преступления) и пытаются опровергнуть доводы противоположной стороны. Их деятельность по доказыванию контролирует суд (не вмешиваясь, однако в осуществление сторонами своих задач), который должен разрешить уголовное дело на основании исследования всех доводов сторон.

Для разработки концепции состязательного процесса теория трех основных уголовно-процессуальных функций имеет чрезвычайно важное значение, поскольку именно она создает предпосылки для четкого распределения задач между субъектами уголовно-процессуальной деятельности. При этом, как нам представляется, абсолютно все равно, *кто конкретно* будет осуществлять, например, функцию обвинения, - важно только, чтобы этот субъект (группа субъектов) осуществлял лишь эту функцию и имел равные права со стороной защиты. Примерно то же можно сказать и о носителях функции защиты.⁴

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1958. С.99; Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. М., 1971. С.42

² Рябинина Т.К. О функциях прокурора в уголовном процессе: дискуссия продолжается // Уголовное судопроизводство 2010. - №2. - С. 14.

³ Шпилев В.Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. М., 1974. С. 56-57; Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 47-51.

⁴ Гальченко А.И. Функции прокуратуры Российской Федерации: спорные вопросы.// Lex russica. 2014. - № 11. - С. 33

Суд, осуществляющий функцию разрешения дела и представляющийся в уголовном судопроизводстве объективной беспристрастной фигурой, стоит над сторонами. Более того, любое действие суда не должно нести в себе обвинительный или оправдательный характер. Суд не имеет права делать ничего, что могло бы быть истолковано как хотя бы частичное осуществление им функции обвинения или защиты. Это – основная гарантия принятия правильного решения по делу.

Таким образом, сторонники теории трех основных уголовно-процессуальных функций на первый план выдвигают содержание каждой функции. Причем вовсе необязательно (более того – нереально), чтобы каждый субъект уголовно-процессуальной деятельности, например, свидетель, эксперт, осуществлял какую-либо уголовно-процессуальную функцию. В соответствии с этой точкой зрения существование иных, кроме обвинения, защиты и разрешения дела, функций бессмысленно и невозможно, поскольку функция – служебное понятие, используемое для распределения задач между основными субъектами уголовно-процессуальной деятельности, могущими влиять каким-либо образом на судьбу и движение дела. Именно в этом смысле категория «функция» используется в теории для определения типа уголовного процесса (состязательный и т.д.).

Согласно концепции противоположной приведенному, для определения понятия уголовно-процессуальной функции имеет значение кто какую осуществляет функцию. Задача данной концепции – определить положение каждого субъекта с целью наделения его такими правами и обязанностями, с помощью которых он бы мог успешно реализовать свое назначение в уголовном процессе. Если рассматривать уголовно-процессуальную функцию с указанных позиций, следует согласиться с П.С. Элькиндр, которая определяла ее как специальное назначение и роль субъектов уголовного судопроизводства, выраженную в процессе реализации в том или ином конкретном направлении уголовно-процессуальной деятельности.¹

Указанные теоретические положения составляет основу функциональной деятельности органов прокуратуры и наглядно демонстрирует положение прокурора в стадии судебного рассмотрения уголовных дел.

Конституционный закон Республики Таджикистан «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» (далее КЗ РТ о прокуратуре – И.И), в ст.1 определяет, что прокуратура Республики Таджикистан является единым централизованным органом, осуществляющий в пределах своих полномочий надзор за точным соблюдением и единообразным исполнением законов на территории Республики Таджикистан. Прокуратура выполняет и другие функции, предусмотренные Конституцией Республики Таджикистан, Конституционным законом и другими законами Республики Таджикистан.² Целью органов прокуратуры согласно указанным законодательным актам, являются обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Исходя из этого определяется функции прокурора в уголовном процессе, который сводится к следующим:

- 1) надзор за исполнением законов органами предварительного расследования;
- 2) уголовное преследование;
- 3) участие в рассмотрении судами уголовных дел.

С помощью реализации этих функций прокуратура достигает цели, поставленные перед ней законом. Можно сказать, что функция в этом смысле – способ достижения цели, такая форма деятельности, при которой цель становится максимально достижимой. Поэтому в данном случае уголовно-процессуальную функцию можно рассматривать не столько как направление, сколько как вид деятельности. Например, участие прокурора в рассмотрении судом уголовных дел, закрепленное в качестве функции в ст.1 КЗ РТ о прокуратуре, является видом деятельности, однако не касается ее направленности, поскольку не дает ответа на вопрос, *с какой целью* прокурор участвует в судебном разбирательстве уголовных дел (а ведь именно цель лежит в основе определения направленности деятельности). Поэтому можно сказать, что участие прокурора в

¹ Элькиндр П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовном процессуальном праве. Л.-1976. С. 47.

² Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2005 г., № 6 ст. 367; Закон РТ от 15.03.2016 г., №1272

рассмотрении уголовных дел судом – это форма, вид деятельности, закрепленный в законе для достижения определенной цели.

Отсюда можно сделать следующий вывод, что прокуратура имеет определенные цели деятельности, в том числе и в уголовном процессе. Для их достижения закон предусматривает определенные функции прокуратуры. Они выделяются для того, чтобы наделить представителей этого государственного органа таким набором прав и обязанностей в уголовном судопроизводстве, с помощью которых поставленные цели могли бы быть успешно достигнуты. Таким образом, функция - промежуточное понятие, связывающее цели деятельности субъекта с его правами и обязанностями и отражающее его положение в уголовном процессе.¹

По мнению Ш.Ш. Байрамова, с которым мы согласны, если рассматривать уголовно-процессуальную функцию как направления деятельности, предопределяющие цели субъекта, ее осуществляющего, следует признать, что это понятие первично по отношению к задачам данного лица (органа).

Из сказанного, можно сделать следующие выводы:

1. Если рассматривать уголовно-процессуальную функцию как основное предназначение и роль субъекта в уголовном процессе, то этот термин может быть использован для определения его прав и обязанностей. Однако в данном случае понятия «функция» и «задача» практически синонимичны, в связи с чем вряд ли следует специально выделять два этих термина отдельно друг от друга (при условии, что мы разделяем понятия «цель» и «задача»). Поэтому более правильно рассматривать функцию как основное направление деятельности субъекта (группы субъектов) в уголовном процессе.

2. Понятие «уголовно-процессуальная функция» используется для правильного определения целей и задач того или иного субъекта в доказывании по уголовному делу при условии действия принципа состязательности, а также для наделения его такими правами и обязанностями, при наличии которых этот субъект будет осуществлять только эту функцию.

3. Если рассматривать уголовно-процессуальную функцию как основное направление деятельности, следует признать существование только трех функций – обвинения, защиты и разрешения дела. Иных функций просто не существует. Следовательно, не все субъекты уголовного судопроизводства являются их носителями. Да этого и не требуется. Подобный вывод не означает, что в уголовном процессе есть лица, действующие бесцельно. Просто их деятельность носит вспомогательный характер и не влияет на движение уголовного дела. Например, проведение экспертом исследования и дача им заключения. В данном случае значение имеет лишь то, кто, по чьей инициативе и для чего назначил судебную экспертизу, а также как заключение использовано в доказывании по делу.

Таким образом, уголовно-процессуальная функция – это направление деятельности сторон, выражающее конечную цель их деятельности в уголовном судопроизводстве (отстаивание тезиса о виновности или невиновности обвиняемого в совершении преступления либо о наличии смягчающих или отягчающих вину обстоятельств), а также суда, контролирующего способы достижения этих целей и разрешающего уголовное дело.

В научных исследованиях о понятии функции не всегда учитываются указанные её компоненты. Нередко определение функций прокуратуры у одних исследователей сводится к указанию на отрасли прокурорского надзора, стадии надзорной деятельности; у других - к направлениям деятельности; у третьих, имеется обоснование наличия «подфункции», «подотрасли» и т.д. и даже, как полагал Л. М. Давыденко, функция это и обязанности прокуроров².

Несмотря на различия подходов к пониманию функции, его основное содержание по мнению Ю.И. Скуратова, с которым мы солидарны, все же остается "отслеживать" нарушения закона и принимать меры к их устранению, от кого бы они ни исходили, и эта функция вполне вписывается в систему высоких стандартов правового государства³.

¹ Якимович Ю. К. Назначение прокуратуры и процессуальные функции прокурора // Законность. - 2016. № 5. - С. 23

² Цитата по Абдухаликова М.А. Функциональная деятельность прокуратуры субъекта Российской Федерации по соблюдению и защите конституционных прав граждан. Дисс.канд.юрид. наук. М.2007г. с.28 доступно на сайте://<http://diss.rsl.ru/diss/07/0005/070005022.pdf>

³ Скуратов Ю.И. Новое в законе о прокуратуре // Законность. 1996. № 4. - С.3

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ И ЗАЩИТА ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ

Кабирзода Г.К., ассистент кафедры судебного права и прокурорского надзора юридического факультета Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики

Демократическое развитие государства основывается на защите интересов прав личности и предполагает создание соответствующей системы юридических норм и конкретных механизмов, обеспечивающих исполнение как конституционных гарантий прав человека и гражданина, так и международных обязательств, взятых государством.

Таджикистан, присоединившись к международным «Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин», «Конвенции о правах ребенка», а также другим международным актам стремится принимать все необходимые законодательные меры с целью защиты жертв от семейного насилия. То есть, оскорбления, истязание, побои, злоупотребления, тяжкий вред здоровью которые закреплены в Законе Республики Таджикистан «О предупреждении насилия в семье».

В соответствии со статьей 33 Конституции Республики Таджикистан семья, как основа общества находится под защитой государства [2], в очередном Послании Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на Маджлиси Оли Республики Таджикистан отведена особая роль вопросам социальной защиты населения, в том числе и вопросам защиты семьи.

Как наглядно демонстрирует (рисунок 1), законодательная база Республики Таджикистан в области защиты прав женщины от насилия включает в себя Конституцию Республики Таджикистан, Семейный кодекс Республики Таджикистан, Уголовный кодекс Республики Таджикистан, целый ряд других национальных законодательных актов которое признаны Таджикистаном международно-правовые акты.

В качестве назначения уголовного судопроизводства, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан определил защиту лиц, потерпевших от преступления, тем самым обозначив первостепенное направление развития современного уголовно-процессуального права и обратив внимание на проблеме защиты лиц, пострадавших от преступлений.

Законодатель определил потерпевшего как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения, расширив его возможности в ходе уголовного судопроизводства путем предоставления большего объема прав, наделив его соответствующими полномочиями, допуская самостоятельно реализовать свои процессуальные права. Вместе с тем, несмотря на закрепление в нормативных документах гарантий обеспечения прав потерпевшего, его фактическое положение не позволяет в полной мере защищать свои права и отстаивать законные интересы при вовлечении в уголовный процесс.

Следуя положениям Конституции Республики Таджикистан, уголовно-процессуальный закон в качестве одного из своих принципов закрепляет, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений то есть каждому гарантируется судебная защита. Каждое лицо имеет право требовать рассмотрения его дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основе закона (ст.8 УПК РТ) [6].

Но в целом, как подчёркивают А.Леви и Е.Давыдова, «О вопросы защиты законных интересов граждан пока еще уделяется недостаточно внимания, своевременно не корректируются даже те положения закона» [4,38]. По поводу потерпевшего, потерпевший – одна из ключевых фигур в уголовном процессе, наряду с государственным обвинителем он под-

держивает функцию обвинения. По российскому уголовно-процессуальному законодательству потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. А также по сравнению Уголовным процессуальным кодексом Республики Таджикистан потерпевшим признается лицо, независимо от его возраста, психического и физического состояния, которому преступлением причинен физический, материальный, моральный вред, а также лицо, права и интересы которого поставлены под непосредственную угрозу покушением на преступление. А также потерпевшим может быть признано юридическое лицо, которому преступлением причинен моральный и материальный вред. В этом случае права и обязанности потерпевшего осуществляет представитель юридического лица. О признании физического или юридического лица потерпевшим дознаватель, следователь и судья выносят постановление, а суд - определение, незамедлительно после установления события преступления и факта причинения преступлением вреда (ч.1 ст.42 УПК РТ).

При этом возникает вопрос, почему признание потерпевшим связано лишь с причинением вреда, ведь в следственной и судебной практике признание потерпевшим осуществляется и по делам о приготовлении к преступлению и о покушении на преступление, когда вред еще не причинен. Несовершенство уголовно-процессуального закона порождает ряд проблем, связанных с реализацией прав потерпевшего, приводящих в конечном итоге к их нарушению. То есть если в многом числе в практике видно что по поводу домашнего насилия в большинстве случаев определено административное правонарушение. Но в редком случаи если это побои, истязание, нанесений тяжкого вреда здоровью, доведение до самоубийства, которое будут квалифицировать по определенным статьям Уголовного кодекса и в особенности возбуждается уголовное дело.

С одной стороны, в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан имеется тенденция к повышению роли потерпевшего в уголовном процессе. Во-первых, несколько расширены его права по делам частного обвинения (ст.ст. 31, 43 УПК РФ). Во-вторых, по его заявлению дела публичного обвинения небольшой и средней тяжести могут быть прекращены ввиду его примирения с обвиняемым (ст.30 УПК РТ). В-третьих, он имеет право участвовать в судебных прениях по всем уголовным делам (ч. 2 ст. 282 УПК РТ). По Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации без согласия потерпевшего не может быть рассмотрено уголовное дело в особом порядке, предусмотренном, то есть как отмечается в главе 40 Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением [3, 216] но в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан нет такой главы чтобы без согласия потерпевшего решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением были приняты судебные решения. С другой стороны, именно на его примере четко прослеживается нарушение принципа состязательности и равноправия сторон по сравнению с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым.

Соотношение прав потерпевшего и подозреваемого, обвиняемого, подсудимого даёт нам представление о наделении последних большим объёмом процессуальных полномочий и гарантий со стороны государства. Кроме того, ограничиваются его права и другими участниками уголовного процесса со стороны обвинения, что является недопустимым. Нарушения прав потерпевших выявляются в больших количествах, несмотря на то, что анализ судебной практики показывает, что нарушение процессуальных прав потерпевших, являющееся существенным нарушением закона, влечёт отмену судебных приговоров [5].

Все названные документы ратифицированы Республикой Таджикистан [1, 8].

Проблемы семейного насилия, остается в законодательстве Республики Таджикистан. Однако, к сожалению, представители многих государственных учреждений и организаций, специалисты, признанные оказывать помощь людям, пережившим насилие, как, впрочем, и

сами жертвы, и те, кто насилие совершает, плохо осведомлены об законах, связанных с данной проблемой.

В Уголовном кодексе Республики Таджикистан физическое насилие определяется как реальное или потенциальное причинение физического вреда, под которым понимается нарушение анатомо-физиологической целостности человека. По характеру оно может выражаться в нанесении ударов, побоев, ранений и в ином воздействии на наружные покровы тела человека посредством применения физической силы, холодного или другого оружия либо иных предметов и веществ.

Психическое насилие трактуется как угроза применения насилия, когда жертва подвергается устрашению, запугиванию с применением физического насилия. Психическое насилие может включать и причинение душевной, или психической травмы, и ограничение свободы волеизъявления (независимо от реальности наступления физического вреда).

Физическое и психическое насилие тесно взаимосвязаны. Совершая физическое насилие над человеком, ему причиняют и душевную травму. Использование же психического насилия, всегда вызывает определенные и незначительные изменения в организме человека.

Однако действительность пока такова, что, если даже факты насилия и жестокого обращения с детьми, женщинами и стариками становятся известными, меры уголовной и административной ответственности срабатывают далеко не всегда из-за отсутствия эффективных правовых норм защиты неприкосновенности личности – ребенка, женщины, других членов семьи, их чести и достоинства, охраны жизни, здоровья, других прав.

Внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан в части отмены статей "частного обвинения". Возбуждение уголовного дела в отношении лица, совершившего насильственные действия, "по факту" при обнаружении признаков состава преступления. Возбуждения уголовного дела должна принадлежать государству, что явится признанием общественной опасности данного вида деяний.

Возбуждение уголовного дела, представляет собой строго регламентированную Уголовного процессуального кодекса Республики Таджикистан процессуальную деятельность уполномоченных субъектов как до вынесения постановления о возбуждении дела (об отказе в возбуждении), так и после (например, передача постановления надзирающему прокурору). Но главным, безусловно, является установление повода и основания для возбуждения уголовного дела. Их отсутствие делает невозможным в дальнейшем использование уголовно процессуальных средств доказывания и применение предусмотренных Уголовного процессуального кодекса Республики Таджикистан мер процессуального принуждения.

Заклячая исследование необходимо закрепить законодательно все перечисленные обязанности:

❖ Внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан в части отмены предварительной проверки до возбуждения уголовного дела. Этот десятидневный период является временем, в который не проводится никаких следственных действий, а также, исходя из практики, действий с целью обеспечения закрепления следов преступления. Происходит утрата доказательств по делу, не принимается мер для обеспечения безопасности пострадавших.

❖ Должны быть устранены исследования виктимологических характеристик пострадавших в рамках проводимых мероприятий по делу, что, по сути, является поиском оправданий для лица, совершившего насилие.

❖ Внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан в части подробного описания механизма охраны прав и свобод потерпевших от насилия в семье в уголовном судопроизводстве при наличии данных об угрозах в отношении потерпевших, их близких родственников или близких лиц, а также свидетелей.

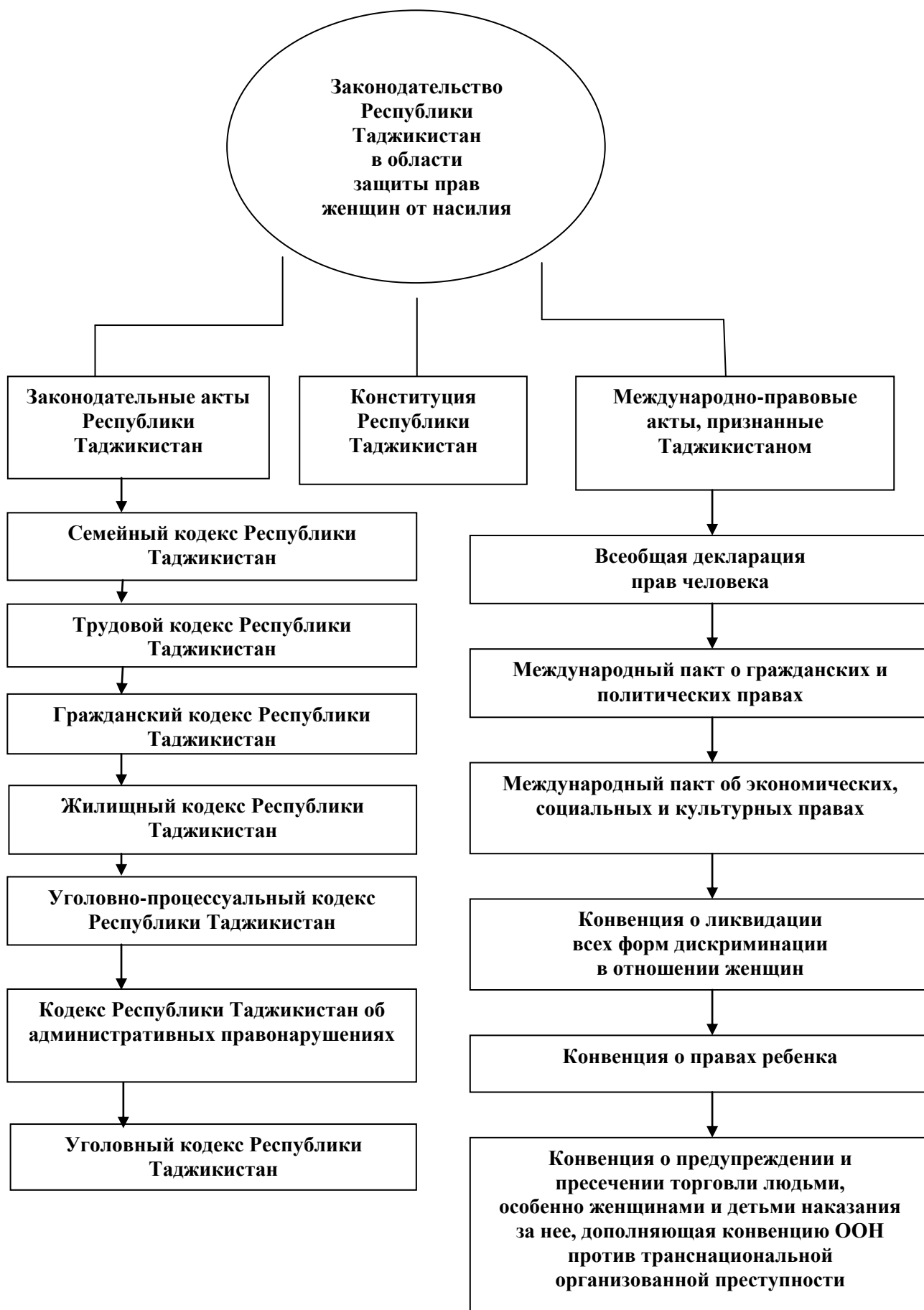

Рисунок 1

Список использованной литературы:

1. Бозрикова Т.Н. Судебная практика по насилию в отношении женщин: реалии и особенности Душанбе.2004.-8с.
2. Конституция Республики Таджикистан (с изменением и дополнением с 1999 – 2003-2016). Душанбе 2016 «Садои мардум», №69 (3459) 30.05.2016.
3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) (под общей ред. В.И.Радченко) 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юстицинформ, 2004. 316с.
4. Леви А., Давыдова Е. Положение потерпевшего в уголовном процессе: нужна конкретизация // Законность. 2009. №2.165с.
5. Определение Верховного суда РФ от 10.07.2008 N 19-О08-24СПМВ; Определение Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N 19-о08-62сп; Определение Верховного Суда РФ от 30.01.2006 N 69-о05-50 // СПС Консультант Плюс
6. Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Таджикистан. 24.02.2017 г., №1381. Электронный ресурс: www.mmk.tj

К ВОПРОСУ ОБ ОТГРАНИЧЕНИИ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ И ИХ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Казарина М.И., ассистент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета

Принцип независимости судей в различных видах судопроизводств Российской Федерации был закреплен относительно недавно, только в 2013 году. Целью введения данного принципа стала идея усовершенствования судебной системы, повышение качества правосудия, а также борьба с коррупцией, оказывающая значительное влияние на уровень доверия граждан к суду. Однако в настоящее время цели данного принципа не были достигнуты.

По данным, представленным Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в Таблице 1 показана динамика оценки одобрения деятельности судов в Российской Федерации за период с 01 декабря 2016 г. по 31 марта 2018 г. в %.

Таблица 1

Декабрь 2016	Январь 2017	Февраль 2017	Март 2017	Апрель 2017	Май 2017	Июнь 2017	Июль 2017	Сентябрь 2017	Октябрь 2017	Ноябрь 2017	Декабрь 2017	Январь 2018	Февраль 2018	Март 2018
43,8	43,7	44,8	44,8	44,5	46,8	43,3	40,4	46,6	43,7	43,4	43,7	32,5	34,0	34,8

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что с момента официального закрепления принципа независимости судей и более поздние периоды оценка одобрения судебной системы постоянно падала и к настоящему времени упала почти на 10%. Выявлено, что общество воспринимает судебную власть как совокупность коррумпированных органов и должностных лиц, а это порождает неодобрение, неуважение и неверие со стороны граждан¹.

Принцип независимости был прописан в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, однако позитивных изменений в судебной системе не произошло. Это связывается в числе прочего с недостаточным законодательным регулированием принципа независимости судей и недостаточностью и неэффективностью существующих процессуальных гарантий обеспечения данного принципа, а также с проблемами, возникающими при реализации принципа независимости судей.

Законодательные формулировки принципа независимости судей в настоящее время не до конца отвечают критериям точности, ясности, допускает различное толкование. Так, Л.Н. Ракитина пишет, что «очевидно, назрела необходимость существенным образом не только реформировать наше представление о самостоятельности судей в использовании ими правовых актов при отправлении правосудия, но и закрепить эту самостоятельность таким образом, чтобы она была адекватна той высокой роли суда, которую он должен играть в современном цивилизованном обществе»².

¹ Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения [Электронный ресурс] // URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennykh_institutov/ (дата обращения: 02.04.2018).

² Ракитина Л.Н. Независимость судей в России: какому закону подчиняются судьи? // Закон. 2010. №2. С. 68.

Одним из проявлений неясности, расплывчатости формулировок, используемых в законодательстве, посвященном судебной системе, суду и судьям, является использование законодателем понятий «независимость» судей и «самостоятельность». Так, в ст. 120 Конституции РФ закреплено, что судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону. В ст. 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», названной «Самостоятельность судов и независимость судей», закреплены такие положения: во-первых, суды осуществляют судебную власть самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, подчиняясь только Конституции РФ и закону. Во-вторых, судьи, присяжные и арбитражные заседатели, участвующие в осуществлении правосудия, независимы и подчиняются только Конституции РФ и закону¹. В ч. 2 ст. 1 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» утверждается, что судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной власти². Указанный закон не дает определения ни самостоятельности судей, ни их независимости, а также не ограничивается самостоятельностью от независимости. Ни ст. 8.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ, устанавливающей принцип независимости судей, ни в иных его положениях самостоятельность судей (суда) вообще не упоминается.

В словарях русского языка наблюдается идентичность толкования данных понятий: согласно толковому словарю, понятие «независимость» обозначает «политическую самостоятельность, отсутствие подчиненности, суверенитет», а «независимый» – самостоятельный, не находящийся в подчинении, свободный. Определение понятия «самостоятельный» указывается как «существующий отдельно от других, независимый». Таким образом, понятие «независимость» определяется через «самостоятельность», а «самостоятельность» через «независимость».

Тем не менее, во многих науках эти понятия имеют различное содержание. Например, независимость с точки зрения социальной психологии представляет собой способность субъекта противостоять групповому давлению, отстаивать выработанное им мнение перед другим. Термин «самостоятельность» чаще всего обозначает способность к независимым суждениям, а также действия по собственной инициативе на основе собственных сил, без помощи других. Именно способность субъекта противостоять давлению со стороны других лиц характеризует его независимость, а самостоятельность субъекта проявляется в проявлении инициативы при осуществлении деятельности и при принятии решений.

В науке российского уголовного процесса вопросы определения самостоятельности и независимости участников уголовного судопроизводства, ограничение данных понятий на протяжении длительного времени не перестают терять своей актуальности.

Заслуживает внимания определение понятия независимости судей, даваемое В.П. Кашеповым: «Независимость судей в уголовном судопроизводстве понимается как исключение любого внешнего воздействия на судей со стороны других лиц и организаций при рассмотрении судом конкретных дел. При рассмотрении дел суд не связан мнением участников процесса. В каждом случае, принимая решение, суд руководствуется законом, правосознанием, своим внутренним убеждением, основанным на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности»³.

В диссертационном исследовании А.Г. Филиппов выдвигает свое видение процессуальной независимости должностных лиц – «как осознанной мировоззренческой идеи максимально высокой степени общности относительно сущего и должного в уголовном судопроизводстве, свободно проявляющейся в правовых нормах, а также в философских воззрениях,

¹ О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон Российской Федерации от 31.12.1996 №1-ФКЗ (ред. 05.02.2014) // Российская газета. 1997. №3.

² О статусе судей в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 26.06.1992 №3132-1 (ред. от 05.12.2017) // Российская газета. 1992. № 170.

³ В.П. Кашепов. Организация и деятельность судов общей юрисдикции: новеллы и перспективы / В.П. Кашепов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Юридическая фирма КОНТРАКТ, 2016. С. 45.

религиозных постулатах, идеологических нормах, нормах морали и других социальных нормах, заключающейся в возможности суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя самостоятельно принимать решения по уголовному делу и осуществлять по нему производство»¹.

Таким образом, большинством ученых-процессуалистов утверждается, что независимость судей заключается в исключении вмешательства третьих лиц в деятельность судьи на стадии предварительного расследования, при рассмотрении дела по существу и осуществлении судебного надзора, однако к единой точке зрения ученые-процессуалисты в настоящий момент не пришли.

Так, Ю.В. Маранц рассматривает самостоятельность и независимость как единое целое, тождественные понятия². Данная позиция представляется не совсем верной по следующим обстоятельствам. Самостоятельности судей (суда) посвящено небольшое количество научных работ, среди которых можно выделить исследование М.К. Свиридова. Он выделяет несколько положений Уголовно-процессуального кодекса РФ, ограничивающих самостоятельность суда: обязанность суда рассматривать доказательства, содержащиеся в обвинительном заключении и никакие другие; невозможность суда осудить подсудимого по более тяжкому обвинению, чем было предъявлено на стадии предварительного расследования³. К процессуальным гарантиям независимости судей авторы традиционно относят, например: отвод судьи при наличии обстоятельств, исключающих его участие в производстве по уголовному делу; изменение территориальной подсудности уголовного дела в том случае, если все судьи суда принимали участие в деле; тайну совещательной комнаты; право судьи на особое мнение и др. Исходя из перечисленных процессуальных ограничений самостоятельности суда и гарантий независимости судей, самостоятельность суда – это нечто иное, чем независимость судьи, – это проявление инициативы в действиях и принятии решений; между тем, независимость судьи – основополагающая характеристика представителя государственной власти, призванного осуществлять правосудие, заключающаяся в абсолютной степени свободы от государственных и негосударственных организаций и лиц, и подчинении только федеральному закону; это психическое состояние судьи, выражающееся в осознании самоценности его личности, способности свободно совершать действия и принимать решения обособленно от воли третьих лиц.

В свою очередь, И.Б. Михайловской самостоятельность определяется по отношению к судебной власти, а независимость – только по отношению к судьям и суду. Законодатель в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» назвав ст. 5 «Самостоятельность судов и независимость судей», устанавливает, что самостоятельность применима к суду, а независимость – к судьям. Высказанные позиции вызывают некоторые сомнения в их обоснованности. Действительно, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ наблюдается некоторая запутанность в употреблении понятий «суд» и «судья»: суд признается единственным органом, осуществляющим правосудие, а судья – лицом, уполномоченным осуществлять правосудие. Т.е. обнаруживается, что и суд, и судья уполномочены осуществлять правосудие. При чтении норм Уголовно-процессуального кодекса РФ становится явным, что полномочия суда и судьи столь тесно переплетаются, что требуются определенные усилия, чтобы их разграничить⁴. В некоторых случаях упоминается суд, в других судья. Как известно, суд может быть представлен одним судьей, тремя судьями, а также

¹ Филиппов А.Г. Реализация принципа процессуальной независимости должностных лиц – участников уголовного процесса. Дисс... канд. юрид. наук : 12.00.09. / А.Г. Филиппов. Нижний Новгород, 2004. С. 7.

² Маранц Ю.В. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О судебной системе Российской Федерации»: от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. 05.04.2005 г.) : (постатейный) / Ю. В. Маранц. М.: Юстицинформ, 2007. С. 4.

³ Свиридов М.К. Самостоятельность суда при постановлении приговора // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. №2 (12). С. 88-89.

⁴ Гриненко А.В. Соотношение понятий «суд» и «судья» в российском уголовно-процессуальном законодательстве / А.В. Гриненко // Российский судья. 2016. №9. С. 26 (С. 25-29).

судьей с участием присяжных. Поэтому в случае единоличного рассмотрения дела упоминание и суда, и судьи следует признать правильным. В остальных случаях законодатель пользуется формулировкой «суд». Следовательно, и судью, представленного единолично в составе суда, можно признать обладающим процессуальной самостоятельностью. Также нельзя сказать, что не является проявлением самостоятельности судьи, например, возможность собирания доказательств по собственной инициативе и участия в исследовании доказательств в судебном следствии.

Представляется интересной позиция Н.И. Газетдинова относительно отграничения самостоятельности и независимости судебной власти. Он пишет, что «свойства независимости и самостоятельности – это «две стороны одной медали», они не могут существовать в отрыве друг от друга», но вместе с тем /.../ самостоятельность судебной власти определяет организационное построение судебной власти», независимость же, по его мнению, обозначает «сущностную самостоятельность»¹. Следует согласиться с его точкой зрения, действительно, самостоятельность направлена на внешнее поведение, воплощает организационную характеристику субъекта, независимость отражает сущностную внутреннюю характеристику субъекта.

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод, что самостоятельность судьи, суда – это внешняя характеристика деятельности судьи, суда, отражающая возможность проявления инициативы при осуществлении процессуальных действий и принятии решений. Независимость судьи – это внутренняя характеристика судьи как личности и представителя власти, отражающая не деятельность, а интеллектуальную составляющую, выражающееся в осознании самоценности его личности, и волевою составляющую, выражающуюся в способности обособленно от сознания и воли третьих лиц свободно совершать действия и принимать решения.

Список использованной литературы:

1. О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон Российской Федерации от 31.12.1996 №1-ФКЗ (ред. 05.02.2014) // Российская газета. 1997. №3.
2. О статусе судей в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 26.06.1992 №3132-1 (ред. от 05.12.2017) // Российская газета. 1992. № 170.
3. Газетдинов Н.И. Самостоятельность и независимость судебной власти // Российская юстиция. 2015. №12. С. 34-37.
4. Гриненко А.В. Соотношение понятий «суд» и «судья» в российском уголовно-процессуальном законодательстве / А.В. Гриненко // Российский судья. 2016. №9. С. 25-29.
5. Кашепов В.П. Организация и деятельность судов общей юрисдикции: новеллы и перспективы / В.П. Кашепов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Юридическая фирма КОНТРАКТ, 2016. 240 с.
6. Маранц Ю.В. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О судебной системе Российской Федерации»: от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. 05.04.2005 г.) : (постатейный) / Ю. В. Маранц. М.: Юстицинформ, 2007. 119 с.
7. Ракитина Л.Н. Независимость судей в России: какому закону подчиняются судьи? // Закон. 2010. №2. С. 61-68.
8. Свиридов М.К. Самостоятельность суда при постановлении приговора // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. №2 (12). С. 88-95.
9. Филиппов А.Г. Реализация принципа процессуальной независимости должностных лиц – участников уголовного процесса. Дисс... канд. юрид. наук : 12.00.09. / А.Г. Филиппов. Нижний Новгород, 2004. 217 с.
10. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения [Электронный ресурс] // URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennykh_institutov/ (дата обращения: 02.04.2018).

¹ Газетдинов Н.И. Самостоятельность и независимость судебной власти // Российская юстиция. 2015. №12. С. 34-37.

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ ВЫДВИЖЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ВЕРСИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО- КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ

*Канищева О.И., адъюнкт ФГКОУ ВО Уфимский
юридический институт МВД России, майор по-
лиции*

Эффективность расследования экономических преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства, кроме всего прочего, в значительной степени зависит от умения субъекта расследования правильно анализировать и разрешать сложившиеся следственные ситуации, формировать достоверные криминалистические версии и качественно их проверять.

Существуют различные определения понятия «криминалистическая версия». По мнению профессора Р.С. Белкина, «криминалистическая версия – это обоснованное предположение о факте, явлении или группе фактов, явлений, имеющих или могущих иметь значение для дела; версия указывает на наличие и объясняет происхождение этих фактов, явлений, их содержание и связь между собой и служит целям установления истины по делу»¹.

С точки зрения таких видных ученых как А.Г. Филиппов², Н.П. Яблоков³ криминалистическая версия является предположением, основанном на фактических данных, о событии, имеющем признаки преступления, или отдельных его обстоятельствах, требующее проверки при решении вопроса о возбуждении уголовного дела.

Помимо фактических данных для построения криминалистических версий при расследовании экономических преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства, необходимы также теоретические знания закономерностей отражения преступной деятельности в бухгалтерской информации. В данном случае мы разделяем точку зрения известного ученого-криминалиста Л.Я. Драпкина о том, что «...для построения перспективных версий одной лишь фактической базы недостаточно... необходимо обратиться к дополнительному источнику информации, которым и является теоретическая база версий»⁴.

Кроме того, профессор Р.С. Белкин, говоря о том, что выдвинутые субъектом расследования «предположения только тогда могут стать версией, когда они основаны на известных фактических данных, базируются и объясняют всю соответствующую совокупность таких данных», выделяет такой признак криминалистической версии, как «ее реальность в данных обстоятельствах места и времени»⁵.

На наш взгляд, криминалистической версией при расследовании экономических преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства является предположение субъекта расследования, обоснованное собранным фактическим материалом, а также знаниями закономерностей отражения преступной деятельности в бухгалтерской информации, о наиболее вероятном механизме преступной деятельности.

В теории науки криминалистики различные ученые классифицируя криминалистические версии по субъекту выдвижения и проверки, выделяют следственные, оперативно-розыскные, экспертные и судебные версии. Общепринято считать следователя основным субъектом вы-

¹ Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика. Учебник для вузов. Под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р.С. Белкина. – М.: Издательство НОРМА, 2000. – С. 496.

² Криминалистика: Учебник / Под ред. А.Г. Филиппова. – М.: Высшее образование, 2007. – С. 286.

³ Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист. – 2005. – С. 121.

⁴ Криминалистика: Учебник / Л.Я. Драпкин, В.Н. Карагодин. – М., 2007. – С. 52.

⁵ Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика. Учебник для вузов. Под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р.С. Белкина. – М.: Издательство НОРМА, 2000. – С. 474.

движения криминалистических версий при расследовании преступлений, не составляет исключение в данном случае и расследование экономических преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Во многом вопрос определения субъекта выдвижения криминалистической версии при расследовании экономических преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства зависит от источника получения информации о преступлении, то есть от повода и наличия достаточных оснований для возбуждения уголовного дела.

В соответствии со ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса РФ поводами для возбуждения уголовного дела служат:

1) заявление о преступлении;

2) явка с повинной;

3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников;

4) постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании¹.

В случае если в органы внутренних дел поступают материалы ревизии или проверки соответствующих надзорных органов в сфере жилищного контроля или органов прокуратуры, либо сообщения от жильцов многоквартирного дома, граждан или должностных лиц, а также из средств массовой информации, следователь, рассмотрев полученную информацию, назначает в соответствии со ст. 144 УПК РФ ее доследственную проверку и выдвигает следственные версии в зависимости от способа совершения преступления.

Так, например, при поступлении сообщений или материалов проверки контролирующих органов о наличии признаков возможного хищения денежных средств при проведении капитального и текущего ремонта жилых многоквартирных домов, могут быть сформированы следующие следственные версии:

1) хищение денежных средств при проведении капитального и текущего ремонта жилых многоквартирных домов имело место и совершено с участием руководителей управляющей компании;

2) хищение денежных средств при проведении капитального и текущего ремонта жилых многоквартирных домов имело место и совершено работниками подрядной организации.

При поступлении сообщений от жителей многоквартирных домов или из надзорных органов в сфере жилищного коммунального хозяйства о наличии признаков необоснованного завышения тарифов за поставленные ресурсы, могут быть сформированы следующие следственные версии:

1) завышение тарифов имело место с целью совершения хищения денежных средств;

2) завышение тарифов имело место, но оно было принято общим собранием жильцов многоквартирных домов, о чем имеется протокол;

3) завышение тарифов имело место, в связи с внесением изменений в их расчеты местными органами власти.

При поступлении информации о наличии дебиторской задолженности у ресурсоснабжающей организации могут быть сформированы следующие следственные версии:

1) дебиторская задолженность образовалась в результате хищения денежных средств, предназначенных для оплаты поставленных ресурсов, руководством управляющей компании;

2) дебиторская задолженность образовалась в результате несвоевременной оплаты коммунальных услуг потребителями;

3) дебиторская задолженность образовалась в результате использования сумм, предназначенных ресурсоснабжающим организациям, не по назначению, а именно – на нужды управляющей компании, то есть, возможно, было совершение другое преступление.

Необходимость построения нескольких следственных версий объясняется наличием минимума информации и необходимостью определения направления расследования преступле-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // Консультант Плюс. Законодательство.

ния. Выдвинутые типичные версии следует конкретизировать и проверить уже на начальном этапе расследования, путем производства следственных действий, планирование которых осуществляется на основе следственной версии. В условиях скудности и информационной неопределенности субъект расследования должен включить в план расследования экономических преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства неотложные следственные действия, которые позволят ему расширить доказательственную базу, к таким неотложным следственным действиям следует отнести: осмотр места происшествия, допрос свидетелей и в случае необходимости обыск у подозреваемых лиц. Кроме того, в плане расследования следственные действия стоит скоординировать с оперативно-розыскными мероприятиями, отразив это в виде поручений органам дознания, а также помощью специалиста, которая может быть выражена в виде консультаций или производства документальных проверок и ревизий.

Но, в процессе расследования экономических преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства возможна и другая ситуация, когда информация о совершении преступления добывается оперативным путем в результате оперативно-розыскных мероприятий.

Учитывая, что экономические преступления в сфере ЖКХ зачастую носят латентный характер, их выявление – задача сотрудников оперативных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции. В данной ситуации сведения о совершении экономического преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства поступают в следственное подразделение в виде рапорта об обнаружении признаков преступления на основании материалов предварительной проверки, проведенной оперативно-розыскными органами.

В соответствии со ст. 143 УПК РФ сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, чем указанные в статьях 141 и 142 настоящего Кодекса, принимается лицом, получившим данное сообщение, о чем составляется рапорт об обнаружении признаков преступления¹.

В связи с этим интересен вопрос о субъекте выдвижения криминалистических версий при расследовании экономических преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства в условиях неочевидности их совершения.

Как уже было ранее нами отмечено, одной из разновидностей криминалистической версии является оперативно-розыскная версия. Оперативно-розыскные версии выдвигаются субъектами оперативно-розыскной деятельности в процессе осуществления оперативно-розыскных мероприятий и должны быть проверены оперативно-розыскными средствами.

Действительно, латентный характер экономических преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства, их многоэпизодность, наличие соучастников, в том числе должностных лиц различных организаций данной сферы экономики, специфика способа и длительный период времени совершения, не просто усложняют процесс расследования, а, прежде всего, требуют их выявления на основе конфиденциальной информации, полученной оперативным путем.

В этом случае субъектом выдвижения криминалистических версий становится оперативный сотрудник, получивший или добывший в ходе поисковой деятельности информацию о преступлении, и обязанный провести проверку данной информации с целью определения ее доказательственной перспективы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Так, при поступлении информации о хищении денежных средств, выделенных из государственного бюджета, организациям сферы жилищно-коммунального комплекса могут быть выдвинуты следующие оперативно-розыскные версии: 1) преступление совершено должностными лицами управляющей организации в сфере ЖКХ; 2) преступление совершено подрядными организациями, осуществляющими работы в сфере ЖКХ.

При поступлении информации о хищениях, связанных с расчетами по заработной плате и выдачей подотчетных сумм, в организациях сферы жилищно-коммунального комплекса: 1)

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // Консультант Плюс. Законодательство.

преступление совершено должностными лицами управляющей организации в сфере ЖКХ; 2) преступление совершено сотрудниками бухгалтерии управляющей организации в сфере ЖКХ; 3) преступление совершено материально ответственными лицами управляющей организации в сфере ЖКХ; 4) преступление совершено работниками управляющей организации в сфере ЖКХ.

Качество построения оперативно-розыскных версий зависит от объема исходной информации. В условиях благоприятной ситуации, когда оперативный сотрудник обладает информацией как о лицах, совершивших экономическое преступление в сфере жилищно-коммунального хозяйства, так и о способе его совершения, установление механизма следообразования возможно на основании первичных бухгалтерских документов, содержащих признаки и следы преступной деятельности, с условием их дальнейшего сопоставления с данными бухгалтерского учета и отчетности.

В случае возбуждения уголовного дела по результатам предварительной проверки материалов, осуществленной оперативным подразделением, планирование первоначального этапа расследования имеет свои особенности, которые заключаются в формировании криминалистических версий оперативными сотрудниками и осуществлении их проверки в рамках оперативно-розыскных мероприятий. В результате чего план первоначальных следственных действий будет заключаться в реализации плана проверки оперативной информации.

Специфика характера экономических преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства позволяет сделать вывод о наличии различных субъектов выдвижения криминалистических версий при расследовании указанного вида преступлений, в зависимости от источников получения информации. Главная особенность заключается в том, что одним из субъектов выдвижения криминалистических версий может выступать оперативный сотрудник. При выдвижении криминалистических версий он должен не только осуществить их проверку, с целью формирования наиболее достоверной из них, но и собрать весь объем необходимой информации, содержащей обстоятельства подлежащие доказыванию. Действия следователя в данном случае будут заключаться в придании процессуальной формы полученной информации с целью формирования доказательственной базы при расследовании уголовного дела экономической направленности в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ МЕТОД ПОЗНАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАК ОСНОВА ДЛЯ ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

Кардашевская М.В., профессор кафедры криминалистики Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя, д.ю.н., профессор

Предварительное расследование, как и любая другая деятельность, имеет свои закономерности. Только познание этих закономерностей позволяет говорить о поиске путей дальнейшего развития этой деятельности, поскольку выбранные направления будут учитывать выявленные закономерности и следовать им, а значит, процесс развития будет успешным. Системный анализ отдельных видов связей, в частности функциональных связей "правовых явлений с другими социальными явлениями, надлежит органично сочетать с применением методов эмпирических исследований"¹.

Метод - это систематическая процедура, состоящая из последовательности определенных операций, применение которых либо приводит к достижению поставленной цели, либо приближает к ней².

Основу эмпирического метода познания заложил английский философ Ф. Бэкон. Он сосредоточил внимание на выяснении истинных причин происходящих в природе явлений, на их практической пользе, а также на вопросах завоевания природы и усовершенствования человеческой жизни. Лейтмотивом учений Ф. Бэкона стало утверждение "Знание - сила"³.

Эмпирический метод (эмпирическая процедура) в научном познании предполагает сбор наблюдаемых фактов и их систематизацию, сравнение различных видов данных (присутствующих, отсутствующих и промежуточных) и исключение из них иррелевантных данных, последующий их анализ, снабженный подходящими примерами и основанный на индуктивном методе (от частного к общему). Причем необходима надлежащая (истинная) индукция, т.е. селективная, - индукция через отбор, когда выводы делаются на основании не столько наблюдения подтверждающих фактов, сколько изучения явлений, противоречащих доказываемому положению (отрицательных инстанций); при этом признается, что даже единственная отрицательная инстанция способна опровергнуть утверждение⁴.

На эмпирическом уровне выявляются свойства интересующих видов деятельности, устанавливаются их эмпирические закономерности, формируются знания об определенных событиях, имеющих уголовно-процессуальное и организационное значение⁵.

Данный метод познания широко применяется при подготовке различных диссертационных исследований, в том числе и в криминалистике, для выявления закономерностей предварительного расследования, к которым следует отнести типичные для расследования определенного вида преступлений следственные ситуации и алгоритмы действий следователя в них; перечень обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании определенного вида преступлений; направления взаимодействия следователя с органом дознания; направления использования специальных знаний и т. п.

¹ Сырых В.М. История и методология юридической науки. М.: Норма; Инфра-М, 2014. С. 405.

² Рузавин Г.И. Методология научного познания: Учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 6.

³ Соколов В.В. Европейская философия XV - XVII веков. М., 1984. С. 201 - 227; Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 2001. С. 84 - 85.

⁴ Соколов В.В. Указ. соч. С. 221 - 224; Bacon F. Stanford Encyclopedia of Philosophy // URL: <http://plato.stanford.edu/entries/francis-bacon>; Орлов В.Г. Особенности общественно-научного и юридического познания // Российский юридический журнал. 2016. N 3. С. 9 - 23; N 5. С. 30 - 47.

⁵ Новикова Ю.В. Методика построения криминологической характеристики преступности (преступлений) // Российский следователь. 2015. N 17. С. 37 - 40.

К эмпирическим методам познания относятся наблюдение, сравнение, измерение и другие методы изучения конкретных проявлений преступности, а также применявшихся средств по выявлению, расследованию и предупреждению отдельных или совокупности посягательств¹. При этом в современной науке наблюдаются определенные сложности в применении этих методов, так же как и в интерпретации полученного знания². Наиболее ярко это проявилось в диссертационном исследовании на соискание ученой степени доктора юридических наук И. П. Корякина³, который считает «результаты изучения уголовных дел, анкетирования следователей, дознавателей и судей, более чем факультативным источником исследования ввиду обоснования не совершенности использования данного источника в научных исследованиях». Поскольку эмпирический метод исследования применяется фактически во всех диссертационных исследованиях (и не только диссертационных) по криминалистике, представляется необходимым разобраться с вопросом, что такое эмпирический метод познания, возможно ли его использование в криминалистических исследованиях.

Эмпирические данные – это сведения, полученные на основе опыта, практики⁴. В рамках криминалистических исследований к ним относятся результаты изучения уголовных дел, анкетирования практических работников, а также личный опыт исследователя. Однако не все ученые правильно это понимают. Так, к примеру, Ю. А. Дятлов ссылается на то, что в качестве эмпирической базы исследования им использованы нормы различных отраслей отечественного законодательства, создающие предпосылки для возникновения ситуации риска в правореализации; результаты социологических исследований, опубликованные в научных изданиях, информация, представленная средствами массовой информации⁵. И. Б. Крылова полагает, что эмпирической базой исследования являются положения международных документов о правах и свободах человека и гражданина, действующей Конституции РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ, Уголовного кодекса РФ и других законодательных и ведомственных нормативных актов, касающихся вопросов прокурорского надзора в сфере защиты нарушенных прав и свобод человека и гражданина⁶. Епхийев О.М., Брциева З.Г. и Моисеев А.В. в качестве эмпирической базы исследования указывают материалы средств массовой информации о преступлениях террористической направленности, научные публикации, посвященные исследованию феномена преступлений террористической направленности, нормативно-правовая литература⁷.

И аналогичных заблуждений в диссертационных исследованиях по криминалистике найти не так сложно.

Однако не данные ошибки дают повод для противников применения эмпирического материала считать этот метод бесполезным. Основной их постулат сводится к тому, что эмпирическим путем нельзя познать истину.

Так, говоря о личном опыте исследователя (личное восприятие события), И. П. Корякин отмечает, что «ввиду личных особенностей восприятия субъекта такое может быть осуществлено ошибочно относительно осмысления воспринятого».

Другие замечания предъявляются к восприятию события посредством опроса их наблюдавших лиц (как способ опосредованного восприятия личного восприятия). «Данные за-

¹ Карагодин В.Н. Научный характер и практическая реализация рекомендаций по борьбе с преступностью // *Lex russica*. 2016. N 4. С. 19 - 33.

² Черникова И.В. Природа науки и критерии научности // *Гуманитарный вектор*. 2012. N 3. С. 95.

³ Корякин И. П. Теория риска в криминалистике: Дисс.... докт. юрид. наук. Караганда, 2010.

⁴ Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. ИНФРА-М, 2006.

⁵ Дятлов Ю. А. Правореализующий риск: дисс.... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 10.

⁶ Крылова И. Б. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при производстве предварительного следствия: Дисс.... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 7 – 8.

⁷ Епхийев О.М., Брциева З.Г., Моисеев А.В. Преступления террористического характера: состояние, динамика и особенности проявления в современной России // *Российский следователь*. 2017. N 16. С. 28 – 34; см. также Епхийев О.М., Моисеев А.В. Этническая преступность в современной России: состояние, структура, динамика и особенности ее проявления // *Российский следователь*. 2017. N 4. С. 48 - 51.

мечания заключаются в том, что сам опрос может быть неистинен по ряду причин. Во-первых, ввиду неискренности респондента, которую никто не может гарантировать. Во-вторых, в случаях, когда этот опрос проводится посредством самостоятельного заполнения составленных анкет, результаты такого можно свести к нулю не качеством самого опросного листа». Вывод И. П. Корякин делает один — «использование эмпирического метода исследования посредством ответа на вопросы опросного листа не является качественным способом исследования».

Говоря об изучении материалов уголовных дел, И. П. Корякин справедливо отмечает, что они не полностью отражают весь процесс расследования, «так как за пределами документального оформления события остаются множество фактов, так или иначе, не получивших своего отражения». В связи с чем он делает вывод, что «изучение уголовных дел как восприятия события посредством изучения документального отражения события нельзя отнести к методам эмпирического исследования ввиду отсутствия гарантий истинности документирования события».

В результате данных рассуждений И. П. Корякин приходит к выводу, что «в существующем виде и формах использование эмпирического метода исследования представляет «некую фикцию», значение которой должно быть переосмыслено, его можно считать в лучшем случае факультативным и абсолютно не обязательным, а исследования, основанные на примате данного метода, лженаучными».

Признавая все отмеченные И. П. Корякиным погрешности, объективно свойственные эмпирическому методу познания, отметим, что это не единственный метод, используемый в криминалистике. Сбор эмпирического материала никогда не являлся самоцелью криминалистических исследований. Он (полученный материал) является основой для изучения, анализа и выявления закономерностей между теми или иными явлениями, которые установлены в ходе применения эмпирического метода исследования. Без эмпирического материала нечего будет изучать и анализировать. Чисто теоретические рассуждения, не имеющие под собой эмпирической базы, - вот это фикция, не имеющие ни малейшего отношения к криминалистической науке.

Прикладные криминалистические исследования, приобретшие на современном этапе развития науки и практики особое значение, призваны стать опорой организованного и планомерного воздействия на преступность, отношений в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. В силу этого они стремятся к непосредственной практической значимости. В гносеологическом плане это означает возрастание роли эмпирического знания и эмпирических методов исследования. Положительным здесь является то, что увеличивается возможность эмпирического проникновения в те области преступности и иные формы антиобщественного поведения, которые ранее могли исследоваться лишь с теоретических позиций¹.

Таким образом, применение эмпирического метода при установлении путей развития предварительного расследования необходимо. Его реализация может проходить путем анализа раскрываемости преступлений, мер, принимаемых для повышения раскрываемости, анкетирования сотрудников по отдельным вопросам применения методов организации расследования. На основе проведенного исследования могут быть выделены основные элементы, или узлы, представляющие собой:

а) факторы, требующие первоочередного реагирования в связи с более высокой общественной опасностью;

б) условия, изменение которых позволяет в короткие сроки полностью или частично разрешить основные проблемы².

¹ Овчинников О. А. Научные исследования в организации деятельности органов внутренних дел // Российский следователь, 2009, N 5.

² Карагодин В.Н. Научный характер и практическая реализация рекомендаций по борьбе с преступностью // Lex russica. 2016. N 4. С. 19 - 33.

Так, к организационным вопросам, требующим самостоятельного исследования, следует отнести вопросы специализации следователей, создание укрупненных следственных подразделений.

Суть специализации как организационного принципа работы следователей состоит в том, что они постоянно осуществляют деятельность по расследованию преступлений тех категорий, методики расследования которых имеют сходство, независимо от места их совершения. Специализация позволяет постоянно совершенствовать свое профессиональное мастерство, накапливать опыт работы по расследованию отдельных видов преступлений, пополнять набор тактических приемов выполнения следственных действий, изучать соответствующую практику и научные разработки¹.

О положительном влиянии специализации следователей на качество предварительного расследования пишут многие ученые, предлагая при этом установить специализацию по расследованию тех или иных видов преступлений. Так, авторы монографии «Правосудие в современном мире» предлагают специализацию следователей по делам несовершеннолетних, поскольку данные дела требуют особой тщательности и внимательности².

А. К. Жарова, М. В. Демьянец, В. М. Елин считают необходимой специализацию дознавателей и следователей по вопросам защиты информационных объектов и, в частности, интеллектуальной собственности³.

Е. Н. Кондрат предлагает введение специализации следователей по расследованию уголовных дел по преступлениям в финансовой сфере⁴.

А. И. Бастрыкин отмечает, что с введением специализации следователей Следственного комитета России по расследованию уголовных дел коррупционной направленности «...ситуация в этой области изменилась в лучшую сторону, а показатели свидетельствуют о значительном росте возбужденных и реализуемых в судебном порядке дел»⁵.

М. Ю. Григорьев предлагает ввести специализацию следователей по расследованию должностных преступлений, а также преступлений, совершаемых в отношении должностных лиц (например, ст. ст. 318 - 319 УК РФ). Им проведен опрос следователей СК России, 72 % которых отметили, что введение специализации существенно повысит эффективность процесса расследования указанной категории преступлений⁶.

Д. Б. Чернышев видит целесообразным выделение в следственном органе следователей, специализирующихся на расследовании уголовных дел, связанных с хищениями в сфере ЖКХ, имеющих соответствующую квалификацию и опыт расследования данной специфической группы уголовных дел⁷.

В Российской Федерации только в одном нормативно-правовом акте, а именно в Приказе Следственного комитета РФ от 15.01.2011 N 2 "Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации" в п. 1.8. предусмотрено введение специализации следователей по расследованию отдельных видов преступлений. Однако

¹ Дергай Б.И. О специализации и участковой системе организации работы следователей // Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики: Материалы науч. конф. / Под ред. А.А. Эйсмана. Свердловск, 1972. С. 147 - 151.

² Правосудие в современном мире: монография / В.И. Анишина, В.Ю. Артемов, А.К. Большова и др.; под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 704 с.

³ Жарова А.К., Демьянец М.В., Елин В.М. Предпринимательская деятельность в сети Интернет: монография. М.: ЮРКОМПАНИ, 2014. 440 с.

⁴ Кондрат Е.Н. Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия. М.: Юстицинформ, 2014. 928 с.

⁵ Бастрыкин А.И. Правовые проблемы борьбы с коррупцией // Российский следователь. 2017. N 24. С. 6 - 10.

⁶ Григорьев М.Ю. Особенности доказывания при расследовании превышения должностных полномочий с применением физического и психического насилия, специальных средств или оружия // Законность. 2017. N 1. С. 63 - 66.

⁷ Чернышев Д.Б. О некоторых проблемах, связанных с подготовкой к назначению судебной бухгалтерской экспертизы при расследовании хищений в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Российский следователь. 2017. N 18. С. 23 - 26.

фактически, если штат следственного подразделения позволяет, следователи специализируются на расследовании конкретных уголовных дел (раскрытых и нераскрытых преступлений, уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних, хозяйственных преступлениях)¹.

Необходимость в специализации следователей очевидна. Жизнь постоянно усложняется. Даже весьма подготовленный следователь не в силах объять необъятное, и мы объективно приходим к специализации по расследованию уголовных дел. В следственной практике встречаются сложные уголовные дела, требующие от следователя и помогающих ему лиц большого опыта, глубокого знания методики расследования тех или иных видов преступлений и определенных специальных знаний. Совершенствуясь в расследовании преступлений одной категории, следователь приобретает необходимые навыки и опыт. В результате этого их деятельность осуществляется с меньшими затратами труда и времени². Хотя подобное развитие предварительного расследования напрямую зависит от экономических возможностей того или иного органа предварительного расследования, наличия достаточного числа квалифицированных следователей³.

Выделяют два вида специализации. Первый вид – это линейная специализация – наиболее распространенный вид специализации по расследованию отдельных видов преступлений. Несмотря на его распространенность, некоторые руководители следственных подразделений допускают ошибки в распределении обязанностей среди своих подчиненных. Наиболее распространенной ошибкой является поручение специализации по расследованию уголовных дел о преступлениях, по которым неизвестны лица, их совершившие, сотрудникам, имеющим небольшой следственный стаж и опыт работы, что находит отражение в результатах их деятельности⁴.

Преимущества линейной специализации очевидны. Во-первых, это помогает следователю сосредоточиться именно на определенной категории преступлений, что значительно повышает качество расследования, поскольку, по существу, означает совершенствование однотипных трудовых операций. Во-вторых, это приводит к более тесному сотрудничеству следователя с оперативными работниками соответствующих подразделений правоохранительных органов. В-третьих, при наличии такой специализации следователей представляется целесообразным ведение ими определенного учета или базы с отражением в них сведений о лицах, привлекаемых к уголовной ответственности, о способах совершения ими своих действий и т.п. Такая накапливаемая информация в дальнейшем при ее анализе поможет следователю установить виновных лиц, а также выявить схожие способы совершения преступлений и способы сокрытия следов⁵. В-четвертых, только специализация следователей способна сформировать единые подходы к получению и оценке доказательств с целью привлечения виновных к уголовной ответственности и недопущения нарушения прав участников судопроизводства⁶. Говоря проще, "победу определяет сосредоточение сил на важнейших участках борьбы"⁷.

Причем следует учитывать, что линейная специализация следователей не подразумевает, что, если в следственном подразделении в определенный промежуток времени нет уголовных дел по специализации конкретного следователя, то он остается без работы. Нет, специализация подразумевает, что при совершении преступления определенного вида проверка

¹ Рыжаков А.П. Правоохранительные органы: учебник для вузов. 4-е изд. // СПС КонсультантПлюс. 2015.

² Можаяева И.П., Седова Г.И. Специализация как способ оптимизации криминалистической деятельности следователя // Человек как источник криминалистически значимой информации: Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции. Саратов: СЮИ МВД России, 2003. Ч. 2. С. 107 - 109.

³ Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 3: Арбитражные суды: становление и развитие. М.: Статут, 2013. 749 с.

⁴ Островский С.А. Типичные нарушения, выявляемые в ходе надзора за расследованием уголовных дел о хищениях, совершенных с использованием средств мобильной связи // Законность. 2017. N 2. С. 23 - 26.

⁵ Григорьев М.Ю. Указ. раб. С. 63 - 66.

⁶ Тугушев Р.Р. К пятилетию реформы следствия в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. N 9. С. 98 - 102.

⁷ См.: Бастрыкин А.И. Обман валют // Российская газета. 2016. 15 янв.

сообщения о нем и расследование уголовного дела поручается тому следователю, которых на этом виде специализируется, независимо от его нагрузки. В крайнем случае, находящиеся в его производстве уголовные дела, не соответствующие специализации, могут быть переданы другому следователю.

Второй формой специализации является специализация следователей по территориальному принципу (участковая, зональная система). Однако данная форма специализации на практике вообще забыта, она распространяется только на участковых уполномоченных полиции и оперативных сотрудников¹. На необходимость использования и совершенствования данной организационной формы работы следователя указывают лишь отдельные авторы².

Участковая система - это форма организации деятельности, обусловленная административно-территориальным устройством территории, при которой за следователем закрепляется определенный участок и следователь в соответствии с подследственностью расследует все совершаемые на этом участке преступления, выявляет причины и условия совершения преступлений, принимает меры по их устранению.

Участковая форма организации позволяет следователю владеть достаточно полной информацией о своей территории, жителях, организациях и т.д.; лучше и оперативнее взаимодействовать в процессе расследования с соответствующими контролирующими, инспектирующими и иными органами, находящимися на подведомственной территории, взаимодействовать и эффективнее устанавливать контакт с местным населением; осуществлять координацию взаимодействия с органами дознания, которые обслуживают подведомственную территорию; прогнозировать развитие криминогенной обстановки (роста преступности) на своем участке³.

Однако любая специализация напрямую связана с количеством следователей (дознавателей) в конкретном подразделении. Именно поэтому на повестку дня становится вопрос об укрупнении следственных подразделений.

Обратимся к опыту УМВД России по г. о. Подольск. В состав УМВД входит 6 отделов полиции и 2 пункта полиции. Во всех отделах полиции ранее были следственные подразделения и подразделения дознания, последние были и в пунктах полиции. На сегодняшний день в УМВД только одно следственное подразделение и одно подразделение дознания, т. е. произошло их объединение на базе УМВД. Отсюда и возможность выделения четырех штатных дежурных следователей (дознавателей), и четко соблюдаемая специализация сотрудников. В результате – рабочий день каждого следователя (дознавателя) заканчивается в 18 час. Раскрываемость преступлений в г. о. Подольск в 2017 г. составило 71,4 %, что на 15,3 % больше среднеобластного (Московская обл.)⁴.

Предложение о такой форме организации работы было сделано и коллегами из Казахстана⁵. Они предлагают «в целях оптимизации деятельности следственных подразделений формировать группу из четырех дежурных следователей, установив четырехсменный график заступления по норме дежурных частей сутки - трое. При этом применить территориальный принцип, разделив зону обслуживания на четыре участка, закрепив по одному за каждым дежурным следователем. По всем преступлениям, совершаемым на данной территории, по которым не установлено лицо, совершившее преступление, расследование может осуществ-

¹ Моргунов С.В. Вопросы совершенствования предупреждения рецидивной преступности в деятельности уголовного розыска // Юридическая наука и правоохранительная практика. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД РФ. 2010. N 4(14) С. 59 - 65.

² Лапин А.А., Сараев Н.В. Зонально-линейный принцип раскрытия и расследования преступлений как перспективная форма управленческой деятельности начальника территориального органа внутренних дел на районном уровне // Российский следователь. 2013. N 1. С. 14 - 17.

³ Бахмадов Б.Д. Организация работы следователей по участковой системе: Автореф. дис. ... к.ю.н. М., 1987. 22 с.

⁴ Отчет начальника УМВД России по г. о. Подольск перед депутатами за 2017 г. /подольск.50.мвд.рф (дата обращения 31.05.2018 г.)

⁵ Ханов Т.А., Балгимбеков Д.У., Какимжанов М.Т. О совершенствовании организации деятельности следственных подразделений районных отделов полиции // Российский следователь. 2015. N 16. С. 44 - 49.

ляться данным следователем. Такой подход обеспечит преимущества участковой формы организации деятельности.

Остальных следователей вполне возможно перевести на специализацию по расследованию отдельных видов преступлений, по которым установлена личность или имеется необходимость производства большого объема процессуальных действий. В этом случае данные следователи будут расследовать конкретные составы преступлений, совершенствовать свое профессиональное мастерство, не будут отвлекаться на суточное дежурство, по сути выбивающее из колеи на несколько дней, разрушающее плановость производства расследования и затрудняющее использование творческого подхода при производстве по уголовным делам.

Предлагаем в качестве дежурных следователей с закреплением зоны обслуживания назначать вновь принимаемых на должности следователей, что позволит им ознакомиться с обслуживаемой территорией и населением, наработать навыки составления процессуальных документов, приобрести необходимый опыт производства расследования, показать свои возможности и способности. Впоследствии, в зависимости от уровня подготовленности и внутреннего потенциала, данные следователи могут переходить на специализацию»¹.

Однако предлагаемый ими подход – дежурным следователем назначать самых молодых и неопытных, и им же поручать расследование уголовных дел «без лиц» представляется нам неверным. Именно молодые следователи допускают наибольшее количество при осмотре места происшествия, не владеют методами анализа уголовных дел и установления виновного, не задержанного на месте происшествия. Дежурить и расследовать «нераскрытые» преступления могут разные следователи, но вот последним направлением, по нашему твердому убеждению, должны заниматься только наиболее опытные следователи.

В любом случае, для того, чтобы определить верность сделанных в процессе применения эмпирических методов познания выводов, следует использовать еще один эмпирический метод – эксперимент. Эксперимент представляет собой "наиболее сложный и эффективный метод эмпирического познания. Он предполагает использование методов наблюдения, сравнения, измерения. При этом сущностью его остается преднамеренное целенаправленное преобразование некоторого события (действия), его неоднократное повторение (для получения стабильного результата) в искусственно изменяемых условиях в соответствии с целью, поставленной при проверке возможности события"².

Так, для проверки вывода о том, что укрупненные следственные подразделения будут работать более эффективно, необходимо сформировать одно такое подразделение, посмотреть его результаты работы, например, за 3 года (это наиболее оптимальный срок для анализа), сравнить с результатами работы мелких следственных подразделений за предшествующие началу эксперимента 3 года. Такой анализ позволит сделать вывод об успешности или неудаче эксперимента, и необходимости его применения на всей территории страны или о возврате к ранее действовавшей системе.

¹ Там же.

² Бородкина Т.Н. Реализация процессуального статуса специалиста на этапе предварительного расследования // СПС КонсультантПлюс. 2014.

TO SAVE MINORS FROM DESTRUCTIVE RELIGIOUS INFLUENCES

Kiyubek A.Z., Department of criminal process and criminalistics Aktobe law institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Bukenbaev

We consider some religious trends to be destructive. It is translated from Latin as "a violator of the established system." So what can we say about this in our country? Believers who adhere to the unconventional religion believe that they are real Muslims and do not care about other people, they do not approve the benefits of modern medicine. They even refuse vaccine inoculation for their children. They have a different understanding from the common purpose of Muslims to fulfill their evil intentions. Supporters of this trend change the Quran and Hadiths according to their own preferences. They have embraced the name of the great Islamic religion and have pledged to threaten the world. Islam never forced someone to read a prayer or to dress in closed clothes. Kazakhstan has not seen Islam today or yesterday. In the VII century, our ancestors were the first Muslims of the Islamic world who came to Karakhanids. Since the establishment of the Great Kazakh Khanate, Islam became a popular in our country. But our "modern" brothers are trying to prove us some rules that we are not even listening to so many centuries.

Whatever problem we face, I do not think it is bigger issue than this. One scientist said that as science and technology progressed, the burden of humanity must be reduced. However, if we look around at the present time, you may feel that the burden of mankind is still ahead. Historically, the V and VI crusades in the Middle Ages, used children as soldiers in the war. In the years of the Great Patriotic War, those who were drafted into the army were over 19 years old. But these children who had taken arms from the age of 8 - 10 and murdered as murderers did not see any history of the country. Yes, today's issue is on the Internet, under the terrible word "baby terrorism." According to world statistics, every year the number of children who follow the destructive religious trends increases. "In the first six months of 2017, the number of children involved in terrorist acts increased fourfold compared to 2016," UNICEF chief Anthony Lake reported in August 2017 [1].

The children have not only played the role of cutthroats, terrorists are trying to sign a treaty with the authorities to replace them to their supporters in the prisons. They said to the government troops surrounding East Guthe, near Damascus: "We will replace the sick children to release supporters of the terrorist organization Jash al-Islam". "It's a question of whether children have become trafficking," said Jan Eglend, a United Nations humanitarian advocate in Syria. [2] The number of children kidnapped by terrorists from nearby villages is also increasing day by day. And the surviving children are less than one-third. For example, more than 200 children between the ages of 5-17 were expelled from East Gut, of whom only 54 were rescued from terrorists [3].

Another of the UN statistics shows that from January 2017, 83 children (including 55 girls and 27 boys) under the age of 15 were used to become martyrs. In one case, the criminals sent a woman with a breastfeeding baby packaging with explosives [4].

Using young children to commit terrorist acts is a terrible crime. Here, children should be treated as victims of terrorism rather than as criminals. Most of the countries where the war is overwhelming are the people who are still behind, the people who live by religious convictions. Therefore, the problem is that children who have escaped from criminals can return to their homes without hindrance. There were cases when their parents and tribal societies did not accept the return of such children. This is especially true in Africa. One such example is a 17-year-old girl Aminata. She spent two years at the camp of the Boko Haram terrorist organization in Nigeria. But her family did not accept the girl who ran away from home. The girl, who was accidentally encountered by UNICEF officers, was forced to seek help from unidentified persons. Due to the large humanitarian crisis in northern Nigeria, the terrorist attacks have also arisen because of food shortages and

mismanagement[5]. In 2016, the United Nations issued a report entitled "Children of the Islamic State". It tells how the ISIL terrorists have been teaching various forms of harassment, such as how they affect children's psyche, methods of intimidation, and methods of killing. Also, it has noticed that children played a soccer with the head of human instead of soccer ball, so that they could not feel emotional. In their understanding, it is stated that children are subjected to severe punishment or murder because they do not follow the instructions given by the directors [6].

We have given many examples of life. However, we do not know how to avoid such a horrible situation. If the terrorists kidnapped the children they needed from nearby countries, our compatriots bring their children having poisoned mind. Not only their children, but also their property, wives, their brothers. To get to Europe or to Iraq, they go to Turkey for a tourist purpose, and then do not return to their homeland. How many parents are looking for their children reporting on television and radio. Maybe he or she may have separated white and black today, but sadly it was too late.

Footnote:

1. Anthony Lake. Report of the United Nations Children's Fund (UNICEF). Geneva. 08/22/2017.
2. K.Kunetsky. In the UN, they talked about the use of Syrian children by militants as a bargaining chip. // In the course of the day. №7. 2017.
3. A. Semenov. UNICEF is concerned about the use of children as suicide bombers in Nigeria. //Russian newspaper. No. 131. 2017.
5. A. Semenov. UNICEF is concerned about the use of children as suicide bombers in Nigeria. //Russian newspaper. No. 131. 2017.
6. A. Tumin. UN: the situation in Syria is heating up. // Russian truth. №68. 2016.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кожевников О.А., доцент кафедры судебной деятельности Уральского государственного юридического университета, член Аттестационной комиссии Военной прокуратуры Центрального военного округа, кандидат юридических наук

В последние годы были созданы, а затем упразднены такие правоохранительные органы, как Федеральная служба налоговой полиции и Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков, имевшие в своей структуре следственный аппарат. Создание Следственного комитета РФ также породило немало как процессуальных, так и организационных проблем.

Во многом это связано с тем, что вопрос о месте следственного аппарата в системе правоохранительных органов поднимался на протяжении нескольких десятилетий. Еще в 1957 г. С. В. Бородин и А. Я. Грун высказали мнение о включении следственных органов в систему Министерства юстиции¹. Председатель Верховного Суда СССР В. И. Теребилов предлагал следственные органы прокуратуры передать в МВД СССР или создать Следственный комитет при Совете Министров СССР². Одни ученые говорили о сосредоточении следственного аппарата в системе органов внутренних дел³, другие – о формировании Следственного комитета (Комитета по расследованию преступлений) при Правительстве⁴, третьи – о передаче следственных аппаратов в состав соответствующих судов⁵, четвертые – об организации следственного аппарата при Верховном Суде РФ в качестве самостоятельного департамента⁶. Концепцией судебной реформы в Российской Федерации также предусматривалось создание единого следственного аппарата, правда, не указывалось, будет ли он самостоятельным ведомством или будет входить в какое-либо министерство⁷.

Однако большинство юристов считали необходимым при создании единого следственного аппарата оставить его следственные подразделения в органах прокуратуры, возможно, под началом первого заместителя Генерального прокурора РФ, назначаемого Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по представлению Президента РФ⁸.

Федеральный закон от 5 мая 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон „О прокуратуре Российской Федерации“» не только коренным образом пересмотрел структуру органов прокуратуры и ее следственного аппарата, но и предусмотрел создание Следственного комитета при

¹ Бородин С.В., Грун А.Я. К вопросу о реформе судебного управления и следственного аппарата // Сов. государство и право. 1957. № 7. С. 97; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М., 1970. Т. 2. С. 79.

² Теребилов В.И. Правосудие и время. М., 1988. С. 24.

³ Горский Г.Ф. Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР. Воронеж, 1970. С. 67

⁴ Стрёмовский В.А. Участники предварительного расследования Ростов н/Д, 1966. С. 64-69; Гончаров И.Д. Развитие советского законодательства о процессуальном положении следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1974. С. 18; Даев В. Г., Маршунов М.Н. Основы теории прокурорского надзора. Л., 1990. С. 96; Шалумов М. С. Система функций российской прокуратуры. Кострома, 2003. С. 92.

⁵ Стецовский Ю.И. Судебная власть: учеб. пособие. М., 1999. С. 152; Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России: в 2 ч. М., 2005. Ч. 2. С. 11–12; Королев Г.А. Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе. М., 2006. С. 61; Мельников В. Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства. М., 2006. С. 132.

⁶ Деришев Ю. Уголовное досудебное производство // Уголовное право. 2005. № 1. С. 82.

⁷ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С. 90.

⁸ Безмянная коррупция // Рос. газ. 2006. 23 нояб. Ранее это предложение высказывали В. А. Стрёмовский (Предварительное расследование в советском уголовном процессе. М., 1958. С. 91) и Н. Н. Полянский (Очерк развития советской науки уголовного процесса. М., 1960. С. 129–130).

прокуратуре Российской Федерации (далее – СК РФ). И хотя Председатель Следственного комитета стал первым заместителем Генерального прокурора РФ, по сути, к нему перешло право Генерального прокурора РФ на возбуждение уголовных дел в отношении лиц, указанных в ст. 448 УПК РФ.

В сентябре 2010 г. Указом Президента РФ № 1182 «Вопросы Следственного комитета Российской Федерации» за Следственным комитетом был закреплен статус независимого ведомства, а в декабре того же года данный статус получил законодательное закрепление в Федеральном Законе о Следственном комитете. Таким образом, СК превратился в самостоятельное федеральное ведомство, обладающее собственной компетенцией и имеющее организационную, материально-финансовую независимость от прокуратуры России. Сегодня ученые и практики рассуждают о том, было ли создание СК РФ благом или ошибкой законодателя; необходимо ли дальнейшее совершенствование правовой регламентации правоотношений «прокурор – руководитель следственного органа – следователь»; целесообразно ли создание единого следственного органа путем поэтапного изменения подследственности в пользу СК РФ в рамках уголовно-процессуального законодательства либо эта работа бесперспективна и необходимо кардинально менять УПК РФ. УПК РФ предусмотрел широкую компетенцию Следственного комитета Российской Федерации при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел. К его подследственности отнесено расследование ряда тяжких и особо тяжких преступлений (в том числе совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних); преступлений отдельных категорий лиц, перечисленных в гл. 52 УПК РФ; преступлений, совершенных в отношении указанных в данной главе лиц, в связи с их профессиональной деятельностью; преступлений, совершенных должностными лицами Следственного комитета Российской Федерации, органов Федеральной службы безопасности, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службы охраны Российской Федерации, органов внутренних дел Российской Федерации, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, таможенных органов Российской Федерации, военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, лицами гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей или совершенных в расположении части, соединения, учреждения, гарнизона; преступлений, совершенных в отношении указанных лиц в связи с их служебной деятельностью. Кроме того, Председателем Следственного комитета Российской Федерации разрешается вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении лиц, указанных в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, о привлечении их в качестве обвиняемых, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, а также об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу в отношении зарегистрированного кандидата в депутаты Государственной Думы, кандидата в Президенты Российской Федерации.

Сегодня вновь звучат высказывания о реформировании Следственного комитета, например, путем расширения его компетенции и создания новых правоохранительных органов. Председатель СК РФ А. Бастрыкин, говоря о том, что Росфинмониторинг, в который поступает основной объем информации о подозрительных операциях и сделках, является, по сути, информационно-аналитическим органом, предложил создать качественно новый государственный орган – финансовую полицию. Ее, по мнению А. Бастрыкина, следовало бы наделить функциями по выявлению и раскрытию финансовых преступлений посредством осуществления оперативно-розыскной деятельности, финансовой разведки, а также контроля за распоряжением государственным имуществом¹.

С А. Бастрыкиным согласен и И. Мацкевич. С его точки зрения, нам необходим обособленный федеральный государственный орган, осуществляющий расследование финансо-

¹ Перспективы создания в России финансовой полиции и пути совершенствования деятельности по противодействию финансовой преступности // URL: <http://www.sledcom.ru/blog/detail.php?ID=85628#comments>. См. также: Бастрыкин А. ...С конфискацией: «деловой завтрак» // Рос. газ. 2014. 21 янв.

вых преступлений (в том числе связанных с выводом российских активов за рубеж) и пресекающий их. Назвать такой специализированный орган, считает он, можно было бы Федеральной службой по расследованию финансовых преступлений, включив в ее состав лучших специалистов по борьбе с различными видами финансовых преступлений. Поводами для проверок и последующего возбуждения уголовных дел стали бы как собственная деятельность данной федеральной службы, так и материалы Центрального банка России, Счетной палаты, Росфинмониторинга и других государственных и общественных организаций. Федеральная служба по расследованию финансовых преступлений могла бы стать элитным правоохранительным органом, в штат которого вошло бы примерно 150 самых лучших следователей, прошедших предварительный конкурсный отбор. Так как сотрудники службы действовали бы на территории всей России, то создание территориальных единиц новой службы было бы вряд ли целесообразно¹.

А. Ю. Шумилов, исходя из «интересов» оперативно-розыскной науки, без каких-либо аргументов предлагает создать так называемую фискальную полицию, которая объединила бы таможенную полицию (выведя ОРД из таможенного ведомства), новую финансовую полицию (включая Росфинмониторинг) и реанимированную налоговую полицию².

С точки зрения А. Бастрыкина, передать в подследственность СК РФ необходимо и дела о налоговых преступлениях³. Мы же полагаем, что выявлять и раскрывать финансовые преступления с успехом могут соответствующие специализированные подразделения МВД РФ⁴. К тому же следует учитывать, что согласно ст. 5 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» организация и осуществление контроля за целевым и эффективным использованием средств федерального бюджета, бюджетов государственных внебюджетных фондов; определение эффективности и соответствия нормативным правовым актам Российской Федерации порядка формирования, управления и распоряжения федеральными и иными ресурсами, в том числе для целей стратегического планирования социально-экономического развития Российской Федерации, уже возложены на Счетную палату.

С А. Бастрыкиным не согласен и А. С. Александров. На его взгляд, передача подследственности по налоговым преступлениям из органов внутренних дел в СК РФ из-за неимения опыта расследования у последнего и отсутствия взаимодействия между СК и оперативным аппаратом полиции создаст видимость того, что с налоговой преступностью у нас покончено. И как это обстоятельство скажется в ближайшем будущем на бюджете Российской Федерации?⁵ Ряд авторов предлагают реформировать СК РФ посредством создания единого следственного аппарата под сенью Следственного комитета. В результате, считают они, повысится эффективность как руководства следственными органами, так и раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений, будут преодолены межведомственные барьеры, уменьшится число сокрытых преступлений⁶. При этом надо учитывать, что в Законе о Следственном комитете детально прописаны его структура; требования к следователям и руководителям следственных органов; порядок назначения на должность и освобождения от должности; определены их материальное и социальное обеспечение, поощрение и награждение; дисципли-

¹ Мацкевич И. Пломба на финансовой «прачечной». Задача дня: нам нужна специализированная служба по расследованию финансовых преступлений // Рос. газ. 2015. 28 янв.

² Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная наука в России в постсоветское время (1992–2012 гг.): периодизация, поэтапное состояние и ожидаемые направления развития // Оперативник (сыщик). 2013. № 3. С. 13.

³ Бастрыкин А. ...С конфискацией: «деловой завтрак»

⁴ При этом в докладе Председателя СК РФ подчеркивается, что не более 8 % налоговых преступлений раскрываются в результате проверок налоговых органов. Подавляющее же большинство преступлений (около 85 %) выявляются органами внутренних дел, уполномоченными проводить ОРД в рассматриваемой сфере.

⁵ Александров А. С. О современной уголовно-процессуальной политике // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 18–24.

⁶ Ямшанов Б., Васенин В. Непосредственная жизнь. Предложения от Бастрыкина – создать единый следственный комитет и ввести отчеты о расходах чиновников // Рос. газ. 2010. 7 сент.

нарная ответственность, компетенция руководителей. Организация и деятельность же следственного аппарата МВД регламентируются лишь указами Президента (к примеру, Указом от 23 ноября 1998 г. № 1422 «О мерах по совершенствованию организации предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации») и Положением об органах предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации. Организацию следственного аппарата ФСБ (Следственная служба) регламентируют только ведомственные акты (допустим, приказ начальника Следственного управления ФСБ РФ от 17 января 2008 г. «Об объеме процессуальных полномочий»). Также нужно иметь в виду, что следователи, служащие в различных ведомствах, обладают разными социальными и правовыми статусами¹. Более того, как справедливо подчеркивают некоторые авторы, различны процессуальные статусы и у руководителей следственных органов. Они устанавливаются приказами различных ведомств, хотя должны регламентироваться нормами УПК РФ или иными федеральными законами².

Очень популярным стало и предложение о восстановлении института следственных судей (судебных следователей), что кардинально изменит не только порядок производства предварительного следствия, но и саму систему уголовного судопроизводства. И хотя Президент России В. Путин рекомендовал Верховному Суду РФ до 15 марта 2015 г. лишь изучить вопрос о возможности введения этого института, многие известные ученые уже высказались за его введение³. Авторы концепции о введении в досудебное производство института следственного судьи предлагают наделить его следующими полномочиями: 1) контролирование законности и обоснованности возбуждения стороной обвинения уголовного преследования (уголовного дела) против конкретного лица либо отказа в его возбуждении, предъявления стороной обвинения первоначального обвинения (привлечения лица в качестве обвиняемого), приостановления предварительного расследования, предъявления окончательного обвинения, содержащегося в обвинительном заключении; 2) вынесение отказа в возбуждении уголовного преследования (дела), а также прекращение уголовного дела в случае недостаточности доказательств, приводимых стороной обвинения в обоснование указанных выше решений; 3) проведение по ходатайству сторон обвинения и защиты так называемых судебных следственных действий, в результате которых предварительно собранные сторонами сведения могут быть легализованы после их проверки следственным судьей в качестве судебных доказательств, т. е. таких, которые могут использоваться в судопроизводстве, в том числе самим следственным судьей при принятии им решений по делу, и допускаются в стадии судебного разбирательства. Сведения же, не прошедшие такую предварительную состязательную судебную проверку, не могут приниматься судом в качестве основы процессуальных решений по делу ни на предварительном следствии, ни на последующих стадиях, хотя могут быть представлены там сторонами для дальнейшего состязательного исследования и признания судебными доказательствами; 4) назначение на стадии расследования – в условиях судебного заседания с участием сторон – судебных экспертиз (по ходатайству сторон или в случае обязательного проведения экспертизы – по собственной инициативе); 5) рассмотрение жалоб о признании недопустимыми полученных сторонами доказательств и нарушении

¹ На это уже обращалось внимание в литературе. См.: Арутюнян Д. А. Актуальные вопросы модернизации органов предварительного следствия России // Рос. следователь. 2011. № 6

² Садиокова У. В. Процессуальный статус руководителя следственного органа // Законность. 2010. № 9. Но имеется и иная точка зрения (см.: Табаков С. А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 138)

³ Смирнов А. Докажите, ваша честь. Следственный судья – такая должность появится в уголовном процессе // Рос. газ. 2015. 13 янв.; Его же. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета // URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20141202/272697983.html; Его же. Институт следственных судей – конституционное требование? // Уголовное судопроизводство. 2015. № 2. С. 9–14; Петров И. Следствие поведут судьи. В России могут возродить институт следственных судей // Рос. газ. 2015. 20 янв.; Морщакова Т. Г. О компетенции и прядке формирования института следственных судей в Российской Федерации // URL: <http://genproc.gov.ru>.

разумного срока производства по делу; б) рассмотрение жалоб стороны защиты на ведение уголовного преследования при наличии вступившего в силу судебного акта, подтверждающего правомерный характер действий, совершенных подозреваемым (обвиняемым); 7) принятие (по ходатайству стороны обвинения) итогового для стадии предварительного расследования решения о передаче дела с обвинительным заключением в суд¹.

Данные положения уже подвергались критике в литературе².

Выступая против введения этого института, необходимо сказать, что единственная функция судебной власти – отправление правосудия, а включение суда в процесс предварительного следствия недопустимо³.

Дискуссии об оптимальности модели досудебного производства возникли из-за включения органов предварительного следствия в систему разных правоохранительных органов, в том числе в систему органов прокуратуры, на которые к тому же возложен надзор за их процессуальной деятельностью. Споры продолжаются и после отделения следственных органов от органов прокуратуры и включения их в систему самостоятельного государственного органа – Следственного комитета Российской Федерации. Для совершенствования досудебного производства разработаны разные концепции, предлагающие, например, отменить стадию возбуждения уголовного дела без восстановления полицейского дознания; начинать предварительное расследование сразу с момента поступления сообщения о преступлении; возложить предварительное следствие исключительно на судебный орган, «как в уголовном процессе зарубежных стран»; ввести институт следственного судьи с широкими полномочиями, включающими не только судебный контроль, но и формирование доказательств; лишить прокурора надзорных полномочий в досудебном производстве, в том числе на утверждение обвинительного заключения⁴.

Ряд ученых обоснованно считают, что СК РФ с самого начала был заражен бюрократизмом в наиболее острой форме: сначала создавались «штабы», потом набирался штат следователей (как говорится, с бору по сосенке). Высокая централизация в сочетании с невозможностью объективно оценить содержательную деятельность подчиненных и ее результат приводят к наращиванию бюрократического аппарата, поскольку за каждый вид деятельности должен кто-то отвечать и кто-то (т. е. все нижестоящие) – отчитываться. Так, в Следственном комитете РФ только 45 % сотрудников являются следователями, остальные – выполняют бюрократическую работу. Создание СК РФ, с точки зрения А. С. Александрова и М. Л. Позднякова, было непродуманным решением, которое завело в тупик реформу предварительного расследования и привело к разладу механизма публичного уголовного преследования в стране⁵.

На наш взгляд, науке еще предстоит определить условия возникновения и формирования отечественной концепции предварительного следствия; изучить причины и сущность реформирования института предварительного следствия на рубеже XIX–XX вв.; исследовать процессы становления и развития органов предварительного следствия в советский период;

¹ Морщакова Т. Г. Указ. соч.

² Амирбеков К. И. Следственный судья, следователь, дознаватель и прокурор в досудебном производстве современного уголовного процесса: статус и полномочия // Вестн. Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 4. С. 29.

³ Применительно к судебным следователям XIX в. обоснованно указывалось, что на судебного следователя возлагались не просто различные, но совершенно несовместимые функции, что делало практически невозможным соблюдение им судейской объективности (см.: Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов: в 2 т. / под ред. Л. В. Головки. М., 2014. Т. 2. С. 90). Думается, что аналогичная ситуация будет и с введением в современный процесс этой процессуальной фигуры (см.: Зинченко И. А., Фетищева Л. М. Следственный судья как участник уголовного досудебного производства // Вестн. Калининградского филиала Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2015. № 3. С. 41–44; Головки Л. В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 9–16).

⁴ Амирбеков К. И. Указ. соч.

⁵ Александров А. С., Поздняков М. Л. Каким не стать Следственному комитету России к 2017 году // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1

установить характеристики, тенденции структурирования органов предварительного следствия; проанализировать тенденции и факторы, детерминирующие реформирование и современное состояние органов предварительного следствия; определить перспективы и направления дальнейшего развития органов предварительного следствия; разработать предложения по совершенствованию правового регулирования организации следственного аппарата в механизме Российского государства¹. И только после этого приступить к разработке предложений по реорганизации следственного аппарата. По мнению некоторых авторов, в сфере правоприменения возникла необходимость выбора между тремя стратегическими альтернативными направлениями развития системы предварительного следствия. Первое – это преобразование Следственного комитета в единый следственный орган при одновременном упразднении всего «ведомственного» следствия. Второе – многополярное следствие, которое при наличии Следственного комитета как органа расследования общеуголовных преступлений предполагает не только сохранение существующих, но и создание новых узкоспециализированных следственных подразделений в структуре практически каждого органа исполнительной власти. Данное направление может включать и создание противовеса Следственному комитету в виде института судебных следователей, к компетенции которых будет отнесено расследование уголовных дел в отношении самих следователей и иных лиц особого правового статуса. Третье – перемещение центра тяжести с предварительного следствия на судебное. Его активно поддерживают представители прокуратуры: следственные подразделения из органов предварительного следствия должны перейти в органы полицейского расследования, которое будет заканчиваться выдвиганием обвинения прокурором в суде². Предполагается даже ликвидация Следственного комитета РФ³.

А.Г. Халиулин указывает, что практическая реализация идеи создания единого следственного аппарата путем объединения Следственного комитета Российской Федерации со следственными органами МВД России началась с внесения в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия». Но поскольку Закон не принят, вероятны различные варианты решений. Так, по отношению к следственным органам Министерства внутренних дел возможна лишь частичная передача их штатных сотрудников в Следственный комитет Российской Федерации вместе с отдельными категориями уголовных дел. В данном случае сохранились бы и Следственный департамент в структуре МВД России, и существующая в нем система территориальных и специализированных следственных органов. Каждая реорганизация, как правило, влечет за собой множество процессуальных (в том числе, связанных с передачей уголовных дел), организационно-штатных, кадровых, финансовых, материально-технических и иных проблем, решение которых требует значительного времени, сил и ресурсов. Закономерен вопрос: а стоит ли таких огромных затрат сил и средств разрушение существующей системы следственных органов, даже в одном из ведомств, где сегодня наибольшее количество следователей и дел, находящихся в производстве, ради пока достаточно умозрительной идеи объединения следственного аппарата в одном ведомстве? На наш взгляд, если все-таки будет принято окончательное решение о создании единого следственного аппарата на базе Следственного комитета Российской Федерации, то должны быть структурно сохранены существующие следственные подразделения органов внутренних дел (в виде следственных управлений, отделов, отделений в структуре объединенных следственных органов). Необходимо не потерять и специализацию следователей МВД России, особенно по расследованию преступлений в сфере экономической деятельно-

¹ Бозоян А. О. Состояние и тенденции развития следственных органов в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 8.

² Цветков Ю. А. Стратегия развития следственных органов // Рос. следователь. 2013. № 10. С. 18–22.

³ Александров А. С., Поздняков М. Л. Путь институциональной реформы предварительного расследования // Вестн. Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1. С. 78–82.

сти, пожаров, нарушений Правил дорожного движения, преступлений против собственности и др. Таким образом можно будет минимизировать неблагоприятные последствия масштабной реорганизации, в том числе избежать оттока значительной части офицерского состава. Другой вопрос, который иногда возникает в связи с реорганизацией следственного аппарата, – вопрос о создании в его структуре собственных оперативных подразделений (для обеспечения собственной безопасности либо производства оперативно-розыскных мероприятий по поручению следователей). Мы не приемлем создания (в любом виде) оперативных подразделений в структуре следственного органа в силу непроцессуальной природы ОРД, а также особенностей производства оперативно-розыскных мероприятий и порядка документирования их результатов. Как известно, оперативно-розыскная деятельность относится к особому виду государственной деятельности, и при ее осуществлении решаются определенные Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» задачи. Правда, они не всегда связаны с процессуальной деятельностью следователей по расследованию конкретных преступлений. Поэтому было бы вряд ли оправданным формирование в структуре следственных органов подразделений, решающих задачи, не связанные с предварительным следствием. Кроме того, стоило бы вспомнить негативный опыт создания таких оперативных подразделений в структуре Государственного следственного комитета Республики Казахстан, упраздненного в 1997 г. указом Президента Казахстана. Оперативные подразделения выполняли поручения следователей, поскольку существующие оперативные службы МВД и КНБ Казахстана, по мнению руководства Следственного комитета, не справлялись с ними. В результате новые оперативные подразделения Следственного комитета оказались без информации, так как оперативные подразделения МВД и КНБ делиться ею отказались. Из-за многочисленных жалоб, поступавших главе государства, было принято решение об упразднении Государственного следственного комитета Республики Казахстан¹.

Вместе с тем, на наш взгляд, обеспечению взаимодействия следственных органов и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, способствовало бы наделение следователя правом знакомиться с материалами, касающимися производства оперативно-розыскных мероприятий. Подобное право предоставлялось следователям органов МВД СССР ведомственными нормативными актами, действовавшими до начала 90-х гг. прошлого века².

Идея объединения всего расследования под одним крылом не нова: впервые ее предложил в 2003 г. работавший тогда заместителем руководителя Администрации Президента Д. Козак. В 2007 г. (после создания СК при Генеральной прокуратуре РФ) она появилась вновь, но против выступили главы ФСБ и МВД. В 2014 г. снова заговорили об Объединенном следственном комитете. Его создание поддержал Совет Безопасности России, однако вскоре предложил отсрочить появление новой силовой структуры до 2017 г. из-за отсутствия в казне необходимых средств. По подсчетам авторов законопроекта, создание Объединенного следственного комитета обойдется бюджету почти в 100 млрд руб³.

Как считал в 2010 г. советник Конституционного Суда РФ А. В. Смирнов, позднее изменивший свою точку зрения в пользу института следственного судьи, создание единого следственного ведомства могло бы сослужить добрую службу российскому правосудию при условии, что на его следователей будут распространены гарантии независимости судей, а сама выполняемая ими функция станет судебной⁴. Правда, непонятно, как эти гарантии будут влиять на качество предварительного следствия.

¹ Халиулин А. Г. Проблемы реорганизации предварительного следствия // Рос. следователь. 2013. № 21.

² Халиулин А. Г. Указ. соч.

³ Объединенный следственный комитет появится уже осенью // Известия. 2014. 4 июля.

⁴ Смирнов А.В. К вопросу о продолжении в России судебной реформы // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики: сб. ст. М., 2010. С. 103. Против создания единого следственного органа выступили А. С. Александров и С. В. Власова (см.: Александров А. С., Власова С. В. Правовое положение прокурора в досудебном производстве по уголовному делу // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 66) и ряд других ученых.

С. А. Шейфер¹ отмечал, что учеными и практиками высказано немало предложений о возможных направлениях реформирования следствия. Каждое из них, как представляется, имеет достоинства и недостатки. Многовековой опыт показывает, что следственная деятельность по своим целям и методам изначально не может быть безупречной: она всегда и везде оставляет повод для критики, основания для которой заложены в самом ее существовании – стремлении раскрыть преступление и удержаться в разумных рамках применения принуждения и ограничения прав. И все же два аспекта преобразований, по нашему мнению, актуальны и заслуживают первоочередного внимания.

1. Совершенствование предварительного следствия возможно без его кардинальной ломки. Одни ученые предлагают исключить следователей из числа участников процесса на стороне обвинения и ограничить их деятельность исследовательской функцией, другие считают, что надо, сохранив статус следователя как участника процесса на стороне обвинения, дополнить его обязанностью всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства предмета доказывания. В последнем предложении налицо внутренняя несогласованность функций следователя, которая может быть в какой-то мере сглажена включением в его полномочия «сдержек и противовесов», исключающих крайние проявления следственной власти.

2. Совершенствование предварительного следствия требует более глубоких преобразований.

По мнению С.А. Шейфера, предварительному следствию целесообразно придать характер предварительного судебного исследования и возложить эту функцию на судебного следователя, который в результате станет, как и в прежние времена, носителем следственно-судебной власти, в значительной мере отделенной от уголовного преследования. Готовы ли общество и государство принять полностью или частично такие предложения, пока неясно. Несомненно одно: совершенствование предварительного следствия необходимо. Но если идее создания единого следственного комитета, объединяющего деятельность следователей всех ведомств, суждено осуществиться, то нужно предварительно решить вопрос о том, кем – или исследователем, или преследователем, или тем и другим одновременно – окажется следователь в новой структуре².

Указанная проблема организации следственного аппарата в России может быть разрешена только после всестороннего исследования всех ее аспектов.

¹ Шейфер С.А. Следственная власть: история и современность // Уголовная юстиция: связь времен: избр. материалы Междунар. науч. конф. / сост. А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. М., 2012. С. 116–119.

² Шейфер С. А. Указ.соч.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Маматкулов А.А., соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин Российско-Таджикского (славянского) университета

Одним из социальных ожиданий общества от уголовного процесса является защита, восстановление прав потерпевшего. Именно поэтому в ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса РТ сказано, что задачами уголовно-процессуального судопроизводства является, в том числе и защита прав законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Известно, что понятие «потерпевший» не равнозначно понятиям «жертва» или «пострадавший от преступления», уголовно-процессуальное наполнение этого понятия закреплено в ст. 42 УПК РТ: потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда.

Несмотря на очевидную важность фигуры потерпевшего для процесса в целом, фактически законом сегодня у нас защищаются права двух сторон: общества и государства с одной стороны и обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) – с другой. Частично это связано с тем, что таджикский уголовный процесс имеет публичное начало, и все же существующее положение не способствует реализации тех самых ожиданий о защите прав пострадавших от преступления. Права потерпевшего всегда отодвигаются на второй план, словно обеспечение прав, например, обвиняемого дело куда более важное, чем гарантии и защита прав потерпевшего. Законодатель будто отделил интерес потерпевшего от собственно уголовного процесса возможностью заявлять гражданский иск, при этом в уголовном судопроизводстве мнение потерпевшего, его социальные потребности и желания учитываются по минимуму.

Однако потерпевший, так же как и иные участники процесса, имеет право на справедливое судебное разбирательство, право на защиту своих прав и интересов, право на доступ к правосудию. Значит, должна быть предоставлена и возможность их полноценно реализовать.

Часть перечисленных в ст. 42 УПК РТ прав – это некий стандартный набор, которым обладают и многие другие участники уголовного процесса (например, гражданский истец, гражданский ответчик или свидетель): давать показания, отказаться свидетельствовать против самого себя и близких родственников, заявлять ходатайства и отводы, давать показания на родном языке, пользоваться помощью переводчика бесплатно. Здесь мы останавливаться не будем, нас интересуют особые права, посредством реализации которых потерпевший и сможет достичь своей главной цели – получить судебную защиту, справедливое судебное разбирательство, компенсацию ущерба.

Профессор В.П. Божьев обращал внимание на то, что «декларируя, что назначение уголовного судопроизводства прежде всего состоит в защите пострадавших от преступлений, законодатель в действительности на первое место поставил защиту интересов обвиняемого (подозреваемого). По-видимому, назрела необходимость ликвидировать сложившийся дисбаланс в обеспечении прав этих субъектов, обеспечив не только обвиняемому, но и потерпевшему надлежащее юридическое обеспечение защиты его интересов по схеме, установленной в интересах подозреваемых и обвиняемых (подсудимых)» [1]. Действительно, если сравнить права потерпевшего и подозреваемого обвиняемого, предоставленные им уголовно-процессуальным законом, то мы увидим некоторую разницу, но во многом разница эта не в сумме или перечне прав, а в возможности и эффективности их реализации. Примечательно, что объем прав подозреваемого увеличивается с движением дела по стадиям (и с изменением

его собственного процессуального статуса на обвиняемого или подсудимого), а у потерпевшего ничего подобного не происходит.

Профессор З.Х. Искандаров подметил интересную тенденцию: «возникает парадоксальная ситуация: назначением уголовного судопроизводства является защита прав потерпевших, однако именно на потерпевшего в связи с участием в уголовном процессе распространяется самое большое количество видов уголовной ответственности» [2]. А ведь потерпевший ожидает не только справедливого судебного разбирательства, но и эффективного расследования преступления, т.е. расследования быстрого, полного и всестороннего. Не зря, наверное, в последние годы все чаще в научной литературе встречается мнение, что государство должно предоставлять потерпевшему право воспользоваться бесплатной юридической помощью. Об этом пишут В. М. Быков [3]. Он предлагает законодателю ввести в ст. 51 УПК РФ нормы, в соответствии с которыми адвокаты – представители потерпевшего должны будут обязательно привлекаться к участию в уголовном деле на стороне потерпевшего в определенных случаях и при этом все расходы на адвоката – представителя потерпевшего в этих случаях государство должно взять на себя.

Согласно ч.2 ст. 42 УПК РТ потерпевший вправе знать о предъявленном обвиняемому обвинении. И несмотря на имеющиеся толкования этого пункта закона, например в определении Конституционного Суда РТ от 16.11.2006 № 439-0 «По жалобе гражданки Исмоиловой Шахзоды Иномовной ... » или в определении Конституционного Суда РТ от 11.07.2006 № 254-0 «По жалобе гражданина Каримова Иноята Джаборовича ...», обсуждения практического применения этой нормы не исчезли по сей день.

Так, А. Ф. Облаков и А. А. Облаков пишут, что «подобная формулировка не дает четкого представления об объеме и способе реализации данного права. Неясно, что в данном случае имел в виду законодатель: потерпевший имеет право знать о факте предъявления обвиняемому обвинения, или знакомиться с его содержанием, или получать копию соответствующего постановления? Отсутствие четко установленного объема прав в данном случае порождает различную правоприменительную практику, что затрудняет реализацию потерпевшим функции уголовного преследования» [4].

Вероятно, простая корректировка нормы, ее уточнение могли бы снять подобные вопросы и направить правоприменительную практику в единое русло. Это очень характерная ситуация, которая повторяется со многими правами потерпевшего, право само по себе есть, но механизм его реализации или отсутствует, или не описан достаточно четко и понятно. В качестве иллюстрации этой тенденции можно посмотреть на п. 10-11 ч. 2 ст. 42 УПК РТ, который наделяет потерпевшего правом судебного обжалования и практика применения его норм на досудебных стадиях уголовного процесса участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя. Ключевые слова здесь – «с разрешения следователя или дознавателя». То есть проводится некое следственное действие по инициативе потерпевшего, очевидно, что он заинтересован в его результате, следователь согласился с необходимостью его провести, но вот участвовать в производстве такого следственного действия потерпевший может только с разрешения. И вот опять та же ситуация – право у потерпевшего есть, а корреспондирующей обязанности (в данном случае – пригласить его на проведение следственного действия) ни у кого нет.

В своей монографии Н. Г. Стойко и М. Е. Танцеров еще в 2003 году писали, что на практике отчетливо прослеживается отсутствие интереса органов уголовного преследования в самостоятельности этого участника процесса, а значит, и формальное отношение к его правам. В конечном счете это приводит к прямому игнорированию процессуальных прав потерпевшего путем ненадлежащего исполнения или даже неисполнения своих обязанностей [5]. И сегодня, по прошествии 15 лет, смены Процессуального кодекса и внесения в него множества поправок, эти выводы все еще не потеряли своей актуальности.

В пункте 1 ч. 2 ст. 42 УПК РТ говорится о праве потерпевшего представлять доказательства. Однако ведь на самом деле у него такого права нет и быть в современной действи-

тельности не может. Так, на досудебном этапе потерпевший может лишь представлять следователю или дознавателю (а на этапе судебного разбирательства – суду) документы или предметы для приобщения их к делу в качестве доказательств. Сходным правом обладает, например, и адвокат-защитник. Конечно, самостоятельно собирать доказательства потерпевший не может, это абсолютно не согласуется ни с самим понятием доказательства, ни с закрепленными в законе способами собирания доказательств.

В УПК РТ прямо указано, что потерпевший и его представитель вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Очевидно, формулировка п. 1 ч. 2 ст. 42 должна быть скорректирована.

Сегодня, согласно ч. 10 ст. 279 УПК РТ, если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части. Как мы видим, мнение потерпевшего не выясняется и ни на что не влияет. Не означает ли это, по сути, ущемление права потерпевшего на доступ к правосудию? Все чаще об этом говорят и другие процессуалисты.

Например: М. В. Лапатников пишет, что «наделение потерпевшего правом обжалования решения суда о прекращении суда ввиду отказа обвинителя от обвинения является как минимум недостаточной гарантией справедливого участия потерпевшего в отправлении правосудия. Прежде всего в силу присущей отечественному уголовному судопроизводству громоздкости, бюрократичности. Не придает веса этой гарантии большая загруженность судей, имеющая место ориентированность некоторых представителей судебной власти на позицию стороны обвинения» [6]. Мы согласны с такими выводами и полагаем, что реализация субсидиарного обвинения могла бы снять эти явные противоречия.

Список использованной литературы:

1. Божьев В. П. Участие потерпевшего на предварительном следствии // Российский следователь. – 2010. – № 15. – 90 с.
2. Искандаров, З. Х. Уголовный процесс способ защиты прав человека Вестник Таджикского национального университета. – 2008. – № 3 (46). – 200с.
3. Быков В. М. Право потерпевшего в уголовном судопроизводстве России // Российская юстиция. – 2015. – № 7. – 150с.
4. Облаков А. Ф., Облаков А. А. Развитие института судебного обжалования и практика применения его норм на досудебных стадиях уголовного процесса // Юридический мир. – 2014. – № 8. – 350с.
5. Танцеров М. Е., Стойко Н. Г. Потерпевший и его функция в уголовном процессе Российской Федерации: монография. – 2003. – 250с.
6. Лапатников М. В. Перспективы субсидиарного обвинения в российском уголовном процессе // Российская юстиция. – 2014. – №2. – 70с.

МАВҚЕИ ҲУҚУҚИИ ШАХСИ ХОЛИС ДАР КОДЕКСИ МУРОФИАВИИ ЧИНОЯТИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

*Муллобоев М.Р., сардори кафедраи ҳуқуқи
маъмурӣ ва фаъолияти маъмурии факултети
№4-и Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон,
полковники милитсия*

*Юнусова М.Т., омӯзгори калони кафедраи
фанҳои ҷамъиятии факултети №4 Академияи
ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, подполковники ми-
литсия*

Дар мақолаи мазкур сухан дар бораи иштирокчиёни мурофиаи судии чиноятӣ рафта – шахсони холис, оид ба вазъи ҳуқуқ ва ўҳдадорихои онҳо, иштироки онҳо дар амалҳои тафтишӣ, дар кадом мавридҳо онҳо ба ҷавобгарии чиноятӣ кашида хоҳанд шуд, муаммоҳо оид ба иштирок дар амалҳои мурофиаӣ, ки дар Кодекси мурофиавии чиноятӣ пешбинӣ нашудааст ва ҳалли он дар амалия, навигарӣ оид ба шахси холис, ки ба КМЧ ҚТ ворид шудааст, мавриди баҳрабардорӣ қарор гирифтааст.

Яке аз масъалаҳои мурофиаи судии чиноятӣ, муайян намудани доираи иштирокчиёни мурофиаи судии чиноятӣ мебошад. Дар Кодекси мурофиавии чиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун иштирокчии мурофиа шахси холис (м. 60) пешбинӣ шудааст. Бояд ба он равшанӣ андохт, ки истилоҳи «холис» аслан вожаи арабӣ буда, ҳамчун «соф», «сара», «пок», «беғаш», «танҳо» «фақат» ва ба маънои маҷозииш, чун «беғараз» ва «самимона» шарҳ дода мешавад [1].

Дар Кодекси протсессуалии чиноятӣ РСС Тоҷикистон (с.1961) (моддаи 131) мафҳуми шахси холис ҳамчун «одами холис» ва дар шакли ҷамъ «одамони холис» оварда шуда буд ва аз мазмуни он мавқеи ҳуқуқии шахси холис бармеомад.

Дар моддаи 131 Кодекси протсессуалии чиноятӣ РСС Тоҷикистон номгӯи ҳаракатҳои тафтишотӣ: азназаргузаронӣ, кофтуков, бароварда гирифтани, шаҳодаткунонӣ, инчунин дигар ҳаракатҳои тафтишӣ оварда шудааст, ки хангоми гузаронидани онҳо бояд одамони холис даъват карда шаванд. Шумораи одамони холис бояд на кам аз ду нафар бошад. Дар ин ҷо ҳуқуқ ва вазифаҳои онҳо ба таври маҳдуд зикр гардида буд. Кодекси мазкур мафҳуми шахсони холисро ба таври пурра дарбар нагирифтааст, вале аз мазмуни қисми дуюми ин модда онро муайян кардан мумкин буд: «Ба сифати одамони холис ҳар кадом гражданиро, ки дар ҳамин қор манфиатдор намебошад, даъват кардан мумкин аст» [2].

Ин модда такмили худро талаб мекард. Дар моддаи 60 Кодекси мурофиавии чиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки 3 декабри соли 2009 қабул гардида, аз 1 апрели соли 2010 амал мекунад, мафҳуми «шахси холис» дуруст маънидод карда шудааст, яъне «шахси холис шахсест, ки ба ҳалли парвандаи чиноятӣ манфиатдор нест ва барои иштирок дар амали тафтишӣ ё дигар амали мурофиаӣ барои тасдиқи далели пешбурди он, мазмун, ҷараён ва натиҷаи он аз ҷониби таҳқиқбаранда, муфаттиш, прокурор ва суд, судья даъват шудааст» [3]. Навоварӣ дар Кодекси амалкунанда оид ба шахси холис, ин овардани мафҳуми «шахси холис» бо муайян кардани таъйиноти симои мурофиавии вай мебошад. Истилоҳи «шахси холис» чун иштирокчии дигари мурофиавии судӣ - чиноятӣ дар Кодекси нави амалкунанда дар 22 модда, ҷамъ 40 маротиба истифода бурда шудааст.

Бояд қайд намуд, ки дар Кодекси мурофиавии чиноятӣ амалкунанда кадом нафарон ба шахси холис ҷалб карда намешавад пешбинӣ гардидааст: ноболиғон, шахсони номукалаф, иштирокчиёни мурофиаи судӣ ва хешовандони онҳо, қормандони

мақомоти ҳифзи ҳуқуқ, ки дорои ваколатҳои гузаронидани амалҳои оперативӣ-чустуҷӯӣ ва таҳқиқу тафтиши пешакӣ мебошанд.

Аммо доираи амалҳои тафтишӣ, ки дар онҳо шахсони ҳолис бояд иштирок намојанд, оварда нашудааст. Вале аз мазмуни Кодекси амалкунанда бармеояд, ки онҳо дар чунин амалҳои тафтишӣ иштирок намојанд: азназаргузаронии ҷои ҳодиса, маҳал, бино, асбобу анҷом, ҳуҷҷатҳо, азназаргузаронии ҷасади мурда, аз ҷойи дафн берун овардани ҷасад, озмоиши тафтишӣ, кофтуков, дарёфт карда гирифтани, кофтукови шахсӣ, нишон додан барои шинохтан, санҷиши нишондод дар ҷойи ҳодиса, гирифтани намунаҳо барои таҳқиқоти муқоисавӣ ва ғайра.

Дар дигар амалҳои мурофиавӣ, ба монанди: маҷбуран овардан, татбиқи ҷораи пешгирӣ, муваққатан дур кардан аз вазифа ва ғайраҳо иштироқи шахси ҳолис талаб карда намешавад.

Тибқи қисми 4-уми моддаи 60-и Кодекси мазкур ҳуқуқу ўҳдадорихои шахсони ҳолис муайян карда шудаанд: «Шахси ҳолис ҳуқуқ дорад дар пешбурди амали тафтишӣ иштирок кунад, инчунин ў ҳуқуқ дорад, ки оид ба пешбурди амали тафтишӣ мулоҳизаҳои баён кунад, ба он эрод гирад ва ин мулоҳизаву эродҳо бояд дар протокол сабт шаванд, бо протоколи тафтиш, ки дар он иштирок кардааст, шинос шавад, аз амали таҳқиқбаранда, муфаттиш ва прокурор шикоят кунад».

Ба ғайр аз он дар қисми 5 ҳамин модда ўҳдадорихои шахси ҳолис пешбинӣ шудааст, аз ҷумла: бо даъвати таҳқиқбаранда, муфаттиш, прокурор ва суд, судья ҳозир шавад, дар пешбурди амали тафтишӣ иштирок кунад, далели пешбурди ин амал, ҷараён ва натиҷаҳои онро дар протоколи тафтиш бо имзо тасдиқ намојад, маълумоти маводи тафтишро фош накунад, ҳангоми пешбурди амали тафтишӣ тартиботро риоя кунад.

Аз назари мо, ин муқаррароти қисми 4 ва 5 таҳлил ва тақмили ҳудро меҳаҳад. Зеро иштирок дар пешбурди амали тафтишӣ на ҳуқуқ, балки ўҳдадорихои шахси ҳолис мебошад. Вай ўҳдадорихои ҳудро ҷиҳати иштирок кардан дар амали тафтишӣ иҷро карда истода, ҳуқуқ дорад мулоҳизаву эродҳои баён оид ба амали тафтишӣ баён намојад.

Дар моддаи 138 Кодекси мурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд КМҶ ҚТ) муқаррар шудааст, ки ба шахси ҳолис барои пардохти хароҷоташон ҳангоми ҳозир шудан ба маҳалли гузаронидани амали мурофиавӣ ва бозгашт, барои иҷораи манзил, инчунин масрафи шабонарӯзии зист маблағ пардохта мешавад. Аммо оид ба ин ягон хел ҳавасмандкунии дигари моддӣ, яъне подош барои дар иштироқи шахси ҳолис, ки соатҳо дар вазъияти барои ў нофориам вақти қиммати ҳудро гум мекунад, пешбинӣ нашудааст[3].

Дар моддаи 101-и Кодекси протсессуалии ҷиноятии РСС Тоҷикистон (с. 1961) пардохти подошро ба шахсони ҳолис барои «аз машғулияти муқаррарии худ монданашон» пешбинӣ карда буд [2]. Мо бояд фаҳмед, ки шахси ҳолис агар ҳавасмандии моддӣ надошта бошад, бо ҷораҳои дар қонун пешбинишуда ўро барои иштирок дар амалҳои тафтишӣ ҷалб кардан мушкул аст. Масалан: дар моддаи 131 Кодекси мурофиавии ҷиноятии Федератсияи Русия барои иштироқи ҳолисон подоши пулӣ пешбинӣ шудааст [4].

Навигарии дигаре, ки дар моддаи 183 КМҶ ҚТ пешбинӣ шудааст, ин дар ҳолатҳои истисно (дар маҳалҳои душворгузар, ҳангоми мавҷуд набудани воситаҳои дахлдори иттилоот, инчунин дар ҳолатҳое, ки азназаргузаронӣ барои ҳаёт ва саломатии одамон ҳавфнок бошад) азназаргузаронӣ бидуни шахсони ҳолис анҷом дода мешавад. Аммо, ба андешаи мо ин мафҳум тақмилро меҳаҳад. Қонунгузор дар ин модда фақат манфиатҳои шахси ҳолисро дар назар дошта, оид ба ҳаёт ва саломатии кормандони мақомоти таҳқиқ, тафтиш ва умуман шахсоне, ки ба пешбурди парвандаи ҷиноятӣ масъуланд, сарфи назар кардааст. Аз ин рӯ, пешниҳод карда мешавад, ки мафҳуми мазкур бо ворид намудани калимаҳои зайл «дар ҳолатҳои истисно дар маҳалҳои душворгузар, ҳангоми мавҷуд набудани воситаҳои дахлдори иттилоот, инчунин дар ҳолатҳое, ки азназаргузаронӣ барои ҳаёт ва саломатии одамон дар ҳақиқат ҳавфнок бошад ва барои

гузаронидани ин ҳаракати мурофиавӣ вобаста ба категорияи ҷиноят зарурат набошад, бидуни азназаргузаронӣ анҷом дода шавад» пурра карда шавад.

Шахсони холис, бешубҳа намояндагони ҷамъият мебошанд, ки дар як вақт назорати ҷамъиятиро аз болои қонунӣ гузаронидани амалҳои муайяни тафтишӣ ба анҷом мерасонанд. Зарурати иштироки шахсони холисро дар амалҳои муайяни тафтишӣ, алалхусус дар санҷиши нишондод дар ҷои ҳодиса, ёфта гирифтани, кофтуков, нишондиҳии ашё барои шинохтан ва ғайра амалияи тафтишотӣ борҳо исбот намудааст. Бинобар он иштироки шахсони холис дар амалҳои тафтишӣ масъулияти муфаттишонро баланд бардошта, шахси холис метавонад диққати муфаттишро ба ҳолатҳои ҷалб намояд, ки аз назари мавсуф пинҳон мондааст.

Рӯйхати адабиёти истифодашуда:

1. Фарҳанги забони тоҷикӣ. - Москва, 1969, ҷилди 2.
2. Кодекси протсессуалии ҷиноятии РСС Тоҷикистон. - Душанбе, 1961.
3. Кодекси мурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон. - Душанбе, Ирфон, 2010, с. 261.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по состоянию на 15.12.2009 г.-М.: - Эксмо, 2009.- с. 416.
5. Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под ред. Божьева В.П. 3- издание испр. и доп.- М.: Спарк, 2002.- с.701.
6. Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе.- Матн, 2011.
7. Раҳматҷонов А., Оқилова М. Мурофиаи ҷиноятӣ. Курси лексия. – Хучанд, Хурсон, 2008.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Мухитдинов А.А., доцент кафедры судебного права и прокурорского надзора Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики, к.ю.н.

Изучение особенностей исторических аспектов становления, развития и функционирования органов предварительного следствия Республики Таджикистан обосновывается необходимостью понимания сущности и значения деятельности следственного аппарата. Исследование исторических аспектов развития законодательства о расследовании преступлений в Республике Таджикистан имеет не только историко-теоретическое, но и, на наш взгляд, большое практическое значение, поскольку полученные результаты могут быть использованы при разрешении многих проблем современности.

В связи с чем, следует согласиться с мнением Д.А. Керимова, который, в частности, отмечает, что: «Вне исторического контекста, связывающего явления и процессы современности с теми явлениями и процессами, которые были их предшественниками, равно как и с теми, которые на их основе возникнут в более или менее отдаленной перспективе, невозможно познать саму эту современность»¹.

Как справедливо отмечает Р.Н. Мамошина, за весь период своего существования должность следователя и следственный аппарат в целом прошли большой и трудный путь различных реформаций: от слома, зарождения и формирования в различных системах².

Уголовно-процессуальная наука в Республике Таджикистан формировалась под значительным влиянием законодательства бывшей Российской империи, Туркестанского края, а также СССР и РСФСР. Исходя из этого, следует отметить, что изучение истории возникновения и развития уголовного процесса в Средней Азии, в частности в Республике Таджикистан, открывает новые возможности для исследования задач уголовного процесса на определённом этапе развития общества. На основе достоверных фактов может быть определена цель и необходимость изменений в уголовном процессе, значение новых институтов и норм; результаты судебно-правовых реформ; место и роль уголовного процесса в правовом регулировании общественных отношений³.

Следует отметить, что в законодательствах государств Центральной Азии, до завоевания их Россией, и в частности Туркестанского края этап предварительного расследования преступлений отсутствовал. На территориях этих государств действовал казийский суд, который признавал три вида доказательств: признание, свидетельские показания и присягу. В редких случаях доказательственное значение приобретали документы и вещественные доказательства как вспомогательные по отношению к показаниям свидетелей. Сила того или иного доказательства была определена в источниках шариата. При допросе применялись пытки, что свидетельствует о карательной форме процесса, главенствовавшей в законах стран Центральной Азии долгие годы.

До присоединения Туркестана к России на его территории существовали два независимых друг от друга ханства: Хивинское и Кокандское, и Бухарский эмират, производство по

¹ Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. – М.: Политиздат, 1986. – С. 322.

² Мамошина Р.Н. Правовые и организационные аспекты положения следователя органов внутренних дел по новому уголовно-процессуальному законодательству: дисс.... канд. юрид. наук. – Хабаровск, 2003. – С. 17.

³ Мухитдинов А.А. Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (по материалам Республики Таджикистан): дисс.... канд. юрид. наук. – Ташкент: ТГЮИ, 2009. – С. 13.

уголовным делам и правосудие на территории которых осуществлялись на основе правовых норм шариата.

Характерная особенность правосудия в них состояла в том, что оно основывалось на не научном, а на религиозном учении. Однако нельзя полагать, что судебная власть полностью находилась в руках духовенства. Верховная судебная власть принадлежала абсолютным монархам – хану и эмиру, которые действовали по своему усмотрению и никакими правилами судопроизводства фактически связаны не были. Они назначали кази-калона (высшего судью), давали согласие на назначение местных кази. Эти вершители «правосудия» назначались пожизненно, но могли быть смещены в любое время. При казиях состояли муфтии (подобно юристконсультанту) и аьлам (старший муфтий), составлявшие ривояты (заключения) о возможном содержании решения, принимаемого в тех или иных ситуациях. Среди кочевого населения действовали суды биев (старейшин), рассматривавшие заявления о преступлениях по правилам обычая, и маслихат-аксакалы (советы старших), как правило, примирявшие стороны, определяя выкуп за содеянное в пользу потерпевшего.

Наряду с казиями правосудие в городах осуществляли ишан-раисы (главные наставники Бухары и Хивы) или мухтасиб (главный наставник Коканда), а также раисы (наставники других городов), которые непосредственно наказывали даррой (кожаной плетью) и налагали штрафы за несоблюдение обрядов, неуплату долга, нарушение порядка на улицах, площадях, базарах и т.п. преступления иностранцев, а равно преступления в отношении их были подведомственны кушбеги (помощнику эмира). Необходимо сказать и о кази-аскариях, рассматривавших дела о преступлениях военнослужащих и чиновников. На местах разбором преступлений часто занимались и сами хокимы, беки (правители), амлякдоры (управляющие феодальной собственностью) и вообще крупные баи, как это было присуще феодальному укладу жизни.

После присоединения Туркестана к России некоторые правовые нормы шариата, существовавшие до этого периода, подверглись пересмотру и отмене. Так, например, включенные в практику казийских и бийских судов наказания в виде смертной казни путем зарывания живыми в землю и забрасывания камнями, сбрасывание осужденных с высоких минаретов (башен) были отменены. Также подверглись отмене такие виды наказания, как отсечение пальцев рук и ног с последующим опусканием конечностей в кипящее масло, битье даррой (особой плетью), отсечение ушей, носа, выкалывание глаз и т.д.

Царское правительство на территории бывшего Кокандского ханства и части земель Хивинского ханства и Бухарского эмирата внесло ряд прогрессивных изменений в устройство казийских судов и самого судопроизводства. **Первым** актом царского правительства в этом направлении явилось Временное положение об управлении Туркестанской областью от 6 августа 1865 г., согласно которому казийские и бийские суды назначались военным губернатором, который и утверждал приговоры этих судов. **Второй** законодательный акт царского правительства – Проект положения об управлении Сырдарьинской и Семиреченской областями 1867 г. – установил выборность казиев и биев, назвав их «народными», с последующим утверждением избранных военным губернатором

Последующим правовым актом царского правительства было Положение об управлении Туркестанским краем 1886 г., ограничивавшее применяемые казийскими и бийскими судами меры наказания пределами заключения под стражу сроком не свыше одного-полутора лет и денежными взысканиями до 300 руб. Оно предусматривало возможность обжалования их приговоров уездному начальнику, имевшему право приостановить исполнение приговора и созвать для разрешения жалобы съезд уездных «народных» судей, который, в сущности, был фикцией. Формально существовала возможность обжалования решений уездных судей в Чрезвычайный «областной» съезд судей, но он фактически не созывался.

Кази и бии выполняли и роль следователей. Жалобы на приговоры и решения кази и биев приносились в двухдневный срок со дня объявления приговора или решения уездному начальнику для представления в съезд народных судей, а во время заседания съезда - непосредственно съезду.

Как отмечает Х.С. Сулаймонова, суд происходил гласно и публично, все производство сводилось к спору сторон, которые в большинстве случаев сами и решали этот спор, соглашаясь принять присягу или отказываясь от нее. Протокол судебного заседания велся очень кратко. По окончании разбора все удалялись из камеры; судья диктовал мирзе (писцу) приговор или решение, которое записывалось в особую книжку. Затем стороны вызывались в камеру и им под расписку объявлялся приговор или решение. Местом для судебных заседаний обычно служил собственный дом судьи, хотя в отдельных случаях судьи устраивали заседания и на базарных площадях.

Генерал-губернатор Туркестанского края циркуляром от 3 ноября 1878 г. самовольно присвоил себе функции верховного кассационного судьи; он по своему усмотрению изменял подсудность дел, прекращал уголовные дела, отменял окончательные решения народных судов и их съездов с передачей на новое рассмотрение в другой съезд или с вынесением нового решения; его канцелярия назначала состав суда для вторичного рассмотрения дела¹.

Также генерал-губернатор мог выслать «вредных по политической неблагонадежности туземцев» в отдаленные местности империи сроком на 5 лет и предать их военному суду «за тяжкие преступления», как например за сопротивление власти и др.

В 1886 г. было утверждено новое Положение об управлении Туркестанским краем, на основании которого действовали две судебные системы: одна - согласно общероссийским законам, другая – по шарияту и адату (обычаю).

Свершившаяся социалистическая революция 1917 года в России охватила и территорию Туркестанского края. 15-22 ноября 1917 года Третий краевой съезд Советов Туркестана, состоявшийся в Ташкенте, провозгласил советскую власть в Туркестанском крае и образовал правительство края – Совет Народных Комиссаров, и для управления отдельными отраслями государственной жизни – 15 народных комиссариатов. В апреле 1918 года Пятый съезд Советов края провозгласил образование Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики в составе РСФСР

Внесенные изменения существенно не меняли ни характера следствия, ни судебного разбирательства. Они продолжали оставаться не - прогрессивными вплоть до упразднения института судебных следователей, произведенного декретом о суде, принятым СНК РСФСР 24 ноября 1917 г.

Свершившаяся социалистическая революция 1917 года в России охватила и территорию Туркестанского края. 15-22 ноября 1917 года Третий краевой съезд Советов Туркестана, состоявшийся в Ташкенте, провозгласил советскую власть в Туркестанском крае и образовал правительство края – Совет Народных Комиссаров, и для управления отдельными отраслями государственной жизни – 15 народных комиссариатов. В апреле 1918 года Пятый съезд Советов края провозгласил образование Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики в составе РСФСР.

9 сентября 1918 г. приказом ЦИК ТАССР была учреждена Чрезвычайная следственная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и мародерством². 10 сентября 1918 г. утверждается Положение о ЧСК, предоставившее ей широкие полномочия и право применения самых решительных мер в борьбе с врагами революции. К концу 1920 г. ЧСК создаются во всех районах Туркестанской АССР.

29 января 1918 г. приказом СНК Туркестанского края в Туркестане были образованы органы милиции³. Для руководства работой по организации и созданию новой милиции 30 января 1918 года был создан «Отдел управления инспектора милиции в городах и уездах Туркестанского края»⁴.

¹ См.: Сулаймонова Х.С. Указ. соч. – С.10-11.

² Сборник декретов, приказов и распоряжений центральной власти Туркесреспублики. – Ташкент, 1919. - № 5.

³ Джалилов Т.А. На страже народных интересов. – Ташкент, 1963. – С. 7-8.

⁴ См.: ЦГАУзССР, ф.39, оп.1, ед.хр.72, л.д.1.

5 октября 1918 года на заседании Коллегии НКВД РСФСР было утверждено Положение об организации отделов уголовного розыска. 16 октября 1918 года это Положение было разослано на места¹.

В интересах улучшения качества предварительного следствия в эти годы была выдвинута задача подготовки квалифицированных следственных работников. Первые шаги в этом направлении были сделаны отделом уголовного розыска НКВД Туркестанской Республики и организованными в январе 1919 г. курсами подготовки инструкторов². На этих курсах, наряду с общеполитическими и правовыми дисциплинами, читались лекции по технике расследования преступлений, дактилоскопии, судебной фотографии и судебной экспертизе³.

В июне 1918 г. постановлением СНК Туркестанской Республики при Комиссариате юстиции была создана комиссия по организации новых судебных учреждений. Комиссия, руководствуясь декретами СНК РСФСР № 1, 2 и 3, а также полученной в октябре из Москвы инструкцией об организации и деятельности местных народных судов, составила проект инструкции по выборам в народные суды.

Предварительное следствие по уголовным делам вели судебные следователи, причем в расследовании участвовали два представителя Совета. Инструкция по выборам в народные суды положила начало созданию в Туркестане единого народного суда.

В последующем, 18 января 1921 г., было опубликовано новое Положение о народном суде ТАССР, принятое в соответствии с аналогичным Положением РСФСР от 21 октября 1920 г. Многие нормы этого Положения регулировали порядок производства предварительного следствия. В частности, следственные комиссии были заменены единоличными народными следователями, утверждаемыми исполкомами областных Советов депутатов по представлению Совета народных судей. Народный следователь возбуждал следственное производство, производил все необходимые следственные действия, избирал, изменял и отменял меру пресечения⁴. Лишь его постановления о прекращении и приостановлении производства, а также заключения о предании суду, подлежали утверждению народного суда. Жалобы на действия и постановления следователя могли быть поданы в двухдневный срок в народный суд. Народный следователь осуществлял надзор и руководство за дознанием, которое производилось органами милиции. Он мог давать обязательные указания, был вправе возвращать дела на дополнительное дознание⁵.

Одним из важных событий стало введение в 1923 г. на территории ТАССР УК, УПК, ГК и ГПК РСФСР (в редакции 1922 г.), Положения о прокурорском надзоре, Положения об адвокатуре.

До проведения национально-государственного размежевания в Средней Азии в Бухаре, Кагане и других городах БНСР существовали советские народные суды со следственными камерами. Согласно Положению об этих судах, утвержденному 19 декабря 1921 г., предварительное следствие по подсудным им уголовным делам проводили сами судьи и участковые народные следователи. Старшие следователи, состоявшие при уголовном отделении окружных судов, и следователи по важнейшим делам при отделе прокуратуры Нозирата (Министерства) юстиции вели следствие по делам, подсудным соответственно окружному суду и Верховному суду БНСР⁶.

¹ См.: ЦГАОР ф, 393, оп. 393, оп.23, д.16, л.3.

² См.: ЦГА УзССР, ф. Р-39, оп. 1, д. 6-а, л.14.

³ См.: ЦГА УзССР, ф. Р-39, оп. 1, д. 6-а, л.29.

⁴ См.: Согласно ст. 7 и 8 «Положения о народном суде», утвержденного декретом ВЦИК от 21 октября 1920 г., народному суду были подсудны дела о посягательствах на человеческую жизнь, причинении тяжелых ран или увечья, изнасиловании, разбое, поджоге и подделке денежных знаков и документов, а также остальные дела о менее серьезных уголовных и гражданских преступлениях (см. «История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры» / Сборник документов. – М.,1955. - С. 149-150).

⁵ См.: Абдумаджидов Г.А. Развитие законодательства о расследовании преступлений. – Ташкент, 1974. – С. 29-30.

⁶ Мухитдинов А.А. Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (по материалам Республики Таджикистан).- Душанбе, 2015. – С. 45.

По положению о судеустройстве Туркестанский АССР в 1923 г. существовал следственный аппарат, административно подчиненный судебной системе, с оперативным руководством со стороны прокуратуры и поднадзорным ей, и следственный аппарат Государственного политического управления, поднадзорный прокуратуре. Следователям были подконтрольны органы милиции, осуществляющие оперативно-розыскные мероприятия, тем самым предпринимались попытки обязательно сочетать оперативно-розыскную и следственную деятельность¹.

ЦИК УзССР, считая необходимым устранить это двойное подчинение, отрицательно влиявшее на следственную работу, своим постановлением от 1 декабря 1928 г. передал следственный аппарат в органы прокуратуры. Согласно указанному постановлению, народные следователи подчинялись районным прокурорам, старшие следователи - прокурору Главного суда Таджикской АССР, а следователи по важнейшим делам – прокурору УзССР².

Передача следственного аппарата прокуратуре привела к усилению и расширению полномочий следователей по отношению к органам дознания. Следователи отныне не только могли наблюдать за деятельностью этих органов, но и получили право по делу, оконченому дознанием, утверждать обвинительное заключение, участвовать в распорядительных заседаниях суда, выступать в качестве государственных обвинителей.

1 июля 1926 года Президиум ЦИК Узбекской ССР ввёл в действие на всей территории Узбекский ССР и Таджикский АССР первый Уголовно-процессуальный кодекс Узбекской ССР³.

Уголовно-процессуальный кодекс УзССР 1926 года состоял из шести разделов и 32 глав (455 статей). Во втором разделе рассматривалось возбуждения уголовного производства и предварительного расследования. Предварительное расследование строилось по участковому принципу, следователю была обеспечена независимость в его деятельности; в случае разногласий с прокурором следователь имел право обращаться к суду за разрешением спорного вопроса, причем решение суда являлось окончательным. Определены были также подследственность уголовных дел следователю и его взаимодействие с органами дознания. Предварительное следствие производилось под надзором прокурора.

По положению о судеустройстве Туркестанский АССР в 1923 г. существовал следственный аппарат, административно подчиненный судебной системе, с оперативным руководством со стороны прокуратуры и поднадзорным ей, и следственный аппарат Государственного политического управления, поднадзорный прокуратуре. Следователям были подконтрольны органы милиции, осуществляющие оперативно-розыскные мероприятия, тем самым предпринимались попытки обязательно сочетать оперативно-розыскную и следственную деятельность⁴.

ЦИК УзССР, считая необходимым устранить это двойное подчинение, отрицательно влиявшее на следственную работу, своим постановлением от 1 декабря 1928 г. передал следственный аппарат в органы прокуратуры. Согласно указанному постановлению, народные следователи подчинялись районным прокурорам, старшие следователи - прокурору Главного суда Таджикской АССР, а следователи по важнейшим делам – прокурору УзССР⁵.

Передача следственного аппарата прокуратуре привела к усилению и расширению полномочий следователей по отношению к органам дознания. Следователи отныне не только могли наблюдать за деятельностью этих органов, но и получили право по делу, оконченому дознанием, утверждать обвинительное заключение, участвовать в распорядительных заседаниях суда, выступать в качестве государственных обвинителей.

1 июля 1926 года Президиум ЦИК Узбекской ССР ввёл в действие на всей территории Узбекский ССР и Таджикский АССР первый Уголовно-процессуальный кодекс Узбекской ССР⁶.

¹ Умаров В.У. Очерки по уголовному процессу Узбекской ССР. – Ташкент, 1967. – С. 46.

² СУ Узбекской ССР, 1928. - № 49. – С. 322.

³ СУ Узбекской ССР, 1926. - № 1-12. - С. 53.

⁴ Умаров В.У. Очерки по уголовному процессу Узбекской ССР. – Ташкент, 1967. – С. 46.

⁵ СУ Узбекской ССР, 1928. - № 49. – С. 322.

⁶ СУ Узбекской ССР, 1926. - № 1-12. - С. 53.

29 июня 1929 г. ЦИК Узбекской ССР принял и с 1 августа 1929 г. ввёл в действие новый Уголовно-процессуальный кодекс УзССР.

В соответствии с положениями этой и других глав УПК, следователь обладал широкими правами. Он был наделён тремя функциями: производства предварительного следствия по делам, которые были подследственны ему согласно ст.10 УПК; наблюдения за расследованием, производящимся органами дознания, приостановления и прекращения производства по делу, утверждения составленного ими обвинительного заключения и, наконец, поддержания обвинения в суде. Он имел право в любое время знакомиться с производством расследования и давать указания по производимым органами милиции, уголовного розыска, и иными органами власти специальным инспекциям, которым законодательством было предоставлено производство предварительного расследования. Таким образом, следователь выполнял некоторые функции прокурора

Рассматривая первый Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР, который в соответствии с постановлением Президиума ЦИК республики от 15 августа 1935 г. был введён в действие с 25 августа 1935 г. (этим же постановлением отменялось действие УПК Узбекской ССР), следует отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР 1935 г. состоял из 14 глав, включавших 154 статьи

Принимая во внимание накопившиеся проблемы в уголовно-процессуальном законодательстве, а также принятие союзных основ законодательства, с 10 по 12 февраля 1959 г. в Ташкенте состоялась межреспубликанская научная конференция по вопросам кодификации законодательства республик Средней Азии и Казахстана.

Пятая сессия Верховного Совета Таджикской ССР 17 августа 1961 г. единогласно приняла закон об утверждении УПК Таджикской ССР. В соответствии с этим принятый 17 августа 1961 г. закон стал действовать на территории республики начиная с 1 декабря 1961 года.

Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Таджикской ССР в последующие годы выявила некоторые недостатки в тех или иных нормах. В связи с чем 10 сентября 1963 г. статья 178 УПК Таджикской ССР «Основания для производства осмотра» была дополнена весьма ценным положением: «В случаях, не терпящих отлагательств, осмотр места происшествия может быть произведён до возбуждения уголовного дела

Позже указом Президиума Верховного Совета Таджикской ССР от 19 января 1966 г. была введена новая процессуальная фигура – начальник следственного отдела (ст. 45¹ УПК Таджикской ССР). 20 июня 1968 года УПК РТ пополнился ещё целым рядом новых норм, имеющих непосредственное значение для повышения эффективности использования технических средств и специалистов в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Впервые в УПК Таджикской ССР были включены такие технические понятия, как звукозапись, киносъёмка, фотографические негативы, диапозитивы, фонограммы, стенографирование (статьи 97, 97¹, 138 УПК РТ и др.). Кроме того, было закреплено процессуальное положение специалиста, порядок его участия в производстве следственных действий, права и обязанности (статьи 130^{1,2} УПК Таджикской ССР).

8 сентября 1975 г. Совет Министров Таджикской ССР своим постановлением принял инструкцию «О порядке сдачи и хранения описанного и изъятого имущества в обеспечение гражданского иска или возможной конфискации по уголовным делам»¹.

8 сентября 1975 г. Совет Министров Таджикской ССР своим постановлением принял инструкцию «О порядке сдачи и хранения описанного и изъятого имущества в обеспечение гражданского иска или возможной конфискации по уголовным делам»².

28 августа 1990 года статья 59² УПК Таджикской ССР была дополнена следующим содержанием: «Обязанность органов дознания, следователя, прокурора и суда принимать меры к обеспечению безопасности участников процесса и иных лиц.

¹ См.: Свод законов Таджикской ССР. Т.8. – Душанбе, 1987. - № 126. – С. 565.

² См.: Свод законов Таджикской ССР. Т.8. – Душанбе, 1987. - № 126. – С. 565.

Учитывая всю сложность создавшейся ситуации, Правительство республики с целью обеспечения подготовки специалистов для органов внутренних дел 23 декабря 1991 года приняло постановление за № 372 о создании Высшей школы МВД на базе Душанбинской средней специальной школы и Душанбинского отделения факультета заочного обучения Ташкентской Высшей школы МВД СССР. Первым начальником Высшей школы МВД Республики Таджикистан на основании приказа министра внутренних дел РТ за № 68 от 20 марта 1992 г. стал полковник внутренней службы Джумаев Усмон Саломович. Однако У.С. Джумаев на этой должности работал недолго. Приказом министра внутренних дел РТ за № 12 от 8 января 1993 года начальником Высшей школы был назначен генерал-майор милиции Каххоров Абдурахим Абдулахадович, человек с многолетним опытом работы в системе органов внутренних дел¹.

Начиная с 1 апреля 2010 г. на территории Республики Таджикистан начал действовать новый УПК Республики Таджикистан.

Сегодня действующий УПК Республики Таджикистан состоит из 13 разделов, 50 глав и 486 статей. Согласно УПК РТ, производство по уголовному делу регламентировано в разделе VI «Досудебное производство по уголовному делу», который состоит из 2 глав, и разделе VII «Дознание и предварительное следствие», включающем в себя 7 глав.

¹ Таджикиская милиция: история и современность. Ч. 1. / отв. ред. Ш.С. Саймудинов.– Душанбе, 2002. – С. 42-43.

О НЕКОТОРЫХ ВИДАХ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ, НАЗНАЧАЕМЫХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Низаева С.Р., преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук

Специфика расследования указанной категории мошенничества требует от следователя освоения информации из различных отраслей знаний (гражданско-правовой, строительно-производственной, экономической, бухгалтерской, компьютерной и т.д.). В ряде случаев лишь при помощи специалиста возможно уяснить круг вопросов, возникающих в той или иной следственной ситуации. Использование специальных знаний осуществляется в процессуальной (экспертные исследования, участие специалиста в следственных действиях, предоставление заключения эксперта) и не процессуальной (консультации специалиста) формах.

Рассмотрим применение специальных знаний в ходе расследования уголовного дела посредством назначения и производства судебных экспертиз.

В числе условий, обеспечивающих оптимальное использование возможностей судебных экспертиз, следует назвать своевременность и тактически грамотную последовательность их назначения, обеспечение надлежащего информационного обеспечения экспертиз, а также правильную формулировку вопросов, поставленных экспертам¹.

Наряду с показаниями потерпевших, свидетелей, протоколами выемок (обысков), осмотров, изъятых документов и электронных носителей информации, неоспоримое значение для доказывания исследуемого состава преступления имеют заключения экспертов².

Объектами экспертного исследования являются: документы, содержащие сведения о финансово-экономической, бухгалтерской деятельности предприятия, правоустанавливающие документы, поддельные документы, техническое оборудование, используемое для их изготовления, электронные носители информации, строительные площадки и недостроенные жилые объекты.

В рамках расследования мошенничества в сфере жилищно-правовых отношений наиболее часто назначаются следующие судебные экспертизы: почерковедческая, технико-криминалистическая экспертиза документов, судебно-бухгалтерская, финансово-экономическая, строительно-техническая.

Рассмотрим подробнее содержание судебных экспертиз, наиболее часто проводимых при расследовании мошенничества на первичном рынке жилья.

Судебно-бухгалтерская экспертиза назначается для исследования производственной и финансово-хозяйственной деятельности предприятия и определяет сумму причиненного материального ущерба.

Информация о хозяйственных операциях накапливается в документах первичного учета (договоры, проектно-сметная документация, акты приемки выполненных работ, отчеты о стоимости выполненных работ и т.д.).

Судебно-бухгалтерская экспертиза решает следующие диагностические вопросы:

1. Выявление учетных несоответствий, их величины, механизма их образования, его влияния на показатели финансово-хозяйственной деятельности, отклонений от правил ведения учета и отчетности: а) существуют ли расхождения между учетными данными, содержащимися в системе счетов бухгалтерского учета (бухгалтерских регистрах) о затратах на

¹ Макарова Н.Ю. Методика расследования мошенничества, совершенного в сфере малоэтажного строительства жилья : дисс. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург. 2014. С. 130.

² Гайнельзянова В.Р. Особенности допроса специалиста и эксперта в процессе расследования уголовного дела // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93). С. 316.

строительство объекта, данным, содержащимся в первичных документах учета? б) привели ли эти расхождения к завышению или занижению суммы расходов на строительство? в) в какой период времени были допущены данные расхождения? г) с какими хозяйственными операциями связаны допущенные расхождения?

2. Какую сумму из выплаченной заработной платы (указать определенный период времени) составляет заработная плата, начисленная по завышенным (согласно заключению строительно-технической экспертизы) объемам работ?

3 Установление обстоятельств, связанных с отражением в бухгалтерских документах операций приема, хранения, реализации товарно-материальных ценностей. а) нашли ли надлежащее отражение в документах бухгалтерской отчетности операции поступления, хранения. Списания строительных материалов? б) какие записи в бухгалтерских регистрах не подтверждаются первичными документами бухгалтерской отчетности? в) какова сумма, по которой допущено документально не оправданное оприходование, списание товарно-материальных ценностей? г) в какой период времени, и по каким операциям допущено документально не оправданное оприходование, списание товарно-материальных ценностей? д) не повлекло ли занижение (завышение) себестоимости стройматериалов неправильное отражение на счетах данной суммы расходов? Если да, то какова сумма занижения (завышения)? е) посредством каких бухгалтерских операций была занижена сумма прибыли, полученная предприятием в конкретный период времени?

4. Определение соответствия порядка ведения бухгалтерского учета требованиям, установленным законом. а) соответствует ли проведение конкретных хозяйственных операций в определенный период времени методике ведения бухгалтерской отчетности? б) какие отклонения от правил были допущены при ведении бухгалтерской отчетности (составления приходных, расходных кассовых ордеров, журналов учета расходов, калькуляций и т.д.)?

Примером необходимости производства судебно-бухгалтерской экспертизы является уголовное дело в отношении застройщика ООО «Аркада», осуществлявшего возведение жилого комплекса, состоящего из нескольких многоэтажных домов, не закончившего строительство и объявившего себя банкротом, после сбора денежных средств граждан по договорам участия в долевом строительстве жилья. Полученными по делу доказательствами, в том числе заключением судебно-бухгалтерской экспертизы установлено, что реальное финансовое положение субъекта хозяйственной деятельности не позволяло исполнять принимаемые на себя обязательства. Кроме того, руководством фирмы-застройщика намеренно проводились действия, направленные на ухудшение финансового состояния компании. К ним относятся: неоправданное премирование части «приближенных» к руководству сотрудников, заключение сделок, заведомо невыгодных для компании, оформление кредитов, потраченных на личные нужды руководителей¹.

В целях установления рыночной стоимости объекта недвижимости назначалась судебно-оценочная экспертиза. Риэлтерские агентства, как известно, предоставляют справочную информацию о стоимости таких объектов на основе умозрительных представлений, более того, нередко в сговоре с одним из участников возможной сделки она искажалась умышленно. Кроме того, стоимость жилья при производстве судебной оценочной экспертизы может рассчитываться, исходя из соотношения цены спроса и предложения, цены сделок по гражданско-правовым документам, справочных цен и т.д. То есть при производстве оценочной экспертизы производится более глубокое и точное исследование, нежели при предоставлении данных по запросу следователя риэлтерскими агентствами.

Законодательно закреплено, что оценка объекта может быть проведена оценщиком по решению уполномоченного органа, при этом отдельно не оговорено постановление следователя о назначении судебной оценочной экспертизы как основание для ее проведения². В дан-

¹ Архив Тверского областного суда. Уголовное дело № 082-0907.

² Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ "Об оценочной деятельности в Российской Федерации" (в ред. от 28.07.2012 № 144-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс». Ст. 9.

ном случае обоснованно отнести органы предварительного расследования к «уполномоченным органам», имеющим право назначения такого исследования в соответствии с требованиями главы 27 УПК РФ. Вместе с тем полагаем, что, следовало бы включить в перечень органов, имеющих право назначать оценочную экспертизу (ст. 9 Закона), органы предварительного расследования.

Исследуя положения Закона об оценочной деятельности, можно прийти к выводу, что требования к отчету об оценке объекта оценки фактически аналогичны предъявляемым к заключению эксперта. Применяемые при производстве оценки методики и правила оценки объектов свидетельствуют об использовании оценщиком в этой деятельности специальных знаний, направленных на установление стоимости объекта, который выбыл из владения в результате мошеннических действий. Следует учесть, что Приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 4 июля 2011 г. № 328 утвержден Федеральный стандарт оценки "Виды экспертизы, порядок ее проведения, требования к экспертному заключению и порядку его утверждения (ФСО № 5)". Положения данного документа позволяют подвергнуть экспертизе отчет оценки стоимости объекта жилой недвижимости в случае несогласия с его результатами.

Изложенное свидетельствует о том, что требования, предъявляемые к оценочной деятельности, указанные в Законе, фактически соответствуют положениям об экспертной деятельности, предоставляя следователю дополнительные возможности по назначению судебной оценочной экспертизы жилья для доказывания суммы материального ущерба, причиненного преступлением. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 195 УПК РФ в постановлении о назначении судебной оценочной экспертизы как основание может быть указана необходимость применения специальных знаний в области оценочной деятельности для установления реальной стоимости жилого помещения (либо комплекса жилых помещений), которое вышло из владения собственника в результате мошенничества. В соответствии с поставленной перед следователем задачей по доказыванию обстоятельств совершенного мошенничества на разрешение эксперта могут быть поставлены вопросы, ответы на которые позволят достоверно установить рыночную стоимость жилья на момент совершения преступления.

Список использованной литературы:

1. Макарова Н.Ю. Методика расследования мошенничества, совершенного в сфере малоэтажного строительства жилья : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург. 2014. – 214 с.
2. Гайнелзянова В.Р. Особенности допроса специалиста и эксперта в процессе расследования уголовного дела // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93). С. 315-317.
3. Архив Тверского областного суда. Уголовное дело № 082-0907.
4. Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ "Об оценочной деятельности в Российской Федерации" (в ред. от 28.07.2012 № 144-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс».

ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА ВОЗВРАЩЕНИЯ СУДОМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ

Нуркаева М.К., доцент кафедры уголовного права и процесса Института права БашГУ, кандидат юридических наук

Концепция, которая была изначально заложена в ст. 237 УПК РФ [2], сводилась к тому, что сторона обвинения должна более тщательно подойти к сбору доказательств и установлению всех обстоятельств по делу, прежде чем направить уголовное дело в суд для разрешения обвинения по существу. В противном случае на сторону обвинения ложился процессуальный риск отклонения обвинения судом или иного решения в пользу подсудимого. Возбуждение нового уголовного дела по тем же основаниям уже невозможно. Таким образом, стимулировали эффективность расследования преступлений.

Первоначальная редакция ст. 237 УПК РФ предусматривала три препятствия для рассмотрения дела судом, в связи с которыми дело возвращалось прокурору:

- 1) нарушение правил составления обвинительного заключения или акта, что в принципе исключает постановление приговора или иного итогового решения суда;
- 2) копия обвинительного заключения или акта не вручены обвиняемому, если только последний не отказался или иным явным образом не уклонялся от его получения;
- 3) усматривается необходимость обвинения лица в совершении преступления, в отношении которого в суд направлены материалы для применения принудительных мер медицинского характера.

Из приведенных норм вытекает, что дополнительный сбор доказательств и установление дополнительных обстоятельств по делу не допускались. К тому же, срок исправления ошибок был коротким – 5 суток (ч. 2 ст. 237 УПК РФ).

Порядок возвращения уголовного дела прокурору был сконструирован на следующих принципах: 1) недопустимость расширительного толкования оснований возвращения дела прокурору; 2) невозможность сбора дополнительных доказательств и установления иных обстоятельств по делу; 3) быстрота устранения нарушений (5 суток); 4) уголовное дело могло быть возвращено только из стадии подготовки к разбирательству в суде первой инстанции.

Между тем, правоприменительная практика не восприняла эту концепцию безоговорочно.

Отдельные исследования показывают, что более половины судей выступают за возвращение в УПК РФ доследования, причем основной контингент – судьи советской школы (со стажем более 20 лет). Нестандартную позицию заняла прокуратура. Лишь пятая часть ратует за возврат доследования, однако остальная часть придерживается концепции возможности увеличения объема обвинения прямо в ходе судебного разбирательства [17,15]. Сведения нельзя считать недостоверными, так как подтверждаются другими исследованиями [18,59; 19,166].

Столкновение норм ст. 237 УПК РФ с реалиями уголовного судопроизводства, особенно с проблемами защиты прав потерпевших, привели к инициированию нескольких разбирательств в Конституционном Суде РФ. Кроме того, такая ситуация привела к необходимости интенсивного толкования норм института возвращения уголовного дела прокурору Верховным Судом РФ, а также к необходимости внесения изменений и дополнений в УПК РФ.

Однако, ведущая роль в этих процессах принадлежит Конституционному Суду РФ.

Так, постановлением Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 № 18-П [9] ч. 4 ст. 237 УПК РФ была признана не соответствующей Конституции РФ. В данном постановлении было указано, что в конституционно-правовом и международно-правовом смысле [1], положения норм УПК РФ, не допускающие исправления ошибок, в том числе приведших к нарушению прав и свобод участников процесса на досудебной стадии, в свою очередь создают условия для дальнейшего нарушения прав и свобод лиц в ходе судебного разбирательства. В

противном случае, нарушаются фундаментальные принципы состязательности, беспристрастности судебного разбирательства.

С учетом необходимости соблюдения принципа состязательности в ходе всего уголовного процесса, разрешалось производство следственных и иных действий, но только в целях устранения нарушений прав и свобод участников процесса, а не восполнения недостающих сведений.

Таким образом, исходя из позиции Конституционного суда РФ, если в досудебной стадии процесса допущены нарушения прав и свобод участников судопроизводства, то обвинительное заключение (акт, постановление) не может считаться законным процессуальным актом.

Одновременно были определены критерии, определяющие допустимость возвращения уголовного дела прокурору ввиду нарушений при составлении обвинительного заключения или обвинительного акта: 1) необходимо восстановить нарушенные права и свободы участников процесса; 2) факт нарушения прав и свобод участников процесса подтвердил суд; 3) допущены существенные нарушения норм УПК РФ, исключающие постановление законного и справедливого приговора или иного решения; 4) выявленные нарушения норм УПК РФ не устранимы в ходе судебного разбирательства.

Верховный Суд РФ также не отстранялся от процесса становления рассматриваемого института уголовного процесса [16]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил судам, что под допущенными при составлении обвинительного заключения или обвинительного акта нарушениями требований уголовно-процессуального закона следует понимать такие нарушения изложенных в статьях 220, 225 УПК РФ положений, которые служат препятствием для принятия судом решения по существу дела на основании данного заключения или акта [13].

Вслед за Конституционным Судом РФ он разъяснил, что обвинительное заключение (акт) считается незаконным не только при нарушении процессуальных правил его составления, но и нарушении правил производства следственных и иных процессуальных действий, результаты которых и ложатся в основу обвинительного заключения (акта). Как видим, п. 1 ч. 1 ст. 237 было дано расширительное толкование, что и послужило шагом к пересмотру указанной статьи. Но следует заметить, что первый запрет исследований появился в законе для суда присяжных [20; 7].

Также подтверждалась позиция о возможности производства следственных и иных процессуальных действий только с целью устранения допущенных нарушений прав и свобод участников процесса и возможности составления нового обвинительного заключения (акта).

Вторым шагом стало определение Конституционного Суда РФ, принятое в связи с запросом Всеволожского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности ч. 5 ст. 237 УПК РФ [12].

В данном акте Конституционный суд с одной стороны признал конституционным наличие 5-дневного срока для устранения нарушений, а с другой стороны, выйдя за пределы рассмотрения жалобы, указал, что этот срок на исправление неправильно составленного обвинительного заключения не распространяется, создав тем самым основу для разрешения законодателем и судебной практикой производства следственных действий.

В определении от 2 февраля 2006 г. № 57-О Конституционный Суд РФ высказал интересную позицию. Он указал, что производство следственных действий по возвращенному уголовному делу не должно иметь основной задачей восполнение неполного расследования. В доктрине стали полагать, что если устранение нарушений норм УПК РФ путем производства следственных действий тем или иным образом приводит к получению новых сведений, то они являются допустимыми и могут быть положены в основу обвинения, ведь их получение всего лишь автоматически сопутствовало устранению нарушений.

Нам также трудно представляется, что производство следственных действий может не привести к получению новых сведений.

Подобные проблемы и подвели Конституционный Суд РФ к необходимости еще раз уточнить свою позицию по этому вопросу. В постановлении от 16 мая 2007 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» [21] Конституционный Суд РФ указал, что правила о недопустимости восполнения предварительного расследования не распространяются на случаи появления в ходе производства по делу новых или вновь открывшихся обстоятельств о признаках других преступлений, совершенных тем же обвиняемым.

Для проверки обоснованности данных обстоятельств, в том числе для выявления оправдывающих обвиняемого, необходимы полномочия по производству восполняющих следственных действий.

Этой позицией Конституционный Суд РФ, с учетом его авторитета в правовой системе, сделал еще один шаг к возврату доследования в УПК РФ.

По тексту высказанная позиция касалась исключительно производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, однако на самом деле концептуально имела далеко идущие последствия. Это в дальнейшем и проявилось в судебной практике.

В п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 1 «О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции» [15] указано, что суд надзорной инстанции, установив факты существенного нарушения прав и свобод участников уголовного процесса, повлиявшие на постановление законного и справедливого приговора или иного решения, отменив вынесенные решения, возвращает уголовное дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, если допущенные нарушения не устранимы в ходе судебного заседания.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2008 г. № 28 «О применении норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций» было указано, что и суд апелляционной и кассационной инстанции, в дополнение к своим инстанционным полномочиям, вправе также отменив постановленные решения нижестоящих судов, вернуть уголовное дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ [14].

Таким образом, применив системное толкование норм УПК РФ, Верховный Суд РФ распространил действие правил ст. 237 УПК РФ на все стадии судебного разбирательства, включая и пересмотр приговора в кассационном, надзорном порядках.

В целях приведения норм УПК РФ в соответствие с решениями Конституционного Суда РФ, принят Федеральный закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ, упразднивший 5-дневный срок исправления ошибок и разрешивший проведение следственных действий для устранения ошибок в пределах сроков, установленных следователем после принятия уголовного дела от прокурора. При этом, судья самостоятельно решает вопрос о мере пресечения в отношении обвиняемого, вплоть до продления срока содержания под стражей по своей инициативе [10].

Как представляется автору, имеющиеся в ст. 237 УПК РФ правила все же позволяют восполнить доказательственные недостатки предварительного расследования.

Так в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» [13], указано, что при несоответствии объема обвинения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительном заключении, уголовное дело подлежит возврату прокурору. В этом случае, при уменьшении объема обвинения (его смягчении) в обвинительном заключении следователь либо должен вынести постановление о прекращении уголовного преследования в части обвинения либо произвести дополнительные (восполняющие) следственные действия для судебного обоснования обвинения, указанного в постановлении, вынесенном в порядке ст.ст. 171, 172 УПК РФ.

Существенные изменения ст. 237 УПК Внесены также в 2013-2016 годах [5; 6; 4; 3].

Правовой механизм возвращения уголовного дела прокурору согласно этим законам и правовой позиции, сформулированной в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П [8], стал походить на былое направление уголовного дела на доследование, хотя Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал недопус-

тимость сбора новых сведений о виновности обвиняемого, но не определил четкие грани производства следственных действий, хотя и не мог исходя из своих полномочий [11; 8].

Таким образом, законодатель, Верховный Суд и Конституционный Суд Российской Федерации с момента принятия УПК РФ встали на путь возвращения в отечественный уголовный процесс института доследования. Однако производится это не путем самостоятельного его включения в УПК РФ, а модифицируя институт возвращения судом уголовного дела прокурору, который в свою очередь был первоначально сконструирован как оперативный механизм устранения нарушений досудебной стадии.

Список использованной литературы:

1. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с "Протоколом [N 1]" (Подписан в г. Париже 20.03.1952), "Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней" (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), "Протоколом N 7" (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=30222&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.10526176735545789#0> (Ратифицирован Федеральным Законом Российской Федерации от 30 марта 1998 года N 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» [Электронный ресурс]. URL:<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102052320&intelsearch> (Дата обращения: 05.05.2018).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 N 174-ФЗ (ред. от 23.04.2018 N 99-ФЗ, N 96-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 05.05.2018).

3. Федеральный закон от 3 июля 2016 № 327-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части наделения суда правом соединения уголовных дел в одно производство» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102403376&intelsearch> (Дата обращения: 05.05.2018).

4. Федеральный закон от 21 июля 2014 № 269-ФЗ «О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102356124&intelsearch=> (Дата обращения: 05.05.2018);

5. Федеральный закон от 4 марта 2013 № 23-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102163626&intelsearch=> (Дата обращения: 05.05.2018);

6. Федеральный закон от 26 апреля 2013 N 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102164931&intelsearch=> (Дата обращения: 05.05.2018);

7. Закон Российской Федерации от 16.07.1993 N 5451-1 (с посл. изм. и доп. от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ) «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судостроительстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях"» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102024985&intelsearch> (Дата обращения: 05.05.2018). (Утратил силу).

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т.Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL:<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102166585&intelsearch=> (Дата обращения: 05.05.2018).

9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. №18 - П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102084535&intelsearch=> (Дата обращения: 05.05.2018).

10. Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 N 484-О-Р «По ходатайству гражданина Махина Сергея Викторовича об официальном разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 года N 23-П». [Электронный ресурс]. URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196636/ (Дата обращения: 05.05.2018).
11. Определение Конституционного Суда РФ от 4 октября 2012 г №1854-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Купецкова Ильи Игоревича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 109 и частью третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» //Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162750&intelsearch=> (Дата обращения: 05.05.2018);
12. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2006 № 57-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Всеволожского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности частей второй и пятой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102107336&intelsearch=> (Дата обращения: 05.05.2018).
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 N 28 (с посл. изм. и доп. от 3 марта 2015 г. № 9) «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» [Электронный ресурс]. URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95621/ (Дата обращения: 05.05.2018).
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2008 N 28 (с посл. изм. и доп. от 9 февраля 2012 г. № 3) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций» [Электронный ресурс]. URL:// <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=125990> (Дата обращения: 05.05.2018).(Утратил силу).
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 1 «О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции». [Электронный ресурс]. URL:// <http://xn--b1azaj.xn--p1ai/2007/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N01-ot-11.01.2007.html> (Дата обращения: 05.05.2018).(Утратил силу).
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса РФ» (с посл. изм. и доп. от 30 июня 2015 г. № 29) //Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--b1azaj.xn--p1ai/2004/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N01-ot-05.03.2004.html> (Дата обращения: 05.05.2018).
17. Барабанов П. К. Изменение обвинения на стадии судебного разбирательства с ухудшением положения обвиняемого // Уголовный процесс. 2009. № 3. С. 13-21.
18. Ежова Е. В. Институт возвращения уголовного дела прокурору. М.: Юрлитинформ, 2007. 200с.
19. Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел: монография. СПб: Издательский дом С.-Петербург, гос. ун-та., изд-во юридического факультета СПбГУ, 2007. 408с.
20. Пашин С.А. История суда присяжных в постсоветской России. Материал подготовлен на основе лекций, которые С. Пашин прочитал в 2009 г. на семинаре «Журналисты и суд присяжных», организованном Фондом Защиты гласности. [Электронный ресурс]. URL: <http://index.org.ru/journal/30/02-pashin.html> (Дата обращения: 05.05.2018).
21. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.05.2007 № 6-П По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102114114&intelsearch=> (Дата обращения: 05.05.2018).

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И ЗАДАЧАХ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОИСКОВО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Парфёнов А.А., старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Российско-Таджикского (славянского) университета

Продолжая исследование проблем научно-технического и организационного обеспечения осмотра места происшествия, как объекта криминалистического исследования, в современных условиях Республики Таджикистан [32, 263-268; 33, 312-320; 37, 393-397; 38, 149-152; 41, 37-46; 42, 503-511], необходимо отметить, что постепенно возрастающие потребности следственной практики, а вместе с тем растущие возможности динамично и с ускорением развивающегося научно-технического прогресса удовлетворять такие потребности [21, 54-63], обусловили появление в криминалистике еще в 1980-х годах такой научной категории, как криминалистическое обеспечение деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений [24, 19-24; 27].

В настоящее время эта категория представляет собой одну из частных криминалистических теорий, которая в своем прикладном выражении преследует цель совершенствования правового регулирования, организации, тактических приемов, технико-криминалистических методов и средств, или иначе говоря, достижений криминалистики в борьбе с преступностью [6, 42-44; 15; 25, 54]. В структуре теории криминалистического обеспечения последовательно рассматриваются проблемы разработки и внедрения в практику борьбы с преступностью методов и средств криминалистической техники, тактико-криминалистических и методических рекомендаций. Следует заметить, что многие из них касаются осмотра места происшествия, а особенно в части его технико-криминалистического обеспечения (фактически имеется в виду техника «полевой криминалистики», т.е. собирание следов преступлений и их предварительного исследования) [56].

По содержанию и практической направленности П.Т. Скорченко формально выделяет такие направления технико-криминалистического обеспечения, как «1. Правовое обеспечение. 2. Научное обеспечение. 3. Организационное обеспечение» [45, 21]. Как нам представляется, такие направления технико-криминалистического, как и в целом криминалистического обеспечения, более рационально формулировать в аспекте социальных функций криминалистики (познавательной, созидательной, образовательной, внедренческой и практико-деятельной), причем с ориентацией на инновационный подход в их реализации [10, 25-27; 11, 26-29; 16, 46-50].

Анализ понятий и сущности технико-криминалистического обеспечения показывает, что в нем содержатся методологически важные положения для теории и практики поисково-исследовательской деятельности при осмотре места происшествия. Такая деятельность объективно нуждается в условиях постоянной готовности в самом прямом смысле этого слова, в комплексном использовании технико-криминалистических методов и средств на основе взаимодействия участников следственно-оперативной группы. Особенности места происшествия как источника исходной розыскной и доказательственной информации закономерно определяют требования безотлагательности, обстоятельности, согласованности и комплексности действий участников следственно-оперативной группы, а обеспечивается это не иначе, как их постоянной готовностью к таким действиям [18, 763-775; 30; 47, 53-56; 55].

С позиции технико-криминалистического обеспечения в криминалистике оценивается эффективность технико-криминалистической работы на месте происшествия, в том числе

специалиста-криминалиста. Следует заметить, что применительно к технико-криминалистической работе понятие «условия постоянной готовности» в теоретическом аспекте представляется скорей как цель, к достижению которой следует стремиться, имея в виду совершенствование криминалистической техники, в соответствии и на основе достижений научно-технического прогресса, а также правового, организационного и методологического обеспечения ее применения. Научно-обоснованных критериев оценки эффективности таких условий пока нет [3].

Эффективность, пишет В.А. Волынский, «это степень готовности (приспособленности) системы в целом и отдельных ее элементов к решению поставленных перед ней задач» [15, 248]. При этом, по его мнению, внешним проявлением эффективности выступает результативность, которая и характеризует состояние системы технико-криминалистического обеспечения в ее практическом выражении. Иначе говоря, с позиции практики, т.е. того, что составляет содержание и результат «реализации условий постоянной готовности в повседневной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений», критериями оценки рассматриваемой системы являются реальные показатели результатов использования криминалистических методов и средств в указанных целях. При этом соответствующие результаты в их количественном выражении могут быть оценены в сравнении по временным периодам, между органами внутренних дел различных районов и регионов Республики Таджикистан, по видам расследуемых преступлений, и наконец, между другими странами.

Условия постоянной готовности могут быть оценены с учетом состояния правового, организованного и научно-технического обеспечения технико-криминалистической работы на месте происшествия. Например, вряд ли такой готовности отвечает непоследовательная, противоречивая регламентация в Уголовно процессуальном кодексе Республики Таджикистан [1] (далее по тексту - УПК РТ) применения технических средств в целях собирания и исследования доказательств: отсутствие в нем предписания о принципах допустимости таких средств; изложение порядка фиксации результатов их применения не в целом в процессе расследования или при производстве всех следственных действий (что следует из содержания ч. 3 ст.171 УПК РТ), а лишь по отдельным из них (например, в ст. 200 УПК РТ, посвященной содержанию протокола допроса); неопределенность порядка назначения, производства и правовой оценки заключения специалиста (которое упомянуто как вид доказательств в ст. 72 УПК РТ, но при этом более в УПК РТ ни где не встречается) и его ответственности за дачу ложного заключения. Из этой же серии, теперь уже ставший архаическим, запрет экспертам-криминалистам проводить экспертизы, если они по этому же уголовному делу выступали в роли специалиста (ст. 67 п. 3 а УПК РСФСР [2]).

Состояние организационного обеспечения применения технико-криминалистических методов и средств при осмотрах мест происшествия наглядно проявляется при анализе результатов данного следственного действия, отраженных в его протоколах в уголовных делах, в их сравнении с результатами опроса лиц, осужденных за совершение преступлений по этим делам. Проведя такого рода анализ, В.А. Волынский утверждает, что фактически с одного места происшествия изымается 1 из 4 реально оставленных преступниками материальных следов преступлений [13]. Фактически к этому же выводу приходит и П.П. Ищенко, отмечая, что только один след преступления изымается из 5 случаев осмотра мест происшествия по убийствам; следы рук - в 1 из 36; следы крови, слюны, спермы - в 1 из 325 [22, 47].

Заметим, что фактически об этом же свидетельствуют данные, отмеченные в отчете экспертно-криминалистического центра МВД РФ (далее по тексту – ЭКЦ МВД РФ) - с одного места происшествия, осматриваемого с участием специалиста-криминалиста, изъято в среднем 1,08 следа. Что касается Республики Таджикистан, то состояние данного вопроса является критическим, что подтверждается результатами исследования Н.М. Самиева, указывающего одной из причин отсутствие специалистов при осмотрах мест происшествий в ряде необходимых случаев [43, 182]. Так, 76% опрошенных Н.М. Самиевым сотрудников предварительного следствия и дознания Республики Таджикистан, в качестве причины, указали недостаточную

штатную численность специалистов, 12,4% в качестве причины отметили недостатки в организации взаимодействия подразделений следствия и экспертно-криминалистических подразделений, а 11,6% в качестве причин указали – иные: например недостаточность технических средств для выезда специалистов [43, 182]. Также Н.М. Самиев указывает на то обстоятельство, что из 450 уголовных дел, приостановившихся производством в связи с неустановлением лица, подлежащего в качестве обвиняемого, или за розыском скрывшегося обвиняемого, осмотр места происшествия проводился только в 58,8% случаев, а специалист участвовал в осмотре – только в 27,5% случаев. При этом, необходимо отметить, что научно-технические средства применялись при осмотре места происшествия, только в 62,9% случаев, из которых 43,1% составила только фотосъемка. Научно-технические средства: для выявления следов пальцев рук применялись в 17,3% случаев, для выявления следов ног в 1,5% случаев, для выявления следов транспортных средств – 0,8%, для выявления следов крови, слюны и других выделений человеческого организма – 0% [43, 201]. А.Л. Арипов же отмечает, что в период с 2003 по 2009 г. осмотр места происшествия проводился в 88,8% случаев [5, 185].

Исходя из вышеизложенного следует один общий вывод: несмотря на прошедшие десятилетия, на совершенствование технической оснащённости экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел Республики Таджикистан, на возросшую в несколько раз их штатную численность, результативность осмотров мест происшествий, в том числе работы специалистов-криминалистов, остается фактически неизменно низкой.

В некоторых зарубежных странах, где организационно обособлены техническая полиция и научная полиция (т.е. специалисты и эксперты-криминалисты), показатели работы на местах происшествий выше в 3-4 раза [31, 74-77]. В литературе отмечаются случаи, например, в Германии, когда с одного места происшествия было изъято около пятидесяти различных следов преступления. Показателен в этом отношении и вовсе уникальный случай, имевший место в Финляндии. Криминалисты этой страны обнаружили и изъяли на месте преступления убитого комара, по крови в котором, используя метод ДНК-анализа и соответствующий банк данных, установили лицо, подозреваемое в краже [4, 6; 12, 76-83].

Приведенные факты, по нашему мнению, убедительно свидетельствуют том, что криминалистике Республики Таджикистан, также, как и Российской Федерации есть еще над чем работать, имея в виду современное состояние технико-криминалистического обеспечения осмотра места происшествия, уровень его соответствия потребностям следственной практики, современным достижениям научно-технического прогресса и возможностям их реализации по примеру преуспевающих в этом отношении зарубежных стран. При этом принципиально важно учитывать, что нерешенные проблемы одного из составляющих технико-криминалистического обеспечения (правовое регулирование, организация и т.д.) неизбежно влекут негативные последствия для этой системы в целом. Непризнание в УПК РТ доказательственного значения результатов пальмоскопических, эджектоскопических и ольфакторных исследований или диагностических психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа и психологического профилирования (опять же в отличие от некоторых зарубежных стран), объективно сдерживает организационное и научно-техническое обеспечение реализации названных средств в раскрытии и расследовании преступлений.

Данная ситуация, естественно, негативно проявляется применительно в целом к современным научно-техническим возможностям собирания и предварительного исследования следов преступлений на местах происшествий, т.е. в реализации технико-криминалистического обеспечения или «состояния готовности» на исполнительском уровне, в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений. При этом остаются не решенными важные криминалистически значимые задачи, упускаются реальные возможности более эффективных розыскных и следственных действий. Нами были проведены систематизация и анализ таких задач, в частности решаемых с участием специалистов-криминалистов. За основу была взята общепризнанная в криминалистике классификация следов: следы - отображения, следы - вещества, следы предметы, а также их разновидности.

Следы отображения. В их структуре традиционно приоритетное место занимают следы пальцев рук, которые составляют 42% от всех следов, изъятых на местах происшествий. Однако из них 11% оказались непригодными для идентификации, а 9% - оставлены лицами, не имеющими отношения к событию преступления, в том числе сотрудниками правоохранительных органов, которые по долгу службы посещали соответствующие объекты. Очевидна недостаточно обстоятельная отработка этих следов на месте происшествия на их принадлежность лицам, совершившим преступления, и их пригодность для идентификации [58].

Впрочем, последнее обстоятельство (изъятие следов непригодных для идентификации) в определенной мере оправдывается с учетом возможностей Республики Таджикистан их биологического исследования, определения групповой принадлежности крови, а в настоящее время и генотипа человека. Но по изученным нами уголовным делам такие исследования следов практически не проводились, если не считать два случая исследования крови на установление групповой принадлежности. Следует иметь в виду, что непригодные для идентификации следы рук, в ряде случаев позволяют решать задачу исключения лица, оставившего след, из числа подозреваемых, когда отобразившиеся в следе признаки узора папиллярных линий явно отсутствуют в отпечатках пальцев рук проверяемого лица.

Решая задачу поиска следов пальцев рук, специалист-криминалист должен иметь в виду, прежде всего, место и способ проникновения преступника в закрытое помещение (дверь, окно, балкон), и, соответственно, осуществлять поиск следов рук на замке, ручке, задвижке, решетке окна, подоконнике и тому подобных деталях. В самом помещении объектом особого внимания специалиста-криминалиста должны быть предметы, вещи, которые преступник мог брать, переставлять, переносить, взламывать, открывать. Это шкафы, тумбочки и хранящиеся в них вещи (приборы, инструменты, коробки и иные упаковочные средства), передвинутые с места стулья, бытовые приборы, посуда и т.п.

На месте происшествия по следам пальцев рук могут быть решены как диагностические, так и идентификационные задачи. В частности, по таким следам можно установить количество участников преступления (один или группа), какой рукой (правой или левой) и какими пальцами оставлены следы. В отдельных ситуациях по следам рук ориентировочно решаются вопросы о поле, росте и возрасте преступника; об особенностях следообразующей поверхности (шрамы, наслоения и т.п.); о механизме следообразования; о наличии заболевания или расположенности к нему [7, 47-53; 20, 38-41; 57, 106-110]. Например, С.С. Самищенко отмечает, что у лиц, совершивших серийные убийства отмечаются дерматоглифические особенности, имеющие корреляционную связь с преступным поведением [44, 241-255].

Не менее значимым в системе задач, решаемых на месте происшествия специалистом-криминалистом, иные следы человека, совершившего преступления. В отдельно взятом следе, а тем более в их совокупности, отображаются не просто признаки и свойства (врожденные и приобретенные) человека, а его индивидуальность, неповторимость, уникальность. Профессионально грамотный специалист-криминалист уже на месте происшествия по взаиморасположению следов человека может установить, оставил их левша или правша; по следам разреза, разруба, распила определить наличие (отсутствие) профессиональных навыков; по надкусам выявить особенности строения зубного аппарата; по окуркам установить привычку закусывать фильтр; по дорожке следов ног (обуви) ориентировочно определить рост, пол человека, его физические данные. Следы человека на месте происшествия могут свидетельствовать о его принадлежности к определенной социальной и этнической группе, о его профессии. По следам взлома можно судить о физических данных и силовых возможностях преступника, о знании им технических особенностей и качества разрушаемого объекта [23, 73-76]. При этом справедливо замечает М.Н. Фролова, «моторика преступника является источником информации о комплексе присущих ему свойств: индивидуальных особенностей телосложения, биометрических характеристик, силовых качеств, онтогенеза, двигательных предпочтениях, профессиональных бытовых навыках, привычках, аномалиях психологического, патологоанатомического и физического характеров» [52, 25-29; 53, 97].

Хотя относительно редко, но на месте происшествия обнаруживаются следы иных частей тела человека (босых ног, зубов, губ). Более того, значимая в доказательственном отношении информация по таким следам получается путем экспертного исследования в лабораторных условиях, но и на месте происшествия они могут «рассказать» специалисту о характерных особенностях оставившего их человека.

По следам босых ног с большей точностью, чем по следам обуви, можно определить анатомические особенности ступни, рост человека, а по дорожке следов - особенности его походки (длина шагов левой и правой ног, ширина расстановки ног, угол разворота ступни). В следах обуви, помимо признаков внешнего строения подошвы, могут быть ольфакторные следы человека, позволяющие использовать возможности инспектора-кинолога и его служебно-розыскной собаки. Кроме того, в таких следах (и на обуви) возможны частицы различных веществ: почвы, крови и других микрообъектов, привнесенных на место происшествия либо перемещенных на самом месте предполагаемым преступником. Результаты комплексного экспертного исследования таких следов представляются неопровержимыми доказательствами.

В следах зубов, оставленных, как правило, на вязких пищевых продуктах (сыр, шоколад, масло), а также на окурках, пробках и тому подобных объектах, отображаются анатомические индивидуализирующие человека признаки и особенности строения зубного аппарата (форма, размер зубов, промежутки между ними, отсутствие зубов и т.п.). Для данного вида следов (зубов, губ) характерно наличие следов слюны, которые, как и следы потожирового вещества в следах пальцев рук, могут стать объектами биологической экспертизы в целях установления групповой принадлежности крови, а в некоторых случаях объектами ДНК-анализа. В этой связи, извлекая из таких следов розыскную информацию, необходимую для раскрытия преступлений по горячим следам, непременно следует сохранить их для последующего экспертного исследования. Однако, результаты опроса специалистов-криминалистов показывают, что большинство из них не знают, как такие следы изымать, упаковывать и хранить.

Во всех случаях обнаружения следов человека следует иметь в виду возможное наличие, связанных с ними иных веществ (следов крови, красителей вместе со следами пальцев рук; следов губной помады на окурках, на бокале и т.п.) и так называемых периферических следов в виде осыпей. Такие вещества, в какой-то мере, свидетельствуя о признаках оставившего их человека, что может быть использовано в работе следственно-оперативной группы непосредственно на месте происшествия, в дальнейшем, как правило, становятся объектами экспертных исследований.

Такие объекты в криминалистике называются следы-предметы. Они сами по себе представляют интерес как источник розыскной и доказательственной информации, а поскольку к тому же обладают зрительно воспринимаемыми признаками (приметами), успешно могут пользоваться в раскрытии преступлений по горячим следам, начиная с места происшествия. Следует иметь в виду, что такие объекты (следы-предметы), как правило, хранят на себе ольфакторные следы, потожировых веществ владевшего ими человека, поэтому используя их для установления и розыска преступника, необходимо соблюдать правила (криминалистические рекомендации) по обеспечению сохранности таких следов для возможного экспертного исследования [49, 102].

Разнообразны по природе и механизму образования следы-вещества. Это следы крови, биологических выделений человека, следы пыли, красителей, горюче-смазочных веществ. К ним же относятся различные микрообъекты и уже упоминавшиеся ольфакторные следы человека.

По следам крови, обнаруженным на предметах материальной обстановке места происшествия и на потерпевшем (или трупe, если произошло убийство), а также на его одежде специалист-криминалист может достаточно четко проследить особенности и последовательность действий преступника. В частности, изучая следы крови, он может установить взаим-

ное положение потерпевшего и преступника в момент нанесения повреждений, их очередность и, следовательно, механизм преступления.

Опытный, профессионально грамотный специалист-криминалист может обнаружить на месте происшествия слабозаметные или вообще невидимые микроследы крови либо ее замытые пятна, что важно для установления обстоятельств преступления. Наличие крови потерпевшего на обнаруженном ноже (палке, верёвке и других предметах) может дополнить имеющуюся информацию о расследуемом событии, в частности, позволяя сделать вывод об использовании этих предметов в качестве орудий убийства. Сведения о предполагаемых следах крови на подозреваемом (его одежде) можно использовать, как для его розыска по горячим следам еще в ходе осмотра, так и при дальнейшем расследовании уголовного дела, включая выдвижение и проверку версий о лице, совершившем преступление.

Чаще всего на местах происшествий, как уже отмечалось выше, обнаруживаются и изымаются следы пальцев рук. Однако с позиции формальной логики можно утверждать, что не реже на местах происшествий остаются и иные следы биологического происхождения, в частности, ольфакторные следы. Хотя в Республике Таджикистан они не изымаются вообще. О таких следах преступники зачастую просто не догадываются. В практике Российской Федерации довольно редко встречаются факты, когда преступники пытаются воспрепятствовать использованию таких следов в целях раскрытия и расследования преступлений, прежде всего, с использованием служебно-розыскных собак (посыпают пол или землю табаком, перцем, поливают пахучими жидкостями). Однако это не исключает возможности изъятия таких следов, их «консервации», помещения в банк данных и последующего использования для установления лиц, совершивших преступления [46].

Учитывая изложенное о следах преступлений, остающихся на местах происшествий, и разделяя мнение ученых-криминалистов об их значении, как источниках самой разнообразной и незаменимой розыскной и доказательственной информации, следует отметить особую роль в их обнаружении, фиксации, изъятии и предварительном исследовании специалистами-криминалистами. Даже краткий, системный анализ таких следов показывает, как разнообразна и сложна, должна быть техника решения указанных задач и какими разносторонними многопрофильными (в отличие от эксперта предметной специализации) знаниями, умениями и навыками должен обладать специалист-криминалист.

Результаты анализа теории и практики участия специалистов-криминалистов в осмотрах мест происшествий и в связанной с этим следственным действием поисково-исследовательской деятельности, его задачи в концентрированном, но самом общем виде, нами представляются следующим образом: 1) обнаружение, фиксация, изъятие материально отображенных следов преступления; 2) установление механизма следообразования; 3) определение (распознавание) природы следа-вещества и следоносителя; 4) реконструкция (восстановление) обнаруженных объектов - целого по частям; 5) изъятие (получение) образцов; 6) установление возможности идентификации объекта; 7) изучение проверяемых объектов в целях установления искомого; 8) установление причинно-следственных связей; 9) установление временных связей; 10) установление в целом механизма и способа преступления; 11) выявление признаков и свойств лица, совершившего преступление; 12) участие в выдвижении и проверке версий; 13) составление розыскных и информационных справок; 14) формирование предложений в информационно-розыскных документах; 15) обеспечение использования методов и средств криминалистической техники; 16) моделирование признаков и свойств лица, совершившего преступление (его внешнего вида) по обнаруженным следам; 17) оказание помощи оперативному работнику в его поисковых и проверочных действиях; 18) оказание помощи следователю в описании следов и иных объектов изъятых при осмотре места происшествия; 19) проверка изъятых следов по криминалистическим учетам; 20) оказание помощи следователю в профессионально грамотном описании процесса и результата следственного действия, изъятых следов преступлений; 21) оказание помощи следователю в упаковке и обеспечении сохранности изъятых следов преступления.

Каждая из приведенных в данном перечне задач достойна детального анализа и освещения с точки зрения методики ее решения, а некоторые из них могли бы стать предметом самостоятельных исследований. Однако, не имея такой возможности, остановимся более подробно на проблемных вопросах моделирования признаков и свойств (внешнего облика) лица, совершившего преступление. Тем более, что решение этой задачи базируется во многом на результатах решения других обозначенных в этом перечне технико-криминалистических задач. Следует заметить, что проблеме моделирования в криминалистике уделяется достаточно много внимания [8; 9; 29], в том числе особенностям ее решения в условиях осмотра места происшествия [17, 17-21; 19; 34, 121-125; 51, 123-130; 54]. При этом используются признаки и свойства соответствующего лица, отобразившееся не только в материальных, но и идеальных следах преступлений, т.е. в памяти потерпевшего и сторонних очевидцев преступления.

Чаще всего на практике в процессе осмотра места происшествия моделируются такие признаки, как рост, возраст, фигура, признаки лица, головы, одежды, обуви. Зачастую обозначаются признаки сопутствующих предметов (украшения, очки, сумки и т.п.), а иногда и функциональные, профессиональные, социальные признаки и свойства.

В методике моделирования признаков и свойств человека особое значение имеет комплексное исследование всех следов преступления, их общей «картины», что предопределено сущностью решаемых при этом задач. Разумеется, роль исследования отдельных следов при этом не уменьшается, более того возрастает, поскольку каждый из них рассматривается во всем многообразии его функциональных и иных связей с другими следами. Этим объясняется чрезвычайная сложность данной задачи, и довольно редко отмечаются случаи ее успешного решения на месте происшествия. При этом в Республике Таджикистан, такие случаи в изученных нами протоколах осмотра места происшествия не обнаружены, возможно, потому, что в данных протоколах результаты такой работы специалиста-криминалиста не отображаются.

Между тем, комплексное исследование в целях моделирования признаков и свойств преступника предполагает использование различных источников о самых разнообразных следах преступлений, что и дает основание говорить о работе специалиста-криминалиста на месте происшествия как о самой сложной «экспертизе», как об уникальной, многоаспектной, требующей универсальных знаний и умений, в отличие от работы узко специализирующегося эксперта [14, 22-25; 50, 121-136], который, как правило, обладает более основательными, глубокими знаниями по предмету конкретного вида экспертизы, но практически оказывается беспомощным на месте происшествия, особенно в решении таких сложных задач, как комплексное исследование «картины следов», моделирование признаков и свойств преступника.

Созданная на месте происшествия такая модель, естественно, уточняется, дополняется в процессе расследования уголовного дела, по мере поступления новой информации о проявляющейся в результате проведения экспертиз и исследований. При этом не только выявляются признаки и свойства искомого лица (возможного преступника), но и прослеживаются их корреляционные связи между собой и с соответствующими следами.

Важно иметь в виду, что созданная на месте происшествия модель признаков и свойств преступника имеет ориентирующее значение и выполняет эвристическую функцию, помогает отбирать и анализировать факты, мобилизует опыт, знания, активизирует аналитическую деятельность, способствует уточнению проблемных ситуаций, помогает определить пути их решения [26, 39]. Особенно значима роль таких моделей при раскрытии и расследовании серийных преступлений, в частности убийств [28, 21-76; 35, 44-51; 36, 138-146; 39, 30-35; 40, 16-22].

Показательный в этом отношении пример описанный Ткач В.Ю.: «в Подмосковье было совершено изнасилование нескольких женщин, четыре из которых были убиты. Преступник выбирал жертву на железнодорожных платформах, следовал за ней до безлюдного места и, надев маску, внезапно оглушал ее тяжелым предметом. На местах происшествий во всех случаях изымались предметы одежды потерпевших со следами (микрообъектами) контакта с

одеждой преступника, следы спермы, в одном - волосы и следы крови (потерпевшая укусила преступника за руку и его кровь попала на ее одежду). В двух случаях изъяты следы обуви, в одном - следы пальцев рук (на брошенной преступником пачке из-под сигарет). Используя к тому же показания женщин, оставшихся в живых, специалисты-криминалисты составили психологический профиль и модельный образ преступника, довольно точно определив его рост, возраст, особенности речи, одежды, обуви, группу крови, цвет волос. Даже при отсутствии возможности изготовить субъективный портрет, такая информация имела важное значение в установлении и задержании преступника» [49, 109].

Возможность моделирования признаков и свойств преступника не исключается и при совершении им одиночного преступления. Многое в таких случаях зависит от содержания и достоверности исходной информации, что, в первую очередь и самым непосредственным образом, зависит от результативности работы специалиста-криминалиста по ее выявлению и предварительному исследованию.

Чтобы более содержательно и четко представить сложность задач, решаемых специалистом-криминалистом на месте происшествия, следует учитывать разновидность преступлений и способов их совершения, огромное разнообразие следов преступлений и иных объектов, с которыми ему приходится иметь дело, наконец, сложность (техническая и функциональная) тех методов и средств, которые реализуются при решении указанных задач. Не случайно в некоторых зарубежных странах, например в Германии, осуществляется специализация сотрудников технической полиции (специалистов-криминалистов), участвующих в осмотрах мест происшествий по тяжким и особо тяжким преступлениям [25, 133-138], а в Австралии, Англии, Канаде, США, Новой Зеландии, Франции и ряде других стран осуществляется подготовка криминалистов легководолазов для участия в осмотрах места происшествия [48, 65-70].

Во всяком случае, это направление или вид деятельности в раскрытии и расследовании преступлений требует более пристального внимания и в нашей стране.

В опросе выпускников экспертного факультета Волгоградской академии МВД РФ осуществляющих трудовую деятельность в экспертно-криминалистическом управлении МВД Республики Таджикистан меньше половины (44%) смогли назвать минимальный ряд задач участия специалиста-криминалиста в процессуальных действиях из 21, а почти четверть из числа опрошенных (23%) ограничились упоминанием в пределах 5 позиций.

Еще хуже в этом отношении организация и результаты освоения особенностей осмотра места происшествия на юридических факультетах ВУЗов Республики Таджикистан. Абсолютное большинство (73%) выпускников юридических факультетов полагают, что все, связанное с криминалистической техникой при проведении следственных действий, задача не следователей и дознавателей, а экспертов-криминалистов. Очевидно, что такой, по существу, их «иждивенческий», не компетентный настрой, во-первых, противоречит положениям УПК РТ, определяющим ответственность следователей и дознавателей за результаты собирания доказательств, а во-вторых, не состоятелен с точки зрения современных штатных возможностей экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел обеспечить участие в осмотрах мест происшествий по всем регистрируемым преступлениям. Не случайно все чаще можно услышать предложения от экспертов-криминалистов, выступающих в роли специалистов, о необходимости ограничения их участия в осмотрах мест происшествий только по тяжким и особо тяжким преступлениям.

В этом отношении нами усматривается одна из серьезных проблем технико-криминалистического обеспечения осмотра места происшествия.

Список использованной литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 (ред. от 24 февраля 2017 г.) // [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: http://www. http://www.innovbusiness. ru/pravo/DocumShow_DocumID_36351. html. (дата обращения: 20.10.2017).

2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: с постановочными материалами 1960 г. (в редакции Законов от 24 января 1985 г.). - М.: Юридическая литература, 1987. - 352 с.
3. Алексеев С.С. Эффективность правовых норм. - М., 1980. - 320 с.
4. Аргументы и факты. - М., 20 января, 2009 г. - № 2. - С. 6.
5. Арипов А.Л. Деятельность следователя по собиранию и проверке доказательств на предварительном следствии (по законодательстве Республики Таджикистан): Дисс. канд. юрид. наук. - М., 2011. - 205 с.
6. Бишманов Б.М. О содержании технико-криминалистического обеспечения // Известия Тульского гос. Ун-та. Серия: Современные проблемы законодательства России, юридических наук и правоохранительной деятельности. - Тула, 2003. - Вып. 9. - С. 42-44.
7. Бугаев К.В., Петров В.Н. Типы папиллярных узоров пальцев рук как индикатор социально-психологических свойств личности // Вестник криминалистики. - М., 2008. - Вып. 3 (27). - С. 47-53.
8. Волчецкая Т.С. Моделирование в криминальных и следственных ситуациях: учебное пособие. - Калининград, 1994. - 110.
9. Волчецкая Т.С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и в следственной практике: учебное пособие. - Калининград, 1997. - 95 с.
10. Волынский А.Ф. Еще раз о криминалистическом обеспечении и инновациях (письмо ответственному редактору по поводу «Заметок на полях») // Вестник криминалистики. - М., 2012. - Вып. 1 (42). - С. 25-27.
11. Волынский А.Ф. Инновационная сущность криминалистического обеспечения расследования преступлений // Вестник криминалистики. - М., 2001. - Вып. 3 (39). - С. 26-29.
12. Волынский А.Ф. Криминалистическая служба МВД России: былое, настоящее, будущее // Вестник МВД России. - М., 2009. - № 3 (104). - С. 76-83.
13. Волынский В.А. Криминалистическая техника. Наука. Техника. Общество. Человек: монография. - М.: ЮНИТИ. Закон и право, 2000. - 311 с.
14. Волынский А.Ф. Место происшествия: следы ведут к преступнику / А.Ф. Волынский // Советская милиция. - М., 1984. - № 5. - С. 22-25.
15. Волынский В.А. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: монография. - М.: ВНИИ МВД СССР, 1992. - 142 с.
16. Волынский А.Ф., Тишутина И.В. Некоторые проблемы реализации социальных функций криминалистики // Вестник Владимирского юридического института. - Владимир: Изд-во ВЮИ ФСИН России, 2009. - № 3 (12). - С. 46-50.
17. Грановский Г.Л. Теоретические проблемы моделирования в криминалистике // Актуальные проблемы теории и практики криминалистики и судебной экспертизы. - М.: ВНИИСЭ Мин. юст. СССР, 1978. - С. 17-21.
18. Гульянц А.Г. Топорков А.А. Информационный потенциал осмотра места происшествия // Lex Russica. Научные труды МГЮА, 2004. - №3. - С. 763-775.
19. Жбанков В.А. Человек как носитель криминалистически значимой информации. - М., 1993. - 36 с.
20. Ивашков В.А. Работа со следами рук на месте происшествия. - М., 1992; Клягин А.А. Следы пальцев на резиновых перчатках // Экспертная практика. - М.: ВНИИ МВД СССР, 1969. - № 3. - С. 38-41.
21. Ищенко Е.П. Научно-технический прогресс как определяющий фактор совершенствования криминалистической техники // Проблемы развития криминалистики в условиях научно-технического прогресса. - Свердловск, 1982. - С. 54-63.
22. Ищенко П.П. Специалист в следственных действиях (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты). - М., 1990. - 180 с.
23. Кантор И.В., Тарасов В.П. Возможности определения силовых характеристик воздействия орудия взлома на преграду // Использование специальных знаний на первоначальном этапе расследования. Сб. научных трудов Высш. след. шк. МВД СССР. - Волгоград, 1983. - С. 73-76.
24. Коломацкий В.Г. К истории криминалистического обеспечения расследования преступлений // Информационный бюллетень по материалам криминалистических чтений «Криминалистическое обеспечение борьбы с преступностью». - М.: Акад. упр. МВД РФ, 2001. - № 13. - С. 19-24.
25. Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. - М.: Юнити. Закон и право, 2009. - 943 с.

26. Криминалистические методы и средства установления лиц, совершивших преступления / В.А. Жбанков, Г.Н. Меглицкий. - М., 1993. – 275 с.
27. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования: учебник / под ред. Р.С. Белкина. - М.: Новый Юрист, 1997. – 400 с.
28. Лаврухин А., Дмитриев О. По следу маньяка. - Владимир: Калейдоскоп, 1999. – 125 с.
29. Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений. - М.: Юридическая литература, 1987. – 152 с.
30. Мальцев О.А. Осмотр места происшествия как источник получения исходных данных о личности преступника: текст лекций. - Новосибирск: Изд-во НГАЭиУ, 2001. – 42 с.
31. Парамонова Г.В., Первушина И.Н. О некоторых аспектах тактики участия специалиста-криминалиста в осмотре места происшествия // Ученые записки юридического факультета. - 2010. - Вып. 17 (27). - С. 74-77.
32. Парфёнов А.А. Актуальные проблемы осмотра места происшествия и перспективы их решения // Организация предварительного расследования. Проблемы и перспективы: материалы Международ. науч.-практич. конф. (Москва, 20 ноября 2015 г.) / под ред. А.И. Бастрыкина. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. - С. 263-268.
33. Парфёнов А.А. Генезис и эволюция учения криминалистики о месте происшествия, как средстве получения доказательств в уголовном процессе // Актуальные проблемы юридических наук: теория и практика. Материалы Международ. науч.-практич. конф., посвященной 25-летию независимости РТ и 20-летию РТСУ (Душанбе, 27-28 октября 2016 г.). - Душанбе: РТСУ, 2016. - С. 312-320.
34. Парфёнов А.А. К вопросу о применении в оперативно-розыскной деятельности методов психологического профилирования и боди-лэнгвиджа в целях выявления экстремистов // Современное состояние науки и законодательства об оперативно-розыскной деятельности: материалы международной научно-практической конференции (г. Душанбе 7 апреля 2016 г.). - Душанбе: Вектор-Принт, 2016. - С. 121-125.
35. Парфёнов А.А. К вопросу о рипперологии // Вестник Российско-Таджикского (славянского) университета. - 2009. - №1 (23). - С. 44-51.
36. Парфёнов А.А. Перспективы внедрения психолого-криминалистического профилирования в правоохранительные органы Республики Таджикистан при расследовании преступлений // Труды Академии МВД РТ. - 2015. - № 3 (27). - С. 138-146.
37. Парфёнов А.А. Проблемы процесса сбора и получения доказательств в ходе предварительного расследования в Республике Таджикистан // Актуальные вопросы реформы процессуального законодательства и правоохранительной деятельности (материалы междунар. науч.-теоретич. конф., г. Душанбе, 25 ноября 2016 года) // Под ред. зав. кафедрой судебного права и прокурорского надзора, к.ю.н., доцента Махмудова И.Т. - Душанбе: Визави, 2016. - С. 393-397.
38. Парфёнов А.А. Проблемы усовершенствования экспертно-криминалистических подразделений, в рамках проекта реформирования органов внутренних дел Республики Таджикистан // Сборник материалов междунар. науч.-практич. конф. «Актуальные проблемы реформирования органов внутренних дел Республики Таджикистан» (Душанбе, 27 ноября 2015 г.) - Душанбе: Типография МВД, 2016. - С. 149-152.
39. Парфёнов А.А. Психологическое профилирование при расследовании серийных убийств // Вестник Российско-Таджикского (славянского) университета. - 2009. - №3 (25). - С. 30-35.
40. Парфёнов А.А. Психолого-криминалистический анализ серийных убийств // Вестник Российско-Таджикского (славянского) университета. - 2007. - № 3 (17). - С. 16-22.
41. Парфёнов А.А. Роль и значение криминалистических теорий и учений в методологической основе учения о месте происшествия // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. - № 2 (34). - 2017. - С. 37-46.
42. Парфёнов А.А., Хамроев Ш.С. Особенности фиксации вещественных доказательств при производстве осмотра места происшествия: анализ практики осуществления в Республике Таджикистан, Российской Федерации и зарубежных странах // Национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ тенденций и перспектив развития: материалы V международной научно-практической конференции (Душанбе, 31 октября 2017 г.). - Душанбе: РТСУ, 2017. - С. 503-511.
43. Самиев Н.М. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации): Дисс. канд. юрид. наук. – М., 2016. – 221 с.
44. Самищенко С.С. Диагностические исследования папиллярных узоров человека: научные основы и реальные возможности // Публичное и частное право. - М., 2008. - № 1. - С. 241-255.

45. Скорченко П.Т. Криминалистика. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений: учебное пособие. - М.: «Былина», 1999. – 272 с.
46. Старовойтов В.И., Мамонова Т.Н. Запах и ольфакторные следы человека. - М.: ЛексЭст, 2003. – 116 с.
47. Статкус В.Ф. Осмотр места происшествия (правовые, организационные и технико-криминалистические проблемы) // Вестник криминалистики. - М.: Спарк, 2001. - № 2. - С. 53-56.
48. Тесленко Е.С. Опыт полиции США в обучении и подготовке легководолазов для их участия в следственных действиях // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. - № 1 (16). – С.65-70.
49. Ткач В.Ю. Место происшествия как объект криминалистического исследования (проблемы научно-технического и организационного обеспечения): Дис. канд. юрид. наук. - Волгоград, 2014. – 221 с.
50. Ткачук Т.А. Использование результатов исследований и экспертиз в поиске преступника: Дис. канд. юрид. наук. - М.: ЮИ МВД РФ, 2001. – 166 с.
51. Толстухина Т.В. Некоторые аспекты исследования свойств личности, отобразившихся в следе // Современные проблемы криминалистики. Труды Акад. Упр. МВД РФ. - М, 1988. - С. 123-130.
52. Фролова М.Н. Возможности криминалистического исследования динамических признаков человека // Вестник криминалистики. - М., 2006. - Вып. 1 (17). – С. 25-29.
53. Фролова М.Н. К вопросу об исследовании свойств личности преступника, отобразившегося в следах // Известия Тульского государственного университета. - Тула: ТГУ, 2002. - Вып. 6. - С. 92-98.
54. Хазиев Ш.Н. Техничко-криминалистические методы установления признаков неизвестного преступника по его следам: учебное пособие / под ред. И.М. Лузина. - М.: Акад. МВД СССР, 1986. – 39 с.
55. Хижняк Д.С. Осмотр места происшествия: учебное пособие. - Саратов: Научная книга, 2005. – 79 с.
56. Чистова Л.Е. Техничко-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия: учебное пособие. - М.: МЮИ, 1998. – 89 с.
57. Шахов С.Р., Ченцов Ю.П., Павлушов В.И. Возможности повышения эффективности работы специалиста при выявлении следов рук на месте происшествия // Теория и практика использования специальных знаний при расследовании преступлений. Сб. науч. Трудов Высшей след. шк. МВД СССР. - Волгоград, 1989. - С. 106-110.
58. Эджубов Л.Г., Брудский В.С. Количественный метод определения пригодности следов папиллярных узоров для идентификации. - М., 1974. – 114 с.

ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ И ИЗЪЯТИЯ СРЕДОВ РУК НА ЛИПКИХ, КЛЕЯЩИХСЯ И ВЛАЖНЫХ ПОВЕРХНОСТЯХ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Парфёнов А.А., старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Российско-Таджикского (славянского) университета

Осмотр места происшествия - это одно из основных процессуальных действий, которое является первоначальным, неотложным и базовым следственным действием, и направлено на обнаружение, выявление, фиксацию и изъятие следов преступления, позволяющих установить обстоятельства, имеющие значение для раскрытия и расследования дела и уяснить механизм происшедшего события. Как известно, при осмотре мест происшествий специалисты-криминалисты нередко сталкиваются со следами рук, отобразившимися на различных липких и влажных поверхностях, которые преступники использовали в процессе подготовки и при совершении преступлений (заклеивание рта жертвы, связывание рук и ног жертвы, для крепления взрывчатых устройств, выброшенных орудий преступления во влажную среду и т.п.). При этом подобного рода следы практически не изымаются, в силу ряда причин и обстоятельств, что свидетельствует о качественном уровне знаний соответствующего субъекта о методах работы со следами, умения использовать соответствующие технико-криминалистические средства и приемы и т.д., что в свою очередь влияет на доказательственную базу, расследование и раскрытие преступлений в целом.

В связи с этим существует ряд особенностей выявления следов рук на липких и клеящихся поверхностях, так как липкие ленты по типу скотч или дактилоскопические пленки и, в большинстве случаев, клеящиеся поверхности имеют чистую и гладкую следовоспринимающую поверхность. Но склеивание нескольких слоев той же самой липкой ленты делает следы рук, оставленные на их поверхности недоступными для исследования. В связи с этим данные вещественные доказательства остаются вне поля зрения экспертов-криминалистов, что соответственно влечет за собой то обстоятельство, что данные объекты не исследуются в полном объеме. Доказательственное же значение дактилоскопической экспертизы в раскрытии и расследовании преступлений трудно переоценить.

Объектом исследования являются следы рук, оставленные на поверхности липких лент, как на подложке, так и на липкой стороне, а также иной клеящейся поверхности. Основная цель — достижение качественного уровня осмотра при выявлении и фиксации следов рук на липких лентах на полимерной основе. Новизна состоит в разработке новых методов применения растворителей в концентрациях, позволяющих разъединять слои липких лент без повреждения следов рук, образованных потожировым веществом.

Для этих целей может быть использована черная или белая суспензия BVDA, входящая в «Комплект для выявления следов рук на липких поверхностях» производства ООО «Криммедтех» (Россия), основанная на свойствах адгезивности. Данный комплект предназначен для выявления следов рук на липких и клеящихся поверхностях резиновых и акриловых лент, таких как изоляционная, упаковочная канцелярская и содержит в себе предварительно смешанные и готовые к применению суспензии. В данный комплект входят следующие компоненты:

1) суспензия BVDA черная (Wet Powder Black – В-89350) и белая (Wet Powder White – В-89360), предназначенные для выявления следов рук на липкой и клеящейся поверхности;

2) разделитель клейкой ленты, предназначенный для неразрушающего отделения пленки от контактирующей поверхности с сохранением липкого слоя и имеющихся на нем следов рук;

3) вспомогательное оснащение (пипетка, промыватель объемом 250 мл, перчатки, пинцет, емкость для промывания, кисть пони № 10, дактилопленка светлая и темная 9x12 см).

Работа с использованием вышеуказанного комплекта осуществляется в два этапа:

- 1) отделение пленки от поверхности объекта;
- 2) выявление следов рук на липкой или клеящейся поверхности путем нанесения кистью предварительно перемешанной суспензии BVDA на липкий слой поверхности и по истечении 15 секунд смыва суспензии слабой струей воды.

При недостаточном контрасте данную процедуру необходимо повторить.

В практике правоохранительных органов других стран, в частности МВД РФ, применяются и иные методы выявления следов рук на липких и клеящихся поверхностях. Для этого применяется порошок для липкой ленты Scotch. Этот порошок осаждается на следах, оставленных на клейкой стороне липкой ленты и дает хорошие результаты на прозрачных и слегка окрашенных лентах: упаковочных, защитных, хирургических, лентах для ремонта трубопроводов, клейких микропористых для изоляции швов, а также клейких этикетках. Порошок применим и для выявления следов на влажных лентах. В набор «Стикер» производства ООО «Криминалистическая техника» (Россия) входят следующие компоненты:

- 1) нейтрализатор, служащий для неразрушающего отделения пленки от контактирующей поверхности с сохранением липкого слоя и имеющихся на нем следов рук;
- 2) специализированные порошки (черный или белый), предназначенные для выявления следов рук на клейкой поверхности пленки;
- 3) растворитель для специализированных порошков;
- 4) вспомогательное оснащение (емкости, зажимы, пипетки, перчатки, кисти, фонарь, приспособления для сушки и т.д.).

Работа с использованием набора «Стикер» осуществляется также в два этапа:

- 1) отделение пленки от поверхности объекта;
- 2) выявление следов рук.

Отделение пленки от липкой поверхности объекта со следами рук, при использовании первого и второго метода проводят, как правило, вдвоем. При этом используется нейтрализатор (разделитель клейкой ленты), действие которого основано на временной блокировке липких свойств пленки. Один эксперт, набрав в пластиковую пипетку (или пластиковую емкость с пипеткой) 2-3 мл нейтрализатора (разделителя клейкой ленты), равномерно смачивает им зону отделения липкого слоя пленки от поверхности со следами рук, осторожно (с помощью пинцета с пластиковыми губками) отделяя пленку от поверхности. Второй эксперт с помощью пинцета перехватывает у первого эксперта отделенный конец пленки. При этом необходимо следить за тем, чтобы контакт пленки с пинцетом производился в местах, свободных от следов рук. При этом, контроль наличия следов рук на липком слое пленки рекомендуется осуществлять с помощью налобного фонаря, закрепленного на голове первого эксперта, и ручного фонаря, находящегося в руках у второго эксперта.

Сушку пленок длиной до 0,5 м рекомендуется осуществлять в горизонтальном положении, а длиной от 0,5 м до 1,5 м - в вертикальном положении, используя специальные приспособления и зажимы, входящие в состав комплектов. Время сушки должно составлять не более 3 мин. Конструкция обоих приспособлений позволяет в процессе сушки исследовать клейкую поверхность пленки в проходящем или косопадющем освещении для обнаружения следов рук или микрочастиц.

Обнаруженные микрообъекты изымают с липкой поверхности пленки с помощью пинцетов для работы с микроволоконками. Это должно быть осуществлено до начала обработки клейкого слоя пленки пастообразными суспензиями, так как после воздействия нейтрализатора (разделителя клейкой ленты) проведение биологических исследований невозможно.

Участки со следами рук помечают метками, которые наносят на гладкую сторону пленки.

После отделения пленки от поверхности ее высушивают и через 1-2 минуты полностью восстанавливается ее форма; при этом сохраняются нанесенные на нее рисунки и надписи.

Для выявления на пленке следов рук готовят пастообразную смесь из растворителя и 10 г порошка (порошок выбирается в зависимости от цвета исследуемой липкой ленты: для темных пленок используется белый порошок; для светлых и прозрачных - черный). Для приготовления смеси в мерную пластиковую емкость объемом 30 мл высыпают

порошок требуемого цвета, затем наливают растворитель до уровня 20 мл и с помощью кисти размешивают до пастообразного состояния. Отрезок пленки длиной не более 0,5 м с предполагаемыми следами рук закрепляют с помощью зажимов с пластмассовыми губками на кювете (входящей в состав набора). Отмеченный участок пленки со следами рук обкладывают грузами с двух сторон; в образовавшуюся нишу заливают пастообразную смесь, при этом необходимо учитывать то обстоятельство, что пастообразная смесь частично теряет свои свойства через 1 час после приготовления. Толщина слоя смеси должна быть не менее 3-4 мм, нанесение более тонкого слоя может привести к потере следов вследствие быстрого ее высыхания.

Время обработки смесью клейкой поверхности пленки составляет 15-20 минут. После этого грузы из кюветы извлекают, а кювету с пленкой под наклоном помещают под слабую струю проточной холодной воды для удаления пастообразной смеси. Затем пленку осматривают. Если следы рук проявились недостаточно, то пастообразную смесь наносят заново; время вторичной обработки - 15 минут. Затем пленку промывают, осматривают и высушивают.

Выявленные после высыхания пленки следы рук фотографируют. Затем их следует вырезать, покрыть прозрачной транспортировочной пленкой и упаковать в транспортировочную тару.

В зависимости от времени нахождения следов рук на клейкой поверхности, условий хранения пленки и перепадов температуры, обработка пастообразной смесью может не дать необходимых результатов. В таком случае целесообразно сфотографировать следы и упаковать участки пленки с выявленными следами без защитной транспортировочной пленки, закрепив их неподвижно в футляры (коробки), чтобы исключить возможность слипания.

В настоящее время данными техническими средствами оснащены еще не все правоохранительные органы Республики Таджикистан и крайне мало информации в специальной литературе о методах выявления, фиксации и изъятия следов рук на различных липких лентах.

Кроме выявления следов рук на липкой поверхности, существует метод разработанный Волгоградской академией МВД России, по выявлению следов рук на подложке липких лент, который позволяет:

- 1) разъединить липкие слои за счет разрушения клеящих веществ;
- 2) сохранить следы рук, находящиеся на подложке липких лент.

Как правило, разъединение нескольких слоев липких лент приводит к уничтожению следов рук. Для устранения данной проблемы экспериментальным путём был подобран ряд органических растворителей, которые быстро вступают в реакцию с клеящими веществами на лентах, но при этом не нарушают структуру основы липких лент. К таким растворителям относятся ацетон, бензол, толуол, гептан. При обработке склеенных липких лент основа лент остается неизменной, но потожировое вещество следов рук частично, либо полностью уничтожается.

Учитывая данное обстоятельство опытным путем было установлено, что наиболее щадящим действием на потожировое вещество обладает гексан, который целесообразно применять в экспертной практике.

В стеклянную емкость с растворителем гексан (количество не имеет значения) погружают склеенную липкую ленту, причем она должна быть погружена полностью. Обработка липкой ленты в гексане с целью растворения клеящего вещества в среднем составляет 5-7 минут. Более точное время следует определять визуально, периодически вынимая ее и проверяя на расклейку. Разъединение слоев должно происходить без какого-либо усилия. После разъединения слоев пленку выдерживают в растворителе до полного исчезновения полупрозрачного белесого налета, который хорошо заметен на просвет.

Основной задачей выявления следов рук является повышение контраста между фоном ленты и цветом потожирового вещества следов.

Контроль интенсивности окрашивания следов в этом интервале времени необходимо определять визуально, периодически вынимая ленту из раствора. Данный метод позволяет получить следы рук, пригодные для идентификации по ним личности, и не требует применения, какого-либо дорогостоящего оборудования и специально подготовленного персонала.

В целях выявления следов рук на влажных поверхностях может быть использован черный или белый реагент SIRCHIE входящий в «Комплект для выявления следов рук на влажных поверхностях» производства ООО «Криммедтех» (Россия), также, основанный на свойствах адгезивности. Данный комплект предназначен для выявления следов рук на влажных поверхностях и содержит в себе предварительно смешанные и готовые к применению реагенты. В данный комплект входят следующие компоненты:

1) реагент SIRCHIE черный (Small Particle Reagent Dark (SPR-D - № SPR1001) и белый Small Particle Reagent White (SPR-W - № SPR2001), предназначенные для выявления следов рук на влажной поверхности;

2) вспомогательное оснащение (емкость для воды с распылителем объемом 500 мл).

Работа с использованием указанных реагентов осуществляется двумя методами:

1) методом распыления;

2) методом погружения.

Выявление следов рук на влажных поверхностях с использованием метода распыления осуществляется следующим образом.

Перед использованием и во время применения реагент интенсивно взбалтывается, во избежание осаждения частиц порошка на дно флакона. При этом, перед применением реагента необходимо установить форсунку распылителя в режим мелкого распыления и проверить качество распыления. Распыление реагента необходимо осуществлять выше места предполагаемого расположения следов, в связи с тем, что в результате применения реагент должен скатываться по поверхности и оседать на следах рук. После распыления реагента, необходимо распылить чистую воду, с целью смытия излишков реагента до полной визуализации следов рук (распыление воды осуществляется по аналогии с распылением реагента). По достижению цели объект с выявленными следами рук необходимо высушить.

При необходимости контрастирования следов рук процедуру необходимо повторить.

При осуществлении данного метода можно также изъять влажные следы рук на дактилоскопическую пленку. Для этого необходимо удалить излишки воды из-под дактилоскопической пленки при помощи резинового шпателя, двигаясь от центра к краям дактилопленки. После чего соединить липкий слой дактилопленки с защитным слоем и повторно удалить воду тем же способом.

Также при применении указанного метода необходимо учитывать особенности ситуаций. Если объект сильно загрязнен, его предварительно необходимо обработать водой из распылителя до удаления грязи, учитывая такие меры предосторожности работы со следами рук как запрет на взаимодействие с местом предполагаемого расположения следов.

При выявлении следов рук на влажных поверхностях с использованием метода погружения необходимо вылить реагент в ванночку или резервуар и тщательно перемешать, не давая частицам порошка опуститься на дно. Далее необходимо погрузить объект, на котором необходимо выявить следы, обрабатываемой стороной вверх в реагент на 50 мм ниже поверхности и оставить его до осаждения частиц порошка. Для выявления следов рук на небольшом объекте или объекте сложной формы можно полить его реагентом из мензурки. Время проявления следов составляет около 30 секунд. После проявления следов объект необходимо осторожно промыть, путем покачивания его в ванночке с чистой водой.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что внедрение новейших достижений науки в процесс обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов, а также повышение уровня технической оснащенности экспертно-криминалистических подразделений правоохранительных органов Республики Таджикистан являются важными условиями дальнейшего улучшения качества работы при раскрытии и расследовании преступлений.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОЖАРАМИ

Пасовец Е.Ю., доцент кафедры организации службы, надзора и правового обеспечения Университета гражданской защиты МЧС Беларуси, кандидат юридических наук, доцент, подполковник внутренней службы

Пожары – это чрезвычайные ситуации, возникающие почти ежедневно. Они негативно влияют на демографическую, социальную, экономическую ситуацию страны, влекут привлечение значительных сил и средств со стороны государства для ликвидации последствий пожаров и предупреждения их возникновения. Трансграничный характер пожаров очевиден. Пламя не соблюдает установленных государством границ, в связи с этим высокую актуальность получают вопросы разработки международного взаимодействия при расследовании пожаров, в том числе, носящих криминальный характер. В настоящее время обществом принимаются попытки налаживания взаимодействия между различными государственными органами при расследовании того или иного деяния. Не исключение пожары. В частности, формируются правовые основы, которые позволяют обеспечивать оперативно ликвидацию чрезвычайных ситуаций, связанных с пожарами, и их расследование. Важной составляющей последнего является возможность создания международных следственно-оперативных групп по расследованию пожаров. Правовой основой в международном формате данной деятельности является статья 20 Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 08 ноября 2001 года. Она предусматривает создание международных оперативно-следственных групп для расследований противоправных деяний, в том числе связанных с пожарами. Еще один регламентированный правовой сегмент данной деятельности содержится в Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, где предусмотрена возможность создания органов по проведению совместных расследований. В правовом сегменте данная возможность была закреплена и в Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанной в городе Кишеневе.

В дополнение отмечу, что в настоящее время проводится активная работа по обучению и обмену опытом в сфере расследования пожаров между странами. В 2016 году в рамках международного технического комитета по предотвращению и тушению пожаров была создана рабочая группа среди стран-участников по расследованию пожаров. Ежегодные заседания данной группы обсуждают вопросы эффективного международного сотрудничества в рамках совместного расследования пожаров, технического взаимодействия при осмотре места пожара и правового обеспечения данной деятельности. Однако, проанализировав правоприменительную практику, можно констатировать, что международное взаимодействие в рамках расследования преступлений, в том числе, связанных с пожарами, заключается в основном в организации и оказании помощи в рамках ликвидации либо профилактики негативных явлений. Что касается расследования, то за последнее десятилетие в стране не было создано ни одной следственно-оперативной группы по расследованию преступления, связанного с пожаром. Причиной сложившейся ситуации, представляется, является правовое несовершенство законодательства. Так, в правовом поле не определена форма взаимодействия, механизм его организации, источники финансирования и полномочия международных субъектов взаимодействия при расследовании преступлений, связанных с пожарами. Например, нигде не регламентируется порядок создания международной оперативно-следственной группы, сотрудники каких органов могут быть участниками совместных групп, механизм проведения след-

ственных действий в случае необходимости их осуществления на территории разных государств и т.д.

В силу вышеизложенного, представляется, что в настоящее время назрела объективная необходимость в создании на международном уровне правового документа, в котором предусмотреть следующие позиции. Во-первых, порядок создания международных следственно-оперативных групп. Например, включить в документ следующую норму: «В случае необходимости проведения следственных и процессуальных действий на территории различных государств, при проведении проверок либо расследований может быть создана заинтересованными участниками совместная международная следственно-оперативная группа. Инициатор создания международной следственно-оперативной группы в кратчайшие сроки направляет предложения о включении в нее должностных лиц организаций и учреждений заинтересованным участникам. Инициатором создания международной следственно-оперативной группы выступает уполномоченный орган того государства, на территории которого обнаружен факт, который подлежит проверке либо расследованию». Например, если на территории Республики Польша был обнаружен пожар в лесном массиве и есть основания полагать, что причиной его явился поджог леса на территории Республики Беларусь, инициатором создания совместной следственно-оперативной группы должна выступать Республика Польша. Кроме того, необходимо предусмотреть сроки создания международных групп расследования. Представляется, наиболее оптимальным сроком, с учетом международного характера правоотношений, является 15 дней со дня принятия решения о формировании следственно-оперативной группы.

Во-вторых, наиболее проблемным аспектом международного взаимодействия при расследовании тех или иных деяний, является организационный. В силу этого, целесообразным назначением руководителя международной следственно-оперативной группы, который будет являться лицом, ответственным за ее порядок работы и функционирование. Представляется, что руководителем группы должно являться должностное лицо, в производстве которого находится расследуемое или проверяемое событие. Кроме того, изменение состава международных следственно-оперативных групп необходимо осуществлять исключительно с письменного уведомления инициаторов ее создания. Разработка плана расследования либо проверки, согласования совместных следственных действий, обмен информацией и другие необходимые для эффективного результата мероприятия координируются руководителем группы. Важно зафиксировать в правовом поле, что все участники международной следственно-оперативной группы имеют доступ к полученной информации независимо от проведенных ими следственных или оперативных действий. В третьих, представляется, что в правовом аспекте документ должен регламентировать основные вопросы уголовно-правового характера при создании международных следственно-оперативных групп. В силу того, что право в каждом государстве индивидуально (в части норм, регламентирующих проведение проверок и расследований), необходимо выработать единые подходы по проведению основных следственных и процессуальных мероприятий. Вышеизложенное обеспечит оперативность международного сотрудничества в правоприменительной деятельности независимо от национальных особенностей правовых систем стран участников.

Таким образом, создание на международном уровне правового документа в области взаимодействия при расследовании преступлений, в том числе связанных с пожарами, в значительной степени усовершенствует международную нормотворческую базу в исследуемом сегменте, что обеспечит высокое качество расследования различных противоправных деяний.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОМЕНТА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ

Патрелюк Д.А., главный оперуполномоченный Департамента уголовного розыска Национальной полиции Украины, кандидат юридических наук

В практике борьбы с преступностью все чаще встречаются случаи противодействия уголовному преследованию. При этом работники правоохранительных органов, свидетели и потерпевшие подвергаются целенаправленному воздействию, нередко имеющему скрытый характер. Изложенное обуславливает актуальность и необходимость исследования момента возникновения противодействия уголовному преследованию с целью своевременной его нейтрализации путем проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных (розыскных) действий.

Проблемы противодействия уголовному преследованию рассматривались в работах отечественных и зарубежных ученых, в частности: Е.В. Александренко, Э.У. Бабаевой, В.П. Бахина, Р.С. Белкина, В.Н. Карагодина, Л.В. Лившица, Б.В. Щура и других. Однако, следует отметить, что моменту возникновения рассматриваемого явления внимание ученых не уделялось.

Более подробно в научной литературе исследовано начало уголовного преследования, над определением которого работали: И.В. Гловюк, Е.А. Губская, А.В. Лапкин, О.А. Левендаренко, Т.А. Лоскутов, И.В. Рогатюк, А.Б. Соловьев, Д.Н. Цехан, М.А. Чельцов, Н.И. Щегель и другие.

Труды указанных ученых стали основой нашего исследования.

Е. В. Александренко, Л.В. Лившиц, И.А. Николайчук [1, с. 16; 2, с. 46-47; 3, с. 18-19] и многие другие, единодушно высказываются по поводу возможности существования противодействия уголовному преследованию не только на стадии досудебного расследования, а и до начала уголовного производства. Так, в частности, на стадии подготовки к посягательству, преступниками принимаются меры, которые уменьшают риск их разоблачения – планирование преступной деятельности, подбор соучастников, отработка линии поведения в случае задержания, подготовка мест хранения похищенного, создание ложного алиби и тому подобное.

В то же время, анализ положений Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее - Закон), свидетельствует о существовании уголовного преследования и до момента совершения преступления. В частности, в ст. 1 Закона предусмотрено, что задачей оперативно-розыскной деятельности является поиск и фиксация фактических данных о противоправных деяниях отдельных лиц и групп, ответственность за которые предусмотрена УК Украины. А в соответствии с ч. 1 ст. 6 Закона одним из оснований для проведения оперативно-розыскной деятельности является наличие достаточной информации о лицах, готовящихся совершить преступление [4].

Таким образом, принимая во внимание то, что оперативно-розыскные дела заводятся относительно установленного лица, готовящегося совершить преступление, а проведение оперативно-розыскных мероприятий без заведения такого дела невозможно, закономерно и логично следует, что заведение оперативно-розыскного дела в отношении указанной категории лиц и является той «крайней» чертой от которой начинается уголовное преследование. Безусловно уголовное преследование может начаться и гораздо позже – с первым оперативно-розыскным мероприятием, следственным (розыскным) или процессуальным действием, направленным на разоблачение преступников, но до начала оперативной разработки лица (заведения оперативно-розыскного дела) о нем не может быть и речи.

В предыдущих исследованиях [5, с. 277] нами приводились и различные варианты докриминального (до совершения преступления) противодействия уголовному преследованию, в частности, такой подвид как вмешательство в процессуальную деятельность правоохранительных органов, прокуратуры, суда. Примером такого противодействия является формальное заведение оперативно-розыскного дела, без проведения комплекса необходимых мер в отношении лица (группы лиц), которые планируют совершение уголовных правонарушений. Согласно ч. 3 ст. 9 Закона [4] указанные действия исключают проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении этих лиц другими сотрудниками, что в итоге создает существенные препятствия для документирования подготовки и планирования преступной деятельности.

При таком развитии событий противодействие уголовному преследованию на оси времени предшествует самому уголовному преследованию, препятствуя возникновению самой оперативной разработки и как следствие документированию противоправной деятельности (см. рис.).

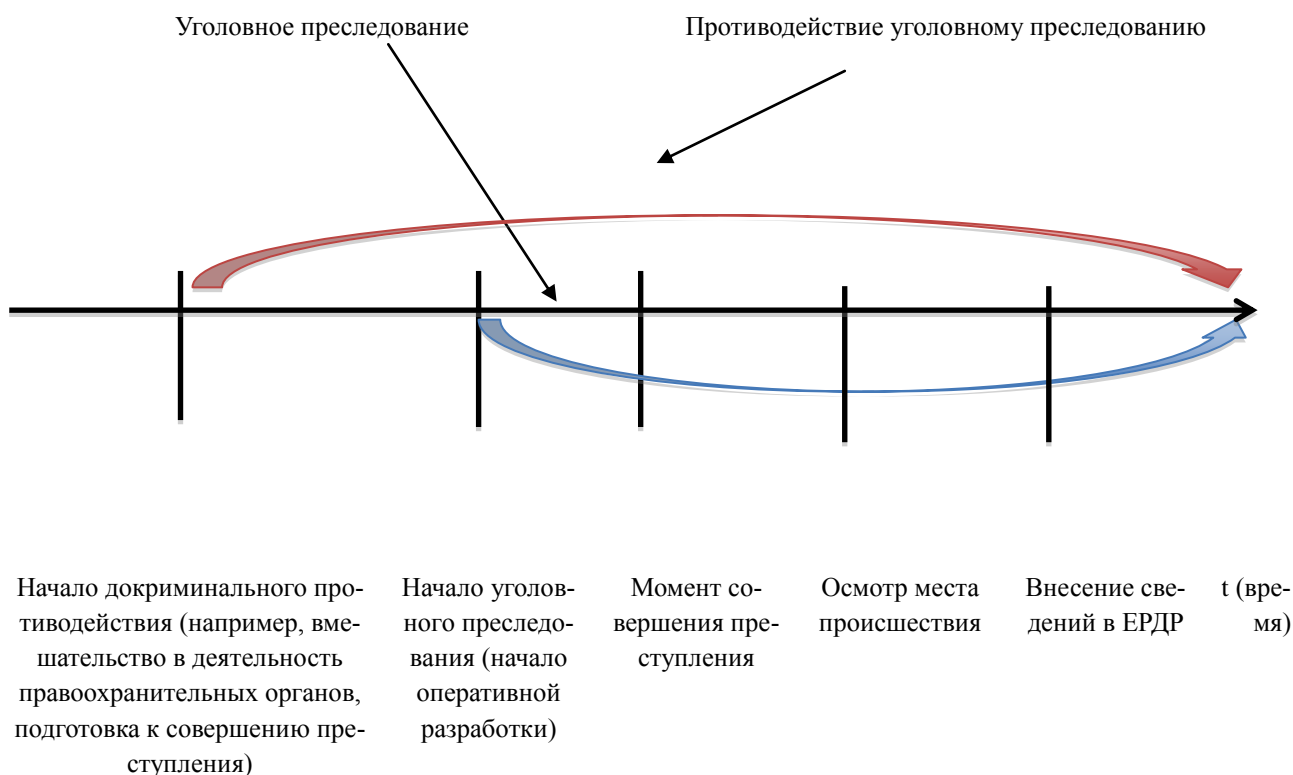

Рис.: Возможные границы начала уголовного преследования и противодействия ему на оси времени

Приведенный пример демонстрирует лишь один из множества возможных вариантов докриминального противодействия уголовному преследованию, которое может начинаться задолго не только до момента совершения преступления, но и до начала оперативной разработки, исключая сам факт возникновения уголовного преследования.

Таким образом, максимально «ранним» моментом начала уголовного преследования является начало оперативной разработки лица (заведения оперативно-розыскного дела), а противодействия – совершение любого первого действия, бездействия или создание препятствия субъектом противодействия, направленного на исключение уголовного преследования, и может иметь место задолго до начала оперативной разработки.

В предыдущих исследованиях мы выяснили, что на разных стадиях уголовного преследования субъекты противодействия совершают действия и создают препятствия стороне преследования для достижения *главной цели* – *предотвращение* (невозможность заведения оперативно-розыскного дела, отказ во внесении сведений в ЕРДР), *решение* (полное прекращение досудебного расследования, освобождение от ответственности, назначение менее строгого наказания) или *нейтрализация* (приостановлении досудебного расследования) *уголовного конфликта* [6, с. 196].

Под последним понимается взаимовлияние субъектов (участников и других лиц, вовлеченных в) уголовное производство с помощью процессуальных и непроцессуальных средств с целью отстаивания прав и интересов указанных лиц, в связи с совершением уголовного преступления [6, с. 196].

Из изложенного следует **вывод**, что моментом начала противодействия уголовному преследованию являются соответственно начало первого действия, бездействия или созданного препятствия, направленного на предотвращение, решение или нейтрализацию уголовного конфликта.

Список использованной литературы:

1. Александренко Е. В. Криміналістичні проблеми подолання протидії розслідуванню : дис. на соискание уч. степени канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 «Кримінальний процес та криміналістика; судова експертиза» / Елена Витальевна Александренко. – К.: 2004. – 253 с.;
2. Лившиц Л. В. Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений несовершеннолетних : дис. на соискание уч. степени канд. юрид. наук. : спец. 12.00.09 «Уголовный процесс и криминалистика; судебная экспертиза» / Лев Владимирович Лившиц. – Уфа: 1998. – 262 с.;
3. Николайчук И. А. Соккрытие преступлений как форма противодействия расследованию : автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 «Уголовный процесс и криминалистика; судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» / Игорь Анатольевич Николайчук. – Воронеж: 2000. — 360с.;
4. Закон Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» от 18.02.1992 № 2135-ХП [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.rada.gov.ua;
5. Патрелюк Д.А. Протидія кримінальному переслідуванню в структурі злочинного механізму // Науковий вісник Луганського державного університету ім. Е.О. Дідоренко. – 2017. – № 2 (78). – С. 282-290;
6. Патрелюк Д. Мета і завдання протидії кримінальному переслідуванню // Підприємництво, господарство і право. — 2016. – №8. – С. 191-196.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЕДИНОГО СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Раджабов А.С., начальник кафедры юридических дисциплин Высшей школы ГКНБ Республики Таджикистан, полковник юстиции

Происходящие в стране экономические и социальные изменения привели к резкому увеличению количества преступлений, техническому вооружению преступников, изощренным способам совершения преступлений. Современное состояние преступности, ее постоянный рост и изменение качественных характеристик, прежде всего повышение организованности – требуют кардинальных изменений в работе правоохранительных органов, в первую очередь, в деятельности следственных органов. Успех борьбы с преступностью в существенной мере определяется тем, насколько быстро и полно будет раскрыто каждое преступление, избличены и преданы суду все лица, виновные в его совершении. Правильное решение следственными органами вопросов, входящих в предмет доказывания по каждому уголовному делу, во многом предопределяет законность и справедливость судебного приговора. Какой бы процессуальной самостоятельностью и независимостью суд ни обладал, он выносит свою оценку, исходя из материалов уголовного дела, направляемого следственными органами.

Реформа системы предварительного следствия актуальна и неизбежна.

Состояние законности и правопорядка в стране ухудшается, количество преступлений растёт. На сегодняшний день идёт настойчивый поиск наиболее рациональных форм производства по расследованию и раскрытию преступлений, обеспечения следователям всей системы правоохранительных органов условий для успешного осуществления возложенных на них полномочий. Формирования Единого следственного органа позволит повысить объективность следствия, тем самым обеспечивая законность в сфере уголовного судопроизводства

О создание Следственного комитета впервые было высказано в апреле 1990 года на I съезде народных депутатов СССР, где Комитету Верховного Совета СССР по законодательству и Совету Министров СССР было сказано внести предложения о создании «союзного Следственного комитета». К сожалению, распад советского государства остановила процесс организации Союзного Следственного комитета. Необходимо отметить, что лишь в 2007 году были приняты федеральные законы от 5 июня 2007 года № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон „О прокуратуре Российской Федерации“ и от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

В соответствии с этими нормативными правовыми актами из компетенции прокурора были исключены полномочия по процессуальному руководству следствием. Однако самым главным новшеством было то, что следственный аппарат органов прокуратуры, стал относительно самостоятельным ведомством. Перечисленные меры создали условия для дальнейшей полной организационной и функциональной независимости следственного органа. Окончательное восстановление петровской вневедомственной модели организации следствия произошло 15 января 2011 г., когда вступил в силу Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации». Как отмечалось в пояснительной записке к проекту данного закона, функционирование Следственного комитета вне системы прокуратуры Российской Федерации создаст необходимые условия для эффективной реализации полномочий прокуроров по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, усиления взаимодействия следственных органов с органами прокуратуры, позволит повысить объективность следствия, тем самым обеспечивая законность в сфере уголовного судопроизводства и неукоснительное соблюдение конституционных прав граждан.

Президент РФ В.В. Путин так объяснял причины создания СК России: «Мы ведь в свое время следствие отделили от прокуратуры для того, чтобы обеспечить независимость следствия».

В настоящее время в структурах пяти таджикских правоохранительных органов действуют следственные аппараты, а именно при органах прокуратуры, в том числе в военной прокуратуре, при органах внутренних дел, в органах комитета национальной безопасности, при Агентстве по контролю за незаконным оборотом наркотиков при Президенте РТ, и при Агентстве по финансовому государственному контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан.

Анализ судебно-следственной практики правоохранительных органов Республики Таджикистан показывает, что формирование Единого следственного органа в республике позволит повысить объективность следствия, тем самым, обеспечивая законность в сфере уголовного судопроизводства и неукоснительное соблюдение конституционных прав граждан. Кроме того, позволило бы устранить основания для нередко возникающих разногласий между органами предварительного следствия различных правоохранительных органов относительно подследственности уголовных дел.

В соответствии со ст. 161 УПК РТ, предварительное следствие преступления, предусмотренное ст. 179 (Терроризм), ст. 305 (Измена Родине), ст. 181 (Захват заложников) УК РТ и других (50 статей) отнесено к компетенции следственных органов ГКНБ РТ. Однако, на практике бывали такие случаи, что в нарушении норм статьи 161 УПК РТ следственные органы различных ведомств МВД, Прокуратуры, а также других органов, при выявлении признаков преступления предусмотренного ст. 179, 181, 187, 189, 305 УК РТ, и других статей, которые подследственны органам национальной безопасности вместо того, чтобы передать уголовное дело по указанной статье по подследственности, вопреки норм УПК РТ, принимали указанные уголовные дела в свое производство¹.

К примеру, в ходе проведенных оперативно следственных мероприятий органами МВД РТ по факту террористического акта в отношении председателя Хукумата Дж. Расуловского района «Б», предусмотренного ст. 310 УК Республики Таджикистан (Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (Террористический акт) были задержаны несколько подозреваемых в совершении указанного преступления. В процессе предварительного следствия было установлено, что подозреваемым, помимо террористического акта, также были совершены и другие преступления, в частности ст. 305, 179, 181 УК РТ, которые были в подследственности органам безопасности. Согласно ст. 161 УПК РТ, органы МВД РТ незамедлительно должны были передать данное уголовное дело в органы ГКНБ РТ, так как, предварительное следствие по таким категориям уголовных дел производилось следственными органами ГКНБ РТ. Практике известны много таких подобных случаев. Проблемы организации предварительного следствия, в силу своей значимости, всегда остаются в центре внимания как практических, так и теоретических работников. Однако, относительно данного вопроса, как среди ученых так и среди практических сотрудников единого мнения не имеются.

К примеру, взвешенный подход к вопросу организации следственного аппарата предлагался авторами Концепции судебной реформы в Российской Федерации ещё в 1991 г.

На их взгляд, разные структурные формы организации следствия не обеспечивают единства организации следственной деятельности ни в руководстве ею, ни в ее ресурсном обеспечении, хотя речь идет о единой по своим целям и содержанию деятельности.

По их мнению, распределение функций по расследованию между различными органами следствия не связано со спецификой этой деятельности, не отвечает принципам разделения труда, нередко меняется законодателем путем произвольной корректировки правил подследственности. Это не обеспечивает равенства прав граждан, попадающих в сферу деятельности

¹ См. Уголовное дело №23458 ГКНБ РТ. Арх. №235.

органов расследования. С другой стороны, разработчики концепции указывают, что полицентризм, наличие относительно независимых дублирующих друг друга подсистем усиливают надежность системы, хотя и значительно увеличивают расходы на ее функционирование. Констатируется, что, учитывая российские государственно-правовые традиции, крайнюю стесненность в материальных, финансовых и кадровых ресурсах, следует ориентироваться на моноцентризм и иерархическое построение аппарата предварительного следствия в России [1, с. 63].

В свою очередь, учитывая положительный опыт работы Следственного комитета РФ, а также и других следственных органов стран Западной Европы, выступая за объединение органов следствия, можно привести множество аргументов, среди которых выделим лишь некоторые:

- создание Единого следственного органа устранило бы ведомственный подход к оперативному обеспечению предварительного следствия, что позволит повысить уровень ответственности оперативных работников за качество оперативно-розыскных мероприятий по наиболее тяжким преступлениям [с.3-5];

- появление Единого следственного органа могло бы обеспечить выработку и проведение единой уголовной политики в сфере предварительного следствия на всей территории РФ, а также единообразное применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства, позволило бы устранить основания для нередко возникающих разногласий между органами предварительного следствия относительно подследственности уголовных дел;

- отнесение к компетенции Единого следственного органа предварительного следствия по особо тяжким, тяжким и средней тяжести преступлениям с одновременным возложением функций по расследованию малозначительных преступлений на органы дознания позволило бы ограничить применение сложной, дорогостоящей и длительной процедуры предварительного следствия по составам преступлений, представляющих большую общественную опасность. Усилия наиболее квалифицированной части следственного аппарата будут тогда сосредоточены на расследовании самой сложной категории дел. Это позволит также значительно сократить и удешевить процедуру расследования менее опасных преступлений, по которым достаточно процедуры дознания.

Тем не менее, разрозненность следствия по различным ведомствам, ряд исследователей связывают основные недостатки следствия, высказывая позицию о необходимости создания единого федерального Следственного комитета России [3, с. 27; 4, с. 59], что, по их мнению, повысит эффективность деятельности следственных органов. Идею создания Единого следственного комитета поддерживает и сам Председатель Следственного комитета России А.И. Бастрыкин, указывая, что объединение следственных органов в одно ведомство принесет пользу, поскольку это значительно повысит управляемость следствия: «Будут преодолены межведомственные барьеры, неизбежно возникающие при альтернативной подследственности. Уменьшится сокрытие преступлений, и мы получим отчетливую картину криминогенной обстановки в стране» [5].

Вместе с тем следует привести позиции сторонников, выступающих против объединения следственных органов.

Так, по мнению В.Ю. Шобухина, единая организация органов следствия нецелесообразна, поскольку: во-первых, уже установлен отлаженный механизм деятельности следственных подразделений различных ведомств; во-вторых, деятельность следственных подразделений напрямую перекликается с деятельностью самих ведомств, и в подобном случае работникам следственного подразделения легче найти общий язык со своими коллегами из других подразделений этого ведомства, что позволяет наиболее оперативно решать стоящие перед ними задачи. Кроме того, автор приводит следующий пример: работнику следственного отдела органов внутренних дел легче перейти в другое подразделение в рамках одного органа, нежели увольняться из единого Следственного комитета и трудоустроиваться в органы внутренних дел [6, с. 22]. Ряд иных исследователей, отрицая необходимость реформирования

органов предварительного следствия, указывает на то, что создание единого следственного органа на практике может вылиться в ведомственную борьбу с крайне негативными последствиями, что будет выражено в нежелании руководства правоохранительных органов переводить сотрудников в другой орган [7, с. 40; 8, с. 41; 9, с. 34]. Представляется, что, действительно, подобные негативные элементы реформы возможны, однако, наряду с преимуществами реформы, они носят крайне незначительный характер. В целом большинство ученых, выступающих против создания единого следственного органа, исходит из того, что объединение органов следствия не способно привести к повышению их эффективности, поскольку функционирование столь крупного органа может привести к утрате профессионализма, росту бюрократии и потере оперативности.

Выступая сторонником объединения следственных органов, мы считаем, что позиция авторов, выступающих против создания Единого следственного органа, не является оправданной, поскольку создание подобного органа с сохранением специализации следователей по категориям уголовных дел никоим образом не ослабит деятельность следствия, а, более того, повысит эффективность, о чем отмечают сторонники реформы. В подтверждение указанной нами позиции следует привести существующую в настоящее время в РФ судебную систему со специализацией судей. К тому же одним из негативных элементов разрозненности следственных аппаратов выступает отсутствие единой методики расследования преступлений, единства подготовки кадров, что препятствует формированию целостности единой по своей сути деятельности. По этому поводу Генеральный прокурор РФ Ю.Я. Чайка неоднократно отмечая, что недопустима ситуация, при которой один и тот же состав преступления может расследоваться несколькими следственными ведомствами, в связи с чем возникает необходимость объединения следственных органов на базе Единого Следственного комитета России [10].

К примеру, в 1997 году следственными подразделениями ГКНБ РТ отношении гражданина «А» было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренное ст.179 (Терроризм) УК РТ. Спустя некоторое время параллельно следственными органами МВД РТ в отношении указанного гражданина также было возбуждено уголовное дело по ст. 179 УК РТ, хотя в ИЦ МВД РТ по данному факту имелись соответствующие сведения.

Важно обратить внимание и на тот момент, что в правоохранительных структурах, в которых существуют собственные оперативные подразделения, возникают случаи отсутствия беспристрастности и объективности при расследовании преступлений, где зачастую важную роль играют ведомственные интересы. К примеру, при рассмотрении материала проверки и возбуждении по нему уголовного дела следователь при необходимости улучшения показателей работы ведомства может возбудить уголовное дело без тщательного и всестороннего исследования материалов проверки. Будет ли уголовное дело в дальнейшем направлено в суд либо прекращено, этот вопрос становится далеко не первостепенным. Очевидно, что таким образом нарушаются охраняемые законом права и свободы граждан, вовлеченных в сферу уголовного преследования. В этой связи можно признать, что при функционировании оперативных подразделений вне единого ведомства от следственного аппарата, позволит улучшить качество рассмотрения сообщений о преступлениях и принятии по ним объективного решения, превалирующего над ведомственной заинтересованностью. При таком подходе нужно отметить позиции противников единого следствия, которые указывают, что отсутствие в одном ведомстве оперативных и следственных подразделений может ослабить взаимодействие оперативных сотрудников со следователями. Однако существование Следственного комитета России, функционирующего без собственных оперативных подразделений, наглядно показывает возможность согласованности при функционировании оперативных и следственных аппаратов вне единого органа.

На основе изложенного становится очевидным, что существующее состояние предварительного следствия в структурах разного органа носит незавершенный, половинчатый характер, одним из элементов решения которого должно стать образование Единого следственного органа, на примере Следственного комитета России.

Список использованной литературы:

1. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. - М., 1992. - С. 62-64.
2. Глазырин Ф., Клейн В. Реальность и мифы правовой реформы // Российская юстиция. -2003. - № 9. - С. 3-5.
3. Кузнецова Н.Ф. Проблемы изучения эффективности уголовно-правовых норм и институтов // Эффективность применения уголовного закона. -М., 1973. - С. 26-29.
4. Каминская В.И. Теоретические проблемы социальной обусловленности и эффективности уголовного правосудия. - М.: Юрид. лит., 1973. - С. 57-59.
5. Бастрыкин А.И. Непосредственная жизнь // Российская газета. - 2010. - Федеральный выпуск №5279 (200). - С. 5-8.
6. Шобухин В.Ю. Роль прокуратуры в координации деятельности правоохранительных органов // Безопасность бизнеса. - 2007. - № 1. - С. 20-23.
7. Назаренко В. Практическое значение и перспектива предварительного следствия // Законность. - 2001. - № 6. - С. 39-42.
8. Назаренко В. Предварительное расследование современном уголовном процессе // Законность. - 2002. - № 8. - С. 40-43.
9. Темираев О. Реформа следствия нужна // Законность. - 2004. - № 1. - С.34.
10. Интервью журналу «Закон»: «Прокуратура - государственный поверенный в делах законности». - [Электронный ресурс] - Режим доступа:http://genproc.gov.ru/smi/interview_and_ppearences/interview/65710/ (дата обращения: 22.02.2013).

ТАКТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ ПО СООБЩЕНИЮ О ДАЧЕ ВЗЯТКИ

*Репин М.Е., начальник смены дежурной части
отдела полиции № 5 Управления МВД России по
городу Нижнему Новгороду ГУ МВД России по
Нижегородской области*

*Кошелева Е.Е., старший участковый уполномо-
ченный полиции ОУУП и ПДН Управления МВД
России по городу Дзержинску ГУ МВД России по
Нижегородской области*

Российская Федерация на сегодняшний день по коррумпированности властных структур, согласно исследованиям Всемирной организации по противодействию коррупции «Транспаренси интернешнл», занимает 146 место из 176 возможных, поделив его с Нигерией, Ливаном, Кыргызстаном, Ираном и Камеруном¹.

Анализ практики показал, что количество выявленных преступлений о даче взятки в Российской Федерации в 2016 году выросло на 21,9% и составило 9866 преступлений. Увеличение количества преступлений о даче взятки зафиксировано и на территории Нижегородской области².

При получении следователем информации о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении, в том числе и преступлении о даче взятки, он в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации обязан провести проверку сообщения о преступлении, и в установленный законом срок, принять по нему одно из процессуальных решений:

- 1) о возбуждении уголовного дела;
- 2) об отказе в возбуждении уголовного дела;
- 3) о передаче сообщения о преступлении по подследственности.

Иными словами – провести всестороннее исследование поступившей информации из различных источников в рамках стадии доследственной проверки³.

Проведение доследственной проверки не может быть осуществлено без каких-либо на то оснований. Как правило, основаниями для проведения проверки сообщения о даче взятки являются:

- заявление взяткодателя об имевшем место факте дачи взятки;
- рапорт (заявление) должностного лица о попытке дачи ему взятки или о факте склонения его к получению взятки за выполнение или невыполнение действий, входящих в его должностные обязанности;
- результаты проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Одним из поводов к проведению доследственной проверки о даче взятки является заявление взяткодателя. По мнению преобладающего большинства ученых и практиков данное основание составляет около 80 процентов от общего числа поводов к проведению проверки сообщения о даче взятки⁴. При поступлении такого вида информации, она, как правило,

¹ Дикаев С.У. Коррупция – вечная проблема России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 23. С. 48.

² Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/regions_table_total (дата обращения 16.05.2018).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 03 февраля 2015 г. № 7-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (часть I), ст. 4921.

⁴ Справочник следователя / Гаврилин Ю.В., Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. М.: Эксмо, 2008. С. 647.

оформляется в виде заявления в устной или письменной форме, а не явки с повинной, так как в случае добровольного заявления, взяткодатель освобождается от уголовной ответственности и приобретает статус свидетеля.

При поступлении заявления, лицо, проводящее проверку, обязано незамедлительно получить от него детальное объяснение. При непосредственном опросе взяткодателя необходимо установить такие сведения, как время, место, способ дачи взятки, за совершение каких действий передана взятка, ее предмет, размер, круг участников, совершающих конкретные действия для достижения преступного результата и так далее. Кроме этого, необходимо получить объяснения от лиц, ставших свидетелем дачи взятки, если такие будут установлены при опросе взяткодателя, либо установлены путем проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Также в данной ситуации необходимо проведение ряда других действий. Так, необходимо проверить версии о возможном оговоре взяткополучателя, изучить личность взяткодателя, взяткополучателя, навести на них справки о привлечении к уголовной ответственности по аналогичным преступлениям, а так же иных характеризующих материалов.

Рапорт (заявление) должностного лица о попытке дачи ему взятки или о факте склонения его к получению взятки встречается в правоприменительной деятельности достаточно часто. Наиболее частые случаи такого развития событий фиксируются в правоохранительных органах, так, Кушниренко С.П. отмечает, что чаще всего такой повод имеет место в ситуации, когда взятка предлагается сотрудникам правоохранительных органов за неприменение мер к нарушителям закона¹.

В этом случае должностным лицом составляется рапорт, в котором он описывает произошедшее событие и факт попытки дачи ему взятки. При проведении проверки сообщения о преступлении по указанному факту, следователь, дублирует сведения, указанные в рапорте должностного лица, его опросом с выяснением всех обстоятельств, подлежащих установлением по конкретному случаю. В случае дачи взятки должностному лицу, не являющемуся сотрудником правоохранительных органов, он пишет заявление о попытке дачи ему взятки сотрудникам правоохранительных органов либо подразделениям собственной безопасности с последующим уведомлением своего работодателя, как того требует законодательство о противодействии коррупции².

На практике встречаются такие категории уголовных дел о даче взятки, в которых передача взятки еще не произошла. В данном случае имеет важнейшее значение грамотное проведение оперативно-розыскных мероприятий и последующее их приобщение к материалам возбужденного уголовного дела.

При подготовке, планировании оперативно-розыскного мероприятия, оперативный работник должен помнить, что для того, чтобы результаты проведения оперативного мероприятия не были в дальнейшем признаны недопустимыми, он должен составлять все необходимые документы, которые бы свидетельствовали о подготовке и проведении оперативно-розыскного мероприятия. Однако, с точки зрения оценки результатов оперативно-розыскного мероприятия следователем в будущем, следует отметить, что большинство документов, составляемых оперативным работником, засекречены, и следователь, при отсутствии соответствующего допуска, не может ознакомиться с ними, что, в свою очередь, влияет на правильную оценку результатов оперативно-розыскной деятельности.

С тактической точки зрения при подготовке к проведению оперативно-розыскного мероприятия, целесообразно провести инструктаж лица, участвующего в данном мероприятии, обсудить с ним порядок его действий, довести до него информацию о недопустимости совершения им по отношению к взяткодателю провокационных действий.

При проведении оперативно-розыскного мероприятия, необходимо, чтобы со стороны должностного лица не должно быть никаких действий, предложений, намеков о том, что

¹ Кушниренко С.П. Особенности расследования взяточничества. СПб, 2002. С. 72.

² О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 22 декабря 2014 г. № 8) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52. Ч. 1. ст. 6228.

можно решить возникшую проблему при помощи незаконного вознаграждения в каком-либо материальном выражении. Иными словами, должен отсутствовать факт склонения лица к даче взятки.

По окончании проведения оперативно-розыскных мероприятий, результаты их проведения передаются следователю для дальнейшей оценки данных результатов и принятия процессуального решения, как того требует межведомственный приказ «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

Говоря о процедуре оценки результатов необходимо отметить слова А.Н. Гущина, который отмечает, что оперативно-розыскная информация нуждается во всесторонней проверке. Последнее позволяет получить сведения о том, какое именно преступление совершено, какие носители доказательной информации можно обнаружить и использовать для подтверждения этого¹.

Кроме этого, при оценке и проверке результатов оперативно-розыскной деятельности, следователю необходимо проверять их на отсутствие признаков провокации дачи взятки, под которой понимают умышленную деятельность виновного, направленную на моделирование такого поведения другого человека, которое имело бы все внешние признаки преступления, с целью создания искусственных доказательств².

Однако следует отметить тот факт, что в литературе высказывается все больше мнений не только о полезности использования провокации в борьбе с преступностью, но и ее необходимости.

Таким образом, следователь в рамках доследственной проверки сообщения о даче взятки, обязан всесторонне изучить все представленные ему данные с точки зрения относимости, допустимости, достаточности, достоверности и проверяемости. Данное положение касается как заявления взяткодателя, так и заявителя, которому предлагают взятку, а так же результатов проведения оперативно-розыскных мероприятий. Лишь при соблюдении всех вышеперечисленных положений, возможно возбуждение уголовного дела и его дальнейшее успешное расследование.

¹ Гущин А.Н. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 28.

² Радачинский С.Н. Ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1999. С. 12.

ПРИНЦИП ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Садоншоев Д., адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России, старший лейтенант милиции

На современном этапе презумпция невиновности признается одним из важных принципов уголовного процесса и воспринимается большинством цивилизованных стран как демократический институт и неотъемлемый атрибут правового государства. Принципы уголовного судопроизводства выступают основными регулирующими нормами, которые определяют содержание всего уголовного процесса, обеспечивают правосудие по уголовному делу и эффективную охрану и защиту индивидуальных прав, а также интересов государства и общества от уголовных посягательств.

Презумпция невиновности в уголовном процессе как отмечается юристами — «оказывает огромное влияние на организацию и осуществление всей уголовно-процессуальной деятельности, занимает одно из центральных мест в уголовно-процессуальной политике (как в национальной, так и в международной), «проникает во все институты уголовно-процессуального права, служит фундаментом для его построения...» [5; С.47].

Уникальность, сложность презумпции невиновности в уголовном процессе, прежде всего, обусловлена многообразием ее понимания. В ст. 14 УПК РФ она закреплена в качестве принципа уголовного судопроизводства. Для Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ) она:

- 1) конституционный принцип в уголовном судопроизводстве;
- 2) требование, обязательное для соблюдения — прокурором, следователем, дознавателем и иными должностными лицами, выступающими на стороне обвинения;
- 3) создает необходимые гарантии для обеспечения интересов личности и правосудия при производстве по уголовным делам;
- 4) ее направлением является исключительно защита прав, свобод и охраняемых законом интересов участников уголовного процесса;
- 5) входит в основное содержание (ядро) конституционного права на судебную защиту.

Для Европейского Суда по правам человека презумпция невиновности выступает, прежде всего, в качестве:

- 1) элемента права на справедливое судебное разбирательство (при этом, необходимо отметить, что некоторыми ведущими уголовными процессуалистами право на справедливое судебное разбирательство воспринимается как нечто составляющее «уголовно-процессуальную рамку справедливости»). Таким образом, презумпция невиновности, в свою очередь, становится частью указанной составляющей;
- 2) конкретного и реального, а не иллюзорного и теоретического права;
- 3) требования, обращенного, прежде всего, к суду.

В отличие от ЕСПЧ Комитет по правам человека рассматривает презумпцию невиновности как своего рода требование для государственных властей воздерживаться от предопределения исхода судебного процесса, при этом он отмечает ее сложность по своему характеру, ее направленность на обеспечение надлежащего отправления правосудия и фундаментальную важность для защиты прав человека.[2; С.44].

Презумпция невиновности предполагает, что каждый гражданин, являясь честным, добросовестным, ни в чем не виновен то тех пор, пока не будет доказано иное, причем, при условии, что бремя доказывания противного лежать на обвинителе, гражданин же не должен доказывать свою невиновность.

Как справедливо отмечал в своем исследовании Г.А. Печников, «презумпция невиновности – это не субъективное мнение или убеждение кого-либо из участников уголовного про-

цесса о невинности обвиняемого, а объективное правовое Положение, требование закона, в соответствии с которым обвиняемый (подозреваемый, подсудимый) считается невинным до тех пор, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [6; С.5].

Многие авторы рассматривают влияние правовых презумпций на определение объема предмета доказывания. Правовые презумпции или сужают или расширяют объем предмета доказывания по делу, исключают из доказывания определенные факты (обстоятельства).

Освобождая сторону от доказывания резюмируемого факта, презумпция исключает его из предмета доказывания, то есть сокращая его объем [1; С.21]. Обычно правовые презумпции вводятся в отношении тех фактов, доказать которые затруднительно или невозможно. А факт-основание презумпции отличает обычность и доказать его не представляет труда. Это доказывание облегчает и сокращает обосновывающую деятельность стороны по отношению к резюмируемому факту (в тех случаях, в которых учитываются положения, закрепляемые презумпциями) [3; С.244].

Преюдиция является предметом доказывания с помощью презумпции. Обстоятельства, которые установлены приговором суда, в соответствии с презумпцией истинности приговора могут быть признаны судом, следователем, дознавателем, прокурором без дополнительной проверки (без доказывания этих обстоятельств).

В отличие от других правовых презумпций, презумпция невинности не дает возможности сократить или упростить процесс доказывания по уголовному делу. Осуществляемое стороной обвинения доказывание направлено на то, чтобы опровергнуть презумпцию невинности. В процессе предварительного расследования и судебного разбирательства обстоятельства, которые устанавливают виновность лица в совершении преступления, должны быть достоверными. Иначе обвинение не будет доказанным, а презумпция невинности неопровергнутой. Следовательно, презумпция невинности не упрощает доказывание, не сокращает его, запрещает следствию и суду установление фактов без доказательств принимая за основу личное убеждение о виновности лица. Презумпция невинности требует доказанности всех фактов, которые относятся к обвинению [4; С.22].

Закон обязывает субъектов доказывания доказывать, устанавливать вину, цель и мотив совершения преступления. Даже если следователь считает, что обвиняемый виновен, он должен понимать, что это лишь его субъективное мнение, и вина обвиняемого будет устанавливаться в суде. Следователь и прокурор доказывают виновность обвиняемого, то есть собирают достаточные доказательства для того, чтобы направить дело в суд. Следователь при расследовании дела предъявляет и формулирует обвинение, но не реализует его. Поэтому уверенность следователя в том, что обвиняемый и есть то самое лицо, которое совершило преступление, остается лишь внутренним его убеждением. Следователь должен иметь свое мнение относительно виновности обвиняемого на основе доказательств, но окончательное решение принимает суд при постановлении приговора.

Если субъекты доказывания считают иначе, то значит, у них преобладает обвинительный уклон в отношении обвиняемого, и их правосознание подверглось деформации. До вступления в законную силу обвинительного приговора обвиняемый признается законом невинным в совершении преступления. Это является основным требованием презумпции невинности [7; С.250].

Субъекты доказывания должны обладать неоспоримыми доказательствами вины лица, для того чтобы считать его виновным. Но уж если такие доказательства есть, то следователь, предъявляя обвинение, и прокурор, поддерживая его, считают лицо виновным в совершении преступления. Закон закрепляет за судом основную роль в осуществлении правосудия, и соответственно суд должен проверить выводы следователя и прокурора.

На следователя возложена обязанность, проверить все доказательства, как доказывающие виновность лица, так и оправдывающие его. В случае если он сделает выводы, что преступление совершено этим лицом, он вправе считать его виновным, и последовательно осуществляет предусмотренные законом процессуальные действия.

Момент вступления обвинительного приговора в законную силу, является ключевым, для разрешения вопроса о виновности или невиновности лица. Без помощи презумпции невиновности невозможно было бы обеспечивать в полной мере состязательность уголовного процесса, являющегося основной гарантией уголовно-процессуального принципа равенства сторон.

Таким образом, для справедливого правосудия необходимо соблюдение принципа презумпции невиновности, который является гарантом того что, только действительно виновный будет привлечен к уголовной ответственности.

Таким образом, мы полагаем, что презумпция невиновности – это особый принцип и институт уголовного процесса, раскрывающий объективное правовое положение лица (обвиняемого) до начала и в процессе судопроизводства. Согласно этому принципу, государство и общество считают гражданина добросовестным и добропорядочным до тех пор, пока иное не доказано и не установлено законным порядком компетентной судебной властью. Следовательно, главное в деятельности компетентных органов, уполномоченных расследовать, рассматривать и выносить обвинительные приговоры в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступлений, - не допустить ошибки. Если это случается, то это неизбежно влечет нарушение права обвиняемого на защиту и означает нарушение принципа презумпции невиновности.

Список использованной литературы:

1. Абдрашитов В.М. Общеправовой принцип презумпции невиновности: проблемы, теории и практики / В.М. Абдрашитов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – С 21.
2. Вилкова Т.Ю. Принцип презумпции невиновности: история, современность, перспективы. Монография. Москва, 2017. С. 44
3. Гордеев, П.С. Некоторые аспекты презумпции невиновности в уголовном процессе / П.С. Гордеев // Вести Волгоград. гос. ун-та. - 2012. - №2 (17). - С. 244 - 247.
4. Кирьянов А.Ю. Презумпция невиновности в современном уголовном процессе России и актуальные проблемы ее реализации: / под. Ред. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Лазаревой. – Самара: Издательство «Самарской Университет», 2009. С.22.
5. Колоколов Н. А. Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 47.
6. Печников Г. А. Принцип презумпции невиновности и проблемы повышения качества предварительного следствия / Автореф. дисс. канд. юрид. наук. -М.,1987. С. 5
7. Шашкова А.Н. Некоторые вопросы нормативной регламентации принципа презумпции невиновности в России // В сборнике: Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. 2017. С. 249-251.

МУШКИЛОТИ МУСТАҚИЛИЯТИ МУРОФИАВИИ МУФАТТИШ АЗ РҶИ АМАЛҲОИ ТАФТИШОТИЕ, КИ БО ИҶОЗАТИ СУД ИҶРО МЕГАРДАНД

*Саидзода З.С., сардори шуббаи тафтишоти
Агентии назорати маводи нашъаовари назди
Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон*

Муборизаи самаранок бар зидди ҷинояткорӣ ва қатъ намудани фаъолияти ҷинояткорӣ бо он вобастагӣ дорад, ки ҷиноятҳои тайёршуда, содирмешуда ва содиршуда пурра ошқору тафтиш гардида, тамоми шахсони гунаҳгоре, ки дар содир намудани ҷиноят айбдор доништа мешаванд, ба суд супорида шаванд.

Ба далелҳои дар раванди ҷорабиниҳои оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ва тафтишотӣ ҷамъовардашуда баҳои дурусти ҳуқуқӣ додани муфаттиш заминаи ҳуқуқиро дар мавриди аз ҷониби суд баровардани ҳукм ва дигар санадҳои судӣ муҳаё мекунад.

Муфаттиш дар навбати аввал воқеоти содир шудани ҷиноятро муқаррар намуда, айбдорӣ шахсро дар содир намудани ҷиноят исботу баҳои ҳуқуқии ҳешро оиди содир шудани ҷиноят медиҳад ва хусусияту андозаи зарари аз ҷиноят расонидашударо муайян менамояд.

Ошқоркунӣ ва тафтиши ҷиноят, муайян намудани доираи айбдоршавандагон, барқарор намудани адолат ва номи неки исноднаоварандаи шахс моҳияти қори муфаттишро ташкил медиҳад. Малакаи баланди касбии ӯ, устуворӣ, ҳушёрӣ зиракӣ, ташаббус ва боварии ӯ ба худаш дар бисёр ҳолатҳо ба ҳалли дурусти парвандаи ҷиноятӣ чӣ дар давраи тафтишоти пешакӣ ва чӣ дар баррасии судӣ вобастагӣ дорад.

Дар ислоҳотҳои охирине, ки ба КМҶ Ҷумҳурии Тоҷикистон ворид карда шудаанд, дида мешавад, ки онҳо ба ҳокимияти судӣ афзалияти бештаре додаанд, вале тағйири иловаҳои ба КМҶ Ҷумҳурии Тоҷикистон вобаста ба вазъи ҳуқуқии суд карда шуда, мушкилотҳои мурофиавии навро ба муфаттишон эҷод кардааст.

Ташкили тафтишоти пешакӣ ҳоло ҳам ба мукамалгардонии қонуни мурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон зарурият дорад.

Мукамалгардонии қонунгузории мурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки дар асоси барномаи ислоҳоти судӣ-ҳуқуқӣ дар давраи солҳои 2007-2015 амалӣ гардидааст, ин пеш аз ҳама аз сиёсати пешгирифтаи Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон маншаъ гирифтааст.

Чи тавре, ки Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар баромадҳои худ қайд намудаанд- ислоҳоти судӣ бо мақсади амалӣ гардонидани кафолати ҳуқуқҳои инсон ва шахрванд, ки дар Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон муқаррар шудаанд, равона гардидаанд.

Дар Кодекси мурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон муқаррароти конститутсионӣ, аз он ҷумла ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шахрванд арзиши олӣ эътироф шудаанд, ки риояи онҳоро давлат кафолат додааст. КМҶ Ҷумҳурии Тоҷикистон (моддаи 35) ҳуқуқи истисноии судро муқаррар намудааст, аз ҷумла пеш аз моҳиятан баррасии судии парвандаи ҷиноятӣ қабул намудани бархе аз қарорҳо ба салоҳияти танҳо суд дохил мешаванд, ҷунунҷӣ:

1) барои шахсро ҳабс кардан ва ба ҳабси хонагӣ гирифтани иҷозат диҳад ва ё муҳлати онро дароз кунад;

2) оид ба гузаронидани экспертизаи судӣ-тиббӣ ё судӣ-равонпизишкӣ бораи дар беморхона ё табобатгоҳи равонпизишкӣ ҷой кардани гумонбаршуда ва айбдоршавандае, ки дар ҳабс намебошад, иҷозат диҳад;

3) барои азназаргузаронии манзил дар сурати розӣ набудани шахсони маскуни он, ичозат диҳад;

4) барои кофтукови манзил ичозат диҳад;

5) барои ҳабси молу мулк ичозат диҳад;

6) барои кофтуков, ёфта гирифтани ашё, ҳуччатҳои дорои маълумоти пасандоз ва суратҳисоби маблағи бонкӣ ичозат диҳад;

7) барои ҳабси маблағҳои шахсони воқеӣ ва ҳуқуқие, ки дар суратҳисобҳо ва пасандозҳо ё дар нигоҳдории бонк ва ташкилотҳои кредитӣ қарор доранд, ичозат диҳад;

8) ба ҳабси муросилот, азназаргузаронӣ, ёфта гирифтани онҳо дар муассисаи алоқа ва ё хабарҳои телеграфӣ ва хабарҳои дигаре, ки тавассути шабақаҳои алоқавӣ барқӣ ва алоқавӣ почта интиқол мешавад ичозат диҳад;

9) дар бораи муваққатан аз вазифа дур кардани айбдоршаванда мувофиқи моддаи 114 Кодекси мазкур қарор қабул кунад;

10) ба ғӯш ва сабт кардани гуфтугӯи телефонӣ ва дигар гуфтугӯҳо ичозат диҳад;

Яъне, КМЧ Ҷумҳурии Тоҷикистон ба суд ваколатҳои нисбатан зиёдро вобаста ба амалӣ намудани кафолатҳои конститусионӣ дар рафти тафтишоти пешакӣ дар қисмати амалиётҳои тафтишотие додааст, ки ба маҳдудкунии ҳуқуқ ва озодиҳои конститусионии шаҳрванд ва татбиқ намудани чораҳои мурофиавии маҷбурӣ алоқаманд мебошанд.

Солҳои охир Тоҷикистон ба соҳаи мурофиаи судии ҷиноятӣ диққати махсусан муҳим дода, баҳусус мустақилияти яке аз иштирокчиёни мурофиаи судӣ-судхоро афзалият додааст, то ки давлат тавассути мақомоти номбаршуда кафолати ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрвандро амалӣ гардонад.

Судя натиҷаҳои фаъолияти муфаттишро таҳқиқ ва баррасӣ намуда, вобаста ба далелҳои пешниҳоднамудаи муфаттиш қарор қабул менамояд.

Қарорҳои дар боло зикршуда аз руи дархости муфаттиш танҳо бо ичозати суд қабул мешаванд ва бешубҳа то қабули қарорҳои мазкур байни суд, прокурор ва муфаттиш муносибатҳои мурофиавӣ пайдо шуда, мушкilotи мустақилияти мурофиавӣ ва вобастагии муфаттиш ҳангоми қабул намудани чунин қарорҳо ба миён меоянд.

Дар КМЧ Ҷумҳурии Тоҷикистон назорати судӣ аз рӯи қонуният ва асоснокии дархости муфаттиш марбут ба амалиётҳои алоҳидаи тафтишотӣ муқаррар шудааст.

Ба назар мерасад, ки дар чунин ҳолат сухан на дар бораи мустақилияти муфаттиш меравад, балки дар бораи маҳдудияти мустақилияти мурофиавии ӯ. Чунин меҳисобем, ки муфаттиш бояд бо мустақилияти бештар дар ҳалли масъалаҳо қарор қабул намояд, аз он ҷумла вобаста ба амалиётҳои тафтишотие, ки бо ичозати суд иҷро мегарданд.

Мустақилияти мурофиавии муфаттиш дар он ифода меёбад ки ӯ қарори мурофиавиашро мустақилона қабул намояд. Аҳамияти қарор дар фаъолияти мақомоти тафтишотӣ ба он муқаррар мегардад, ки қарори қабулкардаи муфаттиш дар фаъолияти идоракуни нақши умумӣ мебозад. Фаъолияти муфаттиш дорои хусусияти давлатӣ мебошад.

Муфаттиш-иҷрокунандаи бечунучарои қонун аст, ӯ татбиқи меъёрҳои ҳуқуқи мурофиавии ҷиноятиро амалӣ менамояд, ки дар қарорҳои ҳокимиятии ӯ ифода ёфтаанд.

Бояд қайд намуд, ки ба зиммаи муфаттиш исботкунии далелҳои айбдоркунӣ вогузор аст, ки бе он амалӣ намудани таъкиби ҷиноятӣ ғайриимкон аст, яъне вазифаи айбдоркунии мурофиаи ҷиноятӣ ҳалли худро ба воситаи ҳуди муфаттиш пайдо мекунад.

Мустақилияти мурофиавии муфаттиш меъёрҳоеро ташкил медиҳанд, ки тамоми ҳуқуқҳои муфаттишро пешбинӣ менамоянд, ки амали намудани ташаббуси шахсии ӯро ҳангоми ҳалли масъалаҳои тафтишоти пешакӣ пешбинӣ менамояд. Дар маҷмӯи меъёрҳои, ки пойгоҳи мустақилияти мурофиавии муфаттишро ташкил медиҳанд ҳамчунин меъёрҳои мурофиавие дохил гардидаанд, ки кафолати ҳуқуқи ҳуқуқҳои ба муфаттиш пешниҳодгардида мебошанд. Дар баробари ин агар меъёрҳои қонуни мурофиавии ҷиноятиро таҳлил намоем, мо мебинем, ки муфаттиш дар бисёр ҳолатҳо наме-

тавонад мустақилона қарор қабул намояд ва ваколатҳои худро бе розигии прокурор амалӣ гардонад.

Ҳамин тавр, муфаттиш дар қарор ҳулосаҳои худро дар бораи татбиқи чораи пешгирӣ-ба ҳаёти ғирифтани асоснок намуда, тибқи қисми 2 моддаи 111 КМЧ ҚТ аввал бояд розигии прокуроро гирад, баъд аз он ба суд дархости дахлдор пешниҳод намояд. Қоидаи ба ин монанд барои ғирифтани розигии суд дар бораи кофтукови манзил, ёфта ғирифтани муқаррар гардидааст (банди 6 моддаи 192 КМЧ). Ҳаёси ҳонаги (қисми 3 моддаи 110 КМЧ), аз вазифаи ишғолкарда барканор намудан (қисми 2 моддаи 114 КМЧ ҚТ), ба ҳаёти ғирифтани моликият (қисми 2 моддаи 116 КМЧ), ҳаёси муросилоти почта-хабарҳои телеграфи (қисми 4 моддаи 195 КМЧ) ва ғайраҳо.

Прокурор пеш аз пешниҳоди ифодаи розигии худ қонуният ва асоснокии гузаронидани чунин нави амалҳои муроғиавӣ, риояи қонуният ҳангоми ғирифтани ва истифодаи маълумоти исботкунандаро дар рағти тағтишоти минбаъда месанҷад. Бе розигии прокурор баррасии дархости муфаттиш ғайриимкон аст. Бинобар ин, ҳақиқатан чи тавре, ки аксари муроғиачиён дуруст меҳисобанд бояд дар бораи мустақилияти муроғиавӣ ва новобастагии муфаттиш фикр кард.

Васеъ намудани доираи ваколатҳои муфаттиш ҳангоми пешбурди тағтишоти пешакӣ падидаи мусбӣ аз нуқтаи назари таъмини манфиатҳои қонунии ин ё он иштирокчиёни муроғиавӣ судии қиноятӣ мебошад.

Тағлилҳои амалиявӣ нишон медиҳанд, ки дар вақтҳои охир мо ба як ҳадде омада расидаем, ки маҳдуд гардидани ваколатҳои мақомоти тағтишоти пешакӣ бо роҳи назорати дутарафа (назорати судӣ ва прокурорӣ) аз болои тағтишоти пешакӣ, барои ҳимояи манфиатҳои қонунии иштирокчиёни муроғиавӣ судӣ дар пешбурди тағтишот душворӣ эҷод кардааст.

Вобаста ба ҳолатҳои нишондодашуда ба КМЧ Ҷумҳурии Тоҷикистон ворид намудани меъёре мувофиқи мақсад аст, ки тибқи он қарорҳои муфаттиш оиди ба суд пешниҳод намудани дархост барои розигӣ додан, ба таври соддакардашуда баррасӣ карда шаванд.

Чунин мешуморем, ки мукамалгардонии КМЧ Ҷумҳурии Тоҷикистон вобаста ба амалҳои тағтишотии аз қониби суд баррасишаванда ба рушди мустақилияти муроғиавии муфаттиш ва ба таври бояду шояд амалӣ гардидани ваколатҳои муроғиавии ӯ мусоидат менамояд.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕРАСКРЫТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Самиев Н.М., начальник факультета №6 Академии МВД Республики Таджикистан, к.ю.н., полковник милиции

Проблема расследования нераскрытых преступлений прошлых лет в современных условиях развития Республики Таджикистан продолжает оставаться весьма актуальной для органов государственной власти и населения в нашем государстве. Она носит глобальный характер – касается всех правоохранительных ведомств республики. Она имеет общие корни, факторы, сходное правовое регулирование, общие недостатки, многие общие подходы и возможные пути решения.

Согласно данным ГИАЦ МВД Республики Таджикистан в 2017 г., зарегистрировано 22018 преступлений, по 12% из которых уголовные дела приостановлены, 7% считаются нераскрытыми¹. Одновременно необходимо сделать и другой важный вывод: существуют и определенные существенные различия в правовом, в том числе криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений, дела о которых приостанавливаются в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, либо когда обвиняемый скрылся от следствия и суда, либо когда по иным причинам не установлено его местонахождение.

В правоприменительной деятельности по расследованию нераскрытых преступлений прошлых лет имеются общие тенденции, в числе которых следует назвать низкий уровень ежегодной раскрываемости преступлений данной категории; преобладание в общем их массиве преступлений, учитываемых по линии уголовного розыска (кражи, грабежи, разбойные нападения, мошенничества, убийства, дорожно-транспортные преступления со смертельным исходом и т.п.); ежегодное снятие с учета в связи с истечением сроков давности преступлений, фактически оставшихся нераскрытыми. Из всех факторов, оказывающих свое (как положительное, так и отрицательное) воздействие на расследование нераскрытых преступлений прошлых лет, наиболее важными представляются: фактор времени; правовая регламентация работы по приостановленным производством делам; противодействие расследованию со стороны преступников и связанных с ними лиц; психологический и управленческий факторы.

Для Республики Таджикистан характерен и такой специфический фактор, как менталитет таджикского народа, включающий его самобытность, религиозность, наличие своих традиций и обычаев, особенно в сельской местности; влияние на значительную часть населения страны несовременного правового и культурного воспитания, религиозного фанатизма многих мулл, излишних суеверий, пережитков прошлого. Специфическими факторами, требующими специального, глубокого совместного изучения учеными-криминалистами и криминологами, являются трудовая миграция населения Таджикистана, а также наличие приграничной зоны с Афганистаном, что связано с повышенной наркотизацией населения, летальным исходом для многих наркоманов, совершающих преступления, так и остающиеся нераскрытыми.

К основным выводам тактико-криминалистического характера относятся положения о содержании методики анализа материалов приостановленного производством уголовного дела о нераскрытом преступлении (в совокупности с оперативными материалами, относящимися к данному преступлению); об особенностях планирования поисковой работы по приостановленным делам о таких преступлениях; о сущности, круге и тактике поисковых гласных мер, принимаемых следователем (дознавателем) к установлению личности преступника в ра-

¹ По данным ГИАЦ МВД Республики Таджикистан. Душанбе, 2018.

боте по приостановленному делу; о типичных основаниях и ситуациях возобновления производства; об особенностях тактики допроса, осмотра, обыска, предъявления для опознания, проверки показаний на месте события и некоторых других следственных действий по возобновленным производством делам. Для повышения эффективности работы правоохранительных органов Таджикистана по раскрытию и расследованию преступлений (в том числе преступлений прошлых лет) полезным следует считать разработку памяток (программ осмотров мест происшествий в различных типичных ситуациях), с указанием единых условных обозначений (по опыту криминалистов России и других стран СНГ), а также введение обязательности фото-, видеофиксации обстановки мест происшествий по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях.

Целесообразны также: оптимизация (совершенствование) форм учетно-регистрационных документов – специальных бланков карточек по возбуждению и движению уголовных дел, особенно по делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет; усиление ведомственного контроля за учетно-регистрационной дисциплиной следователей (дознавателей) со стороны начальников следственных подразделений, подразделений дознания, в частности, по приостановленным делам о нераскрытых преступлениях. Указанные рекомендации особенно важны для обеспечения сохранности материалов каждого дела о таком преступлении, причем это важно не только для Республики Таджикистан, но и для стран СНГ.

Требует дальнейшего специального исследования и выработки рекомендаций вопрос о более широком внедрении в практику расследования нераскрытых преступлений в Таджикистане новых технико-криминалистических методов, методик и средств, активно используемых в России, Латвии, Беларуси: молекулярно-генетического анализа вещественных доказательств биологического происхождения; использования методов гипнорепродукции в целях активизации памяти допрашиваемых; получения из учетов соответствующей необходимой информации для идентификации погибшего при наличии неопознанного трупа; метода исследования взрывных устройств и следов их применения на теле и одежде живых и погибших лиц.

На основании изложенного нами делается общий вывод: реализация в Республике Таджикистан высказанных мною выводов, предложений и рекомендаций может послужить делу совершенствования деятельности сотрудников правоохранительных органов Таджикистана по расследованию нераскрытых преступлений прошлых лет. Надеемся, что изучение и использование в этой деятельности опыта полиции и органов предварительного следствия России также будет полезно сотрудникам милиции МВД Республики Таджикистан.

Список использованной литературы

1. Конституция Республики Таджикистан, принята 6 ноября 1994 г.; с последующими изменениями 26. 09. 1999 г. и 22. 06. 2003 - Душанбе: Шарки озод. 2003. – 45 с. Информационная служба avesta.tj текст проекта поправок в Конституцию РТ 11. 02. 2016 // СПС Консультант Плюс.
2. Закон Республики Таджикистан «О принятии и введении в действие Уголовно – процессуального кодекса Республики Таджикистан» (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2009, № 12 (1409), ст. 816) – Душанбе, 03. 12. 2009 г. № 564. – 210 с. (изм. и дополн. по состоянию на 2015 г.).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М.: Проспект, КноРус, 2016. – 256 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан 2009 г., № 12 (1409), ст. 816) вст. в силу 01. 04. 2010 г., с изм. и доп. по состоянию на 2015 год.
5. Федеральный закон Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12. 08. 1995 № 144 –ФЗ (ред. от 29. 06. 2015) // СПС Консультант Плюс.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛЕДОВ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦАМИ, ОТБЫВАЮЩИМИ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ

Свидерский О.А., профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского юридического института ФСИН России, доктор медицинских наук, доцент

Проблемы, касающиеся раскрытия и расследования преступлений приобретают особую актуальность для учреждений уголовно-исполнительной системы, поскольку именно там находится большая концентрация преступников, многие из которых, даже находясь на территории ИУ или СИЗО продолжают совершать административные правонарушения и уголовно наказуемые деяния. Особое внимание следует уделить ИУ, т.к. там отбывают наказание лица, уже признанные судом виновными в совершении преступлений (осужденные).

Некоторые количественные показатели состояния преступности в исправительных учреждениях (без учета воспитательных колоний) за последние пять лет отображены в таблице 1:¹

Таблица 1.

Характеристика преступлений, совершаемых осужденными в ИУ

Отчетный период		2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Всего преступлений:		865	754	838	851	875
Из них	Убийства (ст.105 УК РФ)	22	13	14	18	10
	Дезорганизация деятельности ИУ (ст. 321 УК РФ)	5	7	12	13	8
	Причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ)	43	42	49	47	23

Необходимо также отметить об обязательном проведении проверок по каждому факту суицида, даже если все признаки этого на лицо. При этом следует указать, что именно в следственных изоляторах наблюдается наиболее высокий уровень суицидов по отношению к остальным видам учреждений УИС. Так, согласно статистическим данным, в 2017 году в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, зарегистрировано 310 случаев суицида. Следует отметить, что 38% от общего количества суицидов совершены именно в СИЗО – 117 случаев, из них 8 в помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора. При этом уровень суицидов в СИЗО на 1 тыс. подозреваемых, обвиняемых и осужденных оставил 1,14, что значительно выше, чем в исправительных учреждениях – 0,38².

Более того, совершение преступлений в ИУ дестабилизируют в ней оперативную обстановку, что создает определенные трудности для нормальной деятельности ИУ и препятствует при этом выполнению администрацией ИУ основных целей данного вида учреждений, а именно: исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так иными лицами³.

¹ Официальный сайт ФСИН России. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. Исправительные колонии для взрослых. [Электронный ресурс]. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/> (дата обращения: 17.01.2018).

² Письмо ФСИН России от 22.02.2018 № исх-03-12414 «Обзор о состоянии работы по профилактике суицидов среди подозреваемых, обвиняемых, осужденных в 2017 году».

³ Морозов М. В., Зотов А. В. Организация дознания в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: учебное пособие. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2005. – С. 3.

Исходя из этих данных, мы приходим к выводу, что в ИУ совершается достаточно большое количество преступлений, для раскрытия которых требуется участие квалифицированных специалистов, в том числе и специалиста в области судебной медицины.

Данный специалист, в свою очередь, играет важную роль в сборе и анализе биологических следов, которые бесспорно являются наиважнейшими доказательствами в расследовании практически любого преступления, по которым можно определить причастность того или иного лица к совершенному преступлению.

Несомненно, что первыми о совершенном преступлении узнают сами сотрудники уголовно-исполнительной системы, работающие в ИУ, и именно на них возлагается первостепенная задача по выявлению и сохранению следов преступления, в том числе и биологического происхождения, орудия и средств совершения преступления, а также определения первостепенного круга подозреваемых лиц. Как отмечает Ж.Ю. Кабанова, важно чтобы каждый сотрудник УИС обладал основами криминалистических знаний, которые способствуют не только повседневной работе по обеспечению режима в ИУ, но также и необходимы в случаях совершения в ИУ преступлений.

Следы биологического происхождения являются источниками, носителями доказательств причастности лица к совершению определенного деяния, но также могут рассматриваться и как обстоятельства подлежащие доказыванию, когда объект биологического происхождения был предметом преступного посягательства (хищения, уничтожения, незаконного изготовления и т. д.), либо использовался в качестве орудия, иного средства подготовки, совершения, сокрытия преступления, например, в случае умышленного заражения другого лица ВИЧ-инфекцией¹.

Следует отметить, что понятие «след» не имеет однозначного подхода к его пониманию в криминалистическом значении среди ученых со дня начала изучения науки о следах «трасологии».

Среди различных точек зрения есть группа ученых, которая считает, что «след» необходимо рассматривать только с криминалистической точки зрения и утверждают: «след – это любые изменения, которые происходят на следовоспринимающем объекте, в результате воздействия на него следообразующего объекта»². Предложенное последней группой ученых понимание следа, по нашему мнению, является более приемлемым и более точно раскрывает сущность следа в его криминалистическом значении, что в настоящее время представляет особый интерес.

На наш взгляд, актуальной видится задача формирования единого понятия «следов биологического происхождения», для решения которой считаем необходимым рассмотреть признаки следов биологического происхождения.

Рассматривая понятие «следы биологического происхождения» необходимо отметить, что они признаются частью материальных следов. Выделить их из общей массы материальных следов возможно только с учетом их биологической природы.

Соответственно, определение следов биологического происхождения должно содержать обязательные признаки:

- 1) след биологического происхождения – это изменение материальной обстановки биологическим объектом;
- 2) след биологического происхождения несет на себе признаки биологического объекта;
- 3) след биологического происхождения выражен в материальной или идеальной форме;
- 4) информация, содержащаяся в следе биологического происхождения, может быть доступна для непосредственного восприятия, либо требует дополнительной расшифровки³.

¹ Мамурков В.А. Понятие, структура и назначение криминалистической биоскопии // Российский юридический журнал. – 2012. – № 5. – С. 141.

² Чистова Л.Е. Следы как источник материальной информации о совершенном преступлении // статья в сборнике международного научного периодического издания по итогам Международной научно-практической конференции: «Новая наука: стратегии и векторы развития. Том 2 (Магнитогорск, 8 апреля 2017 г.). – Уфа: ООО «Агентство международных исследований», 2017. – С. 217.

³ Яковлев Д.Ю. Следы биологического происхождения в криминалистике и судебной медицине: монография. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2016. – С. 13.

Исходя из вышеизложенного, считаем, что под следами биологического происхождения следует понимать следы вещества, являющиеся отделившейся, либо отделяемой частью следообразующего объекта биологического происхождения.

Существует многообразие объектов биологической природы, а соответственно и следов биологического происхождения, с которыми так или иначе приходится сталкиваться в уголовном процессе.

Остановливаясь на следах биологических выделений человеческого организма следует выделить следующие из них: кровь, слюна, пот, волосы, сперма, моча, кал, части расчлененных трупов или трупные останки. Таким образом, можно сделать вывод, что наблюдается многообразие биологических выделений человека, обнаружение которых на месте происшествия существенно облегчает поиск виновного лица, определения преступника.

Как и все следы, следы биологического происхождения подлежат сбору и изучению, поскольку являются вещественными доказательствами. Однако в отношении данной категории следов имеется некоторая особенность, которая заключается в том, что их исследованием занимаются только специалисты в области судебной медицины.

При обнаружении трупа подследственного или осужденного на территории учреждения сотрудники УИС руководствуются приказом ФСИН России от 15 декабря 2016 г. № 1060 «Об утверждении Перечня ...». Первостепенными действиями дежурного помощника начальника исправительного учреждения (следственного изолятора) является вызов скорой медицинской помощи и оповещение оперативного дежурного ГУФСИН о произошедшем¹. По факту происшествия в учреждение выезжает ответственный от руководства ГУФСИН. Параллельно с ним оповещаются следственные органы, которые берут с собой специалиста в области судебной медицины для оказания содействия в сборе и исследовании следов преступления, в том числе и биологических. Как мы видим, наблюдается достаточно длинная цепочка действий до оповещения и прибытия сотрудников следственных органов в учреждение для начала процедуры расследования и раскрытия. При этом важно отметить, что каждый факт смерти в учреждениях УИС рассматривается следственными органами на предмет наличия состава преступления в соответствии со статьями 144, 145 УПК РФ, даже если это был суицид, и проводятся все необходимые следственные действия.

Следует отметить, что в процессе расследования преступления между сотрудником УИС, чаще всего оперативным работником, следователем и дознавателем возникают разного рода взаимодействия по реализации тех или иных следственных действий².

Поскольку для обеспечения своевременного сбора информации, задержания подозреваемых лиц, а соответственно и для раскрытия преступления требуется своевременное проведение некоторых следственных действий, уголовно-процессуальным законодательством предусматривается обязанность сотрудников УИС провести необходимые следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия. Наиболее частым следственным действием считается осмотр места происшествия, а в случае обнаружения трупа – и осмотр трупа на месте его обнаружения.

Особую актуальность это приобретает в тех случаях, когда по каким-либо причинам отсутствует возможность прибыть следственно-оперативной группе в исправительное учреждение.

¹ Приказ ФСИН России от 15 декабря 2016 г. № 1060 «Об утверждении Перечня оперативной информации и оперативных донесений о правонарушениях и происшествиях, представляемых в дежурную службу управления планирования и организационно-аналитического обеспечения ФСИН России учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы, Порядка подготовки и представления оперативной информации и оперативных донесений о правонарушениях и происшествиях, допущенных в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и признании утратившими силу некоторых приказов Федеральной службы исполнения наказаний» [Электронный ресурс] // СПС «ГАРАНТ» (дата обращения: 19.03.2018).

² Кабанова Ж.Ю. Криминалистическая деятельность как основа для участия сотрудников исправительного учреждения в расследовании преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы // «Криминалистическое и процессуальное обеспечение расследование преступлений в уголовно-исполнительной системе» (Владимир 1 марта 2017 г.). – Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. – С. 125.

По прибытию на место происшествия оперативные сотрудники учреждения начинают проводить следующие первоначальные действия:

- комплекс мероприятий по сохранению следов преступления;
- определение круга возможно причастных лиц к совершенному деянию;
- оказание первой помощи потерпевшему, попытки его оживить при возможности.

Перед медицинским работником при осмотре места происшествия и трупа стоят многочисленные задачи, среди которых следует выделить следующие:

- констатация факта наступления смерти жертвы;
- оказание помощи следователю в осмотре трупа на месте обнаружения, а также при документальном оформлении результатов проведенных следственных действий;
- оказание помощи в обнаружении, изъятии, фиксации вещественных доказательств биологического происхождения (следы крови, спермы, слюны, волосы, иные выделения и продукты жизнедеятельности человека), подлежащие последующему судебно-медицинскому (судебно-химическому) исследованию;
- консультирование следователя о времени, причине смерти, механизма образования повреждения, возможного вида орудия совершения преступления и т.д.¹.

Важно отметить, что главной особенностью следственного действия в виде осмотра трупа на месте обнаружения является обязательное участие при этом специалиста в области судебной медицины, либо иного врача², которому как отмечалось ранее отводиться особая роль – решение вышеперечисленных задач. Однако стоит отметить, что никто кроме исследуемой нами категории лиц, не может констатировать смерть, установить признаки насильственной смерти и другие данные, что также имеет значение при определении причины смерти человека. Собранные врачом-специалистом в области судебной медицины образцы (следы, вещества) биологического происхождения содержат в себе информацию, что может послужить и служит для следователя опорой на создание рабочей версии (гипотезы) об обстоятельствах происшествия. После чего следователь, опираясь на имеющиеся у него сведения и обобщая их, подтверждает ту или иную рабочую версию, именно это является основной его задачей.

Следует подчеркнуть, что значительная продолжительность во времени процесса обнаружения и изъятия следов биологического происхождения может привести и зачастую приводит к проблеме – повреждению, а того хуже полному уничтожению, приведению в негодность важных следов, которые при правильных и своевременных действиях могли бы быть сохранены и использованы в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Согласно статье 13 Закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», учреждения УИС обязаны в рамках своей компетенции оказывать содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность³. Кроме того, на основании требований ст. 84 УИК РФ одной из задач, стоящих перед оперативно-розыскной деятельностью в учреждениях, исполняющих уголовные наказания, является оказание содействия в выявлении и раскрытии преступлений, которые совершены осужденными до прибытия в исправительное учреждение. Анализ данных норм позволяет сделать вывод о их размытости, неточности, а это может вызвать иные проблемы.

В этой связи представляется актуальным возложить обязанности по проведению первоначальных неотложных действий по обеспечению сохранности, особенно в условиях, могущих повлечь утрату важных следов для раскрытия преступлений, на оперативные подразделения учреждений, исполняющих уголовные наказания, а также на медицинский персонал, действующий в данном случае под руководством первых. Но возложить данные обязанности

¹ Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза: учебник. – М.: Право и закон, 2002. – С. 153.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 8 декабря 2001 г. № 174 (в ред. Федерального закона от 23.04.2018 № 99-ФЗ) [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-поисковой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.03.2018).

³ Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (в ред. Федерального закона от 28.12.2016 № 503-ФЗ) [Электронный ресурс] // СПС «ГАРАНТ» (дата обращения: 12.03.2018).

только после решения иной проблемы, проблемы организационного характера – недостаточная квалификация оперативных подразделений и медицинского персонала учреждений УИС для обнаружения и изъятия следов биологического происхождения.

Поэтому возникает необходимость наличия у оперативных подразделений ИУ квалифицированных знаний в области криминалистики. В частности, требуются знания тактики и методики проведения отдельных следственных действий, как, к примеру, то же осмотр места происшествия, где от грамотно составленных процессуальных документов зависит качество проведения расследования и его скорость. В свою очередь от медицинских работников требуется наличие у них знаний для осмотра трупа на месте обнаружения, знания по способам и методам обнаружения, изъятия и хранения следов биологического происхождения.

В этой связи, представляется весьма актуальным ввести в перечень квалификационных требований (профессиональных компетенций) к кандидатам на замещаемые должности знания и навыки по выполнению вышеперечисленных действий, включив в программы повышения квалификации служб и отделом УИС, задействованных в расследовании преступлений, совершенных в учреждениях УИС.

Для осмотра трупа на месте происшествия, произошедшего на территории исправительного учреждения, скорее всего будут привлекаться врачи медико-санитарной части данного учреждения (врач-терапевт или хирург), которые существуют в каждом учреждении уголовно-исполнительной системы (исправительных учреждениях, следственных изоляторах) для оказания медицинской помощи осужденным, подозреваемым, обвиняемым во время их содержания в перечисленных учреждениях. При этом на него распространяются все требования, что и к судебно-медицинскому эксперту, а именно: не разглашение данных предварительного расследования, которые стали ему известны в ходе проведения осмотра трупа и места происшествия; соблюдения порядка (ст.ст. 176-178 УПК РФ) и методики проведения осмотра трупа¹. Если первое не представляет особой трудности, то касаются соблюдения методики и порядка проведения следственного действия возникают некоторые проблемы. Безусловно, самой главной из них является отсутствие у врачей медико-санитарных частей учреждений УИС основ знаний по проведению следственных действий, в частности осмотр трупа, места происшествия.

В связи с чем, в качестве решения недостаточной квалификации приведенных выше категорий лиц, предлагается ввести должность штатного судебно-медицинского эксперта (специалиста в области судебной медицины), который бы совмещал должность врача ИУ в медицинской части, при чем квалификация которого соответствовала бы ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности»².

Мы также считаем, что достаточно эффективным будет и дополнительное обучение всего медицинского персонала медицинских частей учреждений УИС в рамках повышения квалификации порядку и методикам проведения следственных действий в части их касающейся.

В результате мы можем добиться того, что в учреждении УИС будет постоянно находиться квалифицированный специалист, способный оказать помощь при проведении осмотра места происшествия и трупа и, соответственно, обнаружить и собрать всевозможные следы, имеющие доказательственное значение.

¹ Сви́дерский О. А., Овод И. В. Участие врача медицинской части учреждения в осмотре трупа на месте его обнаружения // 4-я Международная научно-практическая конференция «Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт» (Самара, 21-22 июня 2013 г.). – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2013. – С. 79-80.

² Сви́дерский О. А., Овод И. В. Указ. соч. – С. 80.

ФАКТЫ ТЕРРОРИЗМА И ИНЫХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА, ПРОБЛЕМЫ, ПРИЧИНЫ И ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ

Сейтенов А.Ж., начальник кафедры уголовного права и криминологии Актюбинского юридического института МВД Республики Казахстан им. М. Букенбаева полковник полиции

В своем послании Президент поставил задачу Государство и граждане должны единым фронтом выступить против всех форм и проявлений радикализма, экстремизма и терроризма.

Особую озабоченность вызывает угроза так называемого религиозного экстремизма. Общую озабоченность разделяют и духовные иерархи.

Нам нельзя допустить, чтобы искренняя вера во Всевышнего подменялась агрессивным и разрушительным фанатизмом. Слепой фанатизм абсолютно чужд психологии и менталитету нашего миролюбивого народа. Он противоречит ханафитскому мазхабу, которого придерживаются правоверные Казахстана.

Экстремизм и терроризм в Казахстане имеют не идейную, а криминальную основу. За псевдорелигиозной риторикой скрывается преступная деятельность, подрывающая основы общества.

Это атака на мир и стабильность в нашей стране. Это испытание на прочность нашей государственности и гражданской зрелости.

Светский характер нашего государства – это важное условие успешного развития Казахстана.

Это должны четко понимать нынешние и будущие казахстанские политики, все казахстанцы.

В вопросах религии необходимы вдумчивый подход и крайняя осторожность. Государство не должно вмешиваться во внутренние дела религиозных общин. Мы должны свято придерживаться принципа свободы совести, традиций толерантности и веротерпимости.¹

Анализ имеющихся публикаций показывает, что хотя проблемам терроризма и экстремизма посвящена значительная литература, на сегодняшний день отсутствует единая общепринятая трактовка этих понятий.

Исследователи относят их к наиболее неоднозначным и многоплановым понятиям, что объясняется сложностью, многогранностью, исторической изменчивостью, динамизмом этих явлений. В научных исследованиях отмечается, что под экстремизмом зачастую понимаются разнородные явления: от разнообразных форм классовой и освободительной борьбы, сопровождающейся применением насилия, до преступлений, совершаемых полууголовными элементами, наемными агентами и провокаторами.

Экстремизм (от лат. *extremus* - крайний, последний) как специфическая линия в политике означает приверженность политических течений, находящихся на крайне левых или крайне правых политических позициях, радикальным взглядам и таким же крайним методам их реализации, отрицающим компромиссы, договоренности с политическими противниками и стремящимся добиться поставленных целей любыми средствами.

Идеологию экстремизма можно охарактеризовать как комплекс радикальных идейных установок и теоретических воззрений (крайне левых, крайне правых, национал-экстремистских, сепаратистских, великодержавных, религиозных, социально-экономических и духовно-психологических), выступающих теоретическим обоснованием применения насилия в различной форме на нелегитимной основе для достижения преимущественно полити-

¹ Послание Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева народу Казахстана. 14 декабря 2012 г.

ческих целей. В связи с многообразием толкования некоторые исследователи предлагают рассматривать понятие экстремизм в самом широком смысле как социально-политическое явление, включающее систему организаций, идеологических положений и установок, а также практических действий общественных групп, политических партий и движений, отдельных граждан, направленных на использование насилия или угрозы его применения по отношению к органам государственной власти, обществу в целом, международным и национальным организациям с целью изменения существующего государственного строя, разжигания национальной и социальной вражды.

Понятие терроризма с позиций сегодняшней мировой обстановки представляется достаточно сложным ввиду разноплановости этого явления. Современный терроризм, не будучи новым явлением, тем не менее лишь сравнительно недавно приобрел черты глобальной проблемы, требующей серьезнейшего внимания всего международного сообщества.

Осознанием актуальности проблемы терроризма пронизаны многочисленные дискуссии как на национальном, так и на международном уровне, в том числе в рамках ООН, где на протяжении ряда лет данная тематика прочно закрепила в повестке дня сессий Генеральной Ассамблеи, различных конференций, симпозиумов, семинаров. Однако, несмотря на неуклонно растущее число международных документов о борьбе с терроризмом, включая известные 13 международных конвенций и протоколов, в этой области существует признаваемый всеми концептуальный пробел - отсутствие универсального общепризнанного определения терроризма, без чего крайне затруднительно эффективно и, самое важное, на подлинно коллективной основе противостоять этому злу. Не секрет, что различные страны придерживаются во многом несовпадающих взглядов на данное явление, зачастую подстраивая свои представления о нем под собственные интересы и амбиции¹

С этническим терроризмом часто тесно связан религиозный - арабо-мусульмане из палестинских группировок, исламские фундаменталисты из группировок ХАМАС, «Джихад», «Хезболла», тоталитарные секты и т.п. (1) Исследователи политического терроризма отмечают, что его появление обусловлено совокупностью объективных и субъективных обстоятельств и причин, а наиболее общей предпосылкой выступают кризисные процессы. Обостряя противоречия в разных сферах общественной жизни, они создают иллюзию быстрого их решения путем террора. Процессы люмпенизации и маргинализации формируют «кадровые» предпосылки террористической деятельности. Хотя это не исключает участия в терроре выходцев из состоятельных слоев общества.²

Терроризм в настоящее время превратился в одно из наиболее опасных и непредсказуемых преступных деяний. Террористические акты, как показала жизнь, оборачиваются массовыми человеческими жертвами, ведут к масштабным разрушениям материальных и духовных ценностей, сеют недоверие, вражду и ненависть между социальными и национальными группами. Активизация террористической деятельности связана с внутренними и внешними факторами.

Цель террористов заключается в том, чтобы нарушить общественную безопасность и оказать влияние на принятие определенных решений органами власти. Терроризм сопутствует совершению опасных, в том числе и государственных, преступлений, посягающих на суверенитет, территориальную неприкосновенность, государственную безопасность, политическую и экономическую систему; нередко под угрозу ставится мир и мирное сосуществование государства. Для достижения поставленных целей терроризм может быть использован как отдельными людьми, так и группами. Он является средством профессионалов для придания их деятельности или их требованиям широкой огласки в обществе. В большинстве случаев к

¹ Рыльская, О.А. Социально-политические истоки, формы и признаки терроризма : По материалам международной научно-практической конференции «Международный терроризм: истоки и противодействие» // Российский следователь. - М., 2003. - N 10. - С. 39-42.

² Паин Э.А. О роли формальных и неформальных институтов в эскалации и терроризме // Материалы международного симпозиума. 18-19 января 2002 г. М., 2002. С. 54.

терроризму прибегают тогда, когда другие акции (политические переговоры, массовые демонстрации) результатов не дали.

В настоящее время исследователи особое внимание обращают на следующие две особенности современного терроризма. Во-первых, объектом террористических актов являются в большинстве случаев не политические деятели, а обычные граждане и даже дети. Очевидно, эффективность террористических акций (если можно так выразиться) связывается не со статусом жертв, а с их количеством. Следовательно, террор выступает не как форма борьбы с физическим лицом - носителем неуютной идеи или позиции, как это было в прежнее время, а как форма устрашения и деморализации населения. Иными словами, терроризм имеет целью превратить народ в толпу, не способную к организованным, конструктивным действиям, охваченную паникой и подверженную хаосу. А если точнее, целью терроризма стал духовно-творческий потенциал нации как определяющий фактор развития общества. Противодействие терроризму, с этой точки зрения, предполагает необходимость усиленного воспроизводства духовно-творческого потенциала, а именно формирование определенного типа личности - с развитой ценностно-смысловой сферой, способной к самоконтролю, ответственной и устойчивой к фрустрации. Во-вторых, современную ситуацию отличает большое число пособников, соучастующих так или иначе в террористических актах, но идеологически не связанных с террором. Основным мотивом соучастия в терроризме является материальный мотив. Этот факт свидетельствует не только о бедности, но и о крайней ограниченности легитимных способов преодолеть бедность. Соучастие в террористических актах рассматривается как один из способов заработка или подработки, т.е. как способ социальной адаптации. В свете этой ужасающей истины следует оценивать современную экономическую политику государства. Но не только ее. Преобладание материальных мотивов социальной активности граждан есть результат представления о престижности богатства, бытующего в обществе, широкого распространения социальных идеалов, напроочь лишенных нравственного содержания. А это уже проблемы социокультурной политики¹.

В научной литературе отмечается, что появление и воспроизводство экстремизма и терроризма как исторически и социально обусловленных явлений вызвано совокупностью объективных и субъективных причин социального, экономического, политического, национального, идеологического, психологического характера.

Сейчас терроризм рассматривается как преступление международного характера особого вида: это международная либо внутригосударственная, но имеющая международный (охватывающая два или более государств) характер организационная и иная деятельность, направленная на создание специальных организаций и групп для совершения убийств и покушений на убийство, нанесения телесных повреждений, применения насилия и захвата людей в качестве заложников с целью получения выкупа, насильственного лишения человека свободы, сопряженного с глумлением над личностью, применением пыток, шантажа и т.д.; терроризм может сопровождаться разрушением и ограблением зданий, жилых помещений и иных объектов.

Цель терроризма - нанесение ущерба демократическим и прогрессивным социальным преобразованиям, собственности организаций, учреждений, частных лиц; запугивание людей, насилие над ними и физическое уничтожение в угоду реакционным взглядам и идеологии фашистского, расистского, анархистского, шовинистического либо военно-бюрократического толка, а также получение преступными элементами или покровительствующими им организациями, группами, лицами материальной или иной выгоды. Целью терроризма являются также дезорганизация и нанесение ущерба нормальным отношениям между государствами².

Отличительной чертой терроризма является то, что он порождает общую опасность, возникающую в результате совершения общеопасных действий либо угрозы таковыми.

¹ Платэ Н.А.; Коваленко Г.Я.; Шиян Ю.К. «Нет терроризму!» - Вестн.РАН, 2006; Т.76, N 2. - С. 161-165.

² Салимов К.И. Современные проблемы терроризма. М., 1999. С. 12 - 15.

Опасность при этом должна быть реальной и угрожать неопределенному кругу лиц. Следующая отличительная черта терроризма - это публичный характер его исполнения

Наряду с порождением общей опасности и публичным характером действий следующим отличительным и самым важным признаком терроризма является преднамеренное создание обстановки страха, подавленности, напряженности. При этом создается эта обстановка страха, напряженности не на индивидуальном или узкогрупповом уровне, а на уровне социальном и представляет собой объективно сложившийся социально-психологический фактор, воздействующий на других лиц и вынуждающий их к каким-либо действиям в интересах террористов или принятию их условий.

И еще одной отличительной чертой терроризма является то, что при его совершении общеопасное насилие применяется в отношении одних лиц или имущества, а психологическое воздействие в целях склонения к определенному поведению оказывается на других лиц, то есть насилие здесь влияет на принятие решения потерпевшим не непосредственно, а опосредованно - через принятие (хотя и вынужденно) волевого решения самим потерпевшим лицом вследствие созданной обстановки страха и выраженных на этом фоне стремлений террористов. Именно ради достижения того результата, который террористы стремятся получить за счет действий этих лиц, и направляется их деятельность на создание обстановки страха путем совершения или угрозы совершения общеопасных действий, могущих привести к невинным жертвам и иным тяжким последствиям. При этом воздействие на лиц, от которых террористы желают получить ожидаемый результат, может быть как прямым, так и косвенным.

В последнее время с угрозой терроризма столкнулась и наша страна. Прошлые года стали непростыми для Казахстана. Впервые мы так явно столкнулись с терроризмом и экстремизмом. Проблема в том, что данные угрозы ранее воспринимались как опасность, которая может быть принесена только извне. И, к сожалению, вероятность того, что террористические и экстремистские действия могут быть организованы внутри страны, не рассматривалась в качестве потенциальной угрозы.

Поэтому события прошлых лет являются не просто звеньями одной цепи, они обусловлены общим нарастанием угрозы терроризма в стране. Вместе с тем, несмотря на то, что рассматриваемые события происходили друг за другом, и практически идентичны, тем не менее, еще преждевременно говорить, что они имеют спланированный характер и координировались одним центром. Пока мы имеем дело со спонтанными действиями автономных групп. Но вне зависимости кем они совершались – маленькими группами или же одиночками – важно не допустить появления уже более устойчивых групп. Но самое главное – нельзя допускать идеологизации террористической и экстремистской деятельности. Поэтому очень важная задача не допустить навязывания такой линии.

Почему именно сейчас Казахстан столкнулся с угрозой терроризма? Это обусловлено, прежде всего, наложением внешних и внутренних факторов. Ослабление системы региональной безопасности, нестабильное окружение вокруг Казахстана, близость к точкам конфликтов (Северный Кавказ, Афганистан) – все это, конечно же, создает определенные условия для нарастания угрозы терроризма. И плюс к этому, в регионе в целом и в стране, к сожалению, появились определенные внутренние предпосылки, способствующие экстремизму и терроризму. И все эти годы мы боролись больше с фактическими проявлениями экстремизма и терроризма (задерживали за распространение запрещенной литературы, арестовывали за миссионерскую деятельность, судили за участие в террористической и экстремистской деятельности) и не обращали серьезного внимания на внутренние источники этих проблем.¹

Вместе с тем возникает вопрос откуда идет финансирование терроризма? По информации министерства внутренних дел РК экстремистские и террористические группы, существующие в Казахстане вышли на самофинансирование. «На первоначальном этапе - проник-

¹ Карин Е. «Действия экстремистов отвергаются обществом» - «Юридическая газета» 2012 г.

новение и укоренение в Казахстане - эти организации преимущественно финансировались из-за рубежа. Есть ряд стран, откуда гласно или не гласно поступает это финансирование.

Согласно данным МВД, почти 80% лиц, привлеченных к ответственности за экстремизм и терроризм это люди в возрасте от 19 до 28 лет. То есть, это тот слой людей, у кого жизненные ориентиры, принципы еще не сформированы в достаточной степени и которых, легко сбить с толку. По данным ведомства, вербовкой экстремистов и террористов занимаются специально подготовленные люди, владеющие психологическими приемами. В Казахстане точкой опоры всегда были мечети, медресе. Большинство людей обращаются к богу и религии только тогда, когда наступают проблемы, черная полоса в жизни. В этих учреждениях рекрутеры работают с этими людьми, разговаривают с ними, уделяют им внимание. В ряде случаев, может быть, оказывают им материальную помощь. Всеми силами дают понять, что человек в этой беде не одинок, и есть люди, которые могут ему помочь. И после того, как человек потянется к ним, они начинают преподносить идеологию. Они говорят о коррупции, безработице и низком уровне жизни. И объясняют, что все это происходит из-за неправильно-го государственного устройства. И приводят пример арабского халифата. Согласно данным психологов, 40-60% людей легко восприимчивы к воздействию извне.¹

Таким образом, из указанного, можно сделать вывод, что терроризм – это сложная многоаспектная категория, зависящая от многих социальных политических, экономических и социальных факторов.

Имея колоссальные доходы из криминальных источников финансирования экстремистско-террористические организации современности представляют из себя мобильные транснациональные структуры, способные разрушить традиционные основы государственности, успешно «лоббировать» собственные политические амбиции на уровне геополитических сфер.

Практика показывает, что разрозненные действия отдельных стран не достаточны для эффективного противостояния терроризму. Борьба с терроризмом требует участия всех стран мирового сообщества, тем более в условиях глобализации мировых процессов, и приводит к необходимости разработки комплексных международных подходов и единых методик противостояния различным террористическим проявлениям.

Список использованной литературы:

1. Послание Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева народу Казахстана. 14 декабря 2012 г.
2. Рыльская, О.А. Социально-политические истоки, формы и признаки терроризма : По материалам международной научно-практической конференции «Международный терроризм: истоки и противодействие» // Российский следователь. - М., 2003. - N 10. - С. 39-42
3. Паин Э.А. О роли формальных и неформальных институтов в эскалации и терроризме // Материалы международного симпозиума. 18-19 января 2002 г. М., 2002. С. 54.
4. Платэ Н.А.; Коваленко Г.Я.; Шиян Ю.К. «Нет терроризму!» - Вестн.РАН, 2006; Т.76, N 2. - С. 161-165
5. Салимов К.И. Современные проблемы терроризма. М., 1999. С. 12 - 15.
6. Карин Е. «Действия экстремистов отвергаются обществом» - «Юридическая газета» 2012 г.
7. Муканов Б. «Терроризм в Казахстане вышел на самофинансирование» - «Аргументы и факты» 2012 г.

¹Муканов Б. «Терроризм в Казахстане вышел на самофинансирование» - «Аргументы и факты» 2012 г.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ И ФОРМЫ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УПК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Семенов В.А. профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Собиранию доказательств как первому структурному элементу доказывания посвящена ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ), где содержится указание на то, что «дознатель, следователь, прокурор, а также суд, судья по ходатайству сторон вправе: ... производить осмотр, обыски и другие предусмотренные настоящим Кодексом следственные действия; требовать от предприятий, организаций, учреждений, должностных лиц и граждан, а также органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, представления документов и предметов, имеющих значение для дела; требовать производства ревизии и проверок от уполномоченных органов и должностных лиц» [1].

Основываясь на указанных предписаниях закона можно назвать два процессуальных способа собирания уголовно-процессуальных доказательств: следственные действия и требования.

При этом современная система следственных действий, с помощью которых чаще всего обнаруживаются, изымаются и приобщаются к уголовному делу доказательства, закреплена законодателем Таджикистан в названии гл. 21-24 УПК РТ, содержание которых убеждает в наличии лишь одного относительно нового познавательного приема, отражающего потребности государства в деле борьбы с преступностью – прослушивания и записи переговоров. Сущность прослушивания и записи переговоров заключается в фиксации с разрешения суда, судьи с помощью технических средств телефонных и иных переговоров подозреваемого, обвиняемого и других лиц, которые могут располагать сведениями, имеющими значение по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях.

Для следственных действий характерно наличие детальной процедуры производства, предусмотренной законом, и этот фактор является гарантией от произвольного ограничения прав личности, способствует максимальной полноте и достоверности полученных результатов. В УПК РТ закреплены условия и общие правила производства следственных действий, а ход и результаты производства отражаются в протоколе, составляемом по единым правилам, предусмотренным ст. 172 УПК РТ.

Что же касается права требования, то здесь приходится констатировать отсутствие механизма регулирования этого способа собирания доказательств (как и в УПК РФ), хотя его сущность очевидна – предъявление письменного требования о представлении документов и предметов, имеющих значение для уголовного дела.

Считаем, что право требования может использоваться при наличии двух условий:

- 1) когда точно известно, какой документ, предмет необходим, где и у кого он находится;
- 2) нет оснований опасаться сокрытия, уничтожения или повреждения документа, предмета владельцем.

Требование как способ собирания доказательств должно складываться из нескольких последовательных действий:

- 1) составление и направление письменного требования в форме делового письма предписывающего характера, когда предполагается обязательность выполнения определенных ответных действий, адресованное лицу или органу, в распоряжении которого находится искомый объект, сведения (наглядный пример, справка об отсутствии судимости из информационных центров различных уровней);

- 2) предоставление истребованного объекта, сведений адресату, отражение указанного факта и индивидуальных признаков в материалах уголовного дела;

3) приобщение документа, предмета к делу после его процессуальной проверки и оценки.

И еще. Право дознавателя, следователя, прокурора, суда, судьи требовать, как способ собирания доказательств, распространяется на органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, для которых это корреспондируется обязанностью. В результате, при формальном подходе к содержанию ч. 2 ст. 86 УПК РТ, можно спрогнозировать негативные последствия реализации этого права – расшифровку негласных методов оперативно-розыскной деятельности и средств получения информации, вопреки правилам ведения секретного делопроизводства. Здесь необходимо учитывать, что допустимые границы реализации оперативных материалов в сфере уголовного судопроизводства определяет орган, осуществляющий ОРД, во всяком случае, когда требуется обеспечить безопасность участников ОРД, если это может повлечь за собой разглашение сведений об используемых силах, средствах, методах, лицах и др.

Согласно ч. 3 ст. 86 УПК РТ право собирать доказательства предоставлено не только дознавателю, следователю, прокурору, суду и судье, но и защитнику – путем их представления. Думается, что в данном случае законодатель допустил терминологическую неточность, так как имел в виду не право защитника собирать доказательства, а его право получать от различных учреждений, организаций, предприятий справки, характеристики, иные документы и представлять их лицу, осуществляющему производство по уголовному делу. В дальнейшем на основе этих документов в установленном законом порядке и при наличии соответствующего ходатайства защитника органом уголовного преследования (в досудебном производстве) или судом могут быть сформированы доказательства. Поэтому защитник не собирает доказательства в процессуальном смысле, а обнаруживает сведения, оправдывающие обвиняемого или смягчающие его ответственность.

Далее перейдем к особенностям собирания доказательств в стадии возбуждения уголовного дела, обусловленных ее задачами и процессуальной формой деятельности.

Обращение к тексту гл. 17 УПК РТ «Повод и основания к возбуждению уголовного дела» позволяет утверждать, что процессуальная деятельность на первоначальном этапе уголовного судопроизводства носит удостоверительный характер, обеспечивая тем самым, как и при доказывании в последующих стадиях, закрепление в установленном законом порядке полученных сведений.

Первичные сведения о событии преступления, возможной причастности к его совершению определенного лица содержатся в заявлении о преступлении (ст. 141 УПК РТ), явке с повинной (ст. 142 УПК РТ), сообщении должностного лица предприятия, учреждения и организации, к которому могут прилагаться документы и иные материалы, подтверждающие обстоятельства совершения преступления (ст. 143 УПК РТ), сообщении средств массовой информации, с обязанностью должного лица передать находящиеся в его распоряжении документы и иные материалы, подтверждающие распространенное сообщение, а также назвать лицо, представившее эти сведения, за исключением случаев, когда это лицо представило их с условием сохранения в тайне источника информации (ст. 144 УПК РТ). Кроме того, сведения, указывающие на признаки преступления, могут быть непосредственно обнаружены дознавателем, следователем или прокурором (ст. 140 УПК РТ).

Подчеркнем также, что к моменту принятия решения о возбуждении уголовного дела закон не требует бесспорного установления всех обстоятельств совершенного преступления, необходимо лишь обоснованно предполагать, что преступление имело место в действительности. С учетом этого собирание доказательств в стадии возбуждения уголовного дела имеет специфический характер, поскольку отсутствует предварительно накопленная доказательственная база, производится лишь одно следственное действие – осмотр места происшествия в безотлагательных случаях (ч. 5 ст. 145, ч. 2 ст. 182 УПК РТ) и ограниченное число иных процессуальных действий, а целью доказывания является установление основания для возбуждения уголовного дела.

Безотлагательное проведение осмотра места происшествия позволяет получить ясное представление о характере события преступления, причастности к его совершению опреде-

ленного лица, без чего порой невозможно решить вопрос о наличии (отсутствии) основания для возбуждения уголовного дела. В отличие от УПК РФ уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан не содержит дозволения на производство иных кроме осмотра места происшествия следственных действий до возбуждения уголовного дела.

Согласно ч. 5 ст. 145 УПК РТ решение по поступившим заявлениям и сообщениям о преступлениях принимается после их рассмотрения, с получением, в необходимых случаях, дополнительных объяснений лица, подавшего заявление, истребования документов. Но при отсутствии механизма регулирования права требования (повторим это еще раз) в УПК РТ нет также и процессуальной регламентации получения объяснений.

Вместе с тем, процедура получения объяснений должна гарантировать соблюдение прав и законных интересов граждан, предусматривать порядок их разъяснения и обеспечивать возможность осуществления – от права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников до учета особенностей опроса малолетнего и несовершеннолетнего лица [2, с. 91-93].

А теперь сделаем акцент на том обстоятельстве, что сущность собирания доказательств состоит в совершении процессуальных действий, направленных не только на обнаружение и получение, но и закрепление в установленном законом порядке доказательств. Причем закрепление представляет собой удостоверительную сторону доказывания, облечение получаемых сведений в надлежащую процессуальную форму.

Указание на процессуальную форму доказательств содержится в ч. 2 ст. 72 УПК РТ: показания (свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого), заключения и показания эксперта, заключения и показания специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, скрытые записи; прослушанные и зафиксированные телефонные разговоры, электронные, видео - и аудиозаписи наблюдения, иные документы. Тем самым, как представляется, не учитывается традиционный подход об универсальном характере системы процессуальных форм доказательств, когда всякое расширение перечня доказательств должно осуществляться путем обоснованного включения в его систему новых познавательных приемов.

Причем следует напомнить, что использование не предусмотренных законом форм закрепления приводит к тому, что полученные сведения не приобретают значения уголовно-процессуальных доказательств и не могут быть положены в основу выводов по уголовному делу. В то же время, для каждого из названных в ч. 2 ст. 72 УПК РТ источников сведений закон должен устанавливать свой порядок получения и закрепления в уголовном деле. Если, например, речь идет о показаниях, то доказательствами они могут быть при условии получения их на допросе, проведенном в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, и закрепления результата в протоколе следственного действия.

В предлагаемом законодателем Таджикистана перечне форм уголовно-процессуальных доказательств обращают на себя внимание следующие: 1) скрытые записи; 2) прослушанные и зафиксированные телефонные разговоры; 3) электронные, видео - и аудиозаписи наблюдения. Рассмотрим каждую из названных процессуальных форм доказательств, закрепленную ч. 2 ст. 72 УПК РТ вопреки традиционному подходу к их системе, и выясним, устанавливает ли закон порядок их получения и закрепления в уголовном деле.

1. Термин «скрытые записи» используется в тексте УПК РТ лишь один раз, в ч. 2 ст. 72 УПК РТ, без указания на содержание этой формы доказательств в гл. 9 УПК РТ, как это сделано по отношению к показаниям свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, заключению и показаниям эксперта, заключению и показаниям специалиста, вещественным доказательствам, протоколам следственных и судебных действий, иным документам.

А может быть этот термин заимствован из сферы оперативно-розыскной деятельности, где и предусмотрен порядок получения скрытой записи?

Базируясь на предписаниях закона Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» ответ очевиден – нет, поскольку термин «скрытые записи» не ис-

пользуется в ст. 1 «Основные понятия», ст. 6 «Оперативно-розыскные мероприятия», ст. 11 «Использование результатов оперативно-розыскной деятельности» [3].

Но есть закон Российской Федерации «О средствах массовой информации», в ст. 50 которого с названием «Скрытая запись» определяются условия правомерности распространения сообщений и материалов, подготовленных журналистом с использованием скрытой аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки: 1) если это не нарушает конституционных прав и свобод человека и гражданина; 2) если это необходимо для защиты общественных интересов и приняты меры против возможной идентификации посторонних лиц; 3) если демонстрация записи производится по решению суда [4].

Под скрытой записью обычно понимается негласная (незаметная, неочевидная) фиксация с помощью технических средств действия (бездействия) лица, который не осведомлен о её производстве. Однако в этическом, да и в правовом отношении, скрытая запись уязвима, как прием, вводящий в заблуждение собеседника, который, не ведая, что его слова фиксируются, может выдать информацию, не предназначенную для публичной огласки. Более того, следует учитывать, что ст. 28 закона Республики Таджикистан «О периодической печати и других средствах массовой информации» не предусматривает право журналиста добывать информацию с помощью скрытой записи [5].

Поэтому открытым остается вопрос о том, что такое скрытая запись, применима ли она на практике как одна из форм уголовно-процессуальных доказательств, каков порядок ее получения и закрепления в уголовном деле?

2. Прослушанные и зафиксированные телефонные разговоры определены в ч. 2 ст. 86 УПК РТ как самостоятельная форма уголовно-процессуальных доказательств, хотя в ч. 7 ст. 196 УПК РТ указано, что об осмотре и прослушивании фонограммы этого следственного действия составляется протокол, с дословным воспроизведением в нем части фонограммы переговоров, имеющей отношение к делу. Тем самым резюмируется, что протокол осмотра и прослушивания фонограммы переговоров занимает центральное место в процессуальном оформлении его результатов, является основной и обязательной формой фиксации. В этом контексте напрашивается вывод о том, что статус протокола следственного действия исключает дальнейшее исследование фонограммы переговоров в режиме предложенной законодателем формы – прослушанные и зафиксированные телефонные разговоры.

Попутно отметим, что вызывает недоумение требование закона о дословном изложении в протоколе рассматриваемого следственного действия той части фонограммы, которая имеет отношение к делу, обязывая тем самым следователя воспроизвести в нем не только все характерные выражения и обороты речи лица, чьи переговоры были прослушаны и записаны на фонограмму, но и нецензурные слова, блатной жаргон, молодежный сленг и др. В Российской Федерации наличие в тексте закона (ч. 7 ст. 186 УПК РФ) данного требования на практике приводит к отказу от использования в доказывании полученных сведений. В связи с этим более удачной была бы формулировка о возможно дословном изложении в протоколе той части фонограммы, которая имеет отношение к делу, как это сделано по отношению к правилам допроса (ч. 1 ст. 200 УПК РТ), предъявления для опознания (ч. 10 ст. 206 УПК РТ).

3. В УПК РТ не указан порядок получения и закрепления в уголовном деле результатов применения электронного, видео и аудио записывающего наблюдения.

Отсутствие иных упоминаний об этой процессуальной форме доказательств в УПК РТ ставит под сомнение правомерность подобного правового регулирования и опять же вынуждает обратиться к закону Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности», где дважды используется термин «оперативное наблюдения» – в ст.ст. 1 и 6, но не раскрывается его содержание. То, что содержание оперативного наблюдения с применением специальных и технических средств для негласного получения информации не раскрывается в открытом нормативном правовом акте, обусловлено спецификой этого вида деятельности, осуществляемой в режиме строжайшей конспирации, когда требования к проведению и документированию названного оперативно-розыскного мероприятия составляют государственные секреты.

Не отрицая объективную взаимосвязь оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной видов деятельности, обусловленную единством их цели и общностью решаемых задач, следует учитывать, что они реализуются в различных правовых режимах, что порождает целый ряд отличительных особенностей, связанных со средствами и методами правового регулирования, составом участников, способами документирования и др. В этих условиях прямой перенос в сферу уголовного судопроизводства оперативно-розыскного мероприятия – наблюдения следует признать радикальным решением, ломающим давно устоявшиеся представления о понятии и системе доказательств.

По результатам исследования процессуальных способов и форм собирания доказательств по УПК Республики Таджикистан сформулируем основные выводы.

В ч. 2 ст. 86 УПК РТ указаны два процессуальных способа собирания уголовно-процессуальных доказательств: следственные действия и требования. Если для следственных действий характерно наличие детальной процедуры производства, то механизма регулирования требования, включающего несколько последовательных действий, в законе нет.

Допустимые границы истребования оперативных материалов для использования в сфере уголовного судопроизводства должен определять орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность.

Защитник не собирает доказательства в процессуальном смысле, а обнаруживает сведения, оправдывающие обвиняемого или смягчающие его ответственность.

Собирание доказательств в стадии возбуждения уголовного дела имеет особенности, обусловленные решаемыми здесь задачами и процессуальной формой деятельности. Процедура получения объяснений должна гарантировать соблюдение прав и законных интересов граждан, предусматривать порядок их разъяснения и обеспечивать возможность осуществления.

В отношении продекларированных процессуальных форм доказательств как скрытые записи, прослушанные и зафиксированные телефонные разговоры, электронные, видео - и аудиозаписи наблюдения закон не предусматривает порядка их получения и закрепления в уголовном деле.

Остается открытым вопрос о том, что такое скрытая запись, применима ли она как одна из форм уголовно-процессуальных доказательств, каков порядок ее получения и закрепления в уголовном деле?

Статус протокола следственного действия исключает дальнейшее исследование фонограммы переговоров в режиме предложенной законодателем формы – прослушанные и зафиксированные телефонные разговоры.

Прямой перенос в сферу уголовного судопроизводства оперативно-розыскного мероприятия – наблюдения вступает в противоречие с устоявшимся представлением о понятии и системе доказательств.

Список использованной литературы:

1. Закон Республики Таджикистан «О принятии и введении в действие уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан» от 3 декабря 2009 г. № 564 (с изм. и доп.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 12. Ст. 815, 816.

2. Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 256 с.

3. Закон Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изм. и доп.). Зарегистрирован Министерством юстиции Республики Таджикистан 30 марта 2011 г. № 266 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2018 г.) // Российская газета 1992. 8 февраля.

5. Закон Республики Таджикистан от 19 марта 2013 г. № 961 «О периодической печати и других средствах массовой информации» (с изм. и доп.). Зарегистрирован Министерством юстиции Республики Таджикистан 28 марта 2013 г. № 216 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2013. № 3. Ст. 201.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ В СТРУКТУРЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Славгородская О.А., доцент кафедры криминалистики ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», к.ю.н.

Деятельность следователя по раскрытию и расследованию преступлений в силу своей сложности и специфичности традиционно является объектом пристального внимания со стороны, как ученых, так и практических работников. Г. Гросс предопределил судьбу этого процесса, указав, что труд следователя «не есть искусство, но есть искусная деятельность, состоящая из отдельных действий или приемов, которые нужно знать, а для этого предварительно их изучать»¹. Процесс изучения деятельности следователя предопределил формирование основ организации расследования преступлений. Вопросы организации расследования, нашедшие отражение в трудах Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, А.Ф. Волынского, Г.А. Густова, В.Д. Зеленского, В.П. Лаврова, И.П. Можяевой, А.Г. Филлипова и других ученых по-прежнему, не утратили своей актуальности. Отсутствие теоретически обоснованного понимания сущности процессов обеспечивающих предварительное расследование негативным образом влияет в первую очередь на качество его производства. И, конечно же, обеспечение теоретического обоснования познавательной деятельности следователя невозможно представить без работ ученых, имевших опыт следственной работы. В связи, с чем несомненный интерес представляют работы профессора В.А. Дубривного. Особое место занимает среди них монография «Деятельность следователя по расследованию преступлений», вышедшая в 1987 году. Посвященная теоретическим, правовым, нравственным, психологическим основам деятельности следователя, несмотря на определенную идеологическую окраску, присущую практически всем работам того периода, она раскрывает содержание важных элементов следственной работы и не потеряла актуальности до настоящего времени.

В.А. Дубривный, обращает внимание на то, что деятельность следователя представляет собой сложную структуру. К ее элементам относится «предмет деятельности (исследование преступления), субъект (следователь), специфическая правовая цель, процессуальные действия и процессуальные средства. ... Можно утверждать, что выделенные компоненты по своим характеристикам соответствуют сущности и назначению следственной деятельности, обладают так называемым качеством профессиональной значимости»².

Структура деятельности следователя, рассмотренная сквозь призму общетеоретических положений, согласуется с устоявшимся деятельностным подходом к процессу организации расследования. «Исследование таких категорий как объект, закономерности, предмет, система и методы научной организации деятельности следователя представляют теоретическую основу для исследования прикладных вопросов, связанных с совершенствованием и развитием научной организации труда при осуществлении деятельности по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений»³.

Организованная и целенаправленная деятельность позволяет не просто оптимизировать процесс расследования, но и повысить его качественную составляющую, эффективность которой обеспечивают и личные качества следователя.

¹ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – Новое изд., перепечат. с изд. 1908 г. – М.: ЛексЭст, 2002. – С. 13.

² Дубривный В.А. Деятельность следователя: структура, аспекты // Вопросы уголовного процесса: Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступлениями. Межвузовский научный сборник. Вып. 3. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. – С. 48.

³ Степанов В.В. Избранные научные работы. В 2-х томах. Т. 2. – Саратов: ООО «Типография Регион», 2013. – С. 172.

Исследуя сущность моральных основ следственной деятельности, профессор В.А. Дубриный обращает внимание на то, что «следователь не может работать, «добру и злу внимая равнодушно». Он должен быть противником зла и неустанным поборником добра, верно, служить своему делу, своему народу. Бездеятельностью ума, отсутствием совести можно объяснить такое отношение следователя к делу, когда он не желает глубоко анализировать обстоятельства совершенного преступления, лениться разобраться в имеющихся противоречиях, утешая себя при этом мыслью, что если и допущена с его стороны ошибка, то ее исправит прокурор или суд»¹.

Ошибки в деятельности следователя могут возникать по различным причинам, но в целом существуют две основные группы: это причины, относящиеся к личности следователя и причины, связанные с особенностями осуществления профессиональной деятельности. Отсутствие у лица интеллектуальных, познавательных, нравственных, волевых качеств, а также чрезмерная доверчивость, конформность, беспринципность и нравственная нечистоплотность составляют основу профессионально непригодной личности для осуществления следственной деятельности. В профессиональном плане ошибки в деятельности следователя возникают по причине слабого владения искусством доказывания, невозможности ориентироваться в вопросах собирания, проверки и особенно оценки доказательств².

Рассматривая необходимые компоненты успешного осуществления профессиональной деятельности следователя, следует отметить, что допускаемые в его работе ошибки имеют серьезные последствия. «По общепринятым правилам уголовного процесса, самые серьезные и опасные ошибки представляют ошибочное осуждение или ошибочное оправдание»³.

Яркой иллюстрацией зависимости следственных ошибок от личностных качеств и уровня профессионального мастерства может служить пример из деятельности профессора В.А. Дубриного в качестве следователя, описанный в его очерке «Обломок»⁴, повествующем о расследовании убийства инспектора Балашовского отделения рыбинспекции А.Т. Дергачева и младшего инспектора И. Л. Кошевого. Особенно отчетливо виден высокий уровень деятельности следователя в сравнении с расследованием убийства следователя Мозырской межрайонной прокуратуры В.В. Кузьминкова и инспектора рыбоохраны С.Д. Кузьменко, проведенного следователем по особо важным делам прокуратуры Белорусской ССР М.К. Жавнерович, описанного в работе Н.Н. Китаева «Неправосудные приговоры к смертной казни: Системный анализ допущенных ошибок».

При сходстве многих фактических данных при расследовании этих уголовных дел и наличии «возможных» преступников, дававших противоречивые показания В.А. Дубриный не ограничившись только вызывающими недоверие показаниями, предпринял все необходимые меры для установления всех обстоятельств совершенного преступления, получения полных и объективных доказательств, позволивших установить лицо, действительно, совершившее преступление. В ситуации же производства расследования в Белоруссии были арестованы местные жители, у которых необходимые показания были получены при помощи незаконных методов. Следователь М.К. Жавнерович, несмотря на наличие противоречий, и путаницы в показаниях, при отсутствии иных доказательств, не сомневался в вине арестованных и не реагировал на их заявления о недозволённых методах дознания. В результате трое подсудимых были приговорены к 15 годам лишения свободы, один к 8 и один к 2 годам. Только спустя два года были задержаны настоящие преступники⁵.

¹ Дубриный В.А. Деятельность следователя по расследованию преступлений. Саратов: Изд. Саратовского университета, 1987. – С. 17-18.

² Лазарева В.А. О профессиональной непригодности к следственной работе. // Актуальные вопросы реализации уголовной ответственности. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. ун-та, 1988. – С. 95-97.

³ Резник Г.М. Оправдание за недоказанностью. // Сов. юстиция. 1969. №15. – С. 11-12.

⁴ Дубриный В.А. Обломок. // По следам преступлений. М.: Юридическая литература, 1965. – С. 13-22.

⁵ Китаев Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: Системный анализ допущенных ошибок. СПб: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 19-20.

Непреложность того, что основой любого успешного расследования является процесс собирания, проверки и использования доказательств, является одной из устоявшихся основ деятельности следователя. Подчеркивая ключевую роль доказывания как «сердцевины уголовного процесса», профессор Шейфер С.А., акцентирует внимание на том, что «получение доказательств и оперирование ими в целях воссоздания действительной картины изучаемого события – является единственным средством достижения целей судопроизводства, т.е. защиты прав и законных интересов потерпевшего и ограждения личности от незаконного привлечения к уголовной ответственности, ограничения ее прав и свобод»¹.

Процесс расследования, ограниченный правовыми рамками использования строго предусмотренного законом арсенала способов получения информации, тем не менее, оставляет лицу осуществляющему расследование, свободу в выборе надлежащего следственного действия, эффективность производства которого, несомненно, определяется сложившейся следственной ситуацией.

В процессе организации расследования следователю приходится, учитывая сложившуюся ситуацию определять тактические цели. Верный учет сложившейся ситуации способствует точному целеопределению, которое составляет одну из существенных особенностей следственной работы. «Любые действия следователя по выбору и применению процессуальных средств должны соответствовать поставленной им тактической цели. И следователь отдает себе отчет в том, какой результат ему необходим. Если применяемые им процессуальные средства не дают такого результата, он использует другие, и так до тех пор пока не получит желаемый результат или не убедится в ложности поставленной им цели. ... Убедившись, что поставленная цель не достигнута, следователь ищет причину этого и результатом такого поиска будет новое решение о применении иных средств»².

Применяя различные способы получения доказательственной и ориентирующей информации, следователь сталкивается со сложностями не только объективного, но и субъективного характера. Усложнение расследования в подобном случае происходит за счет отсутствия объективной информации. Совершенствование способов получения доказательственной и ориентирующей информации в процессе расследования, составляют одну из актуальных задач современной науки. В определении криминалистической тактики, профессор В.И. Комиссаров оперирует категорией «тактически значимой информации», определяемой как «любые данные, которые могут способствовать получению объективных и достоверных результатов производства следственных действий»³. В связи с чем, решение прикладных задач настоящего периода, требует дальнейшего совершенствования тактики производства отдельных следственных действий, как неотъемлемого компонента следственной деятельности.

Одним из важных по степени значимости выявляемых обстоятельств, но весьма непростым с позиции его тактической реализации является допрос свидетелей. Основной целью любого допроса свидетеля является получение максимально полных показаний относительно обстоятельств совершенного преступления. Ценность свидетельских показаний заключается в возможности получить сведения от лица непосредственно находившегося «внутри» события преступления, воспринявшего его основные элементы или располагающего иной доказательственной информацией. Допрос способствует получению сведений от лиц, непосредственно осведомленных относительно обстоятельств совершенного преступления, его участников или иную информацию. Являясь следственным действием, имеющим долгую историю существования, и позволяющим наиболее эффективно получать доказательства, он традици-

¹ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. - М.: Норма, 2008. – С.16.

² Дубриный В.А. Общие положения механизма выбора уголовно-процессуальных средств // Вопросы уголовного процесса: Проблемы обеспечения законности в уголовном судопроизводстве. Межвузовский научный сборник. Вып. 4. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. – С. 50.

³ Комиссаров В.И. Криминалистическая тактика: генезис понятия. Актуальные проблемы криминалистической тактики: матер. междуна. науч.- практ. конф. – М.:Юрлитинформ, 2014. – С. 134.

онно подвергался критике в силу отсутствия однозначности достоверности свидетельских показаний.

Известно, среди средств раскрытия преступления профессором И.Н. Якимовым выделялись: непосредственный осмотр и допрос свидетелей, особенно его очевидцев. «Полученные при помощи осмотра и допроса данные еще не обладают безусловной достоверностью, но, во всяком случае, они позволяют с большей или меньшей вероятностью воссоздать картину совершенного преступления»¹.

Причем в тех ситуациях, когда по каким – либо причинам осмотр не мог быть произведен, первостепенное значение придавалось допросу свидетелей. Следовательно, основываясь на свидетельских показаниях, можно получить наиболее полное представление о совершенном преступлении.

Поиски способов получения наиболее объективных свидетельских показаний способствовали выделению ситуаций, когда свидетель может исказить объективную действительность.

В свое время, Ганс Гросс выделял ситуации: 1). Когда свидетель желает сказать правду; 2). Некоторые особенные случаи; 3). Если свидетель не желает говорить правды; 4). Ложь как явление «патоформенное».

Ученый обращал внимание на необходимость в каждой из складывающихся ситуаций, для получения наиболее полных и достоверных показаний не только обобщать сведения, об особенностях восприятия, и свойствах памяти свидетеля, но и его личностных особенностях. Подобный подход диктовал следователю необходимость решения при допросе свидетеля двойной задачи: «чтобы все при допросе было выяснено и не одно существенное обстоятельство не было бы упущено из виду; затем он должен обращать внимание на то, чтобы все, что не показывал свидетель, было сущей правдой»².

Следовательно, при определении возможностей получения максимально объективных свидетельских показаний, в процессе доказывания основную функцию выполняет следователь. С.А. Шейфер указывает, что оценку достоверности свидетельских показаний следователь проводит уже в момент их получения от допрашиваемого лица. Поскольку «процесс извлечения знаний есть, в то же время и процесс обоснования их правильности...», то происходит проверка «качественности аргументов»³.

В целях повышения уровня производства допроса и повышения объективности свидетельских показаний в криминалистической тактике были разработаны базовые рекомендации, относительно производства допроса в целом и отдельно допроса свидетелей. Тактика допроса стала предметом исследования таких ученых как Ароцкер Л.Е., Карнеева Л.М., Кертэс И., Порубов Н.И., Шавер Б., Якимов И.Н. и другие. Причем вопросы совершенствования тактики данного следственного действия рассматриваются не только в монографических исследованиях, и в отдельных статьях, но также являются предметом дискуссий на различных научно-практических конференциях. Однако до настоящего времени объективность информации, получаемой от свидетелей, остается на весьма невысоком уровне.

Тенденции, существующие в настоящее время в практике расследования преступлений, свидетельствуют о наличии определенного разрыва между теорией и практикой. Причем этот разрыв не только не сокращается, а напротив происходит выхолащивание криминалистических рекомендаций из сферы практической деятельности. Своеобразный нигилизм по отношению к криминалистическим разработкам со стороны отдельных сотрудников правоохранительных органов приводит к отрицанию необходимости и возможности руководствоваться

¹ Якимов И.Н., Михеев П.П. Искусство допроса. М.: Издательство Народного Комиссариата Внутренних дел, 1928. – С. 354-355.

² Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. С-Петербург: Типография Меркушева, 1908. – С. 81.

³ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. - М.: Норма, 2008.-С. 21-22.

достижениями науки в процессе расследования преступлений и порождает многие проблемы организационного, методического характера. Не является исключением и допрос свидетелей.

Причины подобной ситуации, сложившейся в отношении одного из наиболее востребованных способов получения доказательств неоднозначны. Одна из них заключается в том, что, при распространенности данного следственного действия сложность производства допроса свидетелей не принимается во внимание и как следствие, зачастую игнорируются базовые рекомендации, касающиеся тактики его производства.

Применительно к допросу свидетеля, практически изжил себя как таковой свободный рассказ, а присутствует вопросно-ответная форма ведения допроса.

Значение свободного рассказа априори предполагало возможность установления круга полной осведомленности свидетеля обо всей информационно содержательной стороне расследуемого события, исключая возможность определения рамок и, устраняя, возможность при точечном исследовании поля знания свидетеля выпадения определенных областей, о которых лицо производящее расследование не было осведомлено. Помимо этого свободный рассказ позволяет свидетелю выстраивать наиболее удобную линию повествования, и таким образом активизировать мыслительные процессы, увеличивая интенсивность припоминания всех известных обстоятельств. Отсутствие в практике ведения допроса свидетелей свободного рассказа снижает его содержательное наполнение и негативно сказывается на эффективности, как процесса доказывания, так и процессе расследования в целом.

Сами же показания фиксируются шаблонно и формально, что очевидно прослеживается при анализе протоколов допроса нескольких свидетелей в отношении одного обстоятельства, по мнению следователю установленного и не требующего проверки. Связано это с тем, что показания свидетелей записываются в манере изложения, наиболее привычной для следователя. Затем они благополучно воспроизводятся в протоколах допроса разных свидетелей. Подобное отношение свидетельствует о снижении интереса со стороны лиц осуществляющих расследование к такому виду доказательств как показания свидетеля.

Потребность общения со следователем со стороны лица, располагающего информацией о преступлении может быть служит основой при выделении определенных категорий свидетелей.

Производство допроса свидетелей, не оказывающих противодействие расследованию, может происходить в следующих ситуациях: 1. Лицо добровольно сообщило о своей осведомленности в отношении расследуемого преступления или же выявило свою осведомленность в процессе действий по выявлению свидетелей. Потребность в совместной деятельности со стороны лица, вызванного на допрос в подобной ситуации в качестве свидетеля, может быть обусловлена его активной жизненной позицией, необходимостью сообщить информацию, имеющую значение для расследования. В подобном случае адаптация свидетеля будет происходить без особых сложностей и при тактически правильном поведении следователя, возможность возникновения конфликтной ситуации минимальна. 2. Свидетель в силу различных обстоятельств скрывает свою осведомленность в отношении расследуемого преступления. Установить подобное лицо удастся после комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых в целях выявления всех лиц, располагающих информацией имеющей значение для расследования. Выделение типичных ситуаций соответствует разработке программ производства допроса свидетелей. Производиться это должно с учетом разработки криминалистического учения о личности свидетеля и с учетом того, что «типизация не совместима со стереотипным образом действий. ... Поскольку типизация действий есть определенный процесс, то его необходимо рассматривать с точки зрения вариантного использования, приспособления к конкретной ситуации наиболее эффективных действий, совершенных ранее в сходных условиях»¹.

¹ Дубриный В.А. Деятельность следователя по расследованию преступлений. Указ. соч. – С. 95.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ПОТЕРПЕВШЕГО ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ПОМОЩЬЮ ПЕРЕВОДЧИКА БЕСПЛАТНО В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Татьянина Л.Г., профессор кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», д.ю.н., профессор

Лукомская А.С., доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», к.ю.н.

Деятельность переводчика имеет особое значение для реализации правового положения потерпевшего в уголовном судопроизводстве. При этом, механизм участия переводчика в стадии предварительного расследования вызывает вопросы и требует исследования на уровне науки уголовного процесса и практической деятельности правоохранительных органов.

В соответствии с Конституцией РФ [1] государственным языком в России на всей ее территории является русский язык. Статус русского языка как государственного языка в России предусматривает обязательность использования русского языка в сферах, определенных ФЗ «О государственном языке в Российской Федерации» [2], другими федеральными законами, Законом РФ от 25.10.1991 г. N 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» и иными нормативными правовыми актами РФ, его защиту и поддержку, а также обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации».

Уголовно-процессуальный закон [3] предусматривает, что уголовное судопроизводство ведется на русском языке, а также на государственных языках входящих в Российскую Федерацию республик. В Верховном Суде Российской Федерации, военных судах производство по уголовным делам ведется на русском языке.

В соответствии с нормами уголовно-процессуального закона следственные и судебные документы, подлежащие обязательному вручению потерпевшему, в силу части 3 статьи 18 УПК РФ, должны быть переведены на их родной язык или на язык, которым он владеет. [4]

Потерпевшему (его законному представителю и (или) представителю) как участнику уголовного судопроизводства, не владеющему или недостаточно владеющему языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать пояснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика. [5]

Право пользоваться помощью переводчика должно быть разъяснено потерпевшему на момент вынесения постановления о его признании в качестве потерпевшего, о чем следователем, дознавателем должна быть сделана отметка.

Содержание глагола «пользоваться» предусматривает потерпевшему возможность с помощью переводчика удовлетворить свои нужды в уголовном судопроизводстве. Потерпевший вправе требовать у следователя, дознавателя привлечения к участию в следственных действиях или в иных случаях, например, когда требуется перевод процессуальных документов, переводчика:

- когда потерпевший не может полно и ясно сформулировать на языке, на котором ведется судопроизводство, свою позицию, мысль, заявление;

- когда потерпевший имеет трудности в понимании речи иного участника уголовного судопроизводства и не может в полном объеме реализовать предоставленные ему права без помощи переводчика;

- когда требуется перевод составленного процессуального документа (ходатайства, заявления, показаний и т.д.);

- когда требуется перевод каких-либо материалов дела, затрагивающих права и законные интересы потерпевшего.

Переводчик - это всегда физическое лицо, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода, в отношении которого уполномоченным на то должностным лицом (органом) вынесено постановление (определение) о назначении его переводчиком (привлеченное защитником к участию в деле в этом качестве).

Владеть языком предполагает знать язык, твердо помнить, как на этом языке следует говорить, читать, писать и уметь осуществлять перевод с этого языка на тот, на котором ведется судопроизводство, а также в обратном направлении. Он должен свободно владеть языком, знание которого необходимо для перевода. Он, несомненно, должен владеть также и языком, на котором ведется судопроизводство. Но знания лишь языка, на котором осуществляется судопроизводство, не достаточно для того, чтобы лицо могло быть назначено переводчиком.

Компетенции переводчика необходимо рассматривать в двух аспектах:

- как свойство личности конкретного переводчика;

- как требования, предъявляемые законом.

УПК РФ не предусматривает требования о документальном подтверждении переводчиком свободного владения тем или иным языком. Альтернативой этому требованию выступает внутреннее убеждение следователя (дознателя и др.), суда (судьи) о возможности допуска лица в качестве переводчика и предупреждения его об уголовной ответственности за заведомо неправильный перевод, предусмотренной ст. 307 УК РФ, а также уголовно-процессуальной ответственности, поскольку из смысла ч. 2 ст. 111 УПК РФ в случае ненадлежащего исполнения переводчиком возложенных на него обязанностей к нему при наличии к тому фактических оснований могут быть применены меры процессуального принуждения: обязательство о явке, привод и (или) денежное взыскание.

Для перевода потерпевшему юридической терминологии, содержание которой не отличается единообразным пониманием, переводчику требуется минимальное юридическое образование (уровень бакалавр). Это позволит снизить языковые искажения при переводе.

Механизм привлечения переводчика для оказания бесплатной помощи потерпевшему в уголовном судопроизводстве законом не предусмотрен.

Исходя из складывающейся практики привлечения переводчика для оказания бесплатной помощи потерпевшему в уголовном судопроизводстве, можно выделить следующие этапы:

- заявление потерпевшего о необходимости оказания помощи переводчика бесплатно, с указанием мотивов заявления;

- выбор переводчика, лица способного осуществить двухсторонний перевод и имеющий опыт осуществления такой деятельности, а также юридическое образование;

- проверка соответствия требованиям, предусмотренным законом для участия переводчика и оказания помощи потерпевшему, в том числе приобщение к материалам уголовного дела копий документов, подтверждающих наличие у переводчика специальных знаний;

- вынесение постановления о назначении переводчика;

- разъяснение прав и обязанностей переводчика, предусмотренных УПК РФ;

- предупреждение переводчика об ответственности, предусмотренной действующим законодательством.

Список использованной литературы:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от

30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС КонсультантПлюс.

2. Федеральный закон от 01.06.2005 N 53-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «О государственном языке Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 13.06.2018 г.).

3. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 23.04.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2018) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 13.06.2018 г.).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 N 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 13.06.2018 г.).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 N 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 13.06.2018 г.).

ЭФФЕКТИВНОСТЬ НОВОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРИМЕРЕ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Фетищева Л.М., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФКОУ ВО «Пермский институт ФСИН России», кандидат юридических наук, майор внутренней службы

В период реформ остается актуальным вопрос о целесообразности либерализации уголовной и уголовно-процессуальной политики, а так же изменение мер пресечения в отношении лиц, совершивших преступления в сфере предпринимательской деятельности. Для полного понимания сути такой политики необходимо вернуться к моменту ее зарождения. Все началось с 2009 года. Из-за экономического кризиса возникла необходимость в реформировании уголовного и уголовно-процессуального законодательства. С целью эффективного развития предпринимательской деятельности, по поручению Президента Российской Федерации от 28.11.2009 № ПР-3169¹ была создана концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. Как отмечено в этой концепции: «модернизация современного уголовного законодательства в экономической сфере необходима в виду чрезмерной репрессивности и неэффективности осознания современным российским обществом того факта, что сложившееся определение границ легального правопорядка в сфере практики применения уголовного закона и экономики тормозят экономическое развитие страны и ограничивают гарантированную Конституцией России свободу экономической деятельности. Из-за этой проблемы, в указанной области, потребовались кардинальные преобразования уголовного законодательства, которые потребовали комплексного подхода, для более эффективного применения мер пресечения»².

В концепции были определены ключевые экономико-правовые проблемы, которые необходимо было решить в срочном порядке. Следствием этого стали многочисленные изменения и дополнения направленные на гуманизацию и либерализацию уголовного и уголовно-процессуального законодательства в отношении лиц занимающихся предпринимательской деятельностью. Изменения коснулись и мер процессуального пресечения, а именно кардинально изменился домашний арест, залог и заключение под стражу.

Авторы этой концепции поясняют, что современное экономическое положение внесло свои предпосылки на существенное изменение правовых норм. Экономическая ситуация, влияет на возникновение и существование формальных и неформальных институтов, является одним из тех важнейших механизмов, которые не просто ускоряют или тормозят движение экономики, но определяют параметры экономической модели. И если не поменять такую систему путем изменения правопорядка, то возникнет экономический и социальный кризис.

Среди авторов этой концепции существует мнение, что несколько поколений России считают предпринимательство преступным или аморальным. С таким мнением не согласны опрошенные нами предприниматели и лица, имеющие за плечами преступный опыт в 90-е годы прошлого столетия за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности. В ходе беседы они пояснили, что в наше время быть судимым, «сидеть», идти против закона или не дружить с законом – не модно. В 90-е годы было другое понимание уголовной политики и другое взаимоотношение в сфере предпринимательской деятельности. За 10 -15 лет многое изменилось, в том числе и их отношение к ведению бизнеса. Предприниматели не хотят повторений тех разборок и беспорядков, которые происходили в 90-е годы. Поэтому в наше время они предпочита-

¹ Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. – М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010. – 196 с.

² См. там же.

ют решать проблемы по букве закона, а не идти по наперекор государству и правоприменительным органам.

Еще в концепции отмечается, что необходимость формировать предпринимательское сословие, которое будет многочисленным и законопослушным. Возникновение такого сословия будет основой для развития экономики России, необходимого для образования гражданского общества ответственного за свою страну. Поэтому должна защищаться не только собственность предпринимателя, но и его личность, то есть необходимо исключить возможность привлечения к уголовной ответственности предпринимателя без вины.

Сами создатели концепции указывают, что в современных условиях не осуществляется справедливое правосудие, основные институты уголовно-процессуального права существенно искажены, что приводит к абсолютному произволу в процессе уголовного преследования со стороны правоприменителей.

Они ссылаются на статистику, поясняя, что судебные решения об избрании ареста в качестве меры пресечения, predeterminedены правоприменительными органами, которые находятся на стороне обвинения. Предполагается, что аресты и задержания применяются с целью как оказания давления на подозреваемого или обвиняемого, чтобы получить признательные показания, а не используются как предупреждение возможного противоправного поведения. Поэтому решением стал запрет применение самой строгой меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении предпринимателей, за исключением, если лицо не имеет постоянного места жительства, скрылось или нарушил ранее избранную в отношении него меру пресечения.

Итак, после определения основных направлений, прописанных в концепции модернизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства, Федеральным законом от 29.12.2009 г. №383-ФЗ введена новая часть 1.1 в статью 108¹. Согласно этой части в отношении лица совершившего преступление в сфере предпринимательской деятельности не может применяться мера пресечения в виде заключения под стражу, если отсутствуют обстоятельства, закрепленные в пункте 1-4 части 1 статьи 108 УПК РФ. Поэтому часть 1.1 статьи 108 УПК РФ приобрела приоритет при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Такое изменение вводилось законодателем специально, чтобы оградить предпринимателей, со стороны правоохранительных органов государства, неправомерного принуждения, так как данная норма должна выполняться с этой целью, и сделать уголовную юстицию в отношении предпринимателей более либеральной. Таким образом, был выделен новый специальный субъект- «предприниматель» или «лицо совершившие преступление в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности».

Так как законодатель посчитал не эффективно избирать в отношении предпринимателей меру пресечения в виде заключения под стражу, и дал правоприменителям указание на применение альтернативные меры- домашний арест и залог. В результате, согласно статистических данных², замена ареста на данные меры пресечения не нашла своего эффективного отражения в правоприменительной практике. Так за 2017 г. было удовлетворено судами общей юрисдикции 113 260 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Из них 248 ходатайства избраны в соответствии с ч.1.1 ст.108 УПК РФ, 27 ходатайств избраны по преступлениям, предусмотренным ст. 159-159.6 УК РФ совершенных предпринимателями в связи с предпринимательской деятельностью и 514 ходатайств по преступлениям в сфере экономической деятельности (гл.22 УК РФ). В то же время домашний арест применялся всего 4 176 раз, из них 24 ходатайство избрано в соответствии с ч.1.1 ст.108 УПК РФ, 11 ходатайств по преступлениям, предусмотренных ст. 159-159.6 УК РФ совершенных предпринимателями в связи с предпринимательской деятельностью и 53 ходатайства избраны по преступлениям в сфере экономической деятельности (гл.22 УК РФ). За 2017 год избрание меры пресечения в виде залога резко сократилось, так данная мера была применена всего 163 раза, а в соответствии с ч.1.1 ст.108 УПК Российской Федерации - 2 раза, по преступлениям предусмотренным ст. 159-159.6 УК РФ

¹ О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2009 № 383-ФЗ (ред. от 07.02.2011) , в ред. Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ

² Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации URL: <http://www.cdep.ru>

совершенные предпринимателями в связи с предпринимательской деятельностью было избрано – 0, а по преступлениям в сфере экономической деятельности (гл.22 УК РФ) - всего 6 ходатайств. Цифры статистических данных говорят сами за себя.

Практические работники подтверждают неэффективность применения домашнего ареста и залога, в качестве альтернативы заключение под стражу в отношении обвиняемых, совершивших преступления в сфере предпринимательской деятельности. Они считают, что при домашнем аресте нет реального контроля за действиями обвиняемыми, которые нарушают наложенные на них судом ограничения, используют сотовую связь, интернет; общаются со своими близкими и родственниками, а иногда и продолжают преступную деятельность.

Специфика домашнего ареста заключается в том, что его эффективность, т.е. способность достигать целей мер пресечения, во многом определяется способностью контролирующего органа организовать его исполнение. Если такой возможности нет, то домашний арест превращается в подписку о невыезде. Отсюда важность обсуждения указанного вопроса с учетом компетентного мнения представителя ФСИН.

Следователи связывают неэффективность применения пресечения в виде домашнего ареста не только с ненадлежащим исполнением своих обязанностей обвиняемым, но и с тем, что органы ФСИН России не могут в полной мере осуществить контроль за поднадзорными. Связано это с малой численностью контролирующих работников и небольшого количества дорогостоящего оборудования, в результате мера пресечения не достигает своей цели.

Из личного общения с сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции Пермского края, выяснилось, что у них возникают проблемы с осуществлением надзора за лицами, в отношении которых была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Проблема заключается в том, что в Пермском крае приоритетным является сотовый оператор «Теле 2», но зона действия связи не покрывает весь регион в виду природных особенностей и отдаленности друг от друга населенных пунктов. Поэтому, данная мера пресечения является неэффективной, так как использовать технические средства контроля (СЭМПЛ) не представляется возможным. В связи с этим домашний арест применяется по большей части в региональном центре - городе Перми.

Еще одна проблема заключается в том, что предприниматели, подвергнутые домашнему аресту, пытаются обмануть надзирающие органы - снимают, повреждают и надевают средства слежения за ними на своих родственников или животных.

Что касается залога, то при опросе практические работники так же высказали свое негативное отношение к этой мере пресечения. Они объясняли неэффективность этой меры тем, что она сложна в оформлении при ее избрании, а так же не лишает возможности оказывать давление на свидетелей и потерпевших, не удерживает обвиняемого от продолжения преступных деятельности, кроме того обвиняемый может скрыть имущество добытое преступным путем и может скрыться от органов уголовной юстиции.

Одним из таких обвиняемых был гр. Е. в отношении которого был избран залог в размере 2 000 000 рублей. Он решил скрыться от органов суда и предварительного следствия и воспользовавшись периодом внесения залога, он уехал с фактического места проживания. Но реализовать ему свой умысел не удалось, так как он был задержан в аэропорту «Домодедово» г. Москвы¹.

Все изложенное подтверждает вывод о неэффективности проведенной политики либерализации и гуманизации уголовно-процессуального законодательства в отношении лиц, совершивших преступления в сфере предпринимательской и экономической деятельности. В реальности залог и домашний арест не стали альтернативной заключению под стражу. В то же время практические работники отмечают, что благодаря новой уголовно-процессуальной политике и законодательному стимулированию, практически все виды мер пресечения стали работать, а суды охотнее их избирают. Сейчас в полной мере используются большинство предложенных законодателем уголовно-процессуальные ограничения в отношении обвиняемых (подозреваемых), совершивших преступления в сфере предпринимательской деятельности.

¹ Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 4 июня 2014 г. Дело №22-4345 // Архив Пермского краевого суда. 2014.

ДОМАШНИЙ АРЕСТ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Чаплыгина В.Н., доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова, к.ю.н., доцент

Халимов А.И., курсант 4 курса факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, мл. сержант милиции

В настоящее время, как в Российской Федерации, так и в Республике Таджикистан ратифицированы международные нормативно-правовые акты, посвященные правам и свободам человека и гражданина, что означает, что эти страны взяли на себя ответственность за то, что основные права и свободы будут соблюдаться. Нормы, устанавливающие соблюдение прав и свобод, также закреплены в национальных Конституциях данных государств¹.

В Республике Таджикистан, которая сейчас находится на пути построения правового государства, регулярно проводятся мониторинги международных организаций по изучению фактов соблюдения прав и свобод человека и гражданина, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства, по результатам которых отмечается, что при высоком уровне декларируемости прав и свобод присутствуют факты нарушения данного принципа в части применения уголовно-процессуального законодательства². Однако нелишним будет вспомнить, что и в Российской Федерации ежегодно значительно увеличивается число ходатайств о назначении в качестве меры пресечения домашнего ареста³.

В свою очередь, международные организации рекомендуют применять домашний арест взамен заключения под стражу, как по УПК Российской Федерации⁴, так и по УПК Республике Таджикистан⁵. На основе обозначенных выше положений проведем сравнительно-правовой анализ положений уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан о применении домашнего ареста, как меры пресечения.

Ведя речь об уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан, считаем правовым фундаментом применения домашнего ареста статью 110 УПК РТ⁶, которая была введена в УПК в 2009 году.⁷ Данная норма права включает в себя всего 4 части. При

¹ Конституция Республики Таджикистан // Пресс служба Президента Таджикистана. URL: <https://goo.gl/fmyDIC> (Дата обращения: 09.05.2017)

² Чаплыгина В.Н. Проблемы правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела: в контексте сравнительно правового анализа УПК РФ и УПК Республики Таджикистан // Наука и практика. 2014. № 3 (60). С. 119.

³ Чаплыгина В.Н. Домашний арест: пратические сложности и перспективы применения // Сборник материалов Всероссийского круглого стола. Под редакцией А.Д. Аветисяна, А.А. Рясова, Д.А. Рясова, Е.В. Сопневой «Проблемы в деятельности органов предварительного расследования и пути их разрешения в России». 2017. С. 294.

⁴ Далее - УПК РФ.

⁵ Далее – УПК РТ.

⁶ Уголовно - процессуальный кодекс Республики Таджикистан // 2003-2017 СоюзПравоИнформ. URL: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=30692 (Дата обращения: 09.05.2017)

⁷ Бахромов И.А. Обвиняемый и обеспечение его права на защиту в уголовном процессе республики Таджикистан. автореф...к.ю.н.. Российский университет дружбы народов. Москва, 2014. С. 19.

этом для составления полного профиля данной меры пресечения необходимо рассмотрение иных статей УПК РТ.

Итак, первая часть определяет содержание меры пресечения:

1. Лицо, в отношении которого применяется мера пресечения, -подозреваемый, обвиняемый или подсудимый.

2. Содержание меры пресечения - лицо находится в изоляции от общества.

3. Наличие факта содержания под стражей - отсутствует.

4. Характеристика ареста - с наличием правоограничений.

Проводя аналогию с характеристикой меры пресечения по УПК РФ дополним данную характеристику следующей информацией:

1. Основание избрания - решение суда (ч. 1 ст. 35 УПК РТ, ч. 2 ст. 104 УПК РТ).

2. Наличие контроля - присутствует

3. Местонахождение лица - жилое помещение, в котором он проживает. В исключительных случаях в качестве местонахождения может выступать лечебное заведение.

Кроме того, во второй части ст. 110 УПК РТ, устанавливаются правоограничения при избрании домашнего ареста (рисунок 1). Характерно, что в данной части определены не только ограничения (запреты), но также и обязанности. Причем в части третьей данной статьи определено, что процессуальные особенности применения домашнего ареста совпадают с нормами, которые установлены для другой меры пресечения - заключения под стражу (порядок применения, сроки применения, процессуальные особенности). Наконец, в четвертой части ст. 110 УПК РТ говорится о том, что постановление судьи или определение суда должно включать в себя такую информацию, как перечень конкретных ограничений, которые устанавливаются в отношении лица, а также орган, осуществляющий надзор (или указание должностного лица).

В связи с наличием отсылочной нормы на ст. 111 УПК РТ, дополним профиль домашнего ареста следующей информацией:

1. Характеристика совершенного преступления (которое совершил объект меры пресечения) - преступление, за которое уголовным законодательством предусматривается лишение свободы (более 2 лет).

2. Основа выбора меры пресечения - только тяжесть преступления.

Отметим, что отдельные положения по применению домашнего ареста также закреплены в Конституционном законе о прокуратуре.¹

Таким образом, исследование ст. 110 УПК РТ позволило сформировать профиль домашнего ареста, как меры пресечения, причем было подробно исследовано содержание меры пресечения, перечень ограничений, характерных для данной меры пресечения, отсылочная норма на применяемость процессуальных норм заключения под стражу по отношению к домашнему аресту.

При глубоком проведении сравнительно-правового анализа норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан, касающихся применения данной меры пресечения – домашний арест, акцентируем внимание на том, что сначала будут рассмотрены общие нормы применения домашнего ареста, далее - некоторые частные нормы (система ограничений).

Данные, положенные в основу сравнительного анализа, представлены в таблице 1. Итак, выделим общие и различные черты применения данной меры пресечения.

¹ Конституционный Закон Республики Таджикистан от 25.07.2005 № 107 «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» // СоюзПравоИнформ. URL: <https://goo.gl/J58UG5> (Дата обращения: 09.05.2017)

К общим чертам относятся следующие:

1. Основание избрания меры пресечения – решение суда.
2. Одинаковое основание избрания меры пресечения.
3. Содержание меры пресечения – изоляция от общества.
4. Месторасположение, в котором осуществляется применение меры пресечения.
5. Характеристика ареста – домашний арест сопровождается определенными ограничениями.
6. Наличие контроля присутствует в нормах обеих стран.
7. Норма, согласно которой отсутствует содержание под стражей во время домашнего ареста, имеется в УПК обеих стран.
8. Также в УПК обеих стран прописаны отсылочные нормы по отношению к процессуальным особенностям применения другой меры пресечения – заключения под стражу.

Отличительными чертами являются:

1. Лицо, в отношении которого применяется мера пресечения. В РТ, помимо подозреваемого и обвиняемого, таким лицом является также подозреваемый.
2. В УПК РФ представлена детализация степени изоляции от общества – полная или частичная. В УПК РТ такой детализации нет.
3. В УПК РФ представлена характеристика жилого помещения, чего нельзя сказать про УПК РТ.
4. В УПК РФ, в отличие от УПК РТ, присутствует закрепление использования технических средств при контроле за исполнением домашнего ареста.
5. В УПК РТ присутствует норма, не имеющая аналога в УПК РФ. Так, согласно ч. 1 ст. 62 УПК РТ: «судья, принявший постановление о заключении под стражу или домашнем аресте подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, о продлении срока их содержания под стражей, домашним арестом, не может участвовать в рассмотрении того же дела в судах первой, кассационной или надзорной инстанций».

Также резонным представляется рассмотрение перечня ограничений, которые накладываются на лицо, находящееся под домашним арестом (рисунок 2)

Нетрудно заметить, УПК РТ устанавливает гораздо более широкий перечень ограничений по сравнению с УПК РФ.

Таким образом, в результате проведения сравнительного анализа было установлено, что в целом УПК РФ более подробно и детально регламентирует практику применения домашнего ареста, как меры пресечения. Что касается конкретных положений, то в целом УПК РФ и РТ схожи в подходах к применению домашнего ареста (одинаковые основания избрания меры пресечения, одинаковое содержание, одинаковое месторасположение, в котором осуществляется применение меры пресечения, одинаковая характеристика ареста, одинаковое наличие контроля, одинаковые отсылочные нормы по отношению к процессуальным особенностям применения заключения под стражу), при этом разница заключается в описании деталей (лицо, в отношении которого применяется норма – в РТ также заключенный, степень детализации изоляции, характеристика жилого помещения). Наиболее существенные различия демонстрирует перечень ограничений, которые применяются по отношению лицу, которое находится под домашним арестом.

Резюмируя вышесказанное отметим, что значение выводов данной статьи заключается не столько в выявлении общего и различного, сколько в определении возможности рассматривать правоприменительную практику в части домашнего ареста данных стран в положительной корреляционной зависимости.

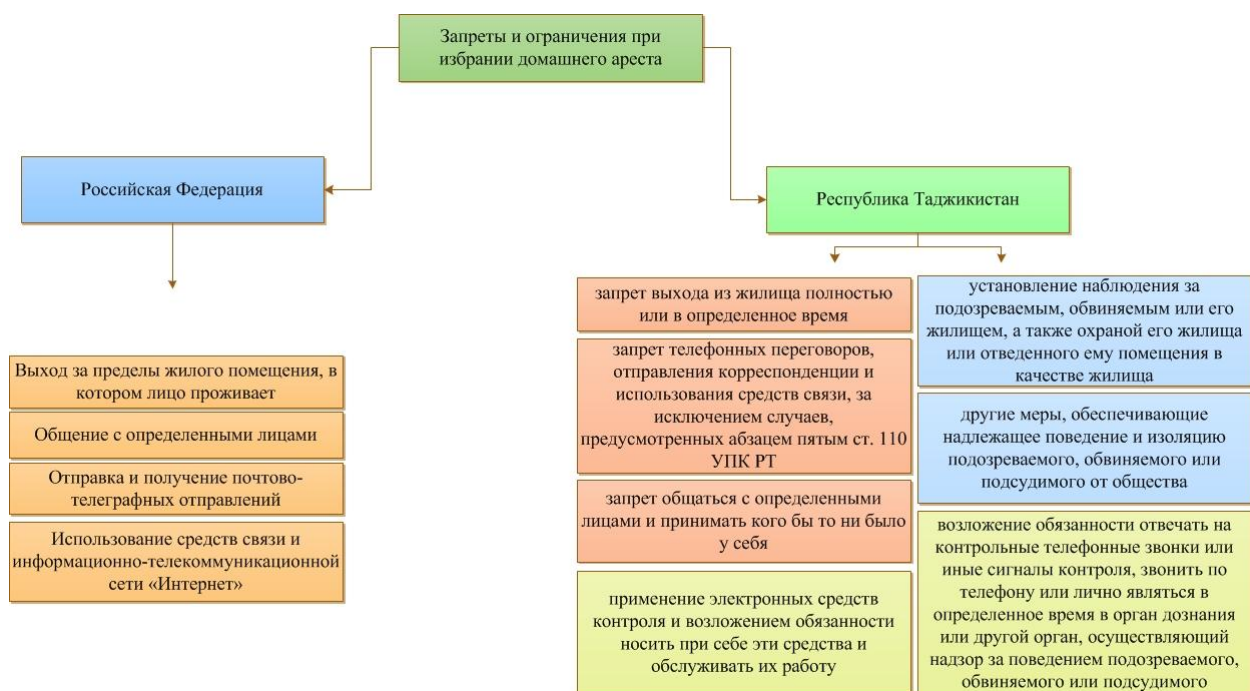
Рисунок 1 – Правоограничения при домашнем аресте

Таблица 1 – Признаки, характеризующие домашний арест как меру пресечения

	РФ	РТ
Основание избрания	Решение суда	Решение суда
Условие избрания	Невозможность применения более мягкой меры пресечения	Невозможность применения более мягкой меры пресечения
Лицо, в отношении которого применяется мера пресечения	Подозреваемый или обвиняемый	Подозреваемый, обвиняемый или заключенный
Содержание меры пресечения	Лицо находится в изоляции от общества	Лицо находится в изоляции от общества
Характеристика степени изоляции	Полная или частичная	-
Местонахождение лица	Жилое помещение, в котором он проживает. В исключительных случаях в качестве местонахождения может выступать лечебное заведение	Жилое помещение, в котором он проживает. В исключительных случаях в качестве местонахождения может выступать лечебное заведение
Характеристика жилого помещения	Собственное, наемное или иное, в отношении которого имеются законные основания	-
Характеристика ареста	С наличием ограничений и запретов	С наличием правоограничений
Наличие контроля	Присутствует	Присутствует
Содержание под стражей	Отсутствует	Отсутствует
Отсылочная норма на нормы, применяемые к заключению под стражу	Присутствует	Присутствует

Рисунок 2 - Перечень ограничений, которые накладываются на лицо, находящееся под домашним арестом

МУҲЛАТИ ПЕШБУРДИ ТАҲҚИҚ

*Шафизода Р.И., сардори Раёсати таҳқиқи
ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, генерал-майори
милитсия*

*Арипов А.Л., сардори кафедраи мувофиқи
чиноятӣ, н.и.ҳ., подполковники милитсия*

Таҳқиқ дар мақомоти корҳои дохилӣ яке аз самтҳои афзалиятноки фаъолияти милитсия мебошад¹. Амалӣ намудани он дар ҳаҷми гуногун, ба қисми зиёди воҳидҳои алоҳидаи мақомоти корҳои дохилӣ вогузор карда шудааст. Аз ҷумлаи чунин воҳидҳо, хадамотҳои ҳифзи тартиботи ҷамъиятӣ, воҳидҳои таҳқиқ, сохторҳои оперативӣ, нозирони минтақавӣ, хадамоти бозрасии давлатӣ автомобилӣ ва хадамоти давлатии оташнишониро номбар кардан мумкин аст. Вобаста аз вазифаҳои милитсия, ки он дар моҳдаи 10 – и Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи милитсия» нишон дода шудааст, ба мақомоти корҳои дохила ваколати гузаронидани таҳқиқ вогузор карда шудааст. Мувофиқа бар ин дар меъёрҳои КМЧ Ҷумҳурии Тоҷикистон – моҳдаи 40 воҳидҳои мақомоти Вазорати корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон, ҳамчун мақомоти таҳқиқ ба ҳисоб мераванд.

Таърихи ташаккули ин фаъолият ба шакли ҳозира монанд аз Кодекси мувофиқи-чиноятӣ, ки 25 май соли 1922, қабул шуда буд, ба назар мерасад. Кодекси номбурда маҷмӯи меъёрҳои бахшида ба тафтиши чиноятҳои дар шакли таҳқиқ пешбини мекард ва он дар як шакли муайяншудаи мувофиқи гузароинда мешуд². Санадҳои таҳқиқ дар баробари санадҳои мақомоти тафтиши пешакӣ ба сифати далел эътироф карда мешуданд ва ҳуди тартиби гузаронидани таҳқиқ ба тартиби гузаронидани тафтиши пешакӣ наздик карда шуда буд. Чунин дигаргуниҳои назаррас ба минбаъда ташаккул ёфтани ин намуди пешбурд тақдир бахшиданд.

Минбаъда ташаккули ин намуди пешбурд ва умуман пешбурди тосудӣ бо қабул шудани Асосҳои мувофиқи суди-чиноятӣ соли 1958 алоқаманд мебошад. Мувофиқа ба онҳо дар Тоҷикистон соли 1961 Кодекси мувофиқи-чиноятӣ қабул карда шуд, ки дар он пешбурд дар шакли таҳқиқ пурра ва мухтасар карда шуда буд. Қонунгзор дар он давра таҳқиқбарандаро ҳамчун иштирокчиҳои мувофиқи чиноятӣ эътироф намуда ба ӯ ҳуқуқи тафтиш намудани парвандаҳои чиноятиро дода буд (м. 46 КМЧ). Боби 10 – и он «Таҳқиқ» ном дошта, аз ҳашт моҳда иборат буд, моҳдаи 113 КМЧ ба мақомоти таҳқиқ милитсияро низ дохил мекард.

Дар давраи амали Кодекси мувофиқи-чиноятӣ соли 1961, ки он муҳлати тулони (аз соли 1961 то моҳи апрели соли 2010) амал карда буд, таҳқиқ ҳамчун як шакли пешбурди тосудӣ ташаккул ёфт. Дар шакли таҳқиқ як қисми сарбории тафтиши парвандаҳои чиноятӣ иҷро карда мешуд. Ҳамин тариқ зери мафҳуми «таҳқиқ» ду шакли фаъолияти мувофиқи- чиноятӣ фаҳмида мешуд, ки он ба мақомоти таҳқиқ хос буд. Якеи ин тафтиш намудани парвандаҳои чиноятӣ (дар ҳаҷми пурра), ки ба тобеияти мақомоти таҳқиқ дахл дошт, дигари он бошад – оғоз намудани тафтишот ва гузаронидани амалҳои тафтиши таъхирнопазир, ки он ба тафтишоти минбаъдаи парванда замина мегузошт, иборат буд.

Минбаъда ташаккули ин намуди пешбурд ва умуман пешбурди тосудӣ бо қабул шудани Асосҳои мувофиқи суди-чиноятӣ соли 1958 алоқаманд мебошад. мувофиқа ба онҳо дар Тоҷикистон соли 1961 Кодекси мувофиқи- чиноятӣ қабул карда шуд, ки дар он пешбурд дар шакли таҳқиқ пурра ва мухтасар карда шуда буд. Қонунгзор дар он

¹ Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 17 май 2004с., таҳти № 41 «Дар бораи милитсия» // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2004, №5, мод.352 (дар таҳрири Қонуни ҚТ аз 27.11.2014 с., № 1140).

² СУ РСФСР. 1922. №20-21. Ст. 230 // www.consultant.ru

давра таҳқиқбарандаро ҳамчун иштирокчии муҳофизати ҷиноятӣ эътироф намуда ба ӯ ҳуқуқи тафтиш намудани парвандаҳои ҷиноятиро дода буд (м.46 КМҶ). Боби 10-и он «Таҳқиқ» ном дошта, аз 8-модда иборат буд, модаи 113 КМҶ ба мақомоти таҳқиқ милитсияро низ дохил мекард.

Дар давраи амали кодекси муҳофизати ҷиноятӣ соли 1961, ки он муҳлати тулони (аз соли 1961 то моҳи апрели соли 2010) амал карда буд. Таҳқиқ ҳамчун як шакли пешбурди тосудӣ ташаккул ёфт. Дар шакли таҳқиқ як қисми сарбории тафтиши парвандаҳои ҷиноятӣ иҷро карда мешуд. Ҳамин тариқ, зери мафҳуми таҳқиқ ду шакли фаъолияти муҳофизати-ҷиноятӣ фаҳмида мешуд, ки он ба мақомоти таҳқиқ хос буд. Якеи ин тафтиш намудани парвандаҳои ҷиноятӣ (дар ҳисми пурра), ки ба тобеъияти мақомоти таҳқиқ дахл дошт. Дигари он бошад-огоз намудани тафтишот ва гузаронида-ни амалҳои тафтиши таъхирнопазир, ки он ба тафтишоти минбаъдаи парванда замина мегузошт, иборат буд.

Айни замон бо вуҷуди дигаргуниҳои рӯйдод дар муносибатҳои ҷамъиятӣ, вазъи ҷинояткорӣ ва арзиши олий эътироф шудани ҳуқуқи озодиҳои инсон дар Кодекси муҳофизати-ҷиноятӣ амалкунанда таҳқиқ ҳамчун як шакли пешбурди тосудӣ муқаррар карда шудааст.

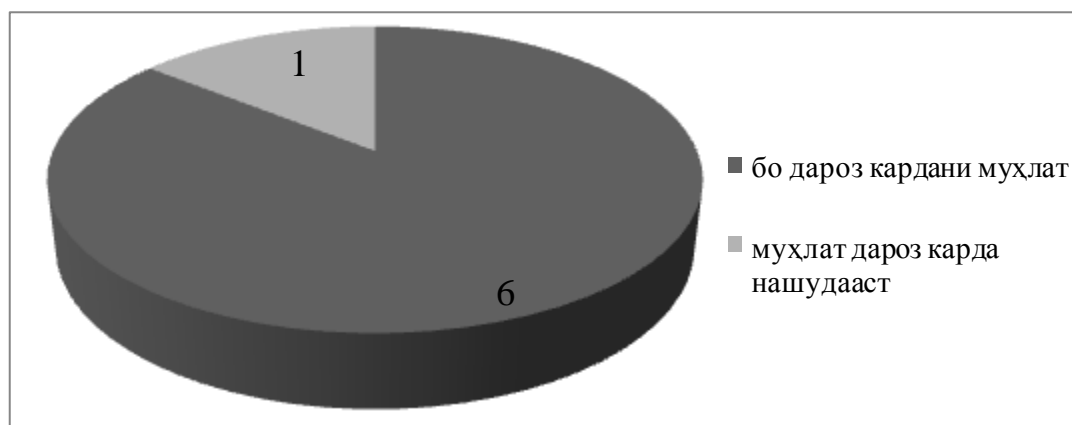
Бояд қайд намуд, ки аз мавриди амал қарор додани КМҶ Ҷумҳурии Тоҷикистон 8 – сол сипарӣ мешавад ва ин муҳлат барои таҳлил оид ба тадбиқи амалии меъёрҳои алоҳидаи он имкон медиҳад. Вобаста ба яке аз онҳо, ки аҳамияти амалӣ дорад, дар поён истода мегузарем.

Дар қисми 1 моддаи 155 КМҶ Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳлати гузаронидани таҳқиқ оид ба парвандаи ҷиноятӣ аз рӯзи огоз кардан то ба прокурор раван кардан ё қатъ кардани он 15-шабонарӯз муқаррар карда шудааст. Таҷриба нишон медиҳад, ки муҳлати пешбинӣ шуда, дар аксар ҳолатҳо нокифояи дида мешавад.

Муҳлати муқаррар шуда 15-шабонарӯзро дар бар мегирад, ки барои анҷом додани тафтишот оид ба парванда он басандаи дида намешаванд. Таҷриба нишон медиҳад, ки чунин муҳлат нокифояи буда, зарурияти дароз намудани он ба миён меояд. Танҳо таҳлили 3 моҳи соли 2018 дар ҳуди Раёсати таҳқиқ нишон медиҳад, ки аз 13 парвандаи ба суд ирсол шуда, 6 парванда ба самти тафтишот тааллуқ дорад, боқимонда 7 парванда дар шакли таҳқиқ тафтиш карда шудааст, ки аз онҳо муҳлати 6 парванда дароз карда шуда, танҳо як парванда дар муҳлати понздаҳ шабонарӯз ба итмом расонида шудааст.

Дароз кардани муҳлати пешбурди парвандаҳои ҷиноятӣ,
ки дар шакли таҳқиқ тафтиш карда шудаанд

Ҳамагӣ парванда	Дар шакли тафтиши пешакӣ	Дар шакли таҳқиқ	Муҳлат дароз карда шудааст
13	6	7	6

Қайд кардан зарур аст, ки тафтишоти парвандаи ҷиноятӣ, фаъолияти мушкил ва мураккаб буда, танҳо аз пур кардани бланкаҳои мурофиавӣ иборат нест. Дар рафти он зарурияти мурочиат ба муассисаҳои гуногун, гузаронидани экспертизаҳо ва дигар амалҳои тафтишотӣ ба миён меояд. Дар муҳлати муқараршудаи КМЧ ҳамаҷониба, пурра ва ҳолисона тафтиш намудани ҳолатҳои қор, ки кодекси мурофиавии ҷиноятӣ талаб мекунад хело мушкил мебошад ва ин ба сифати тафтишоти парвандаҳои ҷиноятӣ таъсири манфӣ мерасонад. Дар фарқият муҳлати тафтиши пешакӣ 2-моҳ муқаррар карда шудааст, барои тафтишот дар шакли таҳқиқ бошад тахминан 4-маротиба муҳлат камтар пешбини шудааст.

Пешбурди тосудӣ дар шакли таҳқиқ одатан ба парвандаҳои ҷиноятӣ начандон вазнин гузаронида мешавад ва чун қоида аз тарафи субекти махсус таҳқиқбаранда. Доираи парвандаҳои ҷиноятӣ, ки оид ба онҳо тафтишот дар шакли таҳқиқ гузаронида мешаванд, дар моддаи 151 Кодекси мурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон пешбини шудаанд ва ҳамагӣ 26 таркибро дар бар мегиранд. Ҳамзамон начандон вазнин будани парвандаи ҷиноятӣ, маънои содда будани онро аз нигоҳи тафтишот надорад, зеро муайян намудани ҳолатҳо оид ба парвандаи ҷиноятӣ алоҳида, аз ҳолатҳои воқеъи он вобастааст ва метавонад муҳлати воситаҳои мурофиавии назаррасро талаб намояд.

ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ МВД, СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА И ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ БЕЛАРУСИ

Янчик В.Д., старший эксперт Минского межрайонного отдела Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь

Активно участвуя в работе силовых структур Содружества независимых государств, Республика Беларусь позаботилась, прежде всего, о создании на базе Конституции законодательства, создающего условия и непосредственно регулирующие вопросы дознания и предварительного расследования по уголовным делам.

В Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, принятый 16 июля 1999г. до начала 2018 года, принято около двадцати изменений и дополнений, позволивших обеспечить дознание и предварительное расследование по уголовным делам новыми научными достижениями, и положительным опытом применения на практике новелл в законодательстве. Так налаживалось производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, развивались традиционные и новые институты уголовно-процессуального законодательства. В УПК Беларуси введен специальный раздел XV «Международная правовая помощь по уголовным делам на основе принципа взаимности» (главы 50-57, статьи 469-519)¹.

Применительно к предмету нашего исследования существенную роль сыграли также принятые в Беларуси законы «Об органах внутренних дел»² и «Об оперативно-розыскной деятельности»³.

Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь своевременно внесла предложение в возврате к уголовному процессу в специальность 12.00.09. его естественных смежников. Пока на уровне предложений ВАК, но все научные и учебные юридические учреждения страны поддержали данные предложения; в специальность 12.00.09 включить: уголовный процесс; криминалистику; судебно-экспертную деятельность и оперативно-розыскную деятельность.

Коллегия ВАК Беларуси решением от 28.10.2016г. поддержала предложение Государственного комитета судебных экспертиз о дополнении перечня отраслей науки по специальности 12.00.12 (криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность) технической, биологической и химической отраслями науки.

Кардинальные решения в пользу совершенствования предварительного расследования в Беларуси приняты весной 2013 года. Сначала был образован Следственный комитет⁴, а спустя чуть меньше двух лет – Государственный комитет судебных экспертиз⁵.

Ученые Академии МВД Беларуси, в результате многочисленных исследований в рамках научно-педагогической школы в области юриспруденции «Теория и практика противодейст-

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь/М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь.–Минск: Академия Мвд,2017.–367,[1]С.

² Об органах внутренних дел Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007г.–№263-3.–Минск:Дикта,2007.–44с.

³ Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Беларусь/М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь.–Минск: Академия МВД, 2016.–59[1]С.

⁴ См.: Об образовании Следственного комитета Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 12 сентября 2011г.–№409 (в ред. Указав Президента республики Беларусь от 13.03.2013г.–№121, от 17.11.2014–№535).

⁵ См.: Об образовании Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 22 апреля 2013г.–№402.

вия преступности с применением сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности¹» констатировали устойчивую тенденцию к снижению в Беларуси в последние пять лет (2013-2017гг.) общего числа регистрируемых преступлений, включая особо тяжкие и тяжкие. Данная тенденция подтвердилась и в 2017 году в сравнении с годом предыдущим. Общее количество зарегистрированных преступлений снизилось на 7,1%, по категории особо тяжких и тяжких, включая преступления против жизни и здоровья человека, от 3,5% до 5,0%².

Председатель Следственного комитета Республики Беларусь Иван Данилович Носкевич, генерал-майор юстиции лично организует и участвует в мероприятиях, направленных на развитие и укрепление авторитета ведомства в стране и за рубежом, в активном и плодотворном международном сотрудничестве, в становлении и развитии солидного научно-практического журнала «Предварительное расследование»³. Поиск и апробацию новых, современных форм, средств и методов работы осуществляют и подчиненные И.Д. Носкевича⁴.

И в Государственном комитете судебных экспертиз Беларуси существует воинский принцип руководства «Делай, как я!», так как и в этом ведомстве примером является его руководитель – Андрей Иванович Швед, кандидат юридических наук, доцент, генерал-майор юстиции. Андрей Иванович Возглавил ведомство, когда уже были признаны его научные достижения в уголовно-процессуальной науке⁵, а судебно-экспертная деятельность открывала новые горизонты⁶.

Научно-практические журналы: «Вестник Академии МВД Республики Беларусь», «Предварительное расследование», «Судебно-экспертная деятельность в Беларуси», выходящие два раза в год, постоянно содержат информацию о достижениях в теории, законодательстве и практике противодействия преступности, а исследователи Беларуси стремятся к обмену опытом, к сотрудничеству силовых структур, к креативному взаимодействию по конкретным направлениям юриспруденции в целом и конкретных юридических наук – в частности. В Вестнике Академии МВД Беларуси постоянно публикуются результаты научных исследований по проблематике научно-педагогической школы профессора И.М. Басецкого⁷

Научно-практический журнал Следственного комитета Республики Беларусь «Предварительное расследование» уже с первых номеров публикует актуальные интервью, научные статьи, материалы следственной практики. Например, в интервью научного редактора журнала Каменецкого Ю.Ф с главным ученым секретарем Национальной академии наук Беларуси Александром Владимировичем Кильчевским, посвященном криминалистическому исследованию генотипа человека в его становлении и развитии.

Предваряя изложение результатов беседы Ю.Ф. Каменецкий отметил: «В 1984 году британским генетиком Алексом Джефффриксом открыта система научных методов биологической идентификации индивидуумов на основе уникальности последовательности нуклеотидов ДНК, получившего название генетическая дактилоскопия. Сегодня работа следователя

¹ Основателем и бессменным руководителем НПШ является Иван Игнатьевич Басецкий, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, профессор кафедры ОРД Академии МВД и главный редактор научно-практического журнала «Вестник Академии МВД Республики Беларусь».

² См.: Социально-криминологическая характеристика преступности в Республике Беларусь за 2017 год. – Минск: Информационный центр МВД Республики Беларусь, 2018.–10с.

³ См.: Международное сотрудничество // Предварительное расследование : науч.-практ. журнал.2017.–№2.–С.12-13; Носкевич И.Д. Проблемные вопросы профессионального совершенствования следователей//Предварительное расследование.2017.–№2.–С.6-7.

⁴ См.: Шкаплеров Ю.П. Проведение следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи в Республике Беларусь // Предварительное расследование.–2017.–№2.–С.49-54.

⁵ См.: Швед А.И. Актуальные вопросы возбуждения уголовного дела в Республике Беларусь: моногр./ А.И. Швед.–Минск: Харвест, 2007.–432с.

⁶ См.: Швед А.И. Судебно-экспертная деятельность Беларуси: от создания ведомства к новациям сегодняшнего дня//Судебно-экспертная деятельность в Беларуси: науч.-практ. журнал. –2018.–№1(6).–С.9-13.

⁷ См., например: Басецкий И.И. Роль оперативных подразделений и их должностных лиц в осуществлении процессуальной функции уголовного преследования /И.И. Басецкий, В.Ч. Родевич// Вестн. Акад. Мвд Респ. Беларусь.–2009.–№2(18).

немыслима без генотипоскопических экспертиз. Современная наука не стоит на месте. О перспективах использования «генетических отпечатков» и исследованиях отечественной науки состоялась беседа с главным ученым секретарем Национальной академии наук Беларуси доктором биологических наук, профессором, академиком Национальной академии наук Беларуси Кильчевским Александром Владимировичем¹».

Несомненно, вызовут интерес у специалистов и просто любопытных читателей научные публикации, а также следственная практика.

Ю.П. Шкаплеров, например, обосновывает возможность и порядок проведения следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе Республики Беларусь². Об опыте использования компьютерных технологий в деятельности Следственного комитета Армении опубликовал материал Г.М. Саргсян³.

Российский опыт организации расследования преступлений прошлых лет осветил в своей публикации А.И. Сазонов, заместитель руководителя Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации – руководитель методико-криминалистического управления, генерал-майор юстиции⁴.

Особенности расследования создания преступной организации, участия в ней, а также преступлений, совершенных преступными организациями раскрыл Руслан Александрович Дашковский, следователь по особо важным делам главного следственного управления Следственного комитета Республики Беларусь⁵.

В научно-практическом журнале Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь: «Судебная экспертиза в Беларуси» также публикуются актуальные материалы белорусских и зарубежных специалистов⁶.

Особенности назначения и проведения судебно-религиоведческой экспертизы в Республике Казахстан содержатся в материале Д.Р. Мусиной⁷.

Приступая к комплексному исследованию актуальных вопросов оперативно-розыскного и экспертно-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования наиболее опасных умышленных преступлений против человека, предлагается рассмотреть: 1) теоретико-правовые основы указанных элементов предмета исследования, включающие аналитический обзор литературы по теме и основные концептуальные положения генезиса и гносеологической сущности предмета исследования, обновленные и новые дефиниции рассматриваемых категорий, понятий и их определения, а также эволюцию теоретико-правовых взглядов на проблему оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования особо опасных преступлений против человека; 2) институционально-правовые основы предмета исследования; 3) субъектов и участников процесса оперативно-розыскного и экспертно-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования указанных преступлений; 4) характер правоотношений между ними, регулируемых на конституционном, международно-

¹ Криминалистическое исследование генотипа человека: вчера, сегодня, завтра (интервью с главным ученым секретарем Национальной академии наук Беларуси Кильчевским А.В.)//Предварительное расследование: науч.-практ. журнал.–2017.№2.–С.19-23.

² См.: Шкаплеров Ю.П. Проведение следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе республики Беларусь// Предварительное расследование.–2017.–№2.–С.49-54.

³ См.: Саргсян Г.М. Об использовании компьютерных технологий в деятельности Следственного комитета Республики Армения //Предварительное расследование.–2017.–№2.–С.73-75

⁴ См.: Сазонов А.И. Практика организации расследования в системе Следственного комитета Российской Федерации преступлений прошлых лет// Предварительное расследование.–2017.№2.–С.76-80.

⁵ См.: Дашковский Р.А. Особенности расследования создания преступной организации, участия в ней, преступлений, совершенных преступными организациями//Предварительное расследование: науч.-практ. журнал.–2017.–№2.–С.81-84.

⁶ См. например: Атрашков В.В. Ядерная криминалистика – направление экспертной деятельности в Республике Беларусь//В.В. Атрашков, Р.В. Арсёнов//Судебная экспертиза в Беларуси: науч.-практ. журнал.–2017.–№2(5).–С.18-24.

⁷ См.: Мусина Д.Р. Особенности назначения и проведения судебной религиоведческой экспертизы в Республике Казахстан // Судебная экспертиза в Беларуси.–2018.–№1(6).–С.21-25.

правовом, законодательном, подзаконном, ведомственном, межведомственном уровнях; 5) современное состояние и перспективы совершенствования правового сегмента предмета исследования; 6) теоретико-правовые основы взаимодействия правоохранительных органов в раскрытии и расследовании наиболее опасных умышленных преступлений против человека; формулирование обоснованных в тексте кандидатской диссертации выводов, рекомендаций и предложений по организации и осуществлению раскрытия и расследования умышленных наиболее опасных преступлений против человека.

Резюмируя изложенное, представляется возможным прогнозировать, что промежуточные и итоговые результаты исследования будут представлены на страницах научно-практических журналов и в материалах теоритических семинаров и научно-практических конференций в Беларуси и в других странах, сотрудничество с которыми перешло от намерений и пожеланий в стадию практической реализации.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ В ТАДЖИКИСТАНЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

Юлдошев Р.Р., начальник отдела адъюнктуры Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент, майор милиции

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Таджикистан основными формами досудебного производства по уголовным делам являются предварительное следствие и дознание (гл. 19, 20 УПК Республики Таджикистан).

Ко всему этому еще и добавилось ускоренное производство (гл. 46). Ускоренное производство как форма осуществления уголовного преследования заменила существующую до этого протокольную форму досудебной подготовки материалов, которая была закреплена в нормах предшествующего УПК Республики Таджикистан (гл. 34, ст.406-412, в ред. 1961 г.). Ускоренному производству посвящена отдельная глава, включающая ст.453-460 УПК Республики Таджикистан.

Традиционно, как и во многих уголовно-процессуальных законодательствах постсоветских государств, каждое заявление или сообщение о преступлении рассматривается в течение 3-х суток. В случае нехватки времени, письменным ходатайством следователя срок доследственной проверки продлевается по согласованию прокурора на 10 суток.

Исходя из тех положений отечественного уголовно-процессуального законодательства, регулирующих сроки рассмотрения и разрешения заявлений и сообщений о преступлениях, предварительное расследование с ее видами и формами, следует отметить, что данный механизм нуждается в усовершенствовании. Правоприменители сетуют о том, что действующие процессуальные сроки неразумны и в рамках полного, всестороннего и объективного решения заявлений и сообщений о преступлениях они недостаточны и не эффективны, чтобы полностью выявить реальную картину совершившего правонарушения. В этой связи полная реализация положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) о разумном сроке уголовного судопроизводства, является неким решением данной дилеммы, но только в рамках досудебного производства по материалам и уголовным делам и с учетом специфики отечественной правоприменительной практики.

Кроме этого, нуждаются в совершенствовании некоторые положения уголовно-процессуального закона в части, касающейся современного состояния досудебного производства по материалам и уголовным делам, которое также нуждается в кардинальном научном анализе с учетом современных достижений доктрины и практики уголовного судопроизводства.

На современном этапе развития уголовно-процессуальной политики Таджикистана, интенсивность поправок и предпринимаемые меры, выглядят довольно стремительными и перспективными. С одной стороны, нас побудило возвратиться к переосмыслению в перспективе готовящаяся, по крайней мере, модернизация уголовного судопроизводства, а с другой стороны, размежевание и стирание границ между процессуальной и непроцессуальной деятельностью в рамках расследования уголовных дел, которое глобализируется уже в пространстве отдельных государств Центральной Азии, а в отдельных странах СНГ уже практикуется давно.

Как правильно отмечает профессор Л.В. Головкин в целом пока еще законодатели большинства постсоветских государств так и не сделали выбор между сохранением исторически присущей их странам континентальной инфраструктуры уголовного процесса и ее полным демонтажем с заменой на нечто вроде англосаксонского уголовного процесса. Такого рода «метания» и «колебания», которые мы наблюдаем не только в России, но и во многих других

постсоветских странах (Украина, Казахстан, Армения, Киргизия и др.), нередко приводят к технически недопустимой уголовно-процессуальной эклектике, когда отдельные англо-американские институты искусственно встраиваются в континентальную уголовно-процессуальную ткань, в силу чего не работает система как таковая¹.

Необходимо также отметить, что возникающие общие проблемы при реформировании отдельных законодательств в центральноазиатском регионе, молниеносно передаются другим соседям. В данном контексте профессор Л.В. Головкин определяя общие проблемы и тенденции развития уголовного процесса в странах постсоветского пространства, выделяет отдельным направлением попытки оптимизации общей структуры предварительного расследования и конкретных институтов данной стадии. Во многих случаях имеет место устранение дуализма двух форм расследования и их унификация в рамках единой формы, попытка интегрировать в уголовно-процессуальную ткань оперативно-розыскную деятельность с целью исключения «параллелизма» уголовного процесса и ОРД². Изложенная позиция на уровне конкретных научных исследований еще в Таджикистане не анализировалась, но правовая основа поэтапно закладывается в отдельных положениях Программ судебно-правовых реформ и с начала 2018 г. в конкретных положениях проекта Программы судебно-правовой реформы на 2019-2023 гг. и в Концепции правовой политики Таджикистана на 2018-2028 гг.³.

Расследование преступлений для органов предварительного следствия Таджикистана является главной функцией, основной задачей, содержание которой состоит в быстром и полном раскрытии преступлений, всестороннем, беспристрастном и объективном расследовании уголовных дел, своевременном привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в их совершении, выявлении обстоятельств, способствующих совершению преступлений, и принятии мер к их устранению (ст. 178 УПК Республики Таджикистан).

Предварительное следствие, как и судебное, состоит во всестороннем, не связанном никакой предустановленной позицией исследования обстоятельств, имеющих значение для дела, для того чтобы на основе собранного полного и достоверного доказательственного материала сделать правильные выводы.

В настоящее время, следственный аппарат, мягко говоря, работает на твердой поверхности, но без учета передового опыта в расследовании тех или иных видов преступлений, которые совершаются в условиях неочевидности и приводят к катаклизмам и конкретным сбоям, к чему современный правоприменитель не готов. Уровень правосознания правоприменителя, делают из него робота, который в силу своих определенных возможностей не может выбирать пути решения тех или иных трудностей, действуя на «самотек». Свидетельством сказанному являются в таблице № 1 все статданные общего направления за 1991-2016 гг.

Поэтапное реформирование тех или иных институтов не осталось без внимания отечественных ученых-процессуалистов. По утверждению А.А. Мухитдинова, успех судебной реформы, осуществляемой в настоящее время в Республике, во многом будет зависеть от степени ее взаимосвязанности с проводимыми в стране другими реформами, в частности с реформой органов, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу. Если судебно-правовая реформа коснется только суда, то она не даст ожидаемых результатов⁴. Цитируемый автор, также придерживается идеи о создании в Таджикистане независимого следственного аппарата, осуществляющего исключительно функцию следствия и разрешения уголовного дела.

¹ Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головкин. – М. : Статут, 2016. – С. 200.

² Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головкин. – С. 201.

³ Утверждена указом Президента Республики Таджикистан от 6 февраля 2018 г. за № 1005.

⁴ Мухитдинов, А. А. Процессуальное положение следователя в уголовном процессе Республики Таджикистан / Республиканская научно-практическая конференция с участием международных экспертов «Роль криминалистики в раскрытии и расследовании преступлений» (25 сентября 2015 г. Академия МВД Республики Таджикистан) // Труды Академии. № 3 (27). – Душанбе, 2015. – С. 234-239.

ОБЩИЙ МАССИВ
зарегистрированных преступлений в Республике Таджикистан
(по состоянию на 01 января каждого отчетного года)

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	Количество расследованных уголовных дел	Количество приостановленных уголовных дел п. 1-3 ч.1 ст. 230 УПК РТ	Истекли сроки расследования ¹	% раскрываемости
1	2	3	4	5	6
1991	18 476	11 012	6 387	-	63,3
1992	25 296	8 337	8 339	-	69,8
1993	24 651	8 767	13 408	-	76,4
1994	14 279	8 916	6 964	-	56,1
1995	14 530	9 182	5 778	-	61,4
1996	13 388	8 901	5 243	-	41,4
1997	13 201	9 389	5 524	4 771	47,7
1998	13 161	8 975	4 353	4 243	51,1
1999	14 413	10 438	4 716	2 546	59,0
2000	14 455	11 190	3 544	1 786	67,74
2001	14 117	11 356	3 167	1 865	69,29
2002	12 754	10 877	2 787	1 066	73,84
2003	11 150	9 590	1 778	771	79,00
2004	11 037	9 349	1 651	606	80,55
2005	12 074	10 138	1 523	664	82,26
2006	11 223	10 133	1 696	212	84,15
2007	12 115	10 377	1 563	214	85,38
2008	11 658	10 240	1 412	164	86,66
2009	12 408	11 077	1 399	181	87,52
2010	14 548	11 178	1 268	644	85,39
2011	16 864	16 439	1 485	342	90,00
2012	16 593	14 875	1 651	471	87,52
2013	18 336	15 823	1 857	533	86,88
2014	19 352	17 498	1 778	674	87,71
2015	21 585	19 118	1 735	755	88,48
2016	21 756	19 670	1 855	1 045	87,15

Идея о создании единого независимого следственного органа (следственный комитет), подчиненного Президенту Республики Таджикистан в свое время была выдвинута еще Р. Зойировым, Х. Кенжаевым и Ф. Абдуллоевым, которые утверждали, что ведомственное следствие управляется теми же командно-административными методами, что и другие службы правоохранительных органов, а это препятствует совершенствованию предварительного следствия, вызывает среди сотрудников этой службы неудовлетворенность работой. Учитывая особое процессуальное положение следователя, такие методы управления нельзя считать

¹ Здесь и далее необходимо отметить, что в настоящее время в базе данных МВД Таджикистане отсутствуют статданные за 1991-1996 и 1997 гг., которые специально помечены знаком « - » в соответствующих таблицах настоящего пособия.

приемлемыми. Наличие параллельных структур предварительного следствия в разных правоохранительных органах приводит к росту управленческого аппарата, который реального участия в расследовании уголовных дел не принимает, а ведет к формально-бюрократическому решению вопросов о последовательности преступлений (*авторы имели ввиду подследственность преступлений – прим. РЮ.*), что в итоге значительно снижает эффективность расследования.

И в конце авторы констатируют, чтобы не на словах, а на деле реформа предварительного следствия привела бы к созданию независимого Следственного комитета, расширила процессуальную самостоятельность следователя и повысила его правовой и социальный статус. Следственный комитет должен стать единственным органом предварительного следствия в Республике. Эти идеи были заложены в проектах Конституции Республики 1992 г., заложены в инициативном проекте Р. Зойирова, но к сожалению эта мысль не нашла свое отражение в официальном проекте новой Конституции Республики Таджикистан, что по их мнению, вызывает значительную озабоченность в борьбе с преступностью¹.

О перспективе создания и функционирования Следственного комитета в Таджикистане также велась очень активная дискуссия в прошедшей конференции юридического факультета Таджикского национального университета², где окончательно удалось уточнить сторонников и противников данной инициативы. Предложения сторонников в основном обосновывались различными правовыми и неправовыми источниками информации, что посчитать целесообразным, выглядит крайне неуместным и несвоевременным.

Принятие нового уголовно-процессуального законодательства и ряд поправок действующего законодательства, касающиеся сферы уголовного судопроизводства, в целом предопределили стремление законодателя и отдельных ее реформаторов на устранение недостатков и уравнивание упущений. Системный анализ процессуального закона и других ключевых документов, принимаемых в процессе осуществления судебно-правовых реформ, проявил сильные и слабые стороны уголовно-процессуального законодательства.

Между двумя программами судебно-правовых реформ была принята Концепция прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан, которая в свою очередь косвенно напомнила о консистенции уголовно-процессуальной политики Таджикистана. В этой связи, выглядит неординарной следующая идея разработчиков: в перспективе в целях укрепления судебной власти, защиты прав и свобод человека и граждан, эффективности проведения следствия в будущем *исключить ведение предварительного следствия (предварительное дознание и следствие) путем введения судебного следствия по уголовным делам* (Ч. 19, п. 55).

Мы считаем, такое решение может привести в тупик и без того смешанную уголовно-процессуальную модель Таджикистана, которая стремится стать истинно состязательной при которой стороны станут равноправными. Ведь если в гражданском процессе предварительная подготовка по делу имеет относительно несложный характер и ведется сторонами и судом, который будет его рассматривать по существу (гл. 6 ГПК Республики Таджикистан), то в уголовном судопроизводстве (по крайней мере, по делам публичного и частно-публичного обвинения) этому препятствует ряд факторов. По уголовным делам установление фактической истины часто осложнено ввиду неочевидного характера многих преступлений, запирательства и противодействия со стороны обвиняемых и т. п. Поэтому, в отличие от истца в граждан-

¹ Зойиров, Р., Кенжаев, Х. О некоторых проблемах реорганизации органов предварительного расследования // Законность – основа правового государства : материалы научно-практической конференции, посвященной памяти Н. Х. Хувайдуллоева, Душанбе, 5 мая 1994 г. – Душанбе, 1995. – С. 74-76 с.; Зойиров, Р., Абдуллоев, Ф. Судебно-правовая реформа в Таджикистане: задачи и перспективы // Проблемы укрепления законности и правопорядка в Таджикистане. – Душанбе, 1996. – С. 9.

² Развитие судебного права, уголовного права и правоохранительной деятельности в Республике Таджикистан (материалы республиканской научно-практической конференции, г. Душанбе, 22 октября 2015 г.). – Душанбе: «Империял-Групп», 2015. – 396 с.

ском процессе, обвинитель не может сразу окончательно сформулировать свои требования и обратиться с ними к суду. Он вынужден делать первый шаг, порой не имея достаточных доказательств. Прежде ему необходимо безотлагательно обнаружить и закрепить следы преступления, установить и разыскать подозреваемого, собрать и проверить необходимые доказательства, определить предмет уголовно-правового спора и предъявить первоначальное обвинение, проверить доводы, выдвинутые против него защитой, и наконец, обеспечить личное участие обвиняемого в процессе. Только после этого возможно представить в суд окончательное обвинение. Все это обычно требует значительного времени и усилий. Словом, необходимо официальное предварительное расследование, которое в современном уголовном процессе не может осуществляться самим судом. Для этого существуют особые государственные органы уголовного преследования (предварительного расследования), наделенные специальными ресурсами и полномочиями.

Дискуссионность анализа должна поспособствовать дальнейшей оптимизации уголовной политики, оживлению научной полемики и выработке конкретных перспективных направлений с учетом всех обстоятельств, которые в совокупности могут оказать равномерное влияние на дальнейшее формирование и развитие уголовной политики Таджикистана, которая в свою очередь находится в поиске оптимальных векторов развития и дальнейшего совершенствования. Не является в этом плане исключением и уголовно-процессуальная политика Таджикистана, как составная ее часть.

О проблеме расследования преступлений опять вспомнили в связи с разработкой очередной программы судебно-правовых реформ. До принятия действующей Программы судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2015-2017 годы¹, был разработан ее проект², который обсуждался в узких ведомственных кругах. В проекте данного документа неясным оставался раздел 11. «Образование следственной службы при Министерстве внутренних дел Республики Таджикистан», при том условии, что следственные отделения и отделы органов внутренних дел в областях, городах и районах в вертикальном порядке передать в непосредственное подчинение Министерству внутренних дел Республики Таджикистан с целью повышения уровня качества дознания и предварительного следствия и в направлении принятия законных и обоснованных судебных актов, а также обеспечения соблюдения прав и свобод человека.

Хоть и были в проекте все эти спорные положения закреплены, но утвержденная Программа все-таки наложила свой отпечаток на реформу органов расследования. К примеру, в разделе 1 Программы указывается, что с целью совершенствования предварительного следствия необходимо изучать уголовно-процессуальное законодательство. В Плате мероприятий анализируемой Программы закреплено, что в целях совершенствования предварительного следствия, в том числе экономии средств и исключения излишних следственных действий, изучить законодательство и практику предварительного следствия, и представить предложения по его совершенствованию (пункт 17). Принятие таких документов очень важны для Таджикистана, так как они раскрывают набравшие и наиболее созревшие проблемы. Единственным минусом этих программ является с одной стороны хаотичные задачи для решения, а с другой стороны, несвоевременная их разрешимость в контексте динамичности развития общественных отношений.

Вопрос о создании следственного комитета вновь закреплен в тексте проекта Программы судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2019-2023 гг. Каким образом

¹ Об утверждении и принятии Программы судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2015–2017 гг.: указ Президента Республики Таджикистан от 05.01.2015 г. за № 327 // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: URL: <http://mmk.tj> (дата обращения: 15.10.2015 г.).

² Цитируются отдельные положения Проекта Программы судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2015-2017 годы, которая официально не была размещена в каком-либо информационном портале в целях активного ее обсуждения.

будет создан следственный комитет и в реальности ли он будет независимым от других правоохранительных органов, в проекте ничего ясного не зафиксировано.

Обобщая многие спорные аспекты по реформированию органов расследования, считаем необходимым в первую очередь, проработать вопрос о разработке проекта Единой Концепции совершенствования деятельности органов предварительного расследования в Таджикистане¹, затем повсеместно обсудить в широких кругах и с учетом рекомендаций принять за основу и утвердить, а после использовать в качестве ориентира для оптимизации уголовно-процессуальной и правоохранительной деятельности правоохранительных органов. Модель и название не имеют значение, главное содержание и сущность текста концепции. В нем необходимо заложить основные компоненты, усиливающие и упраздняющие расследование уголовных дел за счет интенсификации и повышения уровня правосознания правоприменителей. Главнее всех, чтобы в этой погоне за дешевой шлифовкой уголовного судопроизводства, нам бы совсем не отстать от передовой правоприменительной практики расследования и разрешения уголовных дел.

Попытки отечественных реформаторов в сфере усиления и обоснования концепции истинно независимой судебной власти в Таджикистане не увенчались еще полным успехом, но очередная Программа судебно-правовой реформы в Таджикистане на 2019-2023 гг. и ее результаты будут тому свидетельством. Промежуточные результаты получены², но каким будут окончательные достижения проводимых судебно-правовых реформ. Надеемся на положительный исход. Как нам кажется, в-первую очередь, необходимо определить правильно ли был выбран курс реформ, или все-таки существуют расхождения в понимании и уяснении истинных целей реформ с реальным положением дел на местах. Как говорится, «реформу начать легко, а закончить труднее».

Следует констатировать, что неизбежна процедура проработки вопроса о комплексном реформировании деятельности органов предварительного расследования с учетом изучения и использования упрощенных процедур расследования преступлений, и вычленение из катего-

¹ Указанная идея нами не раз уже высказывается. См.: *Юлдошев, Р. Р.* О будущем реформировании органов предварительного расследования в Таджикистане // Абубакировские чтения: материалы международной научно-практической конференции, 19 февраля 2015 г. – Алматы : Республика Казахстан, 2015. – С. 284-289; Реформирование органов предварительного расследования в Таджикистане // Международная научно-практическая конференция «Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений)» (23-24 апреля 2015 года, Академия управления МВД России). – М.: Академия управления МВД России, 2015. – С. 255-258; О перспективах в деятельности органов расследования преступлений / Республиканская научно-практическая конференция с участием международных экспертов «Роль криминалистики в раскрытии и расследовании преступлений» (25 сентября 2015 г. Академия МВД Республики Таджикистан) // Труды Академии. № 3 (27). – Душанбе, 2015. – С. 234-239; О разработке Единой Концепции совершенствования деятельности органов предварительного расследования в Таджикистане // «Развитие судебного права, уголовного права и правоохранительной деятельности в Республике Таджикистан» (22 октября 2015 г. Юридический факультет Таджикского национального университета) // под ред. И.Т. Махмудова и А.И. Сафарова. – Душанбе: «Империал-Групп», 2015. – С. 214-224; *Юлдошев, Р. Р., Власова, С. В.* Реформа предварительного расследования в России и Таджикистане: общее и различия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – № 3 (35), 2016. – С. 115-122; Оптимизация досудебного расследования в Таджикистане // Актуальные проблемы юридических наук: теория и практика. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Независимости РТ и 20-летию РТСУ (Душанбе, 27-28 октября 2016 г.). – Душанбе: РТСУ, 2016. – С. 379-383; Модернизация отечественного уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы реформирования процессуального законодательства и правоохранительной деятельности (материалы международной научно-теоретической конференции, г. Душанбе, 25 ноября 2016 г.) / Под редакцией заведующего кафедрой судебного права и прокурорского надзора, кандидата юридических наук, доцента Махмудова И.Т. Душанбе: «Визави», 2016. – С. 187-197.

² Юлдошев, Р. Р. Некоторые концептуальные основы судебно-правовой реформы Таджикистана в контексте преодоления юридических препятствий // Юридические препятствия в реализации прав и законных интересов : вопросы идентификации и преодоления : монография / В. М. Абдрашитов и др.; под ред. В. Ю. Панченко, А. А. Петрова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 396 с.; Анализ исполнения государственных программ Республики Таджикистан в области судебно-правовой реформы. – Душанбе, 2017. – 124 с.

рии преступлений состава уголовных проступков. Платформой может выступить процесс реформирования органов внутренних дел в контексте ее стратегического реформирования.

Существующий уголовно-процессуальный порядок в Таджикистане гибок и преломляется перед фактами произвола, а также служебных халатностей, злоупотребления своими полномочиями и соответствующим уровнем дискреционных полномочий должностных лиц, которые были подчеркнуты Лидером нации, Президентом Эмомали Рахмоном на встрече с сотрудниками органов прокуратуры Республики Таджикистан от 13 марта 2018 г. По утверждению главы государства, процессуальная деятельность органов расследования и надзора полностью не соответствуют требованиям, немало случаев затягивания в расследованиях дел, неполного и одностороннего расследования уголовных дел, неправильной трактовки действий обвиняемых, отсутствия прокурорского надзора за восстановлением ущерба, возврата судьями уголовных дел на дополнительное расследование.

Таким образом, органам прокуратуры, исходя из указанных недостатков в деятельности следственных и надзорных органов, было поручено усилить надзор за ходом дознания и следствия, в особенности незаконным возбуждением уголовных дел и безосновательным привлечением людей к ответственности, низким качеством расследования дел и несоблюдением срока проверок, тем самым предотвращать безосновательное затягивание следствия и случаи вызова дознавателями и следователями граждан без необходимости¹.

¹ Выступление на встрече с работниками органов прокуратуры // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: URL: www.president.tj/ru/node/17272 (дата обращения: 13.04.2018 г.).

РЕЗОЛЮЦИЯ

международной научно-практической конференции «Предварительное расследование и перспективы его развития»

07 АПРЕЛЯ 2018 Г.

Г. ДУШАНБЕ

07 апреля 2018 года в зале заседаний Академии МВД Республики Таджикистан состоялась международная научно-практическая конференция «Предварительное расследование и перспективы его развития».

По результатам обсуждений,

УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ РЕШИЛИ:

1. Необходимо разработать соответствующую платформу для реализации отдельных положений Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 гг., относящихся к уголовному судопроизводству.

2. Признать, что для усовершенствования и оптимизации ряда норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан необходима консолидация плодотворной деятельности ученых и практиков, а также объединение усилий всех государственных и общественных структур, имеющих непосредственное отношение к решению проблем уголовного судопроизводства.

3. Максимально приблизить текст к современному правопониманию с тем, чтобы исключить двоякое и неточное толкование норм УПК Республики Таджикистан.

4. Провести редакционную, техническую и лингвистическую экспертизу текста УПК Республики Таджикистан.

5. Подготовить рабочую группу независимых экспертов из числа ученых различных ВУЗов, международных организаций, аккредитованных в Таджикистане и сотрудников правоохранительных органов для подготовки комментария к УПК Республики Таджикистан.

6. Пересмотреть предусмотренные сроки в УПК Республики Таджикистан, так как действующий уголовно-процессуальный порядок во многом не соответствует тем срокам, которые установлены для производства ряда процессуальных действий и принятия решений, а также форм производства, в частности дознания и его отдельных видов.

7. Действующий порядок производства предварительного расследования, предусмотренный в УПК Республики Таджикистан не учитывает реалий правоприменительной практики в деятельности следователей, в основном системы МВД Таджикистана.

8. Регламентация в УПК Республики Таджикистан подследственности уголовных дел между следователями различных ведомств и полномочия прокурора в этом вопросе, нуждаются в совершенствовании, так как достаточно категоричные предписания в этом вопросе не отражены.

9. На законодательном и организационно-структурном уровне принять меры для обеспечения процессуальной самостоятельности следователя, необходимого для производства всестороннего, полного и объективного расследования уголовного дела.

10. С целью улучшения качества расследования и сложившейся ситуацией с объемом уголовных дел, необходимо увеличение штатной численности следователей.

11. Предложить законодателю во исполнение предписаний принципа равенства и состязательности сторон в уголовном процессе, независимости (беспристрастности) суда, а также и другими корреспондирующими принципами уголовного процесса в целях обеспечения правильного концептуального уточнения полномочий суда, необходимо исключить право суда возбуждать уголовные дела из ч. 1 ст. 35 УПК Республики Таджикистан.

12. Признать необходимость совершенствования правоприменительной практики и устранение нормативных коллизий, связанных с применением отдельных мер пресечения, ограничивающих/затрагивающих основные конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства.

13. Предложить законодателю уточнять и по мере возможности в процедуре внесения изменений и дополнений в текст УПК Республики Таджикистан привлекать в качестве независимых экспертов из числа ученых различных ВУЗов, международных организаций, аккредитованных в Таджикистане и сотрудников правоохранительных органов предлагать свои взгляды и мнения по обсуждаемым законопроектам.

14. Опубликовать сборник материалов Международной научно-практической конференции «Предварительное расследование и перспективы его развития» для использования в практической деятельности, а также в научно-исследовательской деятельности и учебном процессе.

РҶӢХАТИ

иштирокчиёни конференсияи байналмиллалии илмӣ-амалӣ «Тафтишоти пешакӣ ва дурнамоии инкишофи он» ва баромади онҳо
(ш. Душанбе, 7 апрели соли 2018)

1. Раҳимзода Рамазон Ҳамро, Вазири корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқ, Ҳуқуқшиноси шоистаи Тоҷикистон, генерал-полковники милитсия, сухани ифтитоҳӣ.

2. Салимзода Шерхон Одина, Директори Агентии назорати маводи нашъаовари назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, генерал-лейтенанти адлия, маъруза дар мавзӯи «Ислоҳоти кодекси мурофиаивии ҷиноятӣ дар даврони истиқлолият».

3. Гладышева Ольга Владимировна, д.и.х., профессор, сардори кафедраи мурофиаи ҷиноятӣ Донишгоҳи давлатии Кубани Федератсияи Россия, маъруза дар мавзӯи «Проблемы реализации идеи справедливости в деятельности органов предварительного расследования».

4. Маҳмадализода Алишер Маҳмадалӣ, сардори Раёсати тафтишотии ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, полковники милитсия, маъруза дар мавзӯи «Зарурати ислоҳот дар мақомоти тафтишот ва ворид намудани тағйиру иловаҳо ба КМЧ».

5. Семенцов Владимир Александрович, д.и.х., профессор, профессори кафедраи мурофиаи ҷиноятӣ Донишгоҳи давлатии Кубани Федератсияи Россия, маъруза дар мавзӯи «Процессуальные способы и формы собирания доказательств по УПК Республики Таджикистан».

6. Искандаров Зайниддин Ҳамидович, д.и.х., профессор, профессори кафедраи ҳуқуқи судӣ ва назорати прокуратурии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, маъруза дар мавзӯи «Тобеияти тафтишотӣ ё тафтишӣ: моҳият, намуд, ҳадди татбиқ, муҳимият ва оқибат».

7. Муродзода Бобокалон Рачаб, Раиси коллегияи судӣ оид ба парвандаҳои ҳуқуқвайронкунии маъмурии Суди Олӣ, маъруза дар мавзӯи «Проблемаҳои назорати судӣ дар тафтишоти пешакӣ».

8. Нуриддинов Саидбек Ҳасанович, Раиси Иттифоқи адвокатҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон, маъруза дар мавзӯи «Нақши ҷимоятгар дар тафтишоти пешакӣ».

9. Ҳомидзода Саидҷаъфар Файзалӣ, прокурори Раёсати назорати иҷроӣ қонунҳо дар мақомоти корҳои дохилӣ ва назорати маводи нашъаовари Прокуратураи генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон, маъруза дар мавзӯи «Тафтиши пешакӣ ва дурнамои инкишофи он».

10. Маҳмудов Изатулло Тешаевич, н.и.х., дотсент, мудири кафедраи ҳуқуқи судӣ ва назорати прокуратурии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи

миллии Тоҷикистон, маъруза дар мавзӯӣ «Прокурорский надзор как гарантия обеспечения законности на предварительном следствии».

11. Шафизода Рустам Исмоил, сардори Раёсати таҳқиқи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, генерал-майори милитсия, маъруза дар мавзӯӣ «Масъалаи муҳлати пешбурди таҳқиқ».

12. Муҳитдинов Алишер Абдувоҳидович, н.и.х., дотсенти кафедраи ҳуқуқи судӣ ва назорати прокурории Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Ҷумҳурии Тоҷикистон, маъруза дар мавзӯӣ «Становление и развитие института следователей».

13. Муҳаммадизода Муҳаммадӣ Толиб, сардори Раёсати ташхиси-криминалистӣ ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, генерал-майори милитсия, маъруза дар мавзӯӣ «Давраҳои ташаккулёбии тафтишоти мақомоти корҳои дохилӣ».

14. Низомзода Насриддин, муовини сардори Раёсати тафтишоти Агенсии назорати давлатии молиявӣ ва мубориза бо коррупсия, подполковники адлия, маъруза дар мавзӯӣ «Мустақилияти муҳофизатии муфаттиш».

15. Нозиров Накиб Алиевич, сардори факултети №1 Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, н.и.х., полковники милитсия, маъруза дар мавзӯӣ «Нақши роҳбари мақомоти ҳифзи ҳуқуқ дар пешбурди тафтишоти пешакӣ».

16. Рауфов Фаррух Халилович, муовини сардори Раёсати назорати тафтишоти пешакӣ мақомоти прокуратураи генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон, маъруза дар мавзӯӣ «Мушкилоти бандубаст ва тафтиши ҷинояти ҳаракати зӯрварии дорой хусусияти шахвонӣ».

17. Оқилов Фозил Олимович, Директори маркази тақмили ихтисоси адвокатҳо, маъруза дар мавзӯӣ «Проблемаҳои назорати прокурорӣ ва судӣ дар тафтишоти пешакӣ».

18. Арипов Анвар Лутфиллоевич, н.и.х., сардори кафедраи муҳофизатии ҷинояти Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, подполковники милитсия, маъруза дар мавзӯӣ «Таъсис додани мақомоти ягонаи тафтишотӣ ва мустақилияти муҳофизатии муфаттиш».

19. Раҷабов Абдулмачид Самадович, сардори кафедраи фанҳои ҳуқуқии Мактаби олии КДАМ Ҷумҳурии Тоҷикистон, полковники адлия, маъруза дар мавзӯӣ «К вопросу формирования единого следственного органа на примере РФ».

20. Қаландаров Амир Давлатшоевич, сардори шуъбаи тафтиши ҷиноятҳо дар самти кофтукови ҷинояти Раёсати тафтишоти ВКД

Ҷумҳурии Тоҷикистон, полковники милитсия, маъруза дар мавзӯӣ «Муфаттиш ва мустақилияти муурофиавии ӯ».

21. Самиев Назар Мурадович, сардори факултети №6 Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, н.и.х., полковники милитсия, маъруза дар мавзӯӣ «Проблемы расследования нераскрытых преступлений в Республики Таджикистан».

22. Саидзода Заррух, сардори шуъбаи тафтишотии Агентии назорати маводи нашъаовари назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, майори хизмати назорати маводи нашъаовар, маъруза дар мавзӯӣ «Мушкилоти мустақилияти муурофиавии муфаттиш аз руи амалҳои тафтишотие, ки бо иҷозати суд иҷро мегарданд».

23. Акмалзода Нодирхон, сардори шуъбаи-1 Раёсати тафтишотии Агентии назорати давлатии молиявӣ ва мубориза бо коррупсия, майори адлия, маъруза дар мавзӯӣ «Масъалаи таъсис додани мақомоти ягонаи тафтишоти дар ҷумҳурӣ».

24. Юлдошев Рифат Раҳмадҷонович, сардори шуъбаи адъюнктураи Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, н.и.х., дотсент, майори милитсия, маъруза дар мавзӯӣ «Тафтишоти пешакӣ ва дурнамоии инқишофи он дар Ҷумҳурии Тоҷикистон».

25. Исмоилзода Ҳайтмурод Дадомат, муфаттиши калони Раёсати тафтиши парвандаҳои ҷиноятӣ махсусан муҳими Прокуратураи генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон, маъруза дар мавзӯӣ «Муфаттиш ва мустақилияти муурофиавии ӯ».

26. Ғанизода Мансур Қадаммурод, муфаттиши Раёсати тафтиши парвандаҳои ҷиноятӣ махсусан муҳими Прокуратураи генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон, маъруза дар мавзӯӣ «Тафтишоти пешакии давлатҳои хориҷа».

27. Шарифзода Вафоиддин, муаллими калони кафедраи муурофиаи ҷиноятӣ, подполковники милитсия, маъруза дар мавзӯӣ «Аҳамияти криминалогии кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон».

28. Бобочонов Нуриддин Муҳитдинович, муаллими калони кафедраи муурофиаи ҷиноятӣ Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, подполковники милитсия, маъруза дар мавзӯӣ «Иштироки коршинос (эксперт) ва мутахассис дар тафтишоти пешакӣ».

ТАФТИШОТИ ПЕШАКӢ ВА ДУРНАМОИ ИНКИШОФИ ОН

**Маводи конференсияи байналмилалӣ илмӣ-амалӣ
(Душанбе, 07 апрели соли 2018)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

**Материалы международной научно-практической конференции
(Душанбе, 07 апреля 2018 года)**

Ба матбаа 30.07.2018 тахвил гардид. Чопаш 08.09.2018
ба имзо расид. Коғазӣ офсет. Андозаи 60x84 1/8.
Љузъи ҷоии шартӣ 31,0. Адади нашр 100 нусха.
Супориши № 296. Нархаш шартномавӣ.

Дар матбааи ҶДММ «ЭР-граф» ба таърифи расидааст.
734036, ш. Душанбе, кӯчаи Р. Набиев 218.
Тел.: (+992 37) 227-39-92. E-mail: r-graph@mail.ru